НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

I.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ.

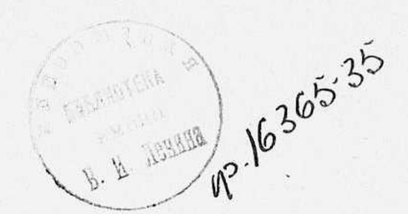
ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦІИ.

Переводъ подъ редакціею **И. М. ГРЕВСА.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

РИМСКАЯ ГАЛЛІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Альтшулера, Эртелевъ пер. д. № 17—9.
1901.

Съ 1-го по 18 листа включительно, печаталось въ типографіи
А. Пороховщикова. Спб. Бассейная 3—5.
Съ 19 по 26 листа, обложка, титулъ и предисловія печатались въ типографіи Альтшулера. Спб. Эртелевъ пер. 17—9.

РИМСКАЯ ГАЛЛІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

(ОТЪ РЕДАКТОРА).

Знаменитое во Франціи, хорошо извѣстное на западѣ вообще, а также у насъ и само по себѣ замѣчательное сочиненіе Фюстель де-Куланжа *(Fustel de Coulanges)*— *„Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“* долго ждало русскаго перевода. Въ современной литературѣ всѣхъ образованныхъ народовъ прочно утвердился обычай какъ бы переносить къ себѣ великія произведенія научнаго и художественнаго генія другихъ націй, передавая ихъ на родномъ языкѣ. Такъ удается тѣсно вводить ихъ въ число непосредственныхъ орудій просвѣщенія, доступныхъ для большинства членовъ культурной части своего общества и своихъ юныхъ поколѣній. Практика переводовъ особенно широко развилась и продолжаетъ развиваться у насъ: самое положеніе нашей образованности среди другихъ и наша сравнительная интеллектуальная юность побуждаетъ насъ черпать въ глубокомъ и превосходномъ источникѣ западной науки и западной поэзіи обильные и разнообразные элементы цивилизаціи и вдохновенія. Нельзя,

конечно, всегда одобрить выборъ сочиненій, появляющихся въ русскомъ переводѣ; иногда можетъ даже показаться невполнѣ нормальнымъ самый фактъ появленія на русскомъ языкѣ такого множества нерѣдко второстепенныхъ и третьестепенныхъ, часто даже прямо плохихъ иностранныхъ книгъ. Но слѣдуетъ считать совершенно правильнымъ стремленіе каждой національной литературы какъ бы пріобщать къ своимъ духовнымъ сокровищамъ чужіе классическіе или просто крупные образцы, украшающіе различныя области знанія и творчества.

Фюстель де-Куланжъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ числу такихъ первоклассныхъ умовъ, работа которыхъ могущественнымъ образомъ двигаетъ не только успѣхи избираемой ими отрасли науки, но и общее развитіе идей и теоретическаго мышленія. Одинъ безпристрастный французскій критикъ сравниваетъ вліяніе этого ученаго на прогрессъ науки въ области исторіи и общей методологіи съ тѣмъ, какое принадлежало дѣятельности Монтескьё въ прошломъ вѣкѣ [1]. Нашъ замѣчательный историкъ, московскій профессоръ П. Г. Виноградовъ, вообще довольно строго относящійся къ „итогамъ и пріемамъ“ работы высокодаровитаго французскаго ученаго, тѣмъ не менѣе прямо говоритъ слѣдующее: „Съ тремя именами связано представительство Франціи въ современной исторической наукѣ: *Жизнь Іисуса* Ренана, *Происхожденіе современной Франціи* Тэна и *Гражданская община античнаго міра* Фюстель де-Куланжа извѣстны болѣе или менѣе всѣмъ образованнымъ людямъ. Успѣхъ послѣдней книги, можетъ быть, наиболѣе достоинъ замѣчанія. Она стоитъ вдали отъ жгучихъ вопросовъ настоящаго и, тѣмъ не менѣе, вызвала интересъ среди обширной публики и существенно повліяла на ея взгляды. Тайна такого успѣха не во внѣшнихъ достоинствахъ только; изящество, ясность изложенія, стройность аргументаціи сами по себѣ недостаточны для того, чтобы объяснить эту выходящую изъ ряда и весьма прочную популярность: преимущества формы тѣсно связаны въ данномъ случаѣ съ богатствомъ содержанія“ [1].

¹ См. некрологъ Фюстель де-Куланжа въ „*Revue Historique*“, 1889, nov.-déc.

Общеевропейскую извѣстность завоевало Фюстель де-Куланжу именно это первое его сочиненіе общаго характера—„*La cité antique*“ (вышедшее въ 1864 г. и потомъ переведенное на всѣ европейскіе языки) [2].

Второй капитальный трудъ Фюстель де-Куланжа, составлявшій для него самую важную и дорогую задачу жизни—„*Исторія общественнаго строя древней Франціи*“—изучался за предѣлами родины историка гораздо меньше или, вѣрнѣе, менѣе спокойно и доброжелательно, чѣмъ выше названная его работа по древней исторіи и, можетъ быть, потому цѣнится тамъ не такъ высоко, какъ должно. Между тѣмъ въ немъ и въ многочисленныхъ спеціальныхъ „разысканіяхъ“, располагающихся около

¹ „Русская мысль“, 1890, январь.
² Спеціально въ Россіи книга эта вызвала три перевода.

него въ качествѣ подготовительныхъ къ нему работъ и дополняющихъ его этюдовъ, лежитъ самая главная сущность великой ученой, научной и идейной заслуги автора, какъ реально (по содержанію), такъ и формально (по методу); въ немъ заключаются самые капитальные по новизнѣ и значенію результаты его, можно сказать, реформаторской въ наукѣ дѣятельности. Здѣсь проявляется во всей полнотѣ громадный талантъ и поразительная эрудиція автора; здѣсь познаются всѣ созданные или самостоятельно поставленные имъ пріемы изслѣдованія; здѣсь же рядомъ открываются тѣ своеобразности его міровоззрѣнія и способовъ работы, которыя должны пробуждать въ читателѣ критическую мысль. — Блестящія и могучія свойства исключительнаго ученаго и писательскаго таланта Фюстель де-Куланжа не могли не производить яркаго, глубокаго и неотразимаго впечатлѣнія на тѣхъ, въ чьи руки прежде всего попадали его книги, то-есть, представителей ученаго а потомъ вообще образованнаго міра. Онѣ дѣйствительно вызывали горячее увлеченіе или страстный протестъ, но врядъ ли могли онѣ оставить равнодушнымъ сколько-нибудь чуткаго и заинтересованнаго наукою читателя, не говоря уже объ историкахъ по призванію. Въ силу этого дѣятельность его должна была породить большое возбужденіе мысли и работы, и онъ самъ сдѣлался вдохновителемъ разнообразныхъ научныхъ начинаній. Широкая постановка задачи изслѣдованія, всегда освѣщавшаяся общеисторической точкою зрѣнія, опиралась у Фюстель де-Куланжа на колоссальную массу знаній, которыми онъ располагалъ, какъ господинъ.

Выдающіяся качества ученаго дарованія историка, соединенныя съ неуклоннымъ стремленіемъ его постоянно и систематически пользоваться своею замѣчательною эрудиціею для твердаго и полнаго обоснованія своихъ взглядовъ и выводовъ, поддержанныя сильно и глубоко выраженною природною склонностью строить новыя гипотезы, вырабатывать новые методы, естественно ставятъ его въ положеніе главы, если не новой исторической школы, то особой, ярко и самостоятельно окрашенной группы искателей и истолкователей прошлаго. Сила и прочность вліянія его крупной индивидуальности во много разъ увеличивалась тѣмъ, что онъ развивалъ свои идеи не только путемъ печати въ превосходныхъ сочиненіяхъ, но и помощью живого и краснорѣчиваго слова съ профессорской каѳедры, продолжительнымъ авторитетнымъ преподаваніемъ [1] и плодотворнымъ научнымъ руководительствомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ теоріи Фюстель де-Куланжа носятъ на себѣ печать такой острой личной оригинальности, и онѣ настолько противорѣчатъ ходячимъ мнѣніямъ; онъ выражаетъ кромѣ того свои взгляды настолько смѣло и рѣзко, не опасаясь обвиненія въ односторонности, не избѣгая жестокихъ нападокъ на противниковъ и не страшась жаркой полемики съ ними, не щадя самолюбія несогласныхъ; онъ настолько твердо вѣритъ въ непоколебимую истину

[1] Фюстель де-Куланжъ началъ свою преподавательскую дѣятельность въ Страсбургѣ еще до отобранія этого города у Франціи въ 1871 году, потомъ былъ профессоромъ средневѣковой исторіи въ Сорбоннѣ и директоромъ парижской „Ecole Normale Supérieure“.

своихъ взглядовъ послѣ того, какъ выковалъ ихъ на огнѣ долгаго, упорнаго, проницательнаго изслѣдованія и какъ будто такъ властно требуетъ принятія ихъ,—что дѣятельность его не могла привести лишь къ образованію около него круга преданныхъ учениковъ и убѣжденныхъ адептовъ, которые привлекались силою его вліянія къ продолженію его трудовъ и разработкѣ его идей. Онъ долженъ былъ также сплотить противъ себя представителей противоположныхъ доктринъ и пріемовъ, направленій и вкусовъ для критики его сочиненій, опроверженія его теорій, борьбы противъ распространенія его воззрѣній.

Указанными главными особенностями научной физіономіи Фюстель де-Куланжа и его идейнаго темперамента предопредѣлялось мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять въ новѣйшей европейской исторіографіи. Всего непосредственнѣе и быстрѣе, сильнѣе и шире долженъ онъ былъ повліять на содержаніе и ходъ развитія французской исторической науки. Здѣсь онъ дѣйствительно является первокласснымъ двигателемъ, обновителемъ гипотезъ и методовъ, великимъ новаторомъ, несомнѣннымъ главою новѣйшей французской исторической школы строгаго текстуальнаго изученія прошлаго человѣчества и генетическаго построенія эволюціи его культуры. Можно сказать, что въ современномъ (уже старѣющемъ) поколѣніи французскихъ историковъ большая часть видныхъ талантовъ и замѣчательныхъ изслѣдователей являются либо прямыми учениками Фюстель де-Куланжа, либо такъ или иначе находятся въ зависимости отъ его ученыхъ воззрѣній. Даже тѣ

изъ нихъ, которые особенно рѣзко расходятся съ ними и идутъ по нѣсколько инымъ путямъ, чѣмъ указанные имъ, или которые подвергались съ его стороны особенно суровымъ нападеніямъ,—всѣ съ почтеніемъ отдаютъ ему первое мѣсто среди новѣйшихъ французскихъ историковъ и признаютъ, что сами многому научились у него [1]. Такая оцѣнка заслуги Фюстель де-Куланжа нашла уже послѣ смерти великаго историка торжественную санкцію въ рѣшеніи высшаго ученаго учрежденія Франціи, такъ называемаго „Института“, почтить „дѣло Фюстель де-Куланжа“ большою преміею [2].

Всѣ причастные къ исторической наукѣ люди въ ученомъ мірѣ другихъ культурныхъ націй Европы, конечно, также знаютъ работы Фюстель де-Куланжа по исторіи средневѣкового общественнаго строя. Ихъ читали съ интересомъ и вниманіемъ, когда онѣ появились впервые. Но были обстоятельства, которыя помѣшали здѣсь вырости тому увлеченію научными построеніями великаго мастера, которымъ охвачена была значительная часть не только ученаго, но и просто интеллигентнаго французскаго общества. Отчасти вина тутъ лежитъ на самомъ авторѣ. Исключительность нѣкоторыхъ его идей, которыя ставятся притомъ

[1] См., напримѣръ, безпристрастную и благородную замѣтку о трудахъ Фюстель де-Куланжа, написанную послѣ его смерти Габріэлемъ Моно (*Monod*), котораго онъ рѣзко и, надо сказать, несправедливо обвинялъ въ непониманіи истинно научнаго метода исторіи въ *Rev. Hist.* 1889, nov.-déc.

[2] Ниже приложенъ переводъ мотивированнаго постановленія Института объ этомъ.

слишкомъ рѣзко и проводятся слишкомъ далеко, причемъ тѣмъ легче обнаруживается то, что въ нихъ есть по существу преувеличеннаго, одностороннято или даже ложнаго, а въ обоснованіи ихъ неправильнаго, искусственнаго, иногда насильственнаго,—она именно возбуждала сомнѣніе въ вѣрности его выводовъ; непримиримое отрицаніе теорій, казавшихся до него общепризнанными, и нерѣдко горделивое отношеніе къ ихъ авторамъ или сторонникамъ, вызывала недовольство и оскорбленіе.—Отмѣченныя здѣсь крайности были причиною извѣстной реакціи противъ идей и направленія, которыя хотѣлъ провести и основать Фюстель де-Куланжъ. Онѣ, такимъ образомъ, значительно сузили сферу его научнаго воздѣйствія; онѣ обусловили въ другихъ странахъ либо сдержанную оцѣнку его роли въ наукѣ и скептическое отношеніе къ его выводамъ и потому недостаточное пользованіе результатами его работы,—либо даже враждебное отрицаніе серьезнаго значенія за его трудами. Больше всего оцѣнили положительныя стороны пріемовъ и итоговъ работы Фюстель де-Куланжа англійскіе историки, особенно же опредѣленную антипатію къ дѣятельности его высказали представители нѣмецкой исторіографіи. Отношеніе это воплотилось однако не въ систематическомъ опроверженіи гипотезъ автора и доказательствѣ ошибочности его метода, а въ послѣдовательномъ замалчиваніи его сочиненій и выводовъ или почти голословномъ утвержденіи о ненаучности его работы. Такое неспокойное и вслѣдствіе этого несправедливое отношеніе къ Фюстель де-Куланжу въ Германіи не можетъ объясняться только

научными мотивами, кроющимися въ его собственныхъ недостаткахъ; здѣсь сильно и пристрастно дѣйствовали патріотическія предубѣжденія. Фюстель де-Куланжъ разрушалъ въ своихъ теоріяхъ безъ всякаго сожалѣнія излюбленную нѣмецкою школою идею о первенствующей роли германскаго начала въ процессѣ созданія культуры ново-европейскихъ народовъ; онъ круто обходился со взглядами непререкаемыхъ въ Германіи ученыхъ авторитетовъ, слишкомъ мало, казалось, цѣня работу почтенныхъ для нихъ и всѣми признанныхъ ученыхъ; это заставило нѣмецкую школу закрыть глаза на все, что было замѣчательнаго въ талантѣ Фюстель де-Куланжа, новаго, вѣрнаго и крупнаго въ добытыхъ имъ результатахъ. Только немногіе въ Германіи отдали ему должную честь и воспользовались тѣмъ, что онъ сдѣлалъ [1].

Теперь время перваго впечатлѣнія давно прошло, страсти могутъ успокоиться, обиженное чувство улечься, національное пристрастіе замѣтить свою несправедливость. Недостатки Фюстель де-Куланжа подмѣчены и опредѣлены; относясь къ нимъ съ критическою осторожностью, можно безпрепятственно пользоваться тѣмъ огромнымъ матеріаломъ, который онъ даетъ, и тѣмъ превосходнымъ построеніемъ, открывающимъ необъятные и свѣтлые горизонты, которое создано его трудомъ и

[1] Такъ, напримѣръ, рѣзко отрицательно высказались не только по отношенію къ результатамъ работы Фюстель де-Куланжа, но и по отношенію къ научности ея пріемовъ такіе выдающіеся вожди нѣмецкой исторической школы, какъ Георгъ Вайтцъ (*Gesammelte Abhandlungen*, p. 597) и Г. Бруннеръ (*Deutsche Rechtsgeschichte*, II, 2).

слишкомъ рѣзко и проводятся слишкомъ далеко, причемъ тѣмъ легче обнаруживается то, что въ нихъ есть по существу преувеличеннаго, одностороняго или даже ложнаго, а въ обосновании ихъ неправильнаго, искусственнаго, иногда насильственнаго,—она именно возбуждала сомнѣніе въ вѣрности его выводовъ; непримиримое отрицаніе теорій, казавшихся до него общепризнанными, и нерѣдко горделивое отношеніе къ ихъ авторамъ или сторонникамъ, вызывала недовольство и оскорбленіе.—Отмѣченныя здѣсь крайности были причиною извѣстной реакціи противъ идей и направленія, которыя хотѣлъ провести и основать Фюстель де-Куланжъ. Онѣ, такимъ образомъ, значительно сузили сферу его научнаго воздѣйствія; онѣ обусловили въ другихъ странахъ либо сдержанную оцѣнку его роли въ наукѣ и скептическое отношеніе къ его выводамъ и потому недостаточное пользованіе результатами его работы,—либо даже враждебное отрицаніе серьезнаго значенія за его трудами. Больше всего оцѣнили положительныя стороны пріемовъ и итоговъ работы Фюстель де-Куланжа англійскіе историки, особенно же выопредѣленную антипатію къ дѣятельности его высказали представители нѣмецкой исторіографіи. Отношеніе это воплотилось однако не въ систематическомъ опроверженіи гипотезъ автора и доказательствѣ ошибочности его метода, а въ послѣдовательномъ замалчиваніи его сочиненій и выводовъ или почти голословномъ утвержденіи о ненаучности его работы. Такое неспокойное и вслѣдствіе этого несправедливое отношеніе къ Фюстель де-Куланжу въ Германіи не можетъ объясняться только

научными мотивами, кроющимися въ его собственныхъ недостаткахъ; здѣсь сильно и пристрастно дѣйствовали патріотическія предубѣжденія. Фюстель де-Куланжъ разрушалъ въ своихъ теоріяхъ безъ всякаго сожалѣнія излюбленную нѣмецкою школою идею о первенствующей роли германскаго начала въ процессѣ созданія культуры ново-европейскихъ народовъ; онъ круто обходился со взглядами непререкаемыхъ въ Германіи ученыхъ авторитетовъ, слишкомъ мало, казалось, цѣня работу почтенныхъ для нихъ и всѣми признанныхъ ученыхъ; это заставило нѣмецкую школу закрыть глаза на все, что было замѣчательнаго въ талантѣ Фюстель де-Куланжа, новаго, вѣрнаго и крупнаго въ добытыхъ имъ результатахъ. Только немногіе въ Германіи отдали ему должную честь и воспользовались тѣмъ, что онъ сдѣлалъ [1].

Теперь время перваго впечатлѣнія давно прошло, страсти могутъ успокоиться, обиженное чувство улечься, національное пристрастіе замѣтить свою несправедливость. Недостатки Фюстель де-Куланжа подмѣчены и опредѣлены; относясь къ нимъ съ критическою осторожностью, можно безпрепятственно пользоваться тѣмъ огромнымъ матеріаломъ, который онъ даетъ, и тѣмъ превосходнымъ построеніемъ, открывающимъ необъятные и свѣтлые горизонты, которое создано его трудомъ и

[1] Такъ, напримѣръ, рѣзко отрицательно высказались не только по отношенію къ результатамъ работы Фюстель де-Куланжа, но и по отношенію къ научности ея пріемовъ такіе выдающіеся вожди нѣмецкой исторической школы, какъ Георгъ Вайтцъ (*Gesammelte Abhandlungen*, p. 597) и Г. Бруннеръ (*Deutsche Rechtsgeschichte*, II, 2).

талантомъ. Обязанность всякаго научнаго дѣятеля, который самъ многому научился у Фюстель де-Куланжа, заботиться о сближеніи съ нимъ всякаго интересующагося историческою наукою. Съ радостью принимаясь за обработку русскаго перевода его главнаго сочиненія — „Исторія общественнаго строя древней Франціи", редакторъ этого перевода, по мѣрѣ силъ, стремится выполнить часть такого долга по отношенію къ автору и къ русской читающей публикѣ. Рекомендуя послѣдней этотъ переводъ, онъ не задается цѣлью въ настоящей краткой замѣткѣ характеризовать дѣятельность Фюстель де-Куланжа, хотя бы съ нѣкоторыхъ сторонъ. Онъ только обращаетъ вниманіе на великое значеніе этого труда, надѣясь впослѣдствіи представить спеціальный этюдъ, посвященный знаменитому французскому историку [1]. Теперь для общаго знакомства съ его личностью, идеями и работою лучше всего обращаться къ небольшой книгѣ одного изъ ближайшихъ учениковъ его—*Paul Guiraud*, Fustel de Coulanges (Paris, 1896): это самое полное обозрѣніе его дѣятельности, написанное обстоятельно, дающее правильное понятіе объ авторѣ, проникнутое сочувствіемъ и благоговѣніемъ къ учителю, но чуждое пристрастія и панегиризма [2].

[1] См. краткое указаніе на значеніе Фюстель де-Куланжа и его заслугу въ изученіи соціальной исторіи римскаго міра въ книгѣ—И. М. Гревса, „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія", томъ I, стр. XVI; 22—28; 604—607. (Спб. 1899).—Оттуда взятъ отрывокъ и для настоящаго предисловія.

[2] Эта хорошая книга вполнѣ доступна у насъ, благодаря тому, что переведена на русскій языкъ (въ Москвѣ въ 1898 г. изд. тов. „Книжное Дѣло").

Однако, чтобы хоть нѣсколько ввести читателей въ ознакомленіе съ большимъ трудомъ Фюстель де-Куланжа, слѣдуетъ указать, по крайней мѣрѣ въ двухъ словахъ, ту идею, которая составляетъ его основной фонъ и главную двигательную силу. Извѣстно, что еще въ концѣ прошлаго вѣка возникла знаменитая ученая контроверза о томъ, изъ какого источника вышла древняя культура современныхъ европейскихъ народовъ—изъ римскаго или германскаго. Такъ образовались двѣ большія школы—*романистовъ* и *германистовъ*, представители которыхъ наперерывъ доказывали преобладаніе и торжество того или другого *расоваго* вліянія въ процессѣ сложенія соціальнаго строя и духовнаго развитія Европы, и изъ этого преобладанія и торжества дѣлали выводъ о преимуществѣ германскаго или романскаго „*духа*". Много было ненаучнаго въ теоріяхъ старыхъ германистовъ и романистовъ; но споръ ихъ тѣмъ не менѣе двигалъ науку плодотворно и успѣшно, ставя вопросы и постепенно выясняя ихъ во взаимной борьбѣ двухъ школъ. Въ европейской исторіографіи попеременно одерживали верхъ то одно, то другое воззрѣніе, причемъ строгость метода и научная ясность и „историчность" теорій мало по малу прогрессировали, очищаясь отъ неопредѣленности, метафизической отвлеченности и патріотическихъ предразсудковъ. Въ ту эпоху, когда выступалъ съ своими изслѣдованіями Фюстель де-Куланжъ, несомнѣнное господство въ ученой литературѣ при-

надлежало взглядамъ германистовъ, получившимъ большую научную твердость и серьезный авторитетъ въ капитальныхъ трудахъ Вайтца и Рота и солидныхъ работахъ тѣхъ группъ преимущественно нѣмецкихъ историковъ и юристовъ, которыя къ нимъ примыкали.—Фюстель де-Куланжъ снова съ громадною силою поставилъ на очередь идею о великой исторической роли римской традиціи, какъ средство найти отвѣтъ на коренной вопросъ о связи между „древнимъ" и „новымъ" міромъ. Но этотъ „новый романизмъ" рисуется въ его замѣчательныхъ трудахъ не какъ возрожденное ученіе о побѣдѣ въ исторіи культурныхъ народовъ европейскаго запада одного расоваго начала надъ другимъ, ученіе, которое само по себѣ болѣе или менѣе сомнительно. То, что было „романизмомъ" у предшественниковъ Фюстель де-Куланжа, выростаетъ у него въ широкую концепцію о непрерывности историческаго развитія европейскихъ народовъ, въ великую идею о живучести могучаго культурнаго преданія и о необходимости торжества его надъ варварствомъ. Эта теорія въ такомъ переработанномъ видѣ впервые примѣнена была знаменитымъ авторомъ съ полнымъ и блистательнымъ успѣхомъ къ истолкованію общаго хода и внутренней сущности одного изъ самыхъ трудныхъ кризисовъ въ исторіи человѣчества. Онъ проводитъ съ рѣдкою силою и нерѣдко съ побѣдоносною убѣдительностью рѣшительный тезисъ о глубинѣ и продолжительности вліянія формъ и институтовъ общественнаго строя, которые сложились въ римскомъ мірѣ, на дальнѣйшую эволюцію европейскихъ государствъ. — Такимъ образомъ, *романизмъ* Фюстель де Куланжа является дѣйствительно признакомъ *культурнымъ*, а *не расовымъ*, и онъ гораздо лучше и глубже способствуетъ достовѣрному и полному („историчному") проведенію и осуществленію принциповъ эволюціоннаго изученія и понятію о генезисѣ, чѣмъ старая теорія, которая носитъ это имя.—Именно поэтому его „романизмъ" совсѣмъ не похожъ на „германизмъ" его противниковъ не только по содержанію самой гипотезы, но и по основнымъ чертамъ, составляющимъ ея природу. Авторъ отчетливо заявляетъ, что не выводитъ *средневѣкового* строя изъ однихъ *римскихъ* корней, но изображаетъ его *сложнымъ* результатомъ развитія и перерожденія *древнихъ* началъ въ *новой исторической средѣ*, подъ *новыми вліяніями*, возникшими и выросшими съ теченіемъ временъ [1]. Онъ только сравнительно мало видитъ въ этихъ новыхъ вліяніяхъ „специфически германскихъ" положительныхъ элементовъ.

Сущность взглядовъ и метода Фюстель де-Куланжа лучше всего обнаружится изъ чтенія и изученія именно его „Исторіи общественнаго строя древней Франціи". Самое великое зданіе будетъ говорить за себя; кромѣ того авторъ, создавая его, постоянно высказываетъ множество общихъ и частныхъ замѣчаній принципіальнаго характера, которыя разъясняютъ его воззрѣнія на исторію и обязанность историка. Но для

[1] Вотъ почему авторъ оскорблялся, когда противники называли его романистомъ (см. *Guiraud*, Fustel de Coulanges, pp. 138; 143), что они однако продолжали дѣлать очень упорно (см., напримѣръ, *Brunner*, Deutsche Rechtsgeschichte, II, 2).

того, чтобы читатель составилъ себѣ предварительное сужденіе о томъ, какъ авторъ самъ смотрѣлъ на планъ и задачу своего сочиненія, полезно здѣсь напомнить то, что онъ говорилъ во введеніи, которое предпослалъ первому тому его при первомъ появленіи въ свѣтъ. — Фюстель де-Куланжъ задается здѣсь цѣлью сдѣлать для исторіи французскихъ учрежденій то же, что сдѣлалъ раньше для греко-римскихъ.—Онъ находитъ въ первыхъ ту же основную черту, регулирующую развитіе, какую отыскалъ и формулировалъ въ послѣднихъ. Если смотрѣть на нихъ издали, они рисуются ненормальными, ихъ движеніе насильственнымъ; но если изучать ихъ вблизи, обнаружится, что въ происхожденіи ихъ нѣтъ ничего случайнаго, въ ихъ ростѣ ничего произвольнаго.—„Учрежденія, говоритъ онъ, никогда не являются дѣломъ воли одного человѣка, даже воли цѣлаго народа не достаточно для ихъ образованія. Факты человѣческой жизни, которые ихъ производятъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть измѣнены по капризу одного поколѣнія. Народы управляются не такъ, какъ имъ нравится, а какъ того требуетъ совокупность ихъ интересовъ“.—Фюстель де-Куланжъ предполагалъ, начиная изученіе исторіи общественнаго строя древней Франціи съ эпохи возникновенія франкскаго королевства на почвѣ романизованной Галліи, довести ее до 1789-го года, объединивъ, такимъ образомъ, въ одно стройное цѣлое все долгое прошлое Франціи. — Онъ наблюдаетъ въ процессѣ эволюціи общественнаго строя Франціи отъ паденія римской Имперіи до паденія стараго порядка двѣ

главныя революціи, изъ которыхъ могутъ быть выведены, или къ которымъ приводятся всѣ остальныя. — „Первая совершилась въ началѣ средневѣковья; она измѣнила порядокъ земельной собственности и установила систему патронатныхъ отношеній между личностями; — изъ нея вышелъ феодализмъ. — Вторая, происшедшая въ XIII и XIV вѣкахъ, измѣнила организацію суда;— изъ нея выросла монархія“.—„Мы изучимъ, сообщаетъ тутъ же авторъ, всѣ періоды исторіи Франціи, разсматривая всѣ различныя стороны жизни общества. Чтобы узнать, какъ управлялось каждое поколѣніе, мы должны будемъ разобрать его соціальный бытъ, интересы, нравы, умственное состояніе; мы будемъ сопоставлять со всѣмъ этимъ организацію общественной власти, которая руководила политическою жизнью народа и общества, формы, въ какихъ отправлялось правосудіе, повинности, какія общество несло въ видѣ налоговъ или воинской службы. Прослѣдивъ все это изъ вѣка въ вѣкъ, мы должны будемъ показать, что̀ между вѣками есть общаго, преемственнаго, что̀ различнаго, то-есть, возникшаго вновь“.—Рѣдко ставилась задача столь обширная, задача воспроизвести такую длинную филіацію историческихъ процессовъ; рѣдко формулировалась она съ такою опредѣленностью въ духѣ принциповъ генетическаго изученія. Автору не удалось довести грандіозной постройки до конца. Но то, что дано имъ, все же представляетъ цѣлое, замѣчательное по законченности и единству общаго плана. Это какъ бы строго завершенная нижняя часть зданія: изображеніе происхожденія и развитія феодализма.

Предлагая русской читающей публикѣ переводъ основного труда Фюстель де-Куланжа, редакторъ его думаетъ, что предпринимаетъ тѣмъ дѣло, полезное для развитія у насъ историческихъ знаній. Онъ надѣется, что всякій, кто истинно любитъ исторію, согласится съ нимъ и поддержитъ его. Благодаря такому переводу, первоклассное произведеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ научныхъ умовъ новѣйшаго времени не только найдетъ доступъ у насъ въ большомъ кругѣ читателей, но оно именно какъ бы войдетъ и въ нашу историческую литературу. Конечно, чтобы достигнуть послѣдней цѣли, переводъ долженъ дѣйствительно не только точно передать внѣшнюю сторону изложенія, но и воплотить самую внутреннюю природу какъ языка, такъ и мысли автора, его логики и его вдохновенія. Когда имѣешь дѣло съ такимъ глубокимъ ученымъ и такимъ замѣчательнымъ писателемъ, какъ Фюстель де-Куланжъ, подобная задача переводчика не легка. Редакторъ не мечталъ достигнуть на этомъ пути безукоризненнаго успѣха и отлично чувствуетъ, какъ далекъ его трудъ отъ совершенства; но онъ сдѣлалъ все, что могъ для того, чтобы приблизиться къ достойному выполненію нравственнаго долга по отношенію къ историку, передъ которымъ преклоняется какъ передъ однимъ изъ лучшихъ учителей науки.—„Научно-историческая библіотека“ на русскомъ языкѣ не можетъ лучше начаться, какъ съ обнародованія такого первокласснаго произведенія новѣйшей европейской исторіографіи.

Русскій переводъ «*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*»—есть первый вообще переводъ этого сочиненія Фюстель де-Куланжа на иностранный языкъ. Пусть будетъ благопріятна его судьба! Кромѣ всѣхъ вообще интересующихся исторіею и преподающихъ ее онъ обращается спеціально къ тому серьезно ищущему знанія нашему юношеству обоего пола, учащемуся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которому обстоятельства не дали еще возможности сродниться съ французскимъ языкомъ настолько, чтобы свободно читать знаменитый трудъ въ подлинникѣ, но которому было бы вредно откладывать ознакомленіе съ замѣчательнымъ трудомъ Фюстель де-Куланжа. Изъ своей личной профессорской практики редакторъ убѣдился, насколько работа подъ руководствомъ книгъ Фюстель де-Куланжа является для нихъ плодотворною [1].

Спб. 1 января 1901 г. *Ив. Гревсъ.*

[1] Ниже помѣщаются тутъ же: 1) Отчетъ о присужденіи дѣлу Фюстель де-Куланжа высшей академической награды; 2) Предисловіе К. Жюлліана къ третьему изданію перваго тома „Исторіи общественнаго строя древней Франціи“; и 3) Предисловіе Фюстель де-Куланжа къ первому изданію I-го тома. Замѣченныя опечатки исправлены на отдѣльномъ листкѣ. Редакторъ не можетъ не извиниться передъ читателями за типографскія погрѣшности въ нѣсколькихъ среднихъ листахъ, происшедшія по обстоятельствамъ, непредвидѣннымъ ни имъ, ни издателями. Новая типографія, которая доканчивала работу по напечатанію настоящаго тома (съ 19-го листа), и которой поручено печатаніе слѣдующихъ томовъ изданія, можно твердо надѣяться, не допуститъ такихъ недостатковъ.

I.

Дѣло Фюстель де-Куланжа.

(Изъ отзыва Французскаго Института).

Французскій Институтъ (*L'Institut de France*) по представленію Французской Академіи (*Académie française*) присудилъ въ 1891 г. свою большую двухгодичную премію (le grand prix biennal) «дѣлу Фюстель де-Куланжа». Гизо, Низаръ, Тьеръ, всѣ самые великіе ученые писатели современной Франціи получали каждый въ свою очередь эту національную награду. Институтъ, признавъ достойною ея и научно-литературную дѣятельность Фюстель де-Куланжа, тѣмъ самымъ показалъ, какое высокое мѣсто онъ отводитъ ему, подтверждая такимъ образомъ оцѣнку, уже давно произнесенную товарищами и учениками оплакиваемому собрату и наставнику.

Фюстель де-Куланжъ принадлежитъ къ славному роду истинныхъ французскихъ писателей; его сжатый и чистый стиль, его удивительный даръ изложенія, красота его синтеза свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о несравненномъ мастерѣ въ искусствѣ слова и творчества. У него чистый и блестящій языкъ, которымъ отличались лучшіе представители литературы, его современники—Абу, Мериме, Сентъ-Бёвъ; но у него еще больше силы и смѣлости. Въ то же время широтою и мощностью своего историческаго кругозора онъ равенъ Монтескьё: ни одинъ изъ французскихъ историковъ этого вѣка не одарилъ науку столькими но-

выми истинами. Наконецъ, твердость его учености, строгость, съ которою онъ читалъ и толковалъ тексты, добросовѣстность его эрудиціи, дѣлаютъ изъ него наслѣдника великихъ изслѣдователей бенедиктинцевъ прошлыхъ вѣковъ, Мабилльоновъ и Монфоконовъ.

Первымъ сочиненіемъ Фюстель де-Куланжа была—«Гражданская община древняго міра» (*La cité antique*). Это—только одна книга въ 500 страницъ, а между тѣмъ въ ней воскресаетъ античный міръ въ его цѣломъ, отъ таинственныхъ зародышей семьи и общественнаго союза до того момента, когда законы Рима и религія Христа создали единое отечество изъ столькихъ враждебныхъ государствъ и разрозненныхъ вѣрованій. Историкъ задается здѣсь преимущественно цѣлью показать, какое вліяніе принадлежитъ религіи въ образованіи обществъ прежнихъ временъ: она создала семью, она дала жизнь государству; и въ концѣ книги мы снова находимъ религію въ качествѣ завершителя объединенія народовъ, которое предпринято было римскимъ оружіемъ. Вліяніе, обнаруженное «Гражданскою общиною древняго міра» на ученыхъ изслѣдователей нашего времени, даже за предѣлами Франціи,—неоспоримо: она открыла наконецъ для изученія древности настоящую дорогу, она показала, такъ сказать, какова душа античной жизни.—Надо прибавить, что книга эта читается съ увлеченіемъ, и мы знаемъ профессоровъ иностранныхъ университетовъ, которые даютъ читать ее своимъ студентамъ, чтобы открыть передъ ними одновременно духъ древности и красоту французскаго языка.

Второй великій трудъ разбираемаго автора—«Исторія общественнаго строя древней Франціи» (*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*) — гораздо болѣе обширенъ: онъ состоитъ изъ шести томовъ. Но какъ и первый, онъ отличается законченностью и полнотою, представляя цѣлое, изумительное по своему единству. Это также—превосходный образецъ научнаго построенія («un chef d'oeuvre de con-

struction»). Фюстель де-Куланжъ изучаетъ здѣсь образованіе феодальнаго и новаго міра, какъ въ «Гражданской общинѣ» онъ изучалъ происхожденіе древняго: по истинѣ, можно сказать, что оба произведенія являются продолженіемъ одно другого. Первый томъ этого второго труда изображаетъ намъ первобытную Галлію, раздробленную и варварскую, потомъ подчиненную, цивилизованную и объединенную Римомъ; второй томъ позволяетъ намъ присутствовать при великомъ событіи—вторженіи Германцевъ,—которое стоитъ въ началѣ исторіи новыхъ народовъ; мы видимъ, въ третьемъ, какъ переродились во франкской монархіи политическія учрежденія Рима; въ четвертомъ и пятомъ, мы слѣдимъ за образованіемъ новыхъ учрежденій, чисто аристократическихъ, которыя развиваются помимо государства; наконецъ, въ шестомъ томѣ, эти послѣднія являются передъ нашими глазами въ ихъ могущественномъ ростѣ при послѣднихъ Меровингахъ, вытѣсняя мало-по-малу монархію и ея законы и наконецъ достигая при послѣднихъ Каролингахъ полнаго господства надъ обществомъ и государствомъ. Феодализмъ съ тѣхъ поръ сталъ въ Европѣ на мѣсто монархическаго порядка, завѣщаннаго римскою Имперіею.—Фюстель де-Куланжъ въ данной работѣ своей больше всего интересуется Франціей; тѣмъ не менѣе, читая ее томъ за томомъ, мы изучаемъ развитіе цѣлой Европы,—ибо Римъ, Германское нашествіе, Варварская монархія, Феодализмъ—все это обозначаетъ фазы, черезъ которыя прошли всѣ великіе европейскіе народы. Впрочемъ, если замѣчались различія между учрежденіями этихъ послѣднихъ, авторъ, разсматривая эпоху за эпохой, указываетъ на нихъ. Обширныя и тщательно составленныя примѣчанія обращаютъ изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа и въ справочную книгу по исторіи, выдерживающую сравненіе съ лучшими подобными пособіями, которыя появлялись въ Германіи.

Въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, собранныхъ въ трехъ еще дополнительныхъ большихъ томахъ—«Разысканія», и «Новыя разысканія о нѣкоторыхъ задачахъ исторіи» (*Recherches* и *Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire*) и еще «Историческіе вопросы (*Questions historiques*)—Фюстель де-Куланжъ сосредоточивается на подробной разработкѣ нѣсколькихъ учрежденій, пунктовъ или фактовъ, которые ему пришлось лишь слегка затронуть или разсмотрѣть лишь въ общемъ въ своихъ большихъ трудахъ. Изслѣдованіе происхожденія собственности спеціально вызвало у него нѣсколько отдѣльныхъ работъ, и онѣ могутъ быть названы самыми замѣчательными изъ тѣхъ, которыя появлялись по этому вопросу послѣ трудовъ Сэмнеръ Мэна и Лавелэ. Его трудъ о римскомъ колонатѣ, по справедливости, считается знаменитымъ. Его разысканія объ аѳинскихъ архонтахъ подали поводъ къ долгимъ спорамъ, но открытіе новаго трактата Аристотеля дало торжественное подтвержденіе теоріямъ, выставленнымъ Фюстель де-Куланжемъ. Работы автора о друидахъ, о Хіосѣ, о Полибіи являются каждая образцами историческаго изслѣдованія, построенія и изображенія.—Четырнадцать очерковъ, которые заключаются въ означенныхъ трехъ томахъ, всѣ представляютъ собою обширные труды [1].

---

[1] Записка „Института" о заслугѣ Ф. де-Куланжа заканчивается слѣдующими словами, посвященными редактору посмертныхъ изданій его сочиненій.

„Нельзя не упомянуть здѣсь объ участіи, которое принято было въ обнародованіи трудовъ Ф. де-Куланжа ученикомъ его, г. Камилломъ Жюлліаномъ, профессоромъ Бордосскаго Историко-филологическаго Факультета.—Въ моментъ кончины Ф. де-Куланжа были напечатаны въ окончательномъ видѣ только *два* тома его „Исторіи общественнаго строя древней Франціи" — *третій* („Франкская монархія") и *четвертый* („Аллодъ"). Переработанная редакція стараго изданія перваго тома, разросшаяся въ два тома, и послѣдніе два тома тогда еще не выходили: частью текстъ ихъ былъ совершенно подготовленъ къ печати, частью же существовалъ лишь въ черновой рукописи. Г. Жюлліанъ издалъ весь трудъ съ благоговѣйною точностью, съ самымъ высокимъ уваженіемъ къ мысли автора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его нашелъ,

2.

Предисловіе К. Жюлліана

(къ 3-му изданію I-го тома).

Насоящія книга составляетъ первый томъ труда, который Фюстель де-Куланжъ посвятилъ «Исторіи общественнаго строя древней Франціи» въ томъ видѣ, въ какомъ окончательно сложился у него планъ этого сочиненія. Въ немъ разсматривается состояніе Галліи до римскаго завоеванія и ея политическое устройство въ первые три вѣка императорскаго владычества. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ этого перваго тома (1875-го и 1877-го года) тѣ же предметы были изложены лишь на двухстахъ страницахъ: очевидно, стало быть, что данное третье изданіе, не есть простая перепечатка первыхъ, но является полною переработкою первоначальной редакціи [1].

ограничившись самою тщательною провѣркою всѣхъ ссылокъ, дополненіемъ рукописи по замѣткамъ самого историка, прибавкою отъ себя нѣсколькихъ фразъ, параграфовъ или главъ, которые оказались неизбѣжно необходимыми, и старательно отдѣляя отъ текста автора то, что онъ счелъ самымъ нужнымъ вставить въ его изложеніе для того, чтобы придать послѣднему законченность. Такъ же точно поступалъ онъ при изданіи „Разысканій" и „Вопросовъ".—Такимъ образомъ, мы ему обязаны тѣмъ, что имѣемъ въ рукахъ дѣло Ф. де-Куланжа въ его цѣломъ и въ его единствѣ. Поэтому, необходимо выразить г. Жюлліану глубокую признательность за то, что онъ прервалъ свои личныя работы и отдался въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подготовкѣ къ обнародованію трудовъ того, кто былъ для него учителемъ и другомъ"!

[1] Самъ авторъ въ предварительномъ наброскѣ предисловія къ третьему изданію такъ объясняетъ причины, побудившія его къ такому развитію текста.

„Необходимо разъяснить существенное измѣненіе этого изданія сравнительно съ предыдущимъ, которое можетъ поразить читателей. Послѣднее сильно разрослось по слѣдующимъ двумъ причинамъ.

Первая заключается въ томъ, что перечитывая мою книгу, я нашелъ, что нѣкоторые пункты изложены въ ней недостаточно ясно: я долженъ былъ поэтому выразить свои мысли подробнѣе, чтобы сдѣлать ихъ болѣе ясными.

Всѣ главы, составляющія настоящую книгу, являются всецѣло трудомъ Фюстель де-Куланжа: въ текстъ не внесено никакихъ измѣненій ни по содержанію, ни по изложенію; не сдѣлано никакихъ прибавокъ или сокращеній. Такимъ образомъ, у насъ въ рукахъ находится, такъ сказать, послѣдняя мысль историка о независимой Галліи и о первомъ періодѣ римской Имперіи, при томъ въ тѣхъ именно словахъ, въ которыхъ она воплощена была его собственнымъ перомъ.

Но была у меня и другая причина, которую мнѣ нѣсколько труднѣе растолковать. Я принадлежу къ поколѣнію, уже не молодому, въ которомъ научные работники ставили себѣ всегда два правила: во-первыхъ, изучать вопросъ по подлиннымъ источникамъ, изслѣдованнымъ прямо и вблизи; во-вторыхъ, представлять читателю лишь результатъ своихъ разысканій. Мы освобождали послѣдняго отъ ученаго аппарата, находя, что онъ нуженъ лишь автору, а не читателю; внизу страницъ дѣлались лишь немногія ссылки, достаточныя для читателя, который захотѣлъ бы произвести провѣрку. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ обычные пріемы перемѣнились: теперь установилось обратное стремленіе представлять читателю скорѣе ученый аппаратъ, чѣмъ выводы; какъ будто больше цѣнятъ лѣса, чѣмъ постройку. Такимъ образомъ, ученая работа получила другую форму и придерживается иныхъ правилъ: она не стала отъ этого болѣе глубокою, точность не изобрѣтена въ эти послѣдніе годы, но теперь изслѣдователи прежде всего стараются блеснуть эрудиціей. Нѣкоторые даже предпочитаютъ казаться учеными, чѣмъ быть ими. Прежде охотно жертвовали внѣшностью для сущности, теперь часто дѣлаютъ наоборотъ. Собственно говоря, оба метода хороши, если пользоваться ими добросовѣстно. Одинъ господствовалъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда я писалъ свои первыя сочиненія; второй получилъ преобладаніе въ настоящее время. Вотъ я и примѣняюсь къ нынѣшнимъ вкусамъ, какъ тѣ старики, которые не настаиваютъ во что бы то ни стало на сохраненіи всѣхъ привычекъ стараго времени. Мои изслѣдованія измѣняются, стало быть, лишь по формѣ, а не по существу; или еще вѣрнѣе, сдѣлаю это признаніе, они измѣняются лишь кажущимся образомъ, и вотъ почему: когда я писалъ свои первыя работы, то первоначальная редакція ихъ именно была въ родѣ настоящей последней—распространенная, вся усаженная текстами, полная полемики и разсужденій; я только тогда сохранилъ ее для себя и отдалъ цѣлые шесть мѣсяцевъ, чтобы сжать и сократить ее для читателя. Теперь я представлю ему именно эту первоначальную редакцію".

Пришлось присоединить къ подлинному тексту автора только заключеніе. Я постарался резюмировать въ немъ такъ вѣрно, какъ могъ, идеи Фюстель де-Куланжа, какъ онъ самъ выражалъ ихъ въ концѣ отдѣльныхъ главъ.

Читатели предшествующихъ изданій замѣтятъ, что во второй части этого тома, посвященной римской Имперіи, не говорится ни о формахъ собственности, ни о правахъ личностей, ни о соціальномъ строѣ Галліи. Во второмъ изданіи Фюстель де-Куланжъ удѣлилъ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ послѣднія главы второй книги. Намъ казалось, что ихъ не слѣдуетъ вносить въ настоящій томъ, и что онѣ найдутъ свое настоящее мѣсто во второмъ, который озаглавленъ «Германское вторженіе и конецъ Имперіи».—Дѣйствительно, составляя эти главы, авторъ ставилъ себя въ послѣднюю эпоху Имперіи, именно въ моментъ появленія варваровъ: это ясно при чтеніи, да и онъ это прямо заявляетъ[1]. Кромѣ того, Фюстель де-Куланжъ, повидимому, и самъ предполагалъ установить такой планъ[2], предпочитая заниматься въ первомъ томѣ лишь политическими порядками Галліи въ первые вѣка Имперіи: прочтя наше заключеніе, можно убѣдиться, что такое новое расположеніе главъ, избранное самимъ авторомъ, не только не лишаетъ первый томъ единства, но наоборотъ гораздо лучше способствуетъ выдѣленію его основной мысли. Послѣдняя глава, которую мы помѣстили въ настоящемъ томѣ,—Судоустройство,—естественнымъ образомъ заканчиваетъ его: авторъ обобщилъ въ заключительныхъ словахъ ея свою главную идею о римской Имперіи. Прибавимъ, наконецъ, что, начиная съ главы о правѣ собственности,

[1] Онъ говоритъ: „Поставимъ себя мысленно въ срединѣ IV-го вѣка христіанской эры, между царствованіями Константина и Өеодосія“ („См. *Hist. des instit.* 2 éd. p. 224).

[2] „Все это было бы умѣстнѣе во второмъ томѣ“, замѣтилъ онъ на поляхъ собственнаго исправленнаго экземпляра второго изданія, по поводу главы о вольноотпущенникахъ.

Фюстель де-Куланжъ уже не успѣлъ вполнѣ тщательно переработать редакцію новаго текста.

Щекотливый вопросъ приходилось разрѣшать относительно подстрочныхъ примѣчаній. Мы вставили довольно большое число новыхъ, которыя были готовы у автора, но найдены разрозненными на листкахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ мы, напротивъ, устранили, потому что онѣ показались намъ не настолько точными, какъ могли представляться нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до появленія новыхъ сборниковъ эпиграфическихъ памятниковъ Галліи (авторская редакція текста даннаго тома относится къ 1887-му году). Мы передѣлали нѣкоторыя цитаты и установили при упоминаніи надписей Нарбонской Галліи ссылки на XII-й томъ «*Corpus Inscriptionum Latinarum*», изданный Гиршфельдомъ, котораго Фюстель де-Куланжъ не успѣлъ изучить, какъ желалъ бы. Что касается другихъ надписей, намъ казалось излишнимъ постоянно называть берлинскій *Corpus*, такъ какъ авторъ предпочиталъ обращать читателей къ болѣе доступнымъ собраніямъ Орелли-Генцена и Вильманнса[1].

Можно было бы съ большою легкостью весьма расширить примѣчанія, относящіяся къ римской Галліи. Послѣднія изданія текстовъ, особенно сборники Гиршфельда и Алльмера, доставляютъ огромное количество новаго и драгоцѣннаго матеріала; напримѣръ, объ именахъ галльскихъ боговъ, объ именахъ личныхъ, о племенахъ, колоніяхъ—обо всемъ этомъ можно было бы прибавить безконечное число разсужденій. Очень возможно, что Фюстель де-Куланжъ нашелъ бы нужнымъ еще разъ переработать свой первый томъ на основаніи этихъ новыхъ публикацій. Но мы думаемъ, что насъ не упрекнутъ за то, что мы не попытались произвести сами такой опе-

[1] Редакторъ (К. Жюлліанъ) тщательно обозначилъ скобками все имъ прибавленное. Эти обозначенія, какъ очень незначительныя въ первомъ томѣ, опущены въ русскомъ изданіи во избѣжаніе пестроты. (*Прим перев.*).

раціи надъ его книгою, что мы дорожили неприкосновенностью редакціи и примѣчаній, оставленныхъ авторомъ, хотя бы послѣдняя могла показаться слишкомъ краткою и нѣсколько устарѣлою. Фюстель де-Куланжъ самъ писалъ, что смотритъ на свой трудъ лишь какъ на временный [1]. Въ этомъ, впрочемъ, скромность его обманывала. Можно будетъ доставлять себѣ легкое удовольствіе дополнять его статистическія данныя и его цитаты; но его теоріи и его критика не станутъ отъ этого ни слабѣе, ни сильнѣе; въ настоящей же книгѣ самая мысль составляетъ сущность и вѣчную заслугу историка.

Я считаю своимъ долгомъ откровенно заявить, что по многимъ пунктамъ не раздѣляю мнѣній автора, напримѣръ, по вопросу о римскихъ колоніяхъ, объ исчезновеніи кельтскаго языка, о муниципальной организаціи, смѣшеніи расъ, провинціальномъ судоустройствѣ и т. д. Но мнѣ не показалось приличнымъ высказывать даже въ примѣчаніяхъ какія бы то ни было возраженія или ограниченія. Принимая редакцію этого сочиненія, я взялъ на себя обязанность обнародовать то, что составляло мысль Фюстель де-Куланжа, и я долженъ выполнить дѣло въ точности, то-есть, обнародовать ее въ неподдѣльной полнотѣ, со всею ея силою и могуществомъ.

К. Жюлліанъ.

Бордо, 1 іюля 1890 г.

[1] См. 178 стр. настоящаго тома.

3.

Предисловіе автора.

(Къ 1-му изданію).

Мы не стремились, составляя эту книгу, ни восхвалять древне-французскія учрежденія, ни нападать на нихъ; мы задавались единственною цѣлью описать ихъ и показать ихъ сцѣпленіе.

Они до такой степени противоположны тѣмъ, которыя мы видимъ кругомъ себя, что сначала не очень легко судить о нихъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ. Трудно человѣку нашего времени проникнуть въ теченіе идей и фактовъ, которые породили эти учрежденія. Если можно надѣяться этого достигнуть, то только при помощи терпѣливаго, послѣдовательнаго изученія литературныхъ памятниковъ и документовъ, которые каждый вѣкъ оставилъ послѣ себя. Не существуетъ другого средства, которое позволило-бы нашему уму отрѣшиться отъ тревожныхъ интересовъ настоящаго и такимъ образомъ избѣжать всякаго рода предвзятыхъ мнѣній, чтобы пріобрѣсти способность представить себѣ съ нѣкоторою точностью жизнь людей въ отдаленныя времена.

При первомъ взглядѣ, который мы бросаемъ на древне-европейскій общественный строй, учрежденія его рисуются намъ необычайными, нездоровыми, особенно же полными насилія и тираніи. Потому что они не входятъ, такъ сказать, въ рамки нашихъ теперешнихъ нравовъ и умственныхъ навыковъ, мы склонны думать прежде всего, что они были чужды всякаго права и всякой разумности, находились въ сторонѣ отъ того правильнаго пути, по которому должны были слѣдовать народы, были противны, такъ сказать, обычнымъ законамъ жизни человѣчества. Поэтому то легко слагается воззрѣніе, что только грубая сила могла ихъ

установить, и что для ихъ происхожденія необходимъ былъ огромный переворотъ.

Наблюденіе памятниковъ каждой эпохи этого далекаго прошлаго привело насъ мало по малу къ другому чувству и сужденію. Намъ показалось, что эти учрежденія образовались медленно, постепенно, правильно, что они никакимъ образомъ не могли явиться плодомъ случайнаго происшествія или рѣзко-внезапнаго насильственнаго толчка. Намъ почуялось также, что въ нихъ не было ничего противорѣчащаго человѣческой природѣ, ибо они вполнѣ соотвѣтствовали нравамъ, гражданскимъ законамъ, матеріальнымъ потребностямъ, направленію мышленія, вообще всему духовному типу тѣхъ поколѣній, которыми они управляли. Они даже родились именно изъ всего этого, и насиліе очень мало содѣйствовало ихъ утвержденію.

Государственный и общественный строй никогда не является продуктомъ воли человѣка; даже воли цѣлаго народа недостаточно для ихъ созданія. Факторы человѣческаго существованія, которые производятъ ихъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть измѣнены прихотью одного поколѣнія. Народы управляются не такъ, какъ они того желаютъ, а такъ, какъ того требуетъ совокупность ихъ интересовъ и основа ихъ понятій. Безъ сомнѣнія, въ силу этого необходимо много человѣческихъ вѣковъ, чтобы утвердился какой-нибудь политическій порядокъ, и много другихъ вѣковъ, чтобъ онъ разрушился.

Отсюда проистекаетъ также необходимость для историка простирать свои изслѣдованія на обширное пространство времени. Тотъ, кто ограничилъ-бы сферу своего изученія одною эпохою, подвергнулъ-бы себя опасности впасть въ серьезныя ошибки даже въ сужденіяхъ объ этой самой эпохѣ. Вѣкъ, въ который какое-нибудь учрежденіе появляется при большомъ свѣтѣ, блестящимъ, могущественнымъ, достигшимъ господства надъ міромъ, почти никогда не совпадаетъ ни съ тѣмъ, когда оно возникло, ни съ тѣмъ, когда оно укрѣпилось. Причины, которымъ оно обязано

своимъ происхожденіемъ, обстоятельства, изъ которыхъ оно извлекало соки, нужные для роста его силъ, принадлежатъ очень часто гораздо болѣе раннимъ вѣкамъ. Такое замѣчаніе особенно справедливо по отношенію къ феодализму, который, можетъ быть, изъ всѣхъ политическихъ порядковъ болѣе всего коренится въ самой глубинѣ человѣческой природы.

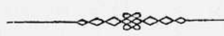
Исходною точкою нашего изслѣдованія будетъ завоеваніе Галліи Римлянами. Это событіе было первымъ изъ тѣхъ, которыя, изъ вѣка въ вѣкъ перерождали нашу страну и начертали направленіе ея судьбамъ. Мы изучимъ вслѣдъ затѣмъ одну за другою каждую изъ дальнѣйшихъ эпохъ исторіи, разсматривая ихъ со всѣхъ сторонъ жизни общества; чтобы узнать, какъ управлялось каждое поколѣніе людей, мы должны будемъ разбирать его соціальное положеніе, интересы, нравы, всю его культуру; мы освѣтимъ также и поставимъ рядомъ съ специальными порядками всѣ элементы общественной власти, которая руководила обществомъ, формы, въ какихъ отправлялось тогда правосудіе, повинности, которыя оно несло въ видѣ налоговъ и воинской службы. Проходя такимъ образомъ вѣкъ за вѣкомъ, мы должны будемъ показать, какая замѣчается между ними преемственность и какія различія: преемственность—потому что учрежденія живучи, вопреки всему; различія—потому что каждое новое явленіе, которое совершается въ области матеріальной или духовной, незамѣтно видоизмѣняетъ ихъ.

Исторія—не легкая наука; предметъ, который она изучаетъ, безконечно сложенъ; человѣческое общество—такое тѣло, гармонію и единство котораго можно уловить только подъ тѣмъ условіемъ, если послѣдовательно и чрезвычайно внимательно будутъ разсмотрѣны всѣ органы, его составляющіе и дающіе ему жизнь. Долгое и тщательное наблюденіе подробностей является, стало быть, единственнымъ путемъ, который можетъ привести къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ. Цѣлые годы анализа подготовляютъ одинъ день синтеза («Pour un jour de synthèse il faut des années d'analyse»). Въ разы-

сканіяхъ, которыя требуютъ одновременно столько терпѣнія и столько усилія, столько осторожности и столько смѣлости, опасность впасть въ ошибку повторяется безчисленно часто, и никто не можетъ льстить себя надеждою ея избѣгнуть. Что касается насъ, если мы не остановились передъ глубокимъ сознаніемъ трудностей нашей задачи, то только благодаря убѣжденію, что искреннее исканіе истины всегда приноситъ пользу. Если намъ удалось только бросить свѣтъ на нѣсколько точекъ, до сихъ поръ остававшихся въ тѣни и пренебреженіи, если мы достигли того, что обратили вниманіе на темные вопросы, которые необходимо разрѣшить, нашъ трудъ не пропалъ даромъ, и мы будемъ считать себя вправѣ сказать, что работали, насколько это въ силахъ отдѣльнаго человѣка, для прогресса исторической науки и для познанія человѣческой природы.

Фюстель де-Куланжъ.

1875.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Римское завоеваніе.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РИМСКОЕ ЗАВОЕВАНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У Галловъ не было національнаго единства.

Мы не хотимъ начертать здѣсь исторію Галловъ или нарисовать картину ихъ нравовъ. Мы ищемъ только, каковы были ихъ государственныя учрежденія въ ту эпоху, когда Римъ подчинилъ страну своему господству.

Вопросъ этотъ, даже ограниченный такими предѣлами, остается труднымъ для разрѣшенія вслѣдствіе недостаточности документовъ. Памятники галльскаго происхожденія отсутствуютъ совершенно; Галлы того времени не оставили намъ ни одной книги, ни одной надписи [1]. Главный, почти единственный источникъ нашихъ свѣдѣній — это сочиненіе Цезаря. Полибій принадлежалъ къ эпохѣ, болѣе ранней, и зналъ однихъ Галловъ Италіи и Малой Азіи, а послѣдніе могли лишь очень отдаленнымъ образомъ походить на тѣхъ, которые жили въ Галліи за 50 лѣтъ до нашей эры. Діодоръ, Страбонъ и позже Діонъ Кассій прибавляютъ только немного къ тому, что говоритъ Цезарь.

[1] Я, признаюсь, не чувствую въ себѣ смѣлости тѣхъ, которые пользуются средневѣковыми законами Кельтовъ Ирландіи, чтобы отъ нихъ дѣлать обратныя заключенія о томъ, чѣмъ должны были быть Галлы Цезаря въ I вѣкѣ до Р. Хр.

Самъ Цезарь, однако, прямо не имѣлъ въ виду познакомить своихъ читателей съ государственными порядками Галловъ. Онъ разсказывалъ о своихъ походахъ въ Галліи, какъ римскій военачальникъ, а не какъ историкъ Галліи. Поэтому онъ не далъ цѣльнаго описанія ни одного изъ учрежденій, которыя могъ наблюдать въ полномъ расцвѣтѣ у различныхъ галльскихъ народцевъ. У него можно найти всего четыре или пять страницъ, посвященныхъ изображенію наиболѣе распространенныхъ въ странѣ обычаевъ. Гораздо болѣе цѣнны для насъ, нежели эта черезчуръ общая и потому неизбѣжно туманная характеристика, отдѣльныя бытовыя черточки, разбросанныя у него здѣсь и тамъ среди разсказа о событіяхъ войны; тутъ передъ нами появляются факты, дѣйствительно опредѣленные и характерные. Въ указанныхъ данныхъ вмѣстѣ съ нѣсколькими еще словами у Страбона заключается единственное прочное основаніе нашихъ знаній о политическомъ состояніи Галліи въ тѣ времена.

Такимъ образомъ, намъ слѣдуетъ прежде всего ясно понять, что мы можемъ добиться лишь весьма неполнаго представленія о предметѣ, съ которымъ желаемъ ознакомиться. Было бы большимъ заблужденіемъ предполагать, что мы окажемся въ состояніи хорошо изучить бытъ галльскихъ племенъ. Мы не въ силахъ даже возстановить политическое устройство хотя бы одного изъ нихъ. Тѣмъ болѣе надобно быть осторожнымъ, когда говоришь о ихъ нравахъ, религіи или языкѣ [1].

[1] Что касается новѣйшихъ трудовъ о древней Галліи, то, послѣ сочиненій Амедея Тіерри (Histoire des Gaulois avant la conquête romaine, Paris, 1873, 2 vol.) и Анри Мартэна (Histoire de France, tome I, 4 éd. Paris, 1859; Etudes d'archéologie celtique, Paris, 1870), можно обращаться къ: *Laferrière* (Histoire du droit français, Paris, 1847, t. II); *Chambellan* (Etudes sur l'histoire du droit français, Paris, 1848); *de Valroger* (La Gaule celtique, Paris, 1879); *Ernest Desjardins*, (Géographie de la Gaule romaine, Paris, 1875—1885); *E. Glasson* (Histoire du droit et des institutions de la France, tome I, Paris, 1887); *P. Viollet* (Institutions politiques de la France, t. I, Paris, 1890); наконецъ слѣдуетъ указать работы *d'Arbois de Jubainville*, печатавшіяся въ «Revue celtique» и «Revue archéologique» (и впослѣдствіи собранныя въ отдѣльныя книги).

Мы удовольствуемся тѣмъ, что выдѣлимъ нѣсколько положеній, которыя, какъ намъ кажется, обнаруживаются изъ имѣющихся у насъ текстовъ.

Первое, что можно установить, это то, что Галлія до римскаго завоеванія не составляла единаго національнаго тѣла. Обитатели ея не были всѣ одинаковаго происхожденія и не прибыли въ страну одновременно [1]. Древніе авторы утверждаютъ, что не всѣ они говорили на одномъ языкѣ. У нихъ не сложилось ни общихъ учрежденій, ни общихъ законовъ [2]. Между ними не существовало полнаго расоваго единства. Нельзя также утверждать, чтобы ихъ соединяла общность религіи, такъ какъ друидическое жречество не правило надъ всею Галліей [3]. Можно быть увѣрен-

[1] См. *Alex. Bertrand*, Archéologie celtique et gauloise (P 1876); также статью его же: «De la valeur des expressions Κελτοί et Γαλάται», въ «Revue archéologique» за 1876 годъ; кромѣ того книги «Celtes, Gaulois et Francs» (P. 1873) и «La Gaule avant les Gaulois» (P. 1884; 2 изд. 1891): ср. *d'Arbois de Jubainville*, Les premiers habitants de l'Europe (2 éd. P. 2 v. 1889).

[2] *Caesar*, Bell. gall. I, 1: «Lingua, institutis, legibus inter se differunt».—*Strabo*, IX, 1: «Ὁμογλώττους οὐ πάντας».—*Ammian. Marcellin.* XV, 11: «Lingua, institutis, legibusque discrepantes».

[3] Э. Дежардэнъ сдѣлалъ попытку опредѣлить территоріальное распространеніе друидизма; онъ, съ большою вѣроятностью, исключаетъ изъ его сферы Аквитанію, Нарбоннскую Галлію и страны, сосѣднія съ Рейномъ («Géographie de la Gaule romaine», t. II, p. 519). Впрочемъ, и повсемѣстность друидическаго жречества (*Caesar*, VI, 13) не могла бы служить доказательствомъ религіознаго единства Галліи, такъ какъ въ галльской религіи не все сводилось

нымъ и въ томъ, что ихъ не связывало политическое объединеніе.

Интересно было бы знать, существовали ли въ Галліи народныя собранія для обсужденія общихъ нуждъ страны. Цезарь не отмѣчаетъ ни одного учрежденія, которое было бы похоже на органъ федеративнаго союза всѣхъ галльскихъ племенъ. Мы видимъ, правда, что выборные нѣсколькихъ народцевъ собирались иногда на какія-то общія сходки для совѣщанія о совмѣстной подготовкѣ какого-нибудь коллективнаго предпріятія; но чего мы никогда не встрѣчаемъ, это правильныхъ собраній, которыя происходили бы въ установленные сроки, обладали бы опредѣленными и постоянными полномочіями, признавались какъ бы стоящими выше отдѣльныхъ народцевъ и пользовались бы хоть нѣкоторою властью надъ ними.

Слова «*concilium Gallorum*» попадаются, конечно, нѣсколько разъ въ книгѣ Цезаря; но важно разыскать ихъ настоящій смыслъ; а такъ какъ историческая истина открывается только путемъ тщательнаго изученія текстовъ, то необходимо пересмотрѣть всѣ тѣ, въ которыхъ находится это выраженіе.

Цезарь сообщаетъ въ самомъ началѣ своихъ «Записокъ» [1], что, послѣ его побѣды надъ Гельветами, къ нему явились въ качествѣ посланцевъ почти отъ всей Галліи начальники племенъ, чтобы принести свои поздравленія; они просили его «созвать общее собраніе

къ друидизму. Д'Арбуа де Жюбэнвилль, какъ кажется, думаетъ, что въ Лугудунѣ (Ліонѣ) отправлялся культъ богу Лугу, торжественные обряды котораго являлись будто бы общимъ праздникомъ для всей Галліи. Однако, такая гипотеза не подтверждается, повидимому, ни однимъ текстомъ, скорѣе даже опровергается совокупностью извѣстныхъ фактовъ. (Къ этому вопросу придется еще вернуться ниже).

[1] *De bello gallico*, I, 30.

Галліи, оповѣщая при этомъ, что такъ хочетъ самъ Цезарь». Съ согласія римскаго военачальника «они назначили день для этого собранія». Здѣсь, очевидно, не говорится о правильномъ, законномъ, періодическомъ вѣчѣ; если бы такое учрежденіе существовало, разрѣшеніе Цезаря не было бы необходимо, такъ какъ онъ тогда еще не предпринималъ завоеванія страны, и ему отнюдь не принадлежало въ ней господства. Галлы же, напротивъ, сами просили его въ данномъ случаѣ взять на себя иниціативу созыва такого рода съѣзда, „*uti id Caesaris voluntate facere liceret*“; причемъ продолженіе разсказа обнаруживаетъ достаточно ясно, каковы были ихъ намѣренія.

Въ другомъ мѣстѣ Цезарь упоминаетъ о собраніяхъ Галловъ, которыя онъ самъ созывалъ; онъ присутствовалъ при ихъ совѣщаніяхъ: „*Principibus cuiusque civitatis ad se evocatis*“ [1].

Несомнѣнно, что это не были общенародныя галльскія вѣча. Здѣсь идетъ дѣло, наоборотъ, объ обычаѣ чисто римскомъ. У Римлянъ было общимъ правиломъ, чтобы провинціальный намѣстникъ собиралъ два раза въ годъ „*conventus*“ или „*concilium provincialium*“—собраніе жителей провинціи [2]; на немъ онъ принималъ жалобы, разбиралъ споры, распредѣлялъ налоги, объявлялъ предписанія республиканскаго правительства и свои собственныя распоряженія. Этотъ-то именно римскій обычай Цезарь и перенесъ въ провинцію Галлію. Два раза въ годъ онъ созывалъ къ себѣ начальниковъ племенъ; въ весеннемъ собраніи онъ назначалъ количество людей, лошадей и провіанта, которое ка-

[1] *De bell. gall.* V, 54. Онъ это дѣлалъ для того, чтобы расположить въ свою пользу Галловъ во время одного похода на Германцевъ.

[2] Ср. въ концѣ этого тома, въ книгѣ второй, главы о *concilium* и *conventus*.

ждый народецъ долженъ былъ доставлять для похода; въ осеннемъ — распредѣлялъ зимнія стоянки своего войска и устанавливалъ долю каждаго въ тяжелой повинности содержанія его легіоновъ [1]. Въ такихъ собраніяхъ принимали участіе уполномоченные однихъ союзныхъ или подчиненныхъ Цезарю племенъ. Авторъ говоритъ это самъ: въ 53-мъ году «онъ созвалъ, по своему обыкновенію [2], собраніе Галліи; всѣ племена прибыли туда, исключая Сеноновъ, Карнутовъ и Тревировъ, отсутствіе которыхъ могло быть принято за начало возмущенія» [3].

Мы должны непремѣнно представлять себѣ римскаго полководца въ роли руководителя этого собранія, созваннаго по его же приказу; онъ возсѣдаетъ на высокомъ помостѣ, возвѣщаетъ свои требованія— „*ex suggestu pronuntiat*"; онъ переводитъ собраніе, куда захочетъ; объявляетъ его открытымъ или закрытымъ, по своему произволу [4]. Иногда съ высоты того же трибунала, въ то время какъ Галлы толпятся у его ногъ, Цезарь чинитъ судъ и расправу и произноситъ смертные приговоры [5]. Подобныя сборища ничѣмъ не походятъ на общенародныя вѣча.

Есть примѣры, что Цезарь самъ иногда призывалъ представителей всѣхъ галльскихъ государствъ, чтобы дать имъ общія указанія на то, чего онъ ждетъ отъ нихъ. Такъ, напримѣръ, когда онъ разъ готовился перейти Рейнъ и нуждался въ содѣйствіи галльской конницы [6], или другой разъ, когда, являясь уже господиномъ почти всей Галліи, хотѣлъ назначить зимнія квартиры для

[1] *Bell. gall.* V, 27, etc.
[2] «Primo vere, ut instituerat» (VI, 3).
[3] *Ibid.*
[4] VI, 3; 4.
[5] VI 44.
[6] IV, 6.

своего войска, онъ собиралъ *concilium Gallorum* въ Амiэнѣ *(Samarobriva Ambianorum)*. [1] Но такіе факты доказываютъ лишь повиновеніе Галловъ побѣдителю, а не подтверждаютъ того, чтобы собранія такого рода были ихъ постояннымъ обычаемъ. Сходки вождей всѣхъ галльскихъ народцевъ, которыя устраивалъ Верцингеториксъ, чтобы организовать сопротивленіе Римлянамъ, также еще не обнаруживаютъ, что союзный совѣтъ дѣйствительно былъ народнымъ учрежденіемъ у Галловъ [2].

Не слѣдуетъ, впрочемъ, полагать, будто галльскія государства никогда не обращались другъ къ другу съ посольствами и не прибѣгали къ общимъ совѣщаніямъ. Такъ въ 57 году народы бельгійской Галліи держали совѣтъ (*concilium*), чтобы сговориться, какъ противостоять Цезарю; но этотъ *concilium* вовсе не является правильнымъ и обычнымъ собраніемъ всей земли: Ремы, которые принадлежали къ Белгамъ, не принимали въ немъ участія и знали только по наслышкѣ, что тамъ происходило. [3] Другой разъ [4] Амбіориксъ говоритъ у Цезаря, что образовался союзъ и заговоръ—*coniuratio*, къ которому примкнули почти всѣ народцы, и что было постановлено въ такомъ смыслѣ общее рѣшеніе—„*esse Galliae commune concilium*". Но всѣ эти собранія не носятъ характера постояннаго и общепризнаннаго учрежденія: „они про-

[1] V, 24.
[2] VII, 1: „Indictis inter se principes Galliae conciliis silvestribus ac remotis locis". Ср. VII, 63. Во время несогласій между Верцингеториксомъ и Эдуями „totius Galliae concilium Bibracte indicitur; eodem conveniunt undique frequentes; multitudinis suffragiis res permittitur". Ср. еще VII, 75. Во время осады Алезіи: „Galli, concilio principum indicto" и т. д.
[3] II, 1—4.
[4] V, 27.

исходили ночью, въ уединенныхъ мѣстахъ, въ глубинѣ лѣсовъ“ [1]. Собраніе воиновъ, состоявшееся въ 52-мъ году, въ странѣ Карнутовъ, на которомъ участвующіе приносили священную клятву надъ боевыми знаменами [2], равнымъ образомъ не изображается Цезаремъ, какъ общенародное вѣче; никогда не видно, чтобъ и Верцингеториксъ дѣйствовалъ отъ имени какого-нибудь собранія.

Словомъ, Цезарь совсѣмъ не упоминаетъ о какомъ бы то ни было учрежденіи, которое являлось бы органомъ федеративной связи между галльскими племенами, и чувствуется, что еслибы такое учрежденіе дѣйствительно существовало, оно должно бы было проявить себя много разъ въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ или, по крайнѣй мѣрѣ, протестахъ противъ врага во время завоеванія.

Скажутъ, можетъ быть, что самъ Цезарь мѣшалъ ему функціонировать? Но въ томъ мѣстѣ его сочиненія, гдѣ онъ, какъ историкъ, описываетъ учрежденія Галліи, онъ, во всякомъ случаѣ, не могъ не указать именно на то, которое въ его глазахъ должно было бы представляться самымъ важнымъ. Страбонъ и Діодоръ, навѣрно, также отмѣтили бы его; оно обнаружило бы себя до подчиненія Галліи Римлянами, хотя бы, напримѣръ, по случаю столкновенія съ Гельветами. Между тѣмъ ни одинъ писатель не говоритъ объ общегалльскомъ народномъ собраніи, никакое событіе не открываетъ намъ его. [3].

[1] VII, 1.

[2] См. *Caes.* VII, 2.

[3] Д'Арбуа-де-Жюбэнвилль вѣритъ, что существовалъ общій религіозный праздникъ для всей Галліи, праздникъ бога Луга (см. „Le cycle mythologique irlandais“, P. 1884, p. 5; 138—139 и „Nouv. revue historique de droit“, 1881, p. 195). Глассонъ полагаетъ (*Hist. du droit*, I, 293), что „общія собранія народовъ Галліи пользовались большимъ уваженіемъ, какъ намъ сообщаетъ Цезарь“. Однако послѣдній не говоритъ ни слова объ этомъ.

Народы Галліи воевали между собой или заключали союзы другъ съ другомъ и съ чужестранцами, какъ самостоятельныя государства. Нѣтъ примѣра, когда для осуществленія какого-нибудь предпріятія имъ пришлось бы обращаться къ санкціи или поддержкѣ общаго собранія или получать отъ послѣдняго инструкціи. Никакая высшая власть не принимала на себя руководство войною и миромъ въ ихъ средѣ. Иногда друидическое жречество брало на себя роль посредника, какъ позже будетъ дѣлать христіанская Церковь по отношенію къ государямъ среднихъ вѣковъ [1]. Но вліяніе его было, повидимому, мало дѣйствительно, такъ какъ войны почти не прекращались. Самымъ обычнымъ результатомъ этихъ кровопролитій, ежегодно терзавшихъ страну [2], было то, что болѣе слабые народцы попадали въ зависимость отъ болѣе сильныхъ [3]. Могло случиться иногда, что рядъ удачныхъ войнъ ставилъ одинъ изъ этихъ народцевъ во главѣ всѣхъ остальныхъ; но такого рода непрочная гегемонія, которая являлась лишь слѣдствіемъ военныхъ успѣховъ и перемѣщалась вмѣстѣ съ ними, не могла никогда создать у Галловъ національнаго единства.

[1] *Strabo*, IV, 4, 4 (edit. Didot, p. 164).

[2] *Caesar*, VI, 15: „Ante Caesaris adventum, aliquod bellum fere quotannis accidere solebat“.

[3] Отсюда появлялись кліентныя отношенія однихъ народцевъ къ другимъ. См. *Caesar*, I, 31: „Aeduos eorumque clientes“.— IV, 6: „Condrusi, qui sunt Treverorum clientes“.—V, 39: „Eburones, Nervii, Aduatuci atque horum clientes“.—VII, 75: „Eleuteti, Cadurci, Gabali, Vellavi, qui sub imperio Arvernorum esse consuerunt“.— V, 39: „Centrones, Grudios, Levacos, Pleumoxios, Geidumnos, qui omnes sub Nerviorum imperio erant“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О государственномъ порядкѣ у Галловъ.

При описаніи общественнаго строя гальскихъ народовъ должно быть прежде всего установлено, что Цезарь нигдѣ не упоминаетъ о колѣнахъ или кланахъ въ Галліи. Въ его сочиненіи не встрѣчаются эти два термина или какое-нибудь другое слово, равнозначущее съ ними по смыслу; нѣтъ также въ его описаніяхъ ничего, что бы напоминало клановую жизнь. Можно сдѣлать подобное же замѣчаніе и по отношенію къ тому, что говорятъ о Галлахъ Діодоръ и Страбонъ.

Настоящею формою политической группировки у нихъ въ эпоху, предшествовавшую римскому завоеванію, было то, что Цезарь опредѣляетъ словомъ «*civitas*». Это слово, которое повторяется болѣе ста разъ въ его «Комментаріяхъ», не обозначало непремѣнно городъ. Оно, собственно, не вызывало представленія о матеріальномъ пунктѣ осѣдлости, а соотвѣтствовало понятію о коллективной (нравственной) личности. Идея, соединявшаяся съ этимъ словомъ на языкѣ Цезаря, вѣрнѣе всего можетъ быть передана на современный языкъ словомъ государство. Оно служило для наименованія политическаго тѣла, орга-

низованнаго народа, и въ этомъ именно смыслѣ надобно его понимать, когда данный писатель примѣняетъ его къ Галламъ [1]. Можно было тогда насчитать около 90 самостоятельныхъ государственныхъ единицъ въ странѣ, которая тянулась между Пиренеями и Рейномъ [2]. Каждое изъ

[1] Примѣры, подтверждающіе, что терминъ *civitas* долженъ пониматься именно такъ, многочисленны у самого Цезаря. См. между прочимъ, V, 54: „Senones, quae est civitas magnae auctoritatis".—V, 3: „Civitas (Treverorum)... equitatu valet". — VII, 4: „(Celtillus) ab civitate erat interfectus".—I, 4: „Cum civitas... armis ius suum exsequi conaretur".—I, 19: „Iniussu... civitatis".—V, 27: „Non voluntate sua, sed coactu civitatis".—VI, 3: „(Parisii) confines erant Senonibus civitatemque patrum memoria coniunxerant".—V, 53: „Omnes... civitates de bello consultabant".—VI, 20: „Quae civitates commodius suam rempublicam administrare existimantur, habent legibus sanctum, si..."—VII, 13: „(Avarico) recepto, civitatem Biturigum se in potestatem redacturum confidebat".—IV, 12: „In civitate sua regnum obtinuerat".—Разница между *urbs* и *civitas* хорошо обнаруживается въ слѣдующемъ текстѣ (VII, 15): „(Avaricum) pulcherrimam prope totius Galliae urbem, quae praesidio et ornamento sit civitati (Biturigum)".

[2] Трудно достовѣрно установить точное число народовъ въ Галліи до Цезаря. Этотъ писатель не стремился самъ дать полнаго ихъ списка. Сумма могла мѣняться даже смотря по тому, свободнымъ или подчиненнымъ разсматривался тотъ или другой народецъ въ моментъ подсчета. Обыкновенно указываютъ 30 народцевъ въ той части Галліи, которая была завоевана между 125 и 121 годами и образовала первоначальную „*Provincia*". Въ части же страны, остававшейся еще свободною, въ которую входили Аквитанія, Кельтическая и Бельгійская Галліи, можно назвать около 60 народцевъ или *civitates*. Это были именно слѣдующіе (мы оставляемъ, конечно, въ сторонѣ всѣ вопросы, касающіеся правописанія ихъ именъ, для разъясненія которыхъ отсылаемъ къ спеціальнымъ монографіямъ; мы не претендуемъ также сообщить полную и окончательную номенклатуру): 1) въ Аквитаніи: Convenae, Bigerrionenses, Benarnenses, Ituronenses, Tarbelli, Aturenses, Elusates, Ausci, Lactoratenses, Bituriges Vivisci, Vasates,

этихъ государствъ или народовъ образовывало довольно многочисленную группу. Многія изъ нихъ могли выставить по 10,000 воиновъ, другія по 25,000, нѣкоторыя даже по 50,000 [1]. Белловаки были въ состояніи вооружить до 100,000 человѣкъ вообще или выдвинуть до 60,000 отборныхъ бойцовъ [2]. Можно предположить, что народонаселеніе каждаго такого государства колебалось между 50,000 и 400,000 душъ Галльскій народецъ обыкновенно являлся болѣе крупнымъ цѣлымъ, чѣмъ какая-нибудь городская община древней Греціи или Италіи.

Civitas занимала обширную территорію. Послѣдняя чаще всего распадалась на нѣсколько округовъ, которымъ Цезарь даетъ латинское наименованіе *pagi* (волости) [3].

Nitiobroges, Cadurci, Ruteni, Gabali, Helvii, Vellavi, Arverni, Lemovices, Petrocorii, Santones, Pictones, Bituriges Cubi; 2) въ Кельтической Галліи: Turones, Andecavi, Namnetes, Veneti, Osismi, Curiosolitae, Redones, Ambivariti (или Abrincatui), Uxelli, Viducasses, Lexovii, Aulerci Eburovices, Aulerci Cenomani, Aulerci Diablintes, Carnutes, Parisii, Senones, Aedui, Lingones, Sequani, Segusiavi, Helvetii; 3) въ Белгикѣ: Caletes, Veliocasses, Ambiani, Bellovaci, Atrebates, Morini, Menapii, Nervii, Viromandui, Suessiones, Remi, Eburones, Treveri, Leuci, Mediomatrici.—Мы не вносимъ въ этотъ перечень имена нѣкоторыхъ подчиненныхъ народцевъ, какъ напр. Meldi, которые были привязаны къ Паризіямъ, или Mandubii, которыхъ нѣкоторые присоединяютъ къ Эдуямъ.

[1] *Caesar*, II, 4. Изъ этого мѣста видно, что Суэссіоны обѣщали выставить 50,000 воиновъ, Нервіи тоже количество, Амбіаны—10,000, Морины—25,000, Адуатуки—19,000.

[2] *Caesar*, II, 4: „Hos posse conficere armata milia centum, pollicitos ex eo numero electa sexaginta". Въ другомъ мѣстѣ (VII, 75) Цезарь даетъ другія цифры, но надо обратить вниманіе, что послѣднія относятся къ вторичному набору. Эдуи выставили еще 35,000 человѣкъ, Арверны—тоже число, Битуриги—12,000.

[3] *Caesar*, I, 12: „Pagus Tigurinus... pars civitatis Helvetiae..: Omnis civitas Helvetia in quattuor pagos divisa est".—IV, 22: „Pagi

Въ ея предѣлахъ чаще всего находился одинъ главный городъ [1], нѣсколько малыхъ городковъ [2] и довольно большое количество укрѣпленныхъ пунктовъ [3]: уже издавна всѣ народцы усвоили обычай ограждать себя не противъ чужестраннаго непріятеля, а противъ

Morinorum".—VI, 11: „In omnibus civitatibus atque in omnibus pagis partibusque".—VII, 64: „Pagos Arvernorum".

[1] *Caesar*, VII, 15: „Avaricum pulcherrimam urbem".—Иногда Цезарь обозначаетъ такія столицы словомъ *oppidum*: Bibracte, Gergovia названы у него *oppida* (I, 23; VII, 4; 34).

[2] *Caesar*, VII, 15: „Viginti urbes Biturigum".—VII, 23: „Ad defensionem urbium".

[3] *Caesar*, I, 11: „Oppida Aeduorum expugnari".—I, 28: „Oppida Helvetiorum".—II, 4: „Suessionum oppida duodecim".—II, 29: „Cunctis oppidis Aduatucorum".—II, 6: „Oppidum Remorum, nomine Bibrax".—III, 12: „Oppida Venetorum".—VI, 4: „Iubet in oppida multitudinem convenire".—III, 14: „Compluribus expugnatis oppidis".

Глассонъ („Hist. des institutions", I, 95) представляетъ эти *oppida* „простыми укрѣпленными мѣстами, которыя служили убѣжищами во время войны, но оставались необитаемы во время мира". Цезарь, однако, не такъ изображаетъ галльскія *oppida*. Въ его разсказѣ *oppidum* является населеннымъ пунктомъ; часто это небольшое мѣстечко, иногда значительный городъ. Можно привести примѣры: „Vesuntio, oppidum maximum Sequanorum" (I, 38); „Noviodunum, oppidum Aeduorum ad ripas Ligeris" (VII, 55); „Lutetia, oppidum Parisiorum" (VII, 57); „Bibracte, quod est oppidum apud Aeduos maximae auctoritatis" (VII, 55); „Alesia, oppidum Mandubiorum" (VII, 68); „Vellaunodunum, oppidum Senonum" (VII, 11).—Слѣдуетъ замѣтить, что Цезарь называетъ Герговію не только *oppidum*, но и *urbs* (Ср. VII, 4 и VII, 36); также точно Алезія названа разъ *oppidum*, другой разъ *urbs* въ одной и той же главѣ (VII, 68); Аварикъ, который въ одномъ мѣстѣ былъ названъ *oppidum* (VII, 13), характеризуется въ другомъ какъ „*urbs pulcherrima*" (VII, 15).—Населеніе *oppida* состояло изъ торговцевъ; такъ *oppidum Genabum* (VIII, 5) былъ коммерческимъ центромъ (VII, 3); въ *oppidum Cabillonum* находилось много людей, обитавшихъ тамъ *negotiandi causa* (VII, 42); тотъ же фактъ сообщается и о другихъ городахъ; „*mercatores in oppidis*

сосѣдняго соплеменнаго народца [1]. На территоріи народца кромѣ того было разбросано множество деревень—*vici* [2] и уединенныхъ дворовъ—*aedificia* [3].

Весьма важно въ самомъ началѣ нашихъ изслѣдованій обратить вниманіе на такое расчлененіе галльской почвы. Послѣдующіе вѣка производили въ немъ только медленныя и легкія измѣненія. Пожалуй, три четверти городовъ современной Франціи выросли изъ древнихъ галльскихъ *oppida*. Даже болѣе того—самыя *civitates* сохраняли до эпохи, очень близкой къ намъ, свою древнюю конфигурацію. *Pagi* или *pays* живы еще теперь; воспоминанія и чувства деревенскаго люда до сихъ поръ остаются упрямо привязанными къ старымъ мѣстамъ осѣдлости и давнимъ дѣленіямъ страны на округа. Ни Римляне, ни Германцы, ни феодализмъ не

vulgus circumsistit" (IV, 5). Цезарь нѣсколько разъ упоминаетъ о спеціально городскомъ населеніи, которое онъ именуетъ *oppidani* (II, 33; VII, 13; VII, 58; VIII, 27; VIII, 32).

[1] О стѣнахъ и валахъ этихъ *oppida* см. *Caesar*, II, 12; II, 32; и особенно VII, 23.—Цезарь указываетъ нѣсколько разъ на *castella*. См. напримѣръ, — „cunctis oppidis castellisque" (II, 29); „castellis compluribus" (III, 1). Онъ называетъ городъ *Aduatuca* словомъ *castellum* (II, 32).

[2] Упоминанія о *vici* нѣсколько разъ встрѣчаются у Цезаря. См. I, 5; I, 11; I, 28; VI, 43; VII, 17; VIII, 5.—Онъ ихъ не описываетъ. Это, вѣроятно, были крестьянскія поселенія. См. VII, 17: „Pecore ex vicis adacto".—*Vicus Octodurus* былъ, повидимому, большимъ мѣстечкомъ, такъ какъ онъ могъ дать пріютъ восьми когортамъ римскаго войска (III, 1).

[3] Цезарь обозначаетъ сельскія жилища словомъ: *aedificia*: „vici atque aedificia" (III, 29; VI, 6; VI, 43; VII, 14); это были легкія постройки, о которыхъ Цезарь говоритъ лишь тогда, когда приходилось предавать ихъ огню. Иногда, впрочемъ, *aedificium* оказывается просторнымъ обиталищемъ какого-нибудь вождя: „(Ambiorix) aedificio circumdato silva, ut sunt fere domicilia Gallorum, qui vitandi aestus causa plerumque silvarum atque fluminum petunt propinquitates" (VI, 30).

уничтожили этихъ живучихъ территоріальныхъ единицъ, самыя имена которыхъ дошли до насъ, пройдя черезъ долгіе вѣка.

Государственный строй не вездѣ въ Галліи сложился въ одинаковыхъ формахъ [1]. Каждый народецъ, будучи независимъ, вырабатывалъ такія учрежденія, какія соотвѣтствовали его склонностямъ. Эти учрежденія не только различались по мѣстностямъ; они довольно замѣтно измѣнялись во времени: Галлія пережила уже въ своемъ прошломъ не одну революцію и въ эпоху Цезаря находилась въ состояніи неустойчиваго равновѣсія.

Монархическое управленіе было въ ней не безызвѣстно. Цезарь отмѣчаетъ присутствіе царей у Суэссіоновъ и Атребатовъ [2], у Эбуроновъ [3], Карнутовъ, Сеноновъ, Нитіоброговъ [4], Арверновъ. Впрочемъ, онъ не опредѣляетъ съ точностью характера этой царской власти и не указываетъ, какова была широта ея компетенціи. Между тѣмъ весьма различные типы правленія могутъ носить названіе монархіи. Цари, о которыхъ авторъ говоритъ, были, какъ кажется, выборными. Во всякомъ случаѣ они получали власть только съ одобренія большинства всего племени. Эта власть, повидимому, не могла быть также названа неограниченною. Можетъ быть, галльская монархія была лишь особою формою демократіи. Одинъ изъ царьковъ сказалъ какъ-то Цезарю, что «масса столь же могущественна надъ нимъ, какъ онъ надъ массою» [5]). Во-

[1] *Caesar*, I, 1: „Hi omnes... institutis... inter se differunt".

[2] *Caesar*, II, 4; IV, 21.

[3] *Caesar*, V, 24: „Eburones, qui sub imperio Ambiorigis et Catuvolci erant".—V, 38: „Ambiorix... in Aduatucos, qui erant eius regno finitimi, proficiscitur".—VI, 31: „Catuvolcus, rex dimidiae partis Eburonum".

[4] *Caesar*, V, 25; V, 54; VII, 31.

[5] *Caesar*,, V, 27: „Ambiorix (locutus est... non) voluntate sua

обще царская власть не обнаруживается у Галловъ, какъ традиціонное учрежденіе, которое покоилось бы на обычаяхъ старины или на понятіяхъ публичнаго права; она скорѣе является воплощеніемъ насильственнаго переворота, силою чрезвычайною, которая возникаетъ среди народныхъ волненій, которую выдвигаетъ одна изъ борющихся группъ, чтобы побѣдить другую [1]. Такъ Верцингеториксъ въ началѣ своей карьеры, изгнанный изъ своего государства «знатью», снова сумѣлъ привлечь къ себѣ толпу «народа», при его поддержкѣ возвратился и былъ провозглашенъ царемъ [2].

У большинства народовъ утвердилась однако республиканская форма правленія и съ нею вмѣстѣ могущество аристократіи [3]. Руководство дѣлами принадлежало совѣту, который Цезарь называетъ сенатомъ [4]. Къ сожалѣнію, онъ только не сообщаетъ намъ, каковъ былъ его составъ. Мы не знаемъ, пополнялся ли онъ новыми лицами по праву рожденія, по

fecisse, sed coactu civitatis, suaque esse eius modi imperia, ut non minus haberet iuris in se multitudo quam ipse in multitudinem".

[1] Такъ, послѣ смерти Индутіомара—„Cingetorigi... principatus atque imperium est traditum" (VI, 8).

[2] *Caesar*, VII, 4: „Vercingetorix... prohibetur a principibus.. expellitur ex oppido Gergovia... Coacta manu... egentium ac perditorum... rex ab suis appellatur".

[3] *Strabo*, IV, 4, 3: „'Αριστοκρατικαὶ ἦσαν αἱ πλείους τῶν πολιτειῶν".

[4] *Caesar*, VII, 55: „Magnam partem senatus" (у Эдуевъ).—I. 31: „Omnem nobilitatem, omnem senatum, omnem equitatum amisisse" (о томъ же народѣ). II, 5: „Omnem senatum ad se convenire principumque liberos ad se adduci iussit" (у Ремовъ). Авторъ указываетъ въ другихъ мѣстахъ на сенатъ у Сеноновъ (V 54), Венетовъ (III, 16), Эбуровиковъ и Лексовіевъ (III, 17), Нервіевъ (II, 28), Белловаковъ (VIII, 21) и т. д.

народному выбору, черезъ кооптацію самихъ его членовъ или какимъ-нибудь инымъ способомъ [1].

Правительственная власть тамъ, гдѣ не было царей, поручалась начальникамъ, избираемымъ на годъ. Цезарь называетъ ихъ римскимъ словомъ *magistratus* [2]. Правила или способы выбора ихъ, впрочемъ, недостаточно извѣстны для того, чтобы можно было рѣшить, народное ли полномочіе или довѣріе знати являлось источникомъ могущества такой магистратуры. Во многихъ государствахъ, какъ кажется, существовалъ лишь одинъ высшій начальникъ (вергобретъ) [3], который обладалъ, можно думать, неограниченною властью, вооруженною даже правомъ распоряженія жизнью и смертью подвластныхъ [4]. Нѣтъ сомнѣнія, хотя Цезарь и не говоритъ объ этомъ, что такому высшему магистрату должны были быть подчинены еще нѣсколько низшихъ должностныхъ лицъ [5].

Интересно опредѣлить, были ли уже закрѣплены изображенныя только что государственныя учрежденія

[1] Нѣкоторыя выраженія автора заставляютъ предполагать, что онъ отожествляетъ *сенатъ со знатью*. Такъ, напримѣръ, когда онъ говоритъ (I, 31) „*omnem nobilitatem, omnem senatum Aeduos amisisse*", надо думать, что оба термина употреблены имъ, какъ синонимы.

[2] *Caesar*, VI, 20: „Ad magistratum".—VII, 55: „Convictolitavim magistratum".

[3] *Caesar*, VII, 32: „Cum singuli magistratus antiquitus creari consuessent".—I, 16: „Liscus, qui summo magistratui praeerat".

[4] *Caesar*, I, 16: „Magistratui... quem vergobretum appellant Aedui, qui creatur annuus et vitae necisque in suos habet potestatem".—VII, 32: „Cum singuli magistratus regiam potestatem annuam obtinere consuessent".—Отмѣтимъ, все таки, что эта особенность, которую Цезарь приписываетъ Эдуямъ, не повторялась, можетъ быть, у другихъ народовъ и во всякомъ случаѣ у всѣхъ.

[5] Это явствуетъ изъ словъ „qui summo magistratui praeerat" (I, 16), а также изъ множественнаго числа „intermissis magistratibus" въ другомъ мѣстѣ (VII, 33).

древней Галліи писанными сводами, или они охранялись только устнымъ обычаемъ. Опредѣленно извѣстно, что Галлы пользовались письменами спеціально «въ актахъ государственныхъ» [1]. У нихъ велись какіе-то оффиціальные регистры. Они умѣли производить народную перепись, составлять поименные списки населенія и воинства [2]. Стало быть, возможно предположить существованіе у нихъ также и писанныхъ законовъ [3]. Мы не знаемъ, заставлялъ ли Цезарь прочитывать себѣ такіе законы, и знакомился ли онъ съ такими обычаями. Двѣ-три черты, сообщаемыя имъ мимоходомъ, побуждаютъ думать, что государственныя учрежденія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были выработаны даже въ мелкихъ подробностяхъ, какъ приличествуетъ народамъ, уже значительно подвинутымъ въ ихъ политическомъ развитіи. Напримѣръ, въ кон-

[1] *Caesar*, VI, 14: „In publicis rationibus, graecis litteris utuntur“.—Въ этомъ мѣстѣ римскій писатель сообщаетъ, что друиды не прибѣгали къ письму при обученіи юношества, то-есть, учили только устно; но онъ тутъ же прибавляетъ, что вообще Галлы умѣли писать. Они употребляли письмо также и въ актахъ частнаго характера „in privatis rationibus“ (*Ibidem*). Страбонъ еще указываетъ, что у Галловъ заключались писанные гражданскіе договоры (IV, 1, 5, edit. Didot, p. 150): „Ὥστε τὰ συμβόλαια ἑλληνιστὶ γράφειν“. Неясно, однако, хочетъ ли выразить Страбонъ подъ словомъ ἑλληνιστί, что они писали по гречески или только что они пользовались греческимъ алфавитомъ?

[2] *Caesar*, I, 29: „In castris Helvetiorum tabulae repertae sunt litteris graecis confectae, quibus in tabulis nominatim ratio confecta erat, qui numerus domo exisset eorum, qui arma ferre possent, et item separatim pueri, senes mulieresque“.

[3] Цезарь намекаетъ на это въ слѣдующемъ отрывкѣ (VI, 20): „Civitates... habent legibus sanctum, si quis...“ Слово *leges* обыкновенно обозначало писанный законодательный текстъ. Авторъ пользуется тѣмъ же терминомъ и въ другихъ мѣстахъ, говоря о конституціи Эдуевъ (VII, 33), Атребатовъ (VII, 76), а также Суэссіоновъ (II, 3).

ституціи Эдуевъ былъ тщательно опредѣленъ способъ, мѣсто и день выбора верховнаго начальника [1]; она устанавливала, что при церемоніи должны были присутствовать жрецы [2]; предсѣдательство въ выборномъ собраніи принадлежало тому, кто въ данное время отправлялъ обязанности высшаго магистрата; онъ же провозглашалъ имя избраннаго [3]. Цезарь подчеркиваетъ здѣсь еще одну черту, которая его поразила: законъ не допускалъ двухъ братьевъ быть магистратами одновременно, онъ не разрѣшалъ имъ даже засѣдать вмѣстѣ въ сенатѣ [4]. Эти предписанія, повидимому, обнаруживаютъ взаимную зависть между знатными семьями, которыя какъ-будто зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы ни одна изъ нихъ не взяла верхъ надъ другою.

Достойно вниманія еще одно правило, заключавшееся въ томъ, что у многихъ народцевъ, напримѣръ, у Эдуевъ, тщательно отдѣлена была высшая гражданская магистратура отъ военачальнической власти [5]. Наконецъ

[1] *Caesar*, VII, 33. Авторъ отмѣчаетъ, какъ нарушеніе закона, избраніе Кота „alio loco, alio tempore atque oportuerit“.

[2] *Caesar*, VII, 33: „Qui per sacerdotes more civitatis esset creatus.“ Замѣтимъ, однакоже, что это мѣсто можетъ быть истолковано двояко въ зависимости оттого, какъ будутъ поняты въ текстѣ два слова—„*intermissis magistratibus*“. Возможно, что здѣсь имѣются въ виду выборы, произведенные подъ руководствомъ жрецовъ за отсутствіемъ магистратовъ.

[3] Это вытекаетъ изъ словъ: „Fratrem a fratre renuntiatum“ (*Ibidem*). Въ самомъ дѣлѣ Котъ былъ братомъ Валетіака, вергобрета предшествующаго года (VII, 32).

[4] *Caesar*, VII, 33: „Cum leges duo ex una familia, vivo utroque, non solum magistratus creari vetarent, sed etiam in senatu esse prohiberent“.

[5] Это правило, намъ кажется, обнаруживается изъ слѣдующихъ словъ Цезаря (VII, 33): „Quod legibus Aeduorum, iis qui summum magistratum obtinerent, excedere ex finibus non liceret“. Поэтому то мы замѣчаемъ нѣсколько дальше (въ главѣ 37), что

Цезарь приводитъ еще одну особенность, которая представляется намъ очень выразительною. «Въ тѣхъ изъ государствъ, которыя наилучшимъ образомъ устроили свое управленіе, предписывается законами, чтобы всякій, кто научится отъ иностранцевъ чему-нибудь, существенно важному для общаго блага, заявлялъ объ этомъ начальнику, но больше никому не открывалъ того, что видѣлъ. Начальники же либо утаиваютъ то, что узнали, либо сообщаютъ народу, смотря потому, какъ они находятъ полезнымъ. Объ общественныхъ дѣлахъ разрѣшается говорить только на собраніи»[1].

Чтеніе сочиненія Цезаря показываетъ достаточно ясно, что всѣ эти правила, какъ-будто точно опредѣленныя и хорошо составленныя, очень плохо соблюдались на дѣлѣ. Но мы должны были ихъ привести для выясненія того, что Галлы, даже въ области государственнаго быта, уже не находились на первоначальной ступени развитія. Далѣе укажемъ, что Галлы практиковали также систему государственнаго обложенія. Цезарь не опредѣляетъ, однако, въ какихъ формахъ она сложилась. Онъ только сообщаетъ, что общественные сборы бывали у нихъ двухъ родовъ. Существовали, прежде всего, прямые налоги; авторъ ихъ называетъ

Конвиктолитавій въ то время, какъ занимаетъ должность вергобрета, не командуетъ войскомъ: „Placuit, ut Litavicus... exercitui praeficeretur“.—Страбонъ, (IV, 4, 3) подтверждаетъ свидѣтельство Цезаря: „Ἕνα ἡγεμόνα ᾑροῦντο εἰς ἐνιαυτόν, ὡς δ'αὕτως εἰς πόλεμον εἷς ἀπεδείκνυτο στρατηγός“. Онъ прибавляетъ еще ту подробность, что военачальникъ былъ избираемъ всѣмъ народомъ „ὑπὸ τοῦ πλήθους“.

[1] *Caesar*, VI, 20: „Quae civitates commodius suam rempublicam administrare existimantur, habent legibus sanctum, si quis quid de republica a finitimis rumore aut fama acceperit, uti ad magistratum deferat, neve cum quo alio communicet... Magistratus, quae visa sunt, occultant, quaeque esse ex usu iudicaverunt, multitudini produnt. De republica nisi per concilium loqui non conceditur“.

tributa и даетъ понять, что они достигали уже чрезмѣрной высоты[1]; всѣ свободные люди были имъ подчинены за исключеніемъ жрецовъ-друидовъ[2]. Рядомъ съ этимъ Цезарь упоминаетъ о косвенныхъ налогахъ; онъ называетъ ихъ *portoria* и *vectigalia*[3], понимая, несомнѣнно, подъ этими словами таможенныя и транзитныя пошлины. Эти сборы отдавались на откупъ частнымъ лицамъ; послѣднія подъ условіемъ внесенія впередъ установленной суммы, которую они уплачивали государству, собирали ихъ въ свою пользу и тѣмъ обогащались[4]. Откупная система, которая удержалась во Франціи при всѣхъ смѣнявшихся порядкахъ вплоть до 1789 г., уже имѣла мѣсто въ древней Галліи.

Воинская служба государству была обязанностью всѣхъ свободныхъ Галловъ. По Цезарю, одни друиды

[1] *Caesar*, VI, 13: „Plerique magnitudine tributorum premuntur“.

[2] *Caesar*, VI, 14: „Druides... neque tributa una cum reliquis pendunt“. Глассонъ (I, 103) думаетъ, что благородные были освобождены отъ податей; но ни одинъ текстъ не подтверждаетъ этого. Изъ того, что Цезарь говоритъ о тяжести налоговъ для простого народа (VI, 13), еще не слѣдуетъ, чтобы знатные не платили ничего.

[3] *Caesar*, I, 18: „Portoria reliquaque Aeduorum vectigalia“.—Подъ именемъ *portoria* у Римлянъ чаще всего разумѣлись провозные тарифы, взымавшіеся при переправѣ черезъ рѣки, при проѣздѣ по мостамъ, даже при пользованіи дорогами. Слово *vectigalia* могло употребляться въ болѣе широкомъ смыслѣ и прилагалось въ Римѣ, напримѣръ, къ обозначенію доходовъ отъ государственныхъ земель либо отъ земель подвластныхъ народовъ, а также къ налогамъ, платившимся этими послѣдними. Другое мѣсто Цезаря, относящееся къ Венетамъ (III, 8), позволяетъ думать, что у Галловъ взымались таможенные сборы при входѣ въ гавани.

[4] *Caesar*, I, 18: „Dumnorigem, complures annos, portoria reliquaque omnia Aeduorum vectigalia parvo pretio redempta habere“ Слово *redimere* употреблялось въ латинскомъ языкѣ, какъ спеціальный терминъ для обозначенія откупа подати или вообще какого-нибудь государственнаго дохода (*Cicero*, Brutus, 22; *Dig.* XIX, 2, 29; L, 5, 8, 1).

были отъ нея избавлены [1]. Въ тотъ день, когда высшій сановникъ созывалъ всѣхъ подъ оружіе, то-есть, объявлялъ «общее военное собраніе» [2], люди, по возрасту своему способные сражаться, должны были явиться всѣ въ назначенный пунктъ. Прибывшій на мѣсто послѣднимъ подвергался казни или, по крайней мѣрѣ, могъ быть приговоренъ къ смерти [3].

Обладало ли государство въ древней Галліи правомъ суда надъ своими членами? Нѣкоторые изслѣдователи сомнѣвались въ этомъ. Съ одной стороны нельзя отрицать, что государство имѣло право наказывать за преступленія, которыя направлялись противъ него самого. Такъ, когда Оргеториксъ сдѣлалъ попытку произвести переворотъ съ цѣлью захватить царскую власть въ свои руки, мы видимъ, что правительство Гельветовъ образовало изъ себя судилище и готовилось покарать

[1] *Caesar*, VII, 14: „Druides a bello abesse consuerunt... militiae vacationem habent“. Военная повинность лежала, главнымъ образомъ, на такъ называемыхъ всадникахъ, то-есть, на знатныхъ (VI, 15): „*Omnes in bello versantur*“. Простой народъ, очевидно, также былъ ей подчиненъ, но, можетъ быть, только въ случаяхъ всеобщаго ополченія—*concilium armatum*, о которомъ будетъ упомянуто сейчасъ ниже.

[2] *Caesar*, V, 56: „(Indutiomarus) armatum concilium indicit; hoc more Gallorum, est initium belli; quo, lege communi, omnes puberes armati convenire consuerunt“.

[3] *Ibidem*: „Qui ex iis novissimus convenit, in conspectu multitudinis omnibus cruciatibus affectus necatur“. Ничто не обнаруживаетъ, чтобы *concilia armata* были собраніями, въ которыхъ обсуждались вопросы войны и мира: *concilium* здѣсь имѣетъ лишь значеніе именно „общаго сбора“. Когда Страбонъ описываетъ нѣкоторыя собранія, на которыхъ запрещалось прерывать говорящаго подъ страхомъ того, что одежда виновнаго будетъ распорота на двое мечемъ блюстителя общественнаго порядка, онъ не говоритъ объ этихъ военныхъ собраніяхъ, но объ особыхъ συνέδρια (*Strabo*, IV, 4, 3).

виновнаго смертью посредствомъ сожженія [1]. Въ другой разъ точно также начальникъ Тревировъ произнесъ приговоръ къ конфискаціи имущества надъ однимъ лицомъ, которое вступило въ союзъ съ Римлянами [2]. Но въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ дѣло, очевидно, касалось именно преступленій противъ государства: тутъ оно дѣйствительно преслѣдуетъ и караетъ. Самое трудное въ данномъ вопросѣ — опредѣлить, являлось ли государство у Галловъ, какъ это происходитъ въ современныхъ обществахъ, судьею преступленій, совершавшихся надъ частными лицами, либо при гражданскихъ тяжбахъ, которыя послѣдніе вели между собою.

Эту задачу, дѣйствительно, мудрено рѣшить. Цезарь сообщаетъ, правда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о жрецахъ-друидахъ, что они разбирали тяжбы и даже судили за преступленія, совершавшіяся между частными лицами [3]. Отсюда дѣлали заключеніе объ

[1] *Caesar*, I, 4: „Orgetorigem ex vinclis causam dicere coegerunt. Damnatum poenam sequi oportebat, ut igni cremaretur. Die constituta, Orgetorix ad iudicium omnem suam familiam... coegit...“— Ошибочно было бы представлять себѣ этотъ судъ, какъ народный; изъ того, что авторъ, говоритъ здѣсь *Helvetii*, а дальше *civitas*, не вытекаетъ, что такое *iudicium* составлялось изъ всего гельветическаго народа. Доказательствомъ противнаго служитъ тотъ фактъ, что достаточно было Оргеториксу явиться передъ судомъ съ своимъ родомъ, домочадцами и рабами (*familia*), чтобы получить возможность избѣгнуть опасности. Послѣднее не оказалось бы исполнимо, если бы коллективнымъ судьею былъ дѣйствительно народъ. Только послѣ его бѣгства мы видимъ, что правительство Гельветовъ черезъ своихъ *magistratus* поспѣшно собираетъ для рѣшенія дѣла большое множество народа, которое пришлось вызывать изъ деревенскихъ поселеній (*ex agris*).

[2] *Caesar*, V, 56: „Cingetorigem, Caesaris secutum fidem, hostem iudicat, bonaque eius publicat“.

[3] *Caesar*, VI, 13: „(Druides) magno sunt apud eos honore. Nam fere de omnibus controversiis publicis privatisque constituunt

отсутствіи въ древней Галліи другихъ судовъ кромѣ суда друидовъ. Но если ближе разсмотрѣть указанный отрывокъ Цезаря, то обнаружатся двѣ вещи. Во-первыхъ, у Цезаря стоитъ слово «почти»—*fere*, котораго нельзя пропускать безъ вниманія: «Они судятъ,—говоритъ онъ,—почти всѣ дѣла»; во-вторыхъ, онъ не утверждаетъ, чтобы такая юрисдикція друидовъ была обязательною, и самый способъ его выраженія заставляетъ думать, что большинство людей добровольно обращалось къ ихъ судейскому авторитету [1]. Любопытно обратить вниманіе на подробность, недостаточно замѣченную, именно, что друиды не обладали принудительною властью и не имѣли права вызывать людей къ своему трибуналу; сами тяжущіеся шли къ нимъ за судомъ и расправою [2]. Цезарь отмѣчаетъ даже какъ спеціальное доказательство большого уваженія народа къ друидамъ, тотъ фактъ, что «всѣ повиновались ихъ приговорамъ» [3]. Объ общеобяза-

et, si quod est admissum facinus, si caedes facta, si de hereditate, de finibus controversia est, iidem decernunt; praemia poenasque constituunt". Страбонъ повторяетъ тоже, что говоритъ Цезарь (IV, 4, 3).

[1] Надо дѣйствительно отдать себѣ отчетъ въ истинномъ смыслѣ предыдущей фразы: „*Magno hi sunt apud eos honore*". Цезарь сообщаетъ, что друиды разсматривали почти всѣ судебные процессы у Галловъ, именно послѣ того, какъ онъ указалъ на большое почтеніе, которымъ у нихъ пользовались жрецы. Такая ассоціація идей еще очевиднѣе у Страбона: „Друиды считаются очень справедливыми, а вслѣдствіе этого имъ довѣряютъ разрѣшеніе всякаго рода частныхъ тяжбъ и общественныхъ споровъ" („...δικαιότατοι νομίζονται καὶ διὰ τοῦτο πιστεύονται τὰς ἰδιωτικὰς κρίσεις καὶ τὰς κοινάς"). По той же причинѣ имъ поручалось преслѣдованіе виновныхъ въ убійствѣ („τὰς φονικὰς δίκας τούτοις ἐπετέτραπτο δικάζειν"). См. *Strabo*, IV, 4, 4.

[2]) *Caesar*, VI, 13: „(Druides) considunt in loco consecrato. Huc omnes undique qui controvesias habent conveniunt".

[3]) *Ibidem*: „Eorumque iudiciis parent".

тельной юрисдикціи, обыкновенно, говорятъ не такимъ тономъ. Прибавимъ, наконецъ, что если кто когда-нибудь противился ихъ рѣшенію, они не имѣли права схватить его и насильно подвергнуть наказанію; они могли только запретить ему участіе въ религіозномъ культѣ [1].

Есть, впрочемъ, въ той же главѣ Цезаря одно мѣсто, въ которое слѣдуетъ вдуматься: «Если человѣкъ, явившись къ трибуналу друидовъ, не повинуется затѣмъ ихъ рѣшенію, они налагаютъ на него отлученіе, и съ тѣхъ поръ, когда этотъ человѣкъ ищетъ правосудія, ему отказываютъ въ таковомъ» [2]. Въ послѣднихъ словахъ сообщается важное свѣдѣніе: авторъ не хочетъ, конечно, сказать, что человѣкъ вновь являлся передъ судомъ тѣхъ же друидовъ, разъ онъ уже не подчинился ихъ приговору; здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о другомъ судилищѣ, къ которому онъ обращался, не удовлетворившись правосудіемъ жрецовъ; но «сила религіознаго запрещенія,—поясняетъ онъ,—такъ велика, что и всякій другой судъ оказывается для него закрытымъ» [3]. Цезарь, стало быть, здѣсь, по край-

[1] *Ibidem*: „Sacrificiis interdicunt". Глассонъ полагаетъ, что друиды были уполномочены назначать наказанія, напримѣръ, изгнаніе, изувѣченіе, смерть („*Hist. du droit*", I, 126); авторъ ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ на Цезаря (V, 53, 54 и 56); но если обратимся къ означеннымъ текстамъ, то увидимъ, что въ указанныхъ мѣстахъ говорится о судебныхъ приговорахъ, произносимыхъ магистратами или вообще правительствами, а не друидами. Что же касается наказаній, производившихся ими надъ людьми, которые, оказывались „in furto aut latrocinio comprehensi" (см. *Caesar*, VI, 16), то изъ текста видно только, что такіе преступники посвящались какъ бы въ жертву богамъ, и друидамъ предоставлялось совершеніе казни надъ ними; но нельзя выводить отсюда, что они сами при этомъ вели процессъ и произносили приговоръ.

[2] *Caesar*, VI, 13: „Quibus ita est interdictum... his omnes decedunt, aditum sermonemque defugiunt, neque his petentibus ius redditur neque honos ullus communicatur".

[3] Связь мыслей Цезаря въ этой фразѣ, очевидно, заклю-

ней мѣрѣ, намекаетъ на другую юрисдикцію кромѣ друидической, какъ намекалъ уже и въ раньше приведенныхъ словахъ: «Они разбираютъ почти всѣ процессы».

Итакъ утверждать вслѣдъ за нѣкоторыми учеными [1], что у Галловъ не существовало никакой государственной организаціи суда для веденія процессовъ и наказанія преступленій, значило бы идти слишкомъ далеко. Необходимо ограничиться констатированіемъ того, что природа ихъ судебнаго устройства и формы судопроизводства остаются намъ неизвѣстны, ибо Цезарю не было повода спеціально о нихъ говорить. Можно только прибавить къ этому, что Галлы обыкновенно предпочитали правосудіе друидовъ государственной юстиціи. Очевидно, что послѣдняя была плохо организована; осуществляясь въ жестокихъ формахъ или проникнутая лицепріятіемъ, она допускала утѣсненіе слабаго сильнымъ, «плебея—магнатомъ»» [2], и вселяла поэтому мало довѣрія. Это обстоятельство объясняетъ сразу и могущество друидовъ, и развитіе патроната и кліентелы, о которыхъ придется говорить ниже.

чается въ томъ, что никто не хотѣлъ имѣть соприкосновенія съ такимъ человѣкомъ, а потому общественное судилище было ему недоступно, такъ же, какъ частныя жилища, такъ же, какъ самыя народныя собранія.

[1] См. напримѣръ, *D'Arbois de Jubainville*, Des attributions judiciaires de l'autorité publique chez les Celtes, въ „Revue celtique", VII, (tirage à part, 2—5).

[2]) *Caesar*, VI, 13: „Iniuria potentiorum premuntur".

ГЛАВА III.

О различныхъ классахъ галльскаго общества.

Общество галльское было сильно отмѣчено аристократизмомъ, и въ немъ образовались очень значительныя неравенства.

Прежде всего въ самомъ низу соціальной лѣстницы находились рабы [1]. Цезарь и Діодоръ нѣсколько разъ упоминаютъ о нихъ. Цезарь обозначаетъ ихъ тѣмъ же названіемъ, какимъ онъ именуетъ римскихъ рабовъ—*servi*, и онъ не замѣчаетъ, чтобы существовало какое-нибудь различіе между рабскимъ состояніемъ въ Галліи и въ Италіи [2]. Онъ указываетъ, впрочемъ, на одинъ оригинальный племенной обычай, однако, какъ кажется, не очень древній: когда умиралъ господинъ, на его погребальномъ кострѣ сожигали нѣсколькихъ изъ его рабовъ [3]. Въ Галліи, какъ и въ Римѣ, рабъ былъ предметомъ собственности; господинъ могъ его продать. Италійскіе купцы находили выгоднымъ покупать такихъ галльскихъ рабовъ, и, если вѣрить Діодору, число ихъ было такъ велико въ Галліи, и они цѣнились тамъ такъ низко, что господа охотно отчуждали раба за ведро вина [4].

[1] *Chambellan* отрицаетъ это. См. «Etudes sur l'hist. du droit français» (1848), pp. 220—223.

[2] Цезарь три раза говоритъ о *servi*. См. V, 45; VI, 19; VIII, 30.

[3] *Caesar*, VI, 19: «Servi... quos ab iis dilectos esse constabat, iustis funeribus confectis, una cremabantur». Онъ прибавляетъ, что это обыкновеніе возникло немного времени до его эпохи («paulo supra hanc memoriam»).

[4] *Diodor*. V, 26: «Πολλοὶ τῶν Ἰταλικῶν ἐμπόρων ἕρμαιον ἡγοῦντα,

Цезарь указываетъ еще одинъ классъ людей, которыхъ онъ называетъ «задолженными» [1]. Мы недостаточно знакомы съ галльскимъ правомъ, чтобы уяснить себѣ, каковы были у нихъ долговые законы. Оба намека, которые встрѣчаются по этому поводу у Цезаря, побуждаютъ думать, что долги вели въ Галліи почти неизбѣжно къ рабству или, по крайней мѣрѣ, ставили человѣка въ очень зависимое положеніе [2]. Галльскіе богачи часто представляются окруженными толпами «должниковъ», которые повиновались имъ, «какъ повинуются господину» [3].

У Галловъ примѣнялся также обычай отпуска на волю [4] (и стало быть существовалъ классъ вольноотпущенниковъ).

Что касается свободныхъ людей, то возможно, что по праву или въ теоріи они были всѣ равны между собою. Но на дѣлѣ между ними выросли глубокія различія. Цезарь неоднократно говоритъ о людяхъ, чрезвычайно богатыхъ. Онъ называетъ намъ, напримѣръ,

τὴν τῶν Γαλατῶν φιλοινίαν. Δίδοντες γὰρ οἴνου κεράμιον ἀντιλαμβάνουσ παῖδα, τοῦ πόματος διάκονον ἀμειβόμενοι».

[1] *Caesar*, I, 4: «Orgetorix... omnes... obaeratos suos, quorum magnum numerum habebat»...

[2] *Ibid.* VI, 13: «Plerique, cum aere alieno premuntur... sese in servitutem dicant nobilibus».

[3] *Ibid.* «In hos eadem sunt iura, quae dominis in servos».—Возможно, что здѣсь идетъ рѣчь лишь о временной кабалѣ срокомъ до возвращенія долга. Быть можетъ, что такой видъ рабства исключалъ право продажи за предѣлы страны. Но, за неимѣніемъ данныхъ, тутъ приходится ограничиваться однѣми догадками.

[4] Цезарь (или Гиртій) два раза упоминаетъ о немъ См. V, 45: «Hic (дѣло идетъ объ одномъ человѣкѣ изъ племени Нервіевъ) servo spe libertatis persuadet, ut litteras ad Caesarem deferat». Ср. VIII, 30: «Drappetem Senonem, servis ad libertatem vocatis». Авторъ не описываетъ, впрочемъ, ни способовъ, ни правовыхъ послѣдствій освобожденія.

одного Гельвета, которому принадлежало болѣе десяти тысячъ слугъ-рабовъ [1], затѣмъ одного Эдуя, который былъ достаточно богатъ, чтобы вооружить на свой счетъ многочисленный отрядъ конницы [2]. Особенно же часто указываетъ онъ на родовую знать [3]. Почти никогда не представляетъ Цезарь намъ Галла, не опредѣливъ, какое мѣсто онъ занималъ въ іерархіи знатности. Одно замѣчаніе его особенно поражаетъ насъ: извѣстно, что въ римскомъ обществѣ во времена Цезаря члены привилегированныхъ классовъ обозначались тремя эпитетами, которые были всѣ три почетными, но не въ одинаковой степени: это были прозванія—*honestus*, *illustris* и *nobilis*. Цезарь примѣняетъ эти три титула и къ Галламъ [4]. Онъ, стало быть, видѣлъ или предполагалъ въ галльскомъ обществѣ ступени знатности, аналогичныя тѣмъ, которыя находилъ въ своей странѣ.

Каково было первоначальное происхожденіе знати у Галловъ?—Авторъ не высказываетъ объ этомъ никакого

[1] *Caesar*, I, 4: «Orgetorix omnem suam familiam, ad hominum milia decem, undique coegit».—Извѣстно, что по-латыни слово *familia* обозначаетъ всю совокупность рабовъ даннаго лица со включеніемъ иногда и другихъ зависимыхъ слугъ, близкихъ къ рабству.

[2] *Ibidem*, I, 18: «Dumnorigem... suam rem familiarem auxisse et facultates magnas comparasse; magnum numerum equitatus suo sumptu semper alere»...

[3] *Ibidem*, VII, 32: «Cotum, antiquissima familia natum, atque ipsum hominem summae potentiae et magnae cognationis».

[4] *Caesar*, V, 45: «Nervius nomine Vertico, loco natus honesto».—VII, 32: «Convictolitavem, illustrem adolescentem».—VI, 19; «Illustri loco natus».—VI, 13: «Nobilibus».—I, 2: «Nobilissimus Orgetorix».—I, 31: «Nobilissimi cuiusque liberos».—I, 18: «Homini nobilissimo ac potentissimo».—I, 7: «Nobilissimos civitatis (у Гельветовъ)».—I, 31: „Nobilissimos civitatis» (у Секвановъ).—I, 31: «Omnem nobilitatem» (у Эдуевъ).—II, 6: «Iccius summa nobilitate» (у Ремовъ).—VII, 67: «Tres nobilissimi Aedui».

собственнаго мнѣнія. Мы можемъ догадываться, что оно связывалось съ древнѣйшимъ (и уже исчезнувшимъ) клановымъ строемъ. Во всякомъ случаѣ, еще во времена Цезаря она составляла наслѣдственную касту. Цезарь обозначаетъ ее еще двумя именами, которыя были одинаково употребительны въ Римѣ — *nobilitas* [1] и *equitatus* [2] — нобилитетъ и всадничество. Можетъ быть, эти два слова, когда прилагаются къ Галламъ, не всегда являются у Цезаря синонимами; мы склонны думать, что они должны были характеризовать двѣ неравныя степени знатности внутри высшаго класса [3].

Весь этотъ классъ, если судить по примѣрамъ, представляемымъ Цезаремъ, былъ одновременно и аристократіею богатства, и воинскою знатью. Ясно, что онъ черпалъ свою силу сразу и въ блескѣ рожденія, и во власти надъ землей, и въ обладаніи оружіемъ [4].

[1] *Ibidem*, I, 31: «Omnem nobilitatem». — V, 6: «Ut Gallia omni nobilitate spoliaretur». — VII, 12: «Omni nobilitate Aeduorum interfecta». — Понятіе — *nobilitas* противополагается понятію — *plebs*. См. V, 3: «Ne omnis nobilitatis discesssu plebs propter imprudentiam laberetur».

[2] *Ibidem*, I, 31: «Omnem equitatum». — VII, 38: «Omnis equitatus». VI, 13: «Genus equitum». — VI, 15: «Alterum genus est equitum». Нѣтъ надобности, разумѣется, предупреждать, что Цезарь употребляетъ попеременно слово *equitatus* то въ смыслѣ всадническаго сословія, то въ смыслѣ конницы, въ послѣднемъ даже гораздо чаще при разсказѣ о битвахъ.

[3] Такое различеніе, на нашъ взглядъ, достаточно ясно обозначается въ текстахъ, подобныхъ слѣдующимъ: «Aeduos omnem nobilitatem, omnem equitatum amisisse» (I, 31); «omnis noster equitatus, omnis nobilitas interiit» (VII, 38).

[4] *Caesar*, VI, 15: «Hi... omnes in bello versantur; atque eorum ut quisque est genere copiisque amplissimus, ita plurimos circum se ambactos clientesque habet». — Въ данномъ отрывкѣ сближены всѣ три элемента знатности — оружіе (*bellum*), родовитость (*genus*), богатство (*copiae*). Кромѣ того, можно вспомнить въ видѣ

Поэтому онъ пользовался большимъ могуществомъ въ государствѣ [1]. Онъ составлялъ значительное большинство въ составѣ сената каждаго народца, и весьма вѣроятно, что всѣ гражданскія магистратуры такъ же, какъ предводительство на войнѣ, принадлежали его членамъ [2].

Рядомъ съ военною знатью въ галльскомъ обществѣ стояло жреческое сословіе. Друиды производили сильное впечатлѣніе на воображеніе древнихъ. Авторы приписываютъ имъ таинственное ученіе о безсмертіи и переселеніи душъ, которое отличалось будто бы большою возвышенностью и духовностью [3]. Историческая критика по нѣкоторымъ соображеніямъ подвергаетъ сомнѣнію фактъ существованія подобнаго рода высокой доктрины у друидовъ. Можно считать досто-

примѣровъ Думнорикса, Кота, Индутіомара, Амбіорикса и самого Верцингеторикса.

[1] Всѣ личности, которыхъ Цезарь изображаетъ, какъ могущественныхъ вождей, принадлежатъ къ этому классу, даже тѣ изъ нихъ, которые, какъ, напримѣръ, Думнориксъ, опирались на простой народъ. Цезарь очень часто сближаетъ понятія могущества и знатности: «Homini nobilissimo ac potentissimo» (I, 18); «antiquissima familia natum, hominem summae potentiae» (VII, 32). Онъ противополагаетъ *potentes* и *plebs* (VI, 11; 13), точно такъ же, какъ послѣднее понятіе и *nobilitas* (V, 3). Онъ говоритъ еще, что Галлы не знали другого могущества кромѣ власти всадника, достаточно богатаго, чтобы создать вокругъ себя многочисленную свиту: «Hanc unam potentiam noverunt» (VI, 15). — Ясно, впрочемъ, что надо сдѣлать ограниченіе въ пользу друидовъ, а также въ пользу народныхъ группъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

[2] Это вытекаетъ съ полною очевидностью изъ того, что Цезарь говоритъ о галльскомъ простомъ народѣ. См. VI, 13.

[3] *Caesar*, VI, 14: «Volunt persuadere non interire animas, sed ab aliis post mortem transire ad alios». — *Diodor*. V, 28; 31; этотъ писатель называетъ ихъ «φιλόσοφοι καὶ θεόλογοι». Ср. *Strabo*, IV, 4, 4 (ed. Didot, p. 164); *Timagen*. (ap. *Amm. Marc.* XV, 9); *Pompon. Mela*, III, 1.

вѣрнымъ и доказаннымъ только то, что друиды сложились въ крѣпко сплоченное жречество. Нужно сказать, что учрежденіе такого характера достойно серьезнаго вниманія историка, такъ какъ другого аналогичнаго примѣра не встрѣчается болѣе у древнихъ народовъ Европы.

Это жречество не было, однако, наслѣдственною кастою, какія встрѣчались въ Индіи. Оно не являлось также простою совокупностью отдѣльныхъ жрецовъ, какъ было въ Греціи, или независимыхъ другъ отъ друга коллегій, какъ въ Римѣ. Галльскіе друиды составляли настоящую единую корпорацію. Они выработали свои догматы, которые были формулированы въ нѣсколькихъ тысячахъ стиховъ [1], но передавались лишь устно; именно въ силу того факта, что они не были записаны, изреченія друидовъ пріобрѣтали особую святость въ глазахъ толпы [2]. Сословіе друидовъ пополнялось новыми членами при помощи долгаго послушничества, такъ что никто не вступалъ въ составъ жречества иначе, какъ послѣ продолжительнаго искуса, въ теченіе котораго душа испытуемаго дрессировалась по волѣ старшихъ [3]. У друидовъ установлена была твердая внутренняя дисциплина и стройная іерархія [4].

[1] Систему этихъ догматовъ Цезарь обозначаетъ словомъ—*disciplina*, т. е., «наука», «изучаемое». См. VI, 14: «Magnum ibi numerum versuum ediscere dicuntur».

[2] *Caesar*, VI, 14: «Neque fas esse existimant ea litteris mandare... quod neque in vulgum disciplinam efferi velint».

[3] *Ibidem*, VI, 14: «Multi in disciplinam conveniunt et a parentibus propinquisque mittuntur. Magnum numerum versuum ediscere dicuntur. Itaque annos nonnulli vicenos in disciplina permanent».

[4] Страбонъ (IV, 4) различаетъ между ними три категоріи: бардовъ, которые воспѣваютъ гимны; *vates*, которые совершаютъ обряды культа, и друидовъ, въ собственномъ смыслѣ, которые являются руководителями и учителями всей корпораціи.

Во главѣ ихъ, наконецъ, стоялъ единый начальникъ, который не назначался государствомъ, а избирался ими самими [1]. Это жречество стояло совершенно независимо отъ всякой гражданской власти. Оно помѣщалось, такъ сказать, внѣ галльскихъ племенъ и какъ бы даже возвышалось надъ ними.

Такая крѣпкая организація придавала друидизму большое значеніе въ мнѣніи жителей Галліи. Проникнувъ въ страну, возможно, изъ Британскихъ острововъ [2], оно, повидимому, подавило довольно скоро всѣ мѣстныя жреческія коллегіи; по крайней мѣрѣ, мы не находимъ въ памятникахъ, которые оставлены намъ древними [3], никакихъ слѣдовъ существованія послѣднихъ. Оно захватило себѣ монополію всѣхъ религіозныхъ функцій, и Римлянина сильно поражалъ тотъ фактъ, что никакое священное дѣйствіе ни въ семьѣ, ни въ государствѣ, не могло быть совершено безъ присутствія друида [4]. Нельзя, какъ кажется, предполагать, чтобы вся галльская религія была создана дру-

[1] *Caesar*, VI, 13: «Omnibus druidibus praeest unus, qui summam inter eos habet auctoritatem. Hoc mortuo, aut, si quis ex reliquis excellit dignitate, succedit, aut, si sunt plures pares, suffragio druidum, nonnunquam etiam armis de principatu contendunt».

[2] Такое предположеніе, по крайней мѣрѣ, высказывается Цезаремъ (VI, 13): «Disciplina in Britannia reperta». Впрочемъ, утверждать это онъ не берется («existimatur»).

[3] Цезарь во всемъ сочиненіи о галльской войнѣ упоминаетъ о «sacerdotes» только одинъ разъ, именно въ томъ мѣстѣ (VII, 33), гдѣ разсказываетъ, что какой-то магистратъ былъ «creatus per sacerdotes more civitatis». Впрочемъ, и здѣсь трудно быть увѣреннымъ, что жрецы, о которыхъ идетъ рѣчь, не тѣ же друиды.

[4] *Caesar*, VI, 13: «Illi (druides) rebus divinis intersunt, sacrificia publica ac privata procurant, religiones (обряды культа) interpretantur».—VI, 16: «Administris ad ea sacrificia druidibus utuntur».—Діодоръ (V, 31) также сообщаетъ, что никто не имѣетъ права совершить жертвоприношеніе въ отсутствіе друида.

дизмомъ, но нужно думать, что друидизмъ въ извѣстную эпоху наложилъ на нее свою властную руку [1].

Друиды присвоили себѣ даже высшее право отлученія человѣка отъ культа. У древнихъ Грековъ и Римлянъ также практиковались подобнаго рода отлученія. Оно составляло сущность того, что у нихъ называлось ἀτιμία или *infamia* [2]. Но въ классическомъ мірѣ только одно государство могло произносить такую кару. Въ Галліи же друиды, если были недовольны какимъ-нибудь лицомъ или даже цѣлымъ народомъ, сами запрещали ему присутствовать и участвовать во всякихъ религіозныхъ обрядахъ [3]. Это оружіе въ ихъ рукахъ было страшно, благодаря той вѣрѣ, которую питало къ нимъ населеніе. «Люди, которымъ запрещенъ культъ, причисляются къ нечестивцамъ и преступникамъ; отъ нихъ сторонятся, избѣгаютъ ихъ приближенія, боятся даже слушать ихъ слова; опасаются быть оскверненными ихъ прикосновеніемъ; для нихъ нѣтъ болѣе правосудія, и никакая гражданская должность имъ недоступна» [2].

[1] Таково выраженіе Цезаря: «Rebus divinis praesunt». Отмѣчая отличіе германскихъ религіозныхъ обычаевъ отъ галльскихъ, онъ говоритъ: «Neque druides habent, qui rebus divinis praesint» (VI, 21). Намъ кажется невозможнымъ установить, въ какую эпоху образовалось друидическое жречество; обыкновенно принимаютъ, впрочемъ, что возникновеніе его не относится къ очень глубокой древности. Невозможно также опредѣлить, которые изъ галльскихъ боговъ созданы были друидизмомъ. Напомнимъ еще, что вліяніе его, по всей вѣроятности, не распространилось на Аквитанію, Нарбоннскую Галлію и Прирейнскій край.

[2] Мы показали это въ трудѣ нашемъ «*La cité antique*». См. кн. III, гл. 12—13.

[3] *Caesar*, VI, 13: «Qui aut privatus aut populus eorum decreto non stetit, sacrificiis interdicunt».

[4] *Ibidem*: «Haec poena apud eos est gravissima. Quibus ita est interdictum, hi numero impiorum ac sceleratorum habentur; his omnes decedunt, aditum sermonemque defugiunt, ne quid ex contagione incommodi accipiant, neque his petentibus ius redditur neque honos ullus communicatur».

Обладая такимъ великимъ могуществомъ и благодаря главнымъ образомъ строгой дисциплинѣ, которая ихъ крѣпко сплачивала среди недисциплированныхъ племенъ, друидическое жречество пріобрѣтало громадную власть надъ гражданскимъ обществомъ. Оно организовалось въ монархическихъ формахъ среди всеобщаго разъединенія и потому стало высшею силою въ странѣ. «Весь народъ былъ подчиненъ друидамъ» [1]. Тексты не устанавливаютъ въ точности, что подобная власть жрецовъ была утверждена племенными законами, или что она являлась составнымъ элементомъ государственнаго устройства. Все, что мы знаемъ о друидахъ, это—то, что они пользовались «большимъ почетомъ» [2].

Поэтому они присвоили себѣ цѣнныя фактическія привилегіи. Повсюду они были освобождены отъ налоговъ на имущество и избавлены отъ личной воинской службы [3]. Можетъ быть, они входили въ составъ мѣстныхъ сенатовъ, какъ утверждаютъ всѣ новѣйшіе историки [4]; но ни Цезарь, ни какой другой древній писатель этого не говорятъ. Имъ, вѣроятно, не нужно было вступать въ сенатъ или отправлять магистратуры, чтобы быть всемогущими [5].

[1] *Diodor*. V, 31: «Πᾶν τὸ πλῆθος ἔχουσιν ὑπήκοον».

[2] *Caesar*, VI, 13: «Magno hi (druides) sunt apud eos (Gallos) honore». *Strabo*, IV, 4, 4: «Παρὰ πᾶσι τιμώμενοι». *Diodor*. V, 31: «Περιττῶς τιμώμενοι».

[3] *Caesar*, VI, 14: «Druides a bello abesse consuerunt, neque tributa cum reliquis pendunt; militiae vacationem omniumque rerum habent immunitatem».

[4] Если цитировать только самыхъ послѣднихъ изъ нихъ, можно упомянуть, что таково мнѣніе *Desjardins* («Géogr. de la Gaule», II, 529; 538) и *Glasson* («Hist. du droit français», I, 98): «Сенатъ каждаго народца составлялся изъ знатныхъ и жрецовъ».

[5] Цезарь, который называетъ многихъ лицъ, пользовавшихся

Какъ было указано выше, друиды чинили судъ и расправу. Хотя Цезарь и не говоритъ, чтобы законъ давалъ имъ право судить, но онъ представляетъ ихъ юрисдикцію, какъ общераспространенное явленіе. «Они разсматриваютъ почти всѣ тяжбы какъ между народами, такъ и между частными лицами; совершено ли преступленіе, какъ, напримѣръ, убійство, поднимается ли споръ о наслѣдствѣ или о границахъ собственности,—во всѣхъ этихъ случаяхъ они произносятъ рѣшеніе; они назначаютъ вознагражденія и пени [1]. Въ опредѣленное время, въ странѣ Карнутовъ, они открываютъ свои судилища въ мѣстѣ, освященномъ религіей; туда сбѣгаются со всѣхъ концовъ тѣ, у кого происходили какіе-нибудь споры, и когда друиды разсмотрятъ дѣло и постановятъ рѣшеніе, всѣ повинуются ему» [2]. Такимъ образомъ, судящіеся сами обращались къ друидамъ. Правосудіе само шло къ нимъ. Цезарь восхищается, не безъ изумленія, этими жрецами, которые, не обладая ни тѣмъ, что Римляне называли *imperium*, ни тѣмъ, что разумѣлось подъ именемъ *ius gladii*, тѣмъ не менѣе умѣли заставить уважать свои приговоры. Онъ объясняетъ это такъ: хотя судившійся, который

вліяніемъ въ государствѣ, и многихъ магистратовъ, ни разу не говоритъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ друидомъ. Новые историки склонны думать, что Эдуй Дивитіакъ былъ друидомъ; но самъ Цезарь, который находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, нигдѣ не указываетъ на такое его званіе.

[1] *Caesar*, Ibidem: „Hi certo anni tempore, in finibus Carnutum, considunt in loco consecrato. Huc omnes undique qui controversias habent conveniunt, eorumque decretis iudiciisque parent“.

[2] *Caesar*, VI, 13: „Fere de omnibus controversiis publicis privatisque constituunt, et si quod est admissum facinus, si caedes facta, si de finibus controversia est, iidem decernunt; praemia poenasque constituunt“. *Strabo*, VI, 4, 4: „Τάς τε ἰδιωτικὰς κρίσεις καὶ τὰς κοινὰς.... τὰς δὲ φονικὰς δίκας μάλιστα τούτοις ἐπετέτραπτο δικάζειν“.

являлся передъ ними, и могъ отвергнуть ихъ рѣшеніе [1] и удалиться свободнымъ, но онъ уносилъ съ собою тогда произнесенное друидами надъ нимъ отлученіе, и жизнь съ тѣхъ поръ становилась для него невыносимой. Ихъ юрисдикцію можно было назвать безапелляціонною, потому что недовольный, какъ отлученный отъ религіи, не находилъ другого суда, который согласился бы пересмотрѣть его дѣло [2].

Таково было могущество друидическаго жречества, по крайней мѣрѣ, если слѣдовать тому, что сообщаетъ Цезарь въ двухъ посвященныхъ вопросу главахъ его сочиненія. Надо, впрочемъ, сознаться, что убѣдительность этихъ двухъ главъ сильно ослабляется остальными частями «Записокъ о галльской войнѣ». Не слѣдуетъ упускать изъ вида того обстоятельства, что Цезарь нигдѣ ничего больше не говоритъ о друидахъ. Въ исторіи тѣхъ восьми лѣтъ, когда ставились на карту всѣ интересы Галліи, когда всякаго рода силы и всѣ различные общественные элементы страны должны были такъ или иначе проявить себя, друиды не обнаруживаются ни разу. Цезарь упоминаетъ о многочисленныхъ раздорахъ между Галлами; друиды никогда не являются ни активными участниками въ нихъ, ни примирителями борющихся сторонъ. Цезарь отмѣчаетъ равнымъ образомъ нѣсколько судебныхъ разбирательствъ, и ни въ одномъ изъ нихъ друиды не выполняютъ функціи правосудія. Когда два Эдуя оспариваютъ разъ одинъ у другого высшую магистратуру, они обращаются къ посредничеству не друидовъ, а Цезаря [3]. Въ нѣскольких государствахъ иногда

[1] *Caesar*, VI, 13: «Si quis eorum decreto non stetit».—Слова Цезаря хорошо показываютъ, что человѣкъ, котораго они осудили, можетъ по доброй волѣ уйти, не подчинившись ихъ приговору.

[2] *Ibidem*: «Neque his petentibus ius redditur».

[3] *Caesar*, VII, 32: „Legati ad Caesarem principes Aeduorum

сталкиваются двѣ партіи; не видно, чтобы друиды поддерживали ту или другую, или хотя бы старались возстановить миръ [1]. Когда становится на очередь еще болѣе важный вопросъ о независимости или подчиненіи Галліи, нѣтъ возможности узнать, стоятъ ли они за независимость или за подчиненіе. Цезарь никогда не ведетъ съ ними переговоровъ. Они не съ нимъ, но и не съ Верцингеториксомъ. Въ томъ большомъ собраніи, на которомъ представители галльскихъ городовъ подготовили общее возстаніе и произнесли клятву на военныхъ знаменахъ, друиды не присутствовали [2].

veniunt oratum, ut civitati subveniat..., quod duo magistratum gerant et se uterque eorum legibus creatum esse dicat".

[1] *Desjardins* (Géographie de la Gaule romaine, II, 529) представляетъ „знать и жречество объединенными въ одинъ союзъ". Утвержденіе это не опирается ни на одинъ текстъ. Цезарь говоритъ только (VI, 13), что въ галльскомъ обществѣ есть два вліятельныхъ класса—всадники и друиды, но онъ не прибавляетъ, что они находились въ тѣсной солидарности другъ съ другомъ. Объ этомъ мы ничего не знаемъ,

[2] *Caesar*, VII, 1; 2: „Principes Galliae indictis inter se conciliis, silvestribus ac remotis locis... Profitentur Carnutes se nullum periculum communis salutis causa recusare... et quoniam in praesentia obsidibus cavere inter se non possint, ne res efferatur, ut iureiurando ac fide sanciatur, petunt, collatis militaribus signis, quo more eorum gravissima caerimonia continetur"... — Предвзятыя идеи такъ могущественно дѣйствуютъ на нѣкоторые умы, что и въ приведенномъ тутъ текстѣ, въ которомъ нѣтъ даже упоминанія о друидахъ, находили доказательство ихъ вліянія. Вотъ какъ толкуетъ его Мишлэ („Histoire de France", I, 63, изд. 1835 года): „Друиды и клановые начальники пришли первый разъ къ соглашенію. Сигналъ былъ данъ изъ друидической земли Карнутовъ, то-есть, изъ Генаба". Въ указанныхъ двухъ главахъ Цезаря нѣтъ ничего подобнаго. Онъ даже не говоритъ, что это тайное сборище „въ глубинѣ лѣсной" имѣло мѣсто на территоріи Карнутовъ. Даже если предположить, что оно происходило именно тамъ, дѣло не измѣнится, такъ какъ ни откуда не видно, чтобы Карнуты были подчинены власти друидовъ болѣе, чѣмъ другія племена. Цезарь часто говоритъ о Карнутахъ и ихъ внутреннемъ строѣ, но никогда не придаетъ друидамъ никакой спеціальной роли у нихъ. Если друиды и держали свои судебныя собранія въ какомъ-нибудь пунктѣ страны Карнутовъ, это также ничего не доказываетъ. Во всякомъ случаѣ, Цезарь даже не говоритъ, что упомянутая знаменитая мятежная сходка дѣйствительно собиралась въ ихъ землѣ. Клятва на военныхъ знаменахъ сама по себѣ не представляетъ ничего друидическаго такъ какъ друиды „a bello abesse consuerunt" (VI, 14).

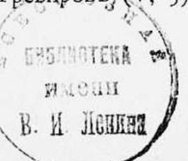
Мы ихъ не видимъ ни въ Герговіи, ни въ Алезіи.

Есть, стало быть, основанія отнестись съ нѣкоторою сдержанностью къ показаніямъ Цезаря о друидахъ и особенно предостеречь себя противъ преувеличеній, которыя современные историки построили на одномъ этомъ свидѣтельствѣ. Сказать, что «друидамъ принадлежала огромная доля въ управленіи Галліею» [1], — это значитъ пойти слишкомъ далеко. Слѣдуетъ ограничиться предположеніемъ, что они, какъ жрецы, пользовались большимъ авторитетомъ, что многія лица обращались къ нимъ со своими тяжбами, что ихъ правосудіе предпочиталось даже юстиціи государства. Въ политической области они владѣли такими фактическими привилегіями, которыя оказывались могущественнѣе даже, чѣмъ закономъ установленная власть. Мы убѣждены, что они были свободны отъ общественныхъ повинностей, но не увѣрены, являлись ли они обладателями государственной власти. Ихъ независимость по отношенію къ гражданскимъ правительствамъ гораздо лучше доказывается текстами, чѣмъ ихъ господство надъ государствомъ.

Рядомъ со знатью, повсюду могущественной, и этой друической корпораціей, чрезвычайно сильной въ ея обособленности, свободные простолюдины составляли лишь слабую и темную массу—*plebs* [2]. Цезарь изобра-

[1] *Desjasdins*, Géographie de la Gaule, II, 529.

[2] Цезарь называетъ *plebs* у Эдуевъ (I, 3; 17; VII, 42), у Тревировъ (V, 3), Битуриговъ (VII, 13), Белловаковъ (VIII, 7; 21).

жаетъ ее классомъ, презираемымъ и утѣсненнымъ. «Плебеи не принимаются въ разсчетъ, — говоритъ онъ [1], они не смѣютъ дѣлать ничего сами по себѣ, ихъ не допускаютъ ни въ какой совѣтъ; съ ними обращаются почти какъ съ рабами» [2].

У Галловъ существовали, однако же, промышленность и торговля, т.-е., на жизнь ихъ вліяли именно такіе факторы, которые могли мало-по-малу создать и возвысить богатаго разночинца рядомъ съ военною знатью. У нихъ выдѣлывались сукна, полотна, оружіе, глиняная посуда, колесницы, драгоцѣнные предметы, украшенія. Но возникалъ ли около такого производства особый ремесленный классъ? Мы не можемъ этого утверждать, такъ какъ древніе даже не говорятъ намъ, осуществлялось ли оно трудомъ рабскихъ или свободныхъ рукъ. Цезарь упоминаетъ также о торговыхъ людяхъ въ Галліи. Но намъ невозможно сказать, были ли они многочисленны и состоятельны, занимали ли они сколько-нибудь видное мѣсто въ обществѣ и получили ли нѣкоторое значеніе въ государствѣ. Мы обречены на незнаніе очень многаго въ древне-галльскихъ отношеніяхъ.

Въ Галліи, какъ кажется, не образовалось ко времени Цезаря отдѣльнаго городского класса, по крайней мѣрѣ, такого, который имѣлъ бы нѣкоторый вѣсъ и численность. Въ ней было не мало городовъ, но, за исключеніемъ четырехъ или пяти, всѣ были незначительны. Они не являлись крупными и важными цен-

Наконецъ (VI, 11; 13), онъ говоритъ о „плебсѣ", какъ объ общественномъ слоѣ, который существуетъ во всей Галліи („in omni Gallia").

[1] *Caesar*, VI, 13: „Eorum hominum, qui aliquo sunt numero, genera sunt duo... alterum druidum, alterum equitum".

[2] *Ibidem*: „Nam plebs paene servorum habetur loco, quae nihil audet per se, nullo adhibetur consilio".

трами населенія. Мы замѣчаемъ, что когда магистраты хотятъ собрать большое количество народа, они должны искать его среди полей [1]. Если Цезарь неожиданно появляется передъ какимъ-нибудь городомъ, онъ обыкновенно находитъ на его стѣнахъ лишь очень мало защитниковъ [2]. Города могутъ сопротивляться только при томъ условіи, если они наполнятся сельскимъ населеніемъ.

Съ другой стороны классъ крестьянъ-собственниковъ также, повидимому, не былъ очень многочисленъ. Цезарь констатируетъ въ сельскихъ мѣстностяхъ огромныя количества людей, ничего не имѣющихъ, которыхъ онъ называетъ «нищими и потерянными», *egentes et perditi* [3]. Пролетаріатъ уже являлся, такимъ образомъ, бичомъ Галліи и подготовлялъ въ ней удобную почву для всевозможныхъ волненій. Богатые собственники — тѣ, которыхъ Цезарь поименовываетъ, принадлежали всѣ къ знати — занимали обыкновенно на берегу рѣчного потока или въ глубинѣ лѣса родъ обширной господской усадьбы, въ которой они селились, окруженные многочисленными домочадцами [4].

[1] *Caesar*, I, 4: „Quum multitudinem hominum ex agris magistratus cogerent".

[2] См., напримѣръ, о Новіодунѣ, столицѣ Суэссіоновъ—*Caesar*, II, 12: „Id ex itinere oppugnare conatus, quod vacuum ab defensoribus esse audiebat... paucis defendentibus, expugnare non potuit".

[3] *Caesar*, III, 17: „Multitudo perditorum hominum latronumque quos spes praedandi ab agricultura et quotidiano labore revocabat".— VII, 4: „In agris habet delectum egentium ac perditorum".—VIII, 30: „Collectis undique perditis hominibus".

[4] *Caesar*, VI, 30: „Aedificio circumdato silva, ut sunt fere domicilia Gallorum, qui, vitandi aestus causa, plerumque silvarum atque fluminum petunt propinquitates". Въ *aedificium* подобнаго рода обиталъ Амбіориксъ, окруженный своими *comites* и *familiares*, число которыхъ было достаточно внушительно, чтобы оказаться въ состояніи задерживать нѣкоторое время конницу Цезаря.

На основаніи разсмотрѣнныхъ подробностей мы можемъ составить себѣ общее понятіе о галльскомъ обществѣ: многочисленное сельское населеніе и ничтожный городской классъ; множество людей, привязанныхъ къ землѣ, но очень мало собственниковъ; много слугъ и мало господъ; простонародье, которое ни во что не ставится; очень почитаемое жречество; чрезвычайно могущественная военная аристократія—таковы существенные признаки внутренняго строя этого общества.

Можно указать одну черту въ галльскихъ нравахъ, которая выясняетъ, какъ рѣзко были у нихъ обозначены классы и какъ глубоко раздѣленіе между ними. «У Галловъ во время пировъ,—говоритъ одинъ древній писатель,—почетнѣйшее мѣсто находилось по серединѣ; его занимаетъ тотъ, кто выше всѣхъ по достоинству, рожденію или богатству; остальные разсаживаются болѣе или менѣе близко отъ него, смотря по ихъ положенію, позади каждаго помѣщается оруженосецъ; тѣлохранители садятся напротивъ своихъ господъ, рабы служатъ въ круговую» [1].

ГЛАВА IV.

О кліентелѣ у Галловъ.

Характерная особенность общественныхъ отношеній Галліи въ эпоху до римскаго завоеванія проявляется въ томъ обстоятельствѣ, что около учрежденій, пра-

[1] *Posidonius* (ар. *Athenaeum*), IV, 36.

вильныхъ и узаконенныхъ, развивался другой рядъ учрежденій, которыя совершенно отличались отъ первыхъ и даже были враждебны имъ.

Описаніе Цезаря обнаруживаетъ совершенно ясно, что обычная конституція галльскихъ государствъ шла въ разрѣзъ съ интересами низшихъ классовъ. Онъ въ особенности отмѣчаетъ, что государство мало заботилось о защитѣ безопасности слабыхъ членовъ общества. Человѣкъ, который не былъ ни друидомъ, ни всадникомъ, былъ ничѣмъ въ государствѣ и не могъ совсѣмъ разсчитывать на защиту послѣдняго. Законы плохо оберегали его, общественныя власти за него не вступались. Если онъ оставался одинокимъ, предоставленнымъ собственнымъ силамъ, для него исчезала всякая гарантія, которая обезпечивала бы свободу его личности и давала бы ему спокойно пользоваться своимъ добромъ.

Такая слабость государственныхъ учрежденій породила обычай, который сильно поразилъ вниманіе Цезаря, и авторъ старательно отмѣтилъ его. Люди бѣдные и немощные искали покровительства у человѣка могущественнаго и богатаго, чтобы пріобрѣсти возможность жить въ мирѣ и получить охрану отъ насилій [1]. Они вступали въ подчиненіе къ нему въ обмѣнъ на оказываемое имъ покровительство. Они какъ бы отдавали ему себя и съ тѣхъ поръ принадлежали ему безраздѣльно. Хотя они по закону не обращались въ рабство, но покровитель имѣлъ столько же правъ надъ ихъ личностью, какъ если бы они были настоящими рабами [2]. Онъ былъ ихъ господиномъ, они—его слу-

[1] *Caesar*, VI, 13: „Plerique, quum aut aere alieno aut magnitudine tributorum aut iniuria potentiorum premuntur, sese in servitutem dicant nobilibus“.

[2] *Caesar*, VI, 13: „In hos eadem omnia sunt iura quae dominis in servos“. Впрочемъ, не слѣдуетъ понимать словъ Цезаря слиш-

гами. Языкъ Галловъ обозначалъ ихъ терминомъ амбактовъ [1]; Цезарь называетъ ихъ кліентами, а это слово на латинскомъ языкѣ выражало понятіе очень тѣсной зависимости [2].

комъ буквально. Мы легко представимъ себѣ, что такихъ добровольныхъ слугъ не могъ продать третьимъ лицамъ господинъ, которому они свободно отдались. Затѣмъ еще остается неразъясненнымъ вопросъ, не сохраняли ли они права покинуть даннаго господина, либо чтобы подчиниться другому, либо чтобы возвратиться къ свободѣ.

[1] *Ibidem*, VI, 15: „Ambactos clientesque". Терминъ *ambactus*, повидимому, кельтскаго происхожденія. Одинъ древній текстъ, впрочемъ, сомнительной подлинности (См. *Festus*, ed. Müller, p. 4), заставляетъ думать, что его уже зналъ Энній, но именно какъ кельтское слово: „Ambactus apud Ennium lingua gallica servus appellatur". Новые нѣмецкіе ученые обращаютъ его въ германское реченіе, такъ какъ въ немъ замѣтно нѣкоторое сходство со словомъ *Amt* (см. *Grimm*, Geschichte der deutschen Sprache, стр. 31—34; *Mommsen*, Röm. Gesch. III, 220). Какъ бы то ни было, но спеціальное положеніе амбактовъ ясно обрисовывается слѣдующею фразою Цезаря (VI, 15): „Equites in bello versantur, atque eorum ut quisque est genere copiisque amplissimus, ita plurimos circum se ambactos clientesque habet". Отсюда видно: 1) что надо было быть богатымъ, чтобы владѣть амбактами, и это наводитъ на мысль, что ихъ приходилось оплачивать или вообще какъ-нибудь вознаграждать; 2) что именно военачальники держали амбактовъ, и что слѣдовательно служба этихъ послѣднихъ должна была заключаться въ охранѣ и поддержкѣ вождя на войнѣ. Это не настоящіе рабы, а воины, прикрѣпленные къ личности предводителя.

[2] *Idem*, I, 4: „Omnes clientes obaeratosque suos conduxit".— VI, 15: „Ambactos clientesque".—VI, 19: „Servi et clientes".—VII, 4: „Convocatis suis clientibus".—VII, 40: „Litavicus cum suis clientibus".— Мы склонны предполагать, что галльское кліентство есть учрежденіе болѣе древнее, чѣмъ считаетъ Цезарь, и что источникъ его болѣе отдаленный. Корни его кроются, можетъ быть, въ исконномъ клановомъ строѣ. Но это догадка, которая при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о галльской древности не можетъ быть доказана. Поэтому мы считаемъ болѣе благоразумнымъ держаться объясненія Цезаря.

Авторъ выставляетъ описываемый имъ особый видъ ассоціаціи, какъ очень распространенный по всей Галліи. Онъ говоритъ, что цѣль, которой данное учрежденіе служило, заключалась въ томъ, «чтобы простой народъ всегда находилъ для себя опору» [1]. Здѣсь не идетъ, однако, рѣчь о такомъ сообществѣ, въ которомъ люди равные взаимно поддерживаютъ одинъ другого. Мы встрѣчаемся тутъ съ союзомъ слабыхъ и сильнаго. Слабый обрекаетъ себя на покорность; сильный повелѣваетъ столько же, сколько охраняетъ. Власть покровителя почти безгранична: «онъ рѣшаетъ все и обо всемъ произноситъ свой приговоръ» [2]. Такіе вожди-патроны не избирались, повидимому, всѣми кліентами сразу въ одинъ и тотъ же день, какъ коллективною группою. Каждый въ отдѣльности самъ по себѣ отдавался подъ руку такому начальнику. Понятно, что подобное индивидуальное и добровольное закабаленіе слабаго люда естественно совершалось въ пользу того лица, которому удавалось пріобрѣсти въ странѣ наибольшее значеніе, за которымъ рожденіе, состояніе или военная доблесть обезпечивали одно изъ первыхъ мѣстъ въ племени. Такъ какъ слабые заботились единственно о томъ, чтобъ получить покровителя, они обращались къ тому, кого считали наиболѣе способнымъ ихъ охранять, то-есть, именно къ самому богатому и могущественному человѣку въ округѣ. Въ вознагражденіе за такой патронатъ они вступали къ нему въ подчиненіе. Опекаемые становились кліентами, то-есть, подданными. Такъ между слабыми и сильнымъ заклю-

[1] *Caesar*, VI, 11: „Ne quis ex plebe auxilii egeret".

[2] *Ibidem*: „Earum factionum principes sunt, quorum ad arbitrium iudiciumque summa omnium rerum consiliorumque redeat".— Извѣстно, что слово *factio* въ латинскомъ языкѣ того времени обозначало ассоціацію вообще, безъ оттѣнка одобренія или осужденія ея цѣли или характера.

чалось нѣчто вродѣ договора. Они постолько обязаны были ему повиноваться, посколько тотъ ихъ оберегалъ. Они отказывали ему въ покорности, лишь только убѣждались, что онъ не умѣетъ ихъ защитить [1].

Рядомъ съ добровольною кабалою слабаго у сильнаго существовалъ въ галльскомъ обществѣ еще другой видъ также, впрочемъ, добровольнаго подчиненiя воина кому-нибудь изъ вождей. Всякiй знатный и богатый человѣкъ могъ собирать вокругъ себя дружину вооруженныхъ мужей [2]. Эти группы не входили въ составъ государственнаго или племеннаго ополченiя; члены ихъ были какъ бы частными воинами своего начальника. Они сражались не за родину, а за него. Они получали приказанiя только отъ него. Они поддерживали его во всѣхъ предпрiятiяхъ и противъ всѣхъ враговъ. Они жили съ нимъ, дѣлили удачи и неудачи вождя. Связь, которая соединяла ихъ съ нимъ, укрѣплялась священною клятвою, обладавшею необычайной силою: они «посвящали ему себя» [3]. Поэтому имъ никогда не дозволялось покидать его. Чтобы спасти его жизнь, они жертвовали своею. Если онъ погибалъ, клятва ихъ запрещала имъ переживать его [4]. Они должны были

[1] Это вытекаетъ изъ слѣдующей фразы Цезаря (VI, 11): „Suos quisque opprimi et circumveniri non patitur, neque, aliter si faciat, ullam inter suos habet auctoritatem".

[2] *Diodor*. V, 29: „Ἐπάγονται καὶ θεράποντας ἐλευθέρους ἐκ τῶν πενήτων καταλέγοντες, οἷς παρασπισταῖς χρῶνται κατὰ τάς μάχας".

[3] *Caesar*, III, 22: „Cum devotis quos illi soldurios appellant, quorum haec est conditio, uti omnibus in vita commodis una cum iis fruantur, quorum se amicitiae dediderint".—*Valer. Max.* II, 6: „Pro cuius salute spiritum devoverant".

[4] *Caesar*, III, 22: „Eumdem casum una ferant, aut sibi mortem consciscant... Neque adhuc repertus est quisquam, qui, eo interfecto, cuius se amicitiae devovisset, mori recusaret".—*Valer. Max.* II, 6: „Nefas esse ducebant proelio superesse, quum is occidisset".

умереть около его трупа, или, какъ рабы его, предать себя сожженiю на его кострѣ [1].

Сила галльскаго вождя измѣрялась количествомъ людей, которые были такимъ образомъ привязаны къ его особѣ. «Тотъ могущественнѣе всѣхъ между ними,— говоритъ Полибiй,— кто насчитываетъ въ своей свитѣ наибольшее число слугъ и воиновъ» [2]. «Они постоянно воюютъ между собою,—говоритъ Цезарь о галльскихъ начальникахъ,—и каждый изъ нихъ окружаетъ себя толпою амбактовъ и клiентовъ, число которыхъ ростетъ вмѣстѣ съ его богатствомъ; они не знаютъ другого способа достиженiя могущества» [3]. «Знатные употребляютъ свои богатства для вербованiя людей; они содержатъ и кормятъ около себя многочисленные отряды конныхъ воиновъ» [4].

Многiя изъ такихъ личностей появляются въ сочиненiи Цезаря. Таковъ прежде всего богатый и знатный Гельветъ Оргеториксъ, собравшiй разъ въ одно мѣсто отовсюду до 10,000 слугъ, которые составляли его частный домъ (*familia*), не считая безчисленнаго количества клiентовъ [5]. Таковъ далѣе Эдуй Думнориксъ, также чрезвычайно богатый, который содержалъ на свои средства цѣлый отрядъ всадниковъ [6].

[1] *Caesar*, VI, 19: „Clientes, funeribus confectis, una (cum patrono) cremabantur".—Однако этотъ обычай уже не существовалъ во времена Цезаря.

[2] *Polyb*. II, 17.

[3] *Caesar*, VI, 15: „Eorum ut quisque est genere copiisque amplissimus, ita plurimos circum se ambactos clientesque habet; hanc unam gratiam potentiamque noverunt".

[4] *Idem*, II, 1: „Potentiores atque ii, qui ad conducendos homines facultates habebant".—I, 18: „Magnum numerum equitatus suo sumptu semper alere et circum se habere".

[5] *Idem*, I, 4: „Omnem suam familiam, ad hominum milia decem, undique coegit, et omnes clientes obaeratosque suos, quorum magnum numerum habebat, eodem conduxit".

[6] *Idem*, I, 18.

Таковъ еще Аквитанецъ Адіатунъ, который насчитывалъ около себя не меньше 600 «предавшихся» ему людей [1]. Таковъ и Луктерій, у котораго цѣлый городъ находился «въ кліентной зависимости» [2]. Таковъ, наконецъ, Верцингеториксъ, который уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности могъ составить изъ одних своихъ кліентовъ настоящее войско [3].

Легко понять, насколько этотъ институтъ кліентелы противорѣчилъ нормальнымъ учрежденіямъ государства, и какъ много смуты вносили кліентскія отношенія въ ихъ правильное функціонированіе. Люди, обладавшіе такимъ громаднымъ могуществомъ, рѣдко являлись покорными гражданами. Они могли, какъ Оргеториксъ, возстать противъ общественной власти и поставить себя выше законовъ, или, какъ Верцингеториксъ, силою изгнать цѣлый сенатъ и забрать въ руки правленіе [4]. Законы и избранныя должностныя лица были менѣе сильны, чѣмъ эти могущественные магнаты, за которыми слѣдовали съ безграничною преданностью тысячи слугъ и воиновъ. Каждый изъ нихъ являлъ изъ себя подобіе монарха внутри республики. Эдуи признались разъ Цезарю, что властъ ихъ сената и магистратовъ парализована волею одного Думнорикса [5]. Если появлялись у одного и того же народа два подобныхъ вождя съ одинаково многочисленною кліентелою, то неизбѣжно возгорались междоусобныя распри [6]. Если же подни-

[1] *Caesar*, III, 22.

[2] *Idem*, VIII, 32: „Oppidum Uxellodunum, quod in clientela fuerat eius".

[3] *Idem*, VII, 4: „Vercingetorix summae potentiae adulescens, convocatis suis clientibus... ad arma concurritur".

[4] *Idem*, I, 4; VII, 4.

[5] *Idem*, I, 17: „Privatim plus possunt, quam ipsi magistratus".

[6]) Такъ, напримѣръ, народъ Эдуевъ былъ раздѣленъ одно время между Котомъ и Конвиктолитавіемъ (VII, 32): „Divisum populum, suas cuiusque eorum clientelas... Quod si diutius alatur controversia, fore, ut pars cum parte civitatis confligat".

мался только одинъ, то въ его власти было низвергнуть республику и установить монархію [1].

ГЛАВА V.

О демократическихъ элементахъ въ галльскомъ обществѣ.

Когда внимательно вглядываешься въ картину, которую даетъ Цезарь о бытѣ Галловъ, наталкиваешься на нѣкоторое противорѣчіе въ ней. Въ главѣ, гдѣ авторъ даетъ описаніе общей системы государственныхъ учрежденій галльскихъ народовъ, онъ утверждаетъ, что форма правленія была у нихъ повсюду аристократическая, что друиды и всадники одни имѣли активное значеніе въ государствѣ; простой же народъ, находившійся почти въ рабскомъ состояніи, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ общественныхъ. Но въ главахъ, гдѣ римскій историкъ просто повѣствуетъ о событіяхъ, онъ наводитъ на мысль, что и народу принадлежало нѣкоторое значеніе, такъ какъ честолюбивые люди часто стремились пріобрѣсти его расположеніе [2]. Нѣсколько разъ Цезарь разсказываетъ, какъ

[2] Примѣры: Оргеториксъ (*Caesar*, I, 3), Думнориксъ (I, 18), Верцингеториксъ (VII, 4).

[1] *Caesar* I, 3: „Dumnorix maxime plebi acceptus erat". — I, 18: „Dumnorigem magna apud plebem propter liberalitatem gratia, cupidum rerum novarum". — VIII, 21: „Correus, concitator multitudinis".

народъ предписывалъ правительству свою волю или препятствовалъ осуществленію воли магистратовъ [1]. Онъ нерѣдко волновался [2], вмѣшивался въ теченіе политическихъ дѣлъ и вліялъ на разрѣшеніе самыхъ важныхъ вопросовъ [3]. Всегда оказывался онъ достаточно сильнымъ, чтобы вызвать смуты въ государствѣ, иногда даже чтобы захватить въ немъ господство [4].

Какимъ образомъ зародился и сложился этотъ классъ галльскаго „плебса" въ видѣ политической силы? Какъ онъ выросъ? Римскій историкъ не даетъ намъ отвѣтовъ на такіе вопросы. Возможно, что друиды, находясь въ соперничествѣ со свѣтскою знатью, содѣйствовали развитію его могущества. Можно также думать, что взаимные раздоры вліятельныхъ родовъ благопріятствовали усиленію народной массы.

Совсѣмъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, которыя указывали бы намъ, какова была обыкновенно природа желаній и требованій народа. Добивался ли онъ завоеванія политическихъ правъ или только гражданскихъ, которыми до тѣхъ поръ еще не пользовался? Стремился ли онъ принимать участіе въ управленіи или раздѣлить со знатью богатство и обладаніе землею? Цезарь ничего не сообщаетъ обо всемъ этомъ. Впрочемъ,

[1] *Caesar*, I, 17: „Esse nonnullos, quorum auctoritas apud plebem plurimum valeat, qui privatim plus possint, quam magistratus; hos multitudinem deterrere, ne frumentum conferant".

[2] *Idem*, VII, 13: „Plebem concitatam". — VII, 42: „Plebem ad furorem impellit".

[3] *Idem*, V, 3: „Ne nobilitatis discessu plebs propter imprudentiam laberetur". — VII, 28: „Ne qua in castris misericordia vulgi seditio oriretur". — VII, 43: „Propter inscientiam levitatemque vulgi".—Мы видимъ, что у Белловаковъ, пока жилъ Коррей—„concitator multitudinis, nunquam senatus tantum potuit, quantum imperita plebs" (VIII, 21).

[4] Цезарь изображаетъ, какъ *Eburovices* и *Lexovii* перебили членовъ своего сената (III, 17).

можно сдѣлать одно замѣчаніе на основаніи его изложенія. Съ одной стороны нашъ писатель никогда не приписываетъ галльскому народу проведеніе сознательнаго принципа или опредѣленной политической теоріи; онъ никогда не изображаетъ его также соединеннымъ въ общее собраніе. Съ другой стороны онъ рисуетъ его почти всегда слѣдующимъ за какимъ-нибудь могущественнымъ вождемъ, получающимъ отъ него указанія, повинующимся его волѣ, дѣйствующимъ какъ бы только для него и отъ его имени и наконецъ охотно провозглашающимъ послѣдняго своимъ верховнымъ властителемъ.

Такимъ образомъ, между инстиктивнымъ влеченіемъ этого простонародья и честолюбивыми замыслами тѣхъ, кто добивался высшей власти, замѣчалась какая-то тѣсная связь. Луернъ сдѣлался царемъ Арверновъ, завоевавъ расположеніе толпы раздачами денегъ [1]. Думнориксъ, который мѣтилъ на царство у Эдуевъ, также являлся дорогимъ массѣ народной [2]. Верцингенториксъ, прежде чѣмъ стать царемъ, изгналъ сенатъ изъ государства съ помощью войска, «которое онъ набралъ изъ пролетаріевъ и потерянныхъ людей» [3]. Народная масса была

[1] ***Posidonius*** (ap. *Athen.*), IV, 37: „Τὸν Λουερνὸν δημαγωγοῦντα τοὺς ὄχλους, σπείρειν χρυσὸν ταῖς ἀκολουθούσαις τῶν Κελτῶν μυριάσι".

[2] Большая популярность и сильное честолюбіе Думнорикса одинаково отмѣчаются Цезаремъ. См. I, 17; 18: „Dumnorigem magna apud plebem gratia, cupidum rerum novarum... facultates ad largiendum magnas comparasse". — I, 3: „Dumnorigi persuadet, ut idem conaretur (id est, ut regnum occuparet)... regno occupato".—V, 5; 6: „Hunc (Dumnorigem) cupidum rerum novarum, cupidum imperii cognoverat... Dumnorix dixerat sibi a Caesare regnum civitatis deferri".

[3] *Caesar*, VII, 4: „A Gobannitione reliquisque principibus expellitur ex oppido Gergovia... In agris habet delectum egentium ac perditorum... Adversarios suos, a quibus paulo ante erat eiectus, expellit ex civitate. Rex ab suis appellatur".

особенно вліятельна у Тревировъ и Эбуроновъ; первый изъ этихъ народовъ управлялся царями, во главѣ второго стоялъ сановникъ, похожій на диктатора, которому не хватало лишь имени царской власти [1]. Цезарь хорошо опредѣляетъ характеръ этихъ маленькихъ демократическихъ монархій, влагая въ уста одного изъ такихъ царьковъ слѣдующія слова: «Моя власть такова, что масса имѣетъ столько же правъ надо мною, сколько я надъ нею» [2]. Нельзя найти тутъ ни свободныхъ формъ государственнаго устройства въ настоящемъ смыслѣ слова, ни истинной монархіи; здѣсь идетъ рѣчь о такомъ порядкѣ, при которомъ низшій классъ, какъ верховный властелинъ, передаетъ все свое могущество единому лицу по собственному выбору; причемъ онъ всегда можетъ низвергнуть и сломить такого монарха по первому желанію, какъ только почувствуетъ, что тотъ уклоняется отъ служенія его интересамъ.

Галльское общество въ тѣ времена, когда его зналъ Цезарь, было обществомъ, чрезвычайно неспокойнымъ. Въ немъ установилось, правда, узаконенное и правильное государственное устройство, принимавшее въ большинствѣ случаевъ форму аристократической республики, которая находилась подъ руководствомъ класса, привыкшаго къ управленію. Но сквозь такой легальный порядокъ пробивались съ одной стороны патронатъ и кліентела, которые способствовали утвержденію въ каждомъ государствѣ нѣсколькихъ частныхъ владыкъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ само государство; съ другой стороны позади него поднималась народная масса, и послѣдняя, примыкая къ тѣмъ изъ магнатовъ, которые ей льстили, работала для осно-

[1] *Idem*, V, 3; V, 24—27.

[2] *Caesar*, V, 27.

ванія монархіи или демократической диктатуры [1].

Въ постоянной борьбѣ этихъ враждебныхъ элементовъ, групповыхъ интересовъ или личныхъ честолюбій никакое учрежденіе не оставалось прочнымъ, никакое управленіе не могло устоять. Если будемъ всматриваться въ подробности событій, которыя разсказываетъ Цезарь, и попробуемъ разобраться въ мысляхъ людей, принимавшихъ участіе въ нихъ, то замѣтимъ, что вопросъ, который всего болѣе волновалъ Галлію въ ту пору, былъ именно вопросъ о народномъ правленіи. Главное вниманіе населенія было обращено въ эту сторону. Кажется вообще, что трудъ, религія, экономическій и духовный прогрессъ, даже величіе отечества и его независимость, все это были предметы, мало захватывавшіе умы жившихъ тогда поколѣній. Главныя желанія, усилія, чувствованія были направлены къ достиженію торжества той или другой изъ боровшихся партій. Политическія распри наполняли существованіе людей и повергали общество въ смуту.

ГЛАВА VI.

Какъ Галлія была завоевана Цезаремъ? [2]

«Изъ всѣхъ войнъ, предпринимавшихся Римлянами, ни одна не была такъ кратковременна, какъ та, которая велась противъ Галловъ». Таково замѣчаніе

[1] *Idem*, VI, 11: „Omnes civitates in partes divisae sunt duas".

[2] Мы не будемъ разсказывать хода первыхъ римскихъ завоеваній въ Галліи, то-есть, тѣхъ, которыя были совершены отъ

Тацита [1]. Въ самомъ дѣлѣ Италія и Испанія боролись съ Римомъ въ продолженіе жизни нѣсколькихъ поколѣній; чтобы подчинить Карѳагенъ и даже Грецію, Римлянамъ оказалось необходимымъ проявить чудеса энергіи или искусства. Галлія же была завоевана въ пять походовъ [2].

125 до 122 года до Р. Хр. и имѣли результатомъ образованіе провинціи, называвшейся съ тѣхъ поръ *Нарбоннскою*. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы самостоятельно изучить вопросъ, указываемъ слѣдующіе источники: 1) *Epitome* Тита Ливія (кн. 61-я); 2) *Acta triumphalia capitolina*, въ которыхъ сообщается о тріумфахъ Секстія Кальвина надъ Лигурами, Воконціями и Салліями, Квинта Фабія надъ Аллоброгами и Арвернами, Домиція Агенобарба надъ Арвернами, см. *Corpus Inscriptionum Latinarum*, т. I, стр. 460; 3) Страбона кн. IV, гл. 1—2; 4) Флора кн. I, гл. 37.— Амміанъ Марцеллинъ (XV, 12) такъ резюмируетъ факты: „Hae regiones paulatim levi sudore sub imperium venere romanum, primo tentatae per Fulviun, deinde proeliis parvis quassatae per Sextium ad ultimum per Fabium Maximum domitae“. Флоръ такъ объясняетъ легкость этого завоеванія: противъ Салліевъ Римъ былъ поддержанъ Массиліей, противъ Арверновъ и Аллоброговъ онъ получалъ помощь отъ Эдуевъ. Напомнимъ, что Римляне основали *Aquae Sextiae* въ 122 г. (*Liv.* Epit. 61; *Strabo*, IV, 1) *Narbo Martius* въ 118 (*Vell.* I, 15, *Cic.* Pro Font. 4; Pro Cluent. 51).

[1] *Tac.* Ann. XI, 24: „Si cuncta bella recenseas, nullum breviore spatio quam adversus Gallos confectum“. Тацитъ влагаетъ эти слова въ уста императора Клавдія; но самъ Клавдій, подлинный текстъ рѣчи котораго у насъ сохранился, выразился иначе: „Gallia Comata, in qua, si quis intuetur, quod bello per decem annos exercuerunt divum Iulium, idem opponat centum annorum immobilem fidem“.

[2] Обыкновенно насчитываютъ восемь походовъ, и дѣйствительно вѣрно, что Цезарь оставался въ Галліи восемь лѣтъ. Но, очевидно, слѣдуетъ вычесть изъ этого числа первый годъ (58 до Р. Х.), въ теченіе котораго онъ лишь оттѣснилъ переселеніе Гельветовъ и освободилъ Галлію отъ Германцевъ Аріовиста. Конечно, нельзя вводить этого года въ счетъ походовъ противъ Галловъ. Можно также исключить четвертый и пятый годы, когда онъ сражался съ Германцами и съ жителями острова Великобританіи. Дѣйствительными походами, направленными прямо противъ Галловъ, были слѣдующіе: походъ 57-го года, когда онъ воевалъ преимущественно противъ Белговъ; походъ 56-го г., въ которомъ онъ подчинилъ Венетовъ и Аквитанцевъ; походъ 53-го г., когда онъ побѣдилъ Тревировъ и Эбуроновъ; походъ 52-го года, въ теченіе котораго ему пришлось имѣть дѣло съ Верцингеториксомъ, наконецъ походъ 52-го г., когда онъ раздавилъ Белловаковъ, Тревировъ и Кадурковъ.

Сильно ошибся бы тотъ, кто представилъ бы себѣ, что Римъ принужденъ былъ привести въ напряженіе всѣ свои силы, чтобы осуществить это завоеваніе. По правдѣ говоря, правительство римское даже не прилагало къ этому дѣлу никакой заботы. Въ тотъ день, когда сенатъ вручилъ Цезарю то, что называлось тогда „провинціей ближней и дальней Галліи“, то-есть, передалъ ему управленіе Цизальпійскою и Нарбоннскою областями, никто, даже самъ Цезарь, не думалъ о такой войнѣ. Въ провинціяхъ расположено было четыре легіона, которые признавались достаточными для ея обороны [1]. Сенатъ не прибавилъ къ этому составу войска ни одного лишняго вооруженнаго человѣка для завоеванія Галліи. Римское правительство ни разу не выслало Цезарю ни одного добавочнаго легіона, никогда не снабжало его никакою суммою денегъ [2]. Цезарь на-

[1] *Appian.* Bell. civ. II, 13; *Dio*, XXXVIII, 8.—Изъ этихъ четырехъ легіоновъ одинъ находился въ Нарбоннской Галліи, три въ Цизальпійской; послѣдніе расквартированы были на зиму возлѣ береговъ Адріатическаго моря (*Caes.* I, 10) Э. Дежардэнъ (*Géographie*, II, 355) говоритъ, будто сенатъ далъ Цезарю семь легіоновъ, предпочитая показаніямъ Аппіана и Діона текстъ Орозія (VI, 7). Впрочемъ, если сблизить вмѣстѣ главы 8-ю и 10-ю первой книги Цезаря, будетъ ясно видно, что сенатъ далъ ему только четыре легіона, такъ какъ послѣ того, какъ онъ самъ набралъ два новыхъ, у него образовалось всего шесть.

[2]) *Dio*, XLIV, 42: „Μήτε δύναμιν ἀξιοχρέων, μήτε χρήματα αὐτάρκη παρ' ἡμῶν λαβών“.

чалъ войну по своей собственной инициативѣ, велъ ее на свой счетъ, опираясь исключительно на тѣ средства, которыя были предоставлены ему, какъ провинціальному намѣстнику.

Каковы же были его военныя силы? Въ самомъ началѣ, въ тотъ день, когда онъ оказался лицомъ къ лицу съ 200.000 Гельветовъ, онъ еще настолько мало думалъ о войнѣ, что могъ располагать только однимъ легіономъ [1]. Онъ вызвалъ ускореннымъ движеніемъ три легіона, находившіеся въ Цизальпійской провинціи, быстро набралъ два новыхъ [2]. Съ этими шестью легіонами онъ остановилъ Гельветовъ и побѣдилъ Аріовиста. Въ слѣдующій годъ онъ составилъ еще два легіона, четыре года спустя еще три [3]. Но никогда не было у него въ распоряженіи одновременно болѣе десяти легіоновъ [4]. Цезарь нигдѣ не сообщаетъ, какова была ихъ численность. Если мы предположимъ, что составъ ихъ былъ полный, и что къ нимъ примыкали вспомогательные отряды также въ полномъ составѣ, то у него должно было быть 120.000 воиновъ.

[1] *Caes.* I, 7: „Erat omnino in Gallia ulteriore (т. е., въ Нарбоннской) legio una".—I, 8: „Interea ea legione quam secum habebat".

[2] *Caes.* I, 10: „Ipse in Italiam (т. е., въ Цизальпійскую Галлію) magnis itineribus contendit, duasque ibi legiones conscribit, et tres, quae circum Aquileiam hiemabant, ex hibernis educit".

[3] *Caes.* II, 2; VI, 1; VI, 32.

[4] Въ походѣ 58-го года участвовало шесть легіоновъ (I, 10; 49), восемь въ походахъ 57—54 гг. (II, 8; 19; V, 8), десять въ походахъ 53 и 52-го (VI, 44; VII, 34 ; 90).—Перечисленіе самыхъ названій легіоновъ, нумера которыхъ Цезарь указываетъ въ различныхъ мѣстахъ своей книги, со включеніемъ тѣхъ двухъ, которые ему уступилъ Помпей, образуетъ сумму одиннадцать, но нужно думать, что одинъ изъ нихъ либо былъ скоро распущенъ, либо оставался въ Провинціи. Никогда не видимъ мы Цезаря, стоящимъ во главѣ болѣе десяти легіоновъ заразъ.

Если же думать, что они не были еще окончательно комплектованы, если принять въ разсчетъ умирающихъ, больныхъ, негодныхъ къ бою, людей, употреблявшихся на службу при обозахъ или въ гарнизонахъ, можно считать, что численность войска Цезаря никогда не превышала 80.000 человѣкъ, готовыхъ къ сраженію.

Несмотря на это, завоеваніе Галліи отъ Пиренеевъ до Рейна не можетъ быть, разумѣется, приписано однимъ военнымъ дарованіямъ Цезаря. Превосходство римской цивилизаціи и дисциплины, конечно, обусловили этотъ крупный успѣхъ болѣе сильно, чѣмъ геній одного человѣка. Но и послѣднее недостаточно объясняетъ великій результатъ. Самое внутреннее состояніе Галліи было главною причиною ея паденія.

Не будемъ судить о давнихъ событіяхъ съ нашихъ современныхъ точекъ зрѣнія. Перенесемся въ средину той страны и той эпохи. Присмотримся прежде всего, какъ Галлы взглянули на завоеваніе, въ какомъ видѣ представлялось оно въ ихъ умѣ, каковы были ихъ чувства и мысли по отношенію къ завоевателю.

Сначала они не почувствовали въ Римлянахъ враговъ: легіоны вступили въ Галлію, какъ союзныя войска. Спокойствію края угрожало въ то время перемѣщеніе Гельветовъ. Сознавая опасность, жители просили поддержки у римскаго проконсула, который управлялъ сосѣднею провинціей [1]. Гельветы были разбиты, и представители почти всей Галліи прибыли привѣтствовать Цезаря съ побѣдою: «Мы хорошо понимаемъ, говорили они ему, что ты дѣйствовалъ столько же

[1] *Caes.* I, 11: „Aedui legatos ad Caesarem mittunt rogatum auxilium (contra Helvetios)". По Діону Кассію (XXXVIII, 32) Секваны присоединились къ просьбѣ Эдуевъ. Цезарь находился тогда въ Нарбоннской провинціи, и онъ, какъ кажется, до той поры вовсе не замышлялъ ничего другого, какъ воспрепятствовать вторженію Гельветовъ въ предѣлы римской территоріи.

на пользу Галліи, сколько и ко благу Рима»[1].

Избавившись отъ Гельветовъ, Галлы удержали еще нѣкоторое время у себя Цезаря и его легіоны. Послы различныхъ народцевъ, «бросаясь къ его ногамъ и со слезами на глазахъ», умоляли его не покидать ихъ[2]. Они-то и сообщили ему тогда свѣдѣнія о раздорахъ и внутреннихъ затрудненіяхъ ихъ несчастной страны. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, — разсказывали они,— два союза племенъ вели войну другъ съ другомъ, и именно одна изъ этихъ группъ призвала на помощь Германцевъ[3]. Свевы Аріовиста перешли Рейнъ по зову и настоянію одной изъ воюющихъ сторонъ[4]. Варварамъ «понравилась плодородная почва и богатство Галловъ»[5]. Проникая въ страну со дня на день все болѣе многочисленными толпами, они одинаково грабили противниковъ и союзниковъ. Аріовистъ распоряжался, какъ хозяинъ, въ бассейнѣ Соны, а Галлы были слишкомъ раздроблены, чтобы отбросить его. «Если Цезарь не освободитъ ихъ отъ его невыносимаго владычества, имъ не останется ничего больше,— говорили они,—какъ покинуть самимъ Галлію и искать вдали отъ Германцевъ другого отечества и другихъ земель»[6].

[1] *Caes.* I, 30: „Bello Helvetiorum confecto, totius fere Galliae legati ad Caesarem convenerunt: intelligere sese (dicebant) eam rem non minus ex usu terrae Galliae, quam populi Romani accidisse“.

[2] *Idem*, I, 31: „Eo concilio dimisso, principes civitatum ad Caesarem reverterunt, petieruntque uti de sua omniumque salute cum eo agere liceret. Sese omnes flentes Caesari ad pedes proiecerunt“.—I, 32: „Magno fletu auxilium a Caesare petere ceperunt“.

[3] *Idem*, I, 31: „Galliae totius factiones esse duas... factum esse, uti ab Arvernis Sequanisque Germani mercede arcesserentur“.

[4] *Idem*, I, 44: „Ariovistum transisse Rhenum, non sua sponte, sed arcessitum a Gallis... Non nisi rogatus venit“.

[5] *Idem*, I, 31: „Quum agros et cultum et copias Gallorum homines feri ac barbari adamassent“.

[6] *Idem*, Ibid. „Nisi si quid in Caesare populoque romano sit auxilii... domo emigrent, aliud domicilium, alias sedes, remotas a Germanis, petant“.

Цезарь исполнилъ то, о чемъ его просили: онъ побѣдилъ Аріовиста, оттѣснилъ германскія дружины за Рейнъ и освободилъ Галловъ отъ чужеземнаго господина[1]. Но могла ли послѣ этого Галлія возвратить себѣ разъ уже утраченную независимость? Естественно, что вслѣдъ за господствомъ Аріовиста утвердилась власть Цезаря. Повидимому, такое положеніе вещей первоначально не вызвало сопротивленія. Изъ разсказа Цезаря даже вытекаетъ, что въ этотъ первый моментъ Галлія уже повиновалась ему и безъ завоеванія.

Такимъ образомъ, Галлы не видѣли въ Римлянахъ враговъ своего племени. Сознаніе расоваго различія являлось тогда лишь очень неопредѣленнымъ чувствомъ, которое не возбуждало въ сердцахъ людей ни любви, ни ненависти. Посмотримъ, каковъ былъ составъ цезаревой арміи, и поищемъ, если возможно, какая кровь текла въ жилахъ его воиновъ: мы найдемъ среди нихъ гораздо меньше Римлянъ, чѣмъ Галловъ. Шесть легіоновъ, которые онъ навербовалъ въ силу своей проконсульской власти, могли быть набраны имъ только въ его провинціи, то-есть, въ Цизальпійской и Нарбоннской Галліяхъ[2]. Всѣ вспомогательныя когорты, ко-

[1] Нѣтъ сомнѣнія, что Аріовистъ считалъ себя хозяиномъ занятыхъ земель: „In sua Gallia“ (*Caes.* I, 34); „provinciam suam hanc esse Galliam“ (I, 44).

[2] Цезарь говоритъ это самъ (I, 10): „Ipse in Italiam contendit, duasque ibi legiones conscribit“. Здѣсь подъ словомъ *in Italiam* можно подразумѣвать только Цизальпійскую Галлію (какъ и въ другихъ мѣстахъ, именно II, 35; V, 1; VII, 44), такъ какъ онъ не имѣлъ права выходить за предѣлы своей провинціи, и мы знаемъ, что онъ дѣйствительно этого не дѣлалъ. Впрочемъ, нѣсколько ниже онъ прямо говоритъ о тѣхъ же легіонахъ (I, 24): „Duas legiones, quas in Gallia citeriore proxime conscripserat“.— Два другихъ, которые онъ набралъ въ слѣдующемъ году, были

торыя удваивали численность его легіоновъ, вышли изъ тѣхъ же областей. Онъ самъ сохранилъ память о двухъ вождяхъ Аллоброговъ, «которые оказали ему весьма важныя услуги во время войны въ Галліи» [1]. Легатъ Цезаря Гиртій открыто признаетъ, что онъ выдержалъ трудности войны, благодаря содѣйствію вспомогательныхъ отрядовъ, которые доставляла ему его провинція [2]. Даже собственная Галлія, то-есть, страна, которую онъ завоевалъ, поставляла ему много вооруженныхъ людей, особенно всадниковъ. Мы видимъ въ его войскѣ группы Тревировъ, Атребатовъ, Сеноновъ, Эдуевъ [3]. Онъ воевалъ противъ Германцевъ съ галльскою конницею; во время экспедиціи въ Британію онъ

также составлены изъ Цизальпійскихъ Галловъ (II, 2): „Duas legiones in Gallia citeriore novas conscripsit". Точно также въ 54-мъ году: „Unam legionem, quam proxime trans Padum conscripserat" (V, 24). Замѣтьте даже, что оба легіона, которые уступилъ ему Помпей въ 53-мъ году, были набраны изъ Цизальпійцевъ: „Quos ex Cisalpina Gallia sacramento rogavisset"(VI, 1). Равнымъ образомъ въ 52 мъ году Цезарь производитъ наборъ въ „своей провинціи" (VII, 1: „delectum tota provincia habuit". Cfr. VIII, 54: „Legionem confectam ex delectu provinciae Caesaris"). Нарбоннская Галлія снабдила его многочисленными воинами: „Militibus qui ex Provincia convenerant" (I, 8); „Multis viris fortibus Tolosa et Narbone... his regionibus nominatim evocatis" (III, 20); „Delectum tota Provincia habere instituit" (VII, 1); „Praesidia cohortium duo et viginti ex ipsa coacta provincia" (VII, 15).—Провинція же доставила ему моряковъ для борьбы съ Венетами (III, 9).

[1] *Caesar,* De bell. civ. III, 59: „Allobroges duo fratres, quorum opera Caesar omnibus Gallicis bellis optima fortissimaque erat usus".

[2] *Caesar* (*Hirtius*), VIII, 47: „(Bellum) sustinuit fidelitate atque auxiliis provinciae illius".

[3] *Caesar,* II, 24: „Equites Treveri qui auxilii causa ab civitate ad Caesarem missi venerant". То же можно сказать о Сенонахъ (VI, 5) и Атребатахъ (VI, 6). Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ, что Цезарь устанавливаетъ контингентъ всадниковъ, который долженъ быть выставленъ ему галльскими народцами-государствами (VI, 4: „equites imperat civitatibus").

взялъ съ собою 4.000 галльскихъ всадниковъ [1]. Пиктоны и Сантоны снабдили его кораблями [2]. Одинъ разъ Эдуи отдали ему даже всю свою конницу и еще 1.000 пѣхотинцевъ [3].

Съ другой стороны сами Галлы не составляли цѣльнаго народа: національное единство также отсутствовало у нихъ, какъ и политическое. Они не обладали системою такихъ учрежденій, не выработали въ себѣ такого общественнаго настроенія, которымъ была бы присуща сила сплотить ихъ въ крѣпкое тѣло. Ихъ было около шестидесяти племенъ, которыхъ не связывали вмѣстѣ ни федеративный союзъ, ни общая верховная власть, ни даже ясно сознанное понятіе объ общей родинѣ. Единственная форма патріотизма, которая была имъ доступна, выражалась въ привязанности лица къ маленькому государству, часть котораго оно составляло. А такой мѣстный патріотизмъ, являвшійся въ то же время ненавистью къ сосѣду, могъ иногда наталкивать на сближеніе съ чужеземцемъ. Около одного вѣка Эдуи были союзниками Римлянъ, между тѣмъ какъ Арверны и Секваны призывали на помощь себѣ Германцевъ [4].

Даже внутри каждаго отдѣльнаго народца замѣчалось раздѣленіе умовъ. Съ одной стороны, выдвигалась въ ихъ средѣ группа, составлявшаяся изъ членовъ высшихъ классовъ, которая обнаруживала предпочтеніе къ республиканскимъ порядкамъ и силилась ихъ охранять. Съ другой стороны, простой народъ обыкновенно дѣйствовалъ за-одно съ могущественными главарями кліентскихъ союзовъ и своими силами оказывалъ

[1] *Caes.* IV, 6; V, 5.

[2] III, 1.

[3] VII, 34; 37—40; cfr. II, 5; 10; VIII, 5.

[4] *Strabo,* VI, 3, 2: „Αἰδοῦοι συγγενεῖς Ῥωμαίων ὠνομάζοντο καὶ προσῆλθον πρὸς φιλίαν. Σηκοανοὶ δὲ πρὸς Γερμάνους προσεχώρουν πολλάκις, κοινωνοῦντες αὐτοῖς".

поддержку ихъ попыткамъ захватить единовластіе въ свою пользу. Такіе раздоры занимали большое мѣсто въ существованіи всего населенія [1]; интересы, стремленія, честолюбія, вѣрность—все это подчинялось видамъ лица или партіи, а не служило отечеству. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый разсматривалъ вмѣшательство иноземцевъ въ дѣла страны лишь съ точки зрѣнія пользы или вреда, которые оно могло причинить его сторонникамъ. Такъ всегда бываетъ во всякомъ обществѣ, страдающемъ отъ внутреннихъ междоусобій.

Дѣйствительно изъ самыхъ разсказовъ Цезаря видно, что римскій военачальникъ съ перваго же дня сталъ находить себѣ союзниковъ въ Галліи. И далѣе онъ никогда не чувствовалъ въ нихъ недостатка. Нѣсколько народцевъ неизмѣнно оставались преданными ему: таковы были, напримѣръ, Ремы, Лингоны и, если выключить одинъ очень короткій промежутокъ времени, Эдуи [2].

Даже среди тѣхъ племенъ, которыя особенно жестоко боролись съ Цезаремъ, всегда отыскивалось нѣсколько лицъ, остававшихся упорно привязанными къ нему. Можно назвать въ подтвержденіе Эпаснакта изъ Арверновъ, Дурація изъ Пиктоновъ, Вертика изъ Нервіевъ, Цингеторикса изъ Тревировъ [3]). Другіе, начавъ съ союзныхъ отношеній къ Римлянамъ, присоединялись къ врагамъ Цезаря лишь послѣ того, какъ долго

[1] *Caes.* VI, 11: „Paene in singulis domibus factiones sunt“.

[2] См. о Ремахъ *Caes.* VII, 63 и VIII, 6—12; о Лингонахъ—VII, 63 и VIII, 11; Эдуи оставались вѣрны до того момента, когда вергобретъ Конвиктолитавій, подкупленный Верцингеториксомъ, покинулъ Цезаря (VII, 37: „Sollicitatus ab Arvernis pecunia“); ихъ отпаденіе длилось лишь нѣсколько недѣль.

[3] *Caes.* VIII, 44; V, 45; VI, 8; VIII, 26: „Duratius, qui perpetuo in amicitia manserat Romanorum“. Cfr. VIII, 44: „Epasnactus Arvernus, amicissimus populo Romano“.

дѣйствовали въ качествѣ его друзей [1]. Римскій историкъ никогда не говоритъ, что его галльскіе союзники были продавшіеся люди. Цезарю не зачѣмъ было ихъ подкупать: ихъ рвеніе проявлялось добровольно. И онъ вовсе не относится къ нимъ съ презрѣніемъ; напротивъ, все, что онъ о нихъ сообщаетъ, вызываетъ представленіе о честныхъ людяхъ, пользовавшихся уваженіемъ и почетомъ даже у ихъ соплеменниковъ. Должны ли мы думать, что эти люди были измѣнниками? Можетъ быть, они заслуживали такого наименованія по идеямъ нашего вѣка, но они не были предателями по взглядамъ ихъ современниковъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь не открывается сознательной измѣны родинѣ. Тѣ, кто сражался съ Римлянами, и тѣ, кто имъ служилъ, одинаково считали себя, можетъ быть, патріотами; они только въ противоположномъ смыслѣ понимали интересы Галліи.

Отдѣльные личности въ Галліи стояли за или противъ Рима, смотря по тому, въ пользу какого рода государственныхъ порядковъ склонялись ихъ симпатіи. Цезарь довольно ясно указываетъ, каковы его друзья, и каковы противники. Онъ видитъ всегда враждебными себѣ людей, которые, «будучи достаточно могущественны, чтобы набрать на свои средства войско, склонны къ захвату монархической власти и хорошо знаютъ, что представитель римскаго правительства помѣшаетъ имъ достигнуть этой цѣли» [2]. Гельветъ Оргеториксъ,

[1] Объ Амбіориксѣ см. *Dio*, XL, 6; о Комміи—*Caes.* IV, 21; объ Эпоредориксѣ—*Caes.* VII, 39; 55; о Верцингеториксѣ—*Dio*, XL, 41.

[2] *Caes.* II, 1: „A potentioribus atque iis, qui ad conducendos homines facultates habebant, vulgo regna occupabantur, qui minus facile eam rem imperio nostro consequi poterant“.—Нѣсколько частныхъ случаевъ, когда Цезарь самъ способствовалъ утвержденію царьковъ у нѣкоторыхъ племенъ, не должны разсматриваться, какъ противорѣчія такой общей системѣ политики Цезаря.

Эдуй Думнориксъ [1], Эбуронъ Амбіориксъ, Тревиръ Индутіомаръ, Арвернъ Верцингеториксъ, словомъ, всѣ вожди крупныхъ кліентскихъ группъ и всѣ тѣ вообще, которые домогались единовластія, всегда стоятъ противъ Рима. То же самое повторяется по отношенію къ тому классу общества внутри галльскихъ народцевъ, который Цезарь называетъ «толпою», «плебеями», «большинствомъ»: слѣдуетъ ли простой народъ мановенію начальниковъ, дѣйствуетъ ли онъ самостоятельно, онъ всегда выказываетъ себя противникомъ Римлянъ.

Обратно, лица, которыхъ Цезарь называетъ главарями племенъ, благородными людьми, тѣ, которые почти вездѣ наполняли сенатъ и завѣдывали республиканскимъ правительствомъ, какъ бы естественно привлекались къ союзу съ Римлянами. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: Римъ являлся въ глазахъ этихъ людей образцомъ самаго лучшаго, по ихъ мнѣнію, общественнаго порядка, который они сами стремились прочно утвердить въ Галліи. Римъ въ тѣ времена былъ еще республиканскимъ государствомъ, которымъ правилъ сенатъ, и гдѣ высшіе классы пользовались несомнѣннымъ преобладаніемъ. Городъ, который у себя скоро долженъ былъ утерять республиканское и аристократическое устройство, тѣмъ не менѣе работалъ, какъ увидимъ ниже, для установленія и упроченія его надолго во всѣхъ провинціяхъ и спеціально въ Галліи. Такимъ образомъ, люди, которые желали торжества муниципальнаго строя и республиканскихъ учрежденій въ ихъ странѣ и надѣялись достигнуть цѣли, отдаваясь верховной гегемоніи Рима, не вполнѣ обманывались въ своихъ разсчетахъ.

[1] *Caes.* I, 18: „Dumnorix, magna apud plebem gratia, cupidus rerum novarum,... imperio populi Romani, de regno desperare". Cfr. *Ibid.* V, 6; 7.

Таково было положеніе, въ которомъ находилась Галлія по отношенію къ Риму: съ одной стороны въ ея обществѣ существовали группы и честолюбивыя личности, которыя хорошо знали, что имъ нечего ждать отъ него; съ другой—въ немъ укрѣплялась партія или классъ, который ожидалъ полной своей побѣды отъ поддержки Римлянъ.

Нѣсколько примѣровъ, которые мы извлечемъ изъ ознакомленія съ подробностями хода событій, съ очевидностью обнаружатъ эту истину. Съ самаго начала государство Эдуевъ управлялось знатью въ республиканскихъ формахъ. Она призываетъ Цезаря на помощь. Послѣдній, однако, въ извѣстный моментъ замѣчаетъ, что Эдуи плохо держатъ данныя обѣщанія; онъ наводитъ справки, и ему сообщаютъ [1], что именно въ это время въ государствѣ волнуются толпы простонародья подъ руководствомъ честолюбиваго вождя; они парализуютъ дѣйствія законнаго правительства и дышатъ ненавистью противъ Рима. Тревиры также распадаются на двѣ части: одна, которая составлена изъ «главарей государства», то-есть, изъ знатныхъ, ищетъ римской дружбы; другая, заключающая въ себѣ «плебеевъ» съ могущественнымъ начальникомъ Индутіомаромъ, враждебно настроена къ Риму. Индутіомаръ одерживаетъ верхъ и въ то же время заставляетъ племенную сходку [2] приговорить къ изгнанію вождя противной стороны и рѣшить войну противъ Римлянъ. Члены высшаго класса принуждены тогда покинуть страну; простой

[1] *Caes.* I, 17; 18.

[2] *Caes.* V, 56: „In eo concilio (Indutiomarus) Cingetorigem hostem indicat bonaque eius publicat". Здѣсь идетъ рѣчь о *concilium armatum*, то-есть, о собраніи всѣхъ воиновъ племени; это нѣчто, очень отличающееся отъ тѣхъ собраній, которыя Цезарь называетъ *comitia, populus*, и которыя, какъ кажется, были гораздо болѣе аристократическими по составу.

народъ и Индутіомаръ остаются господами [1]. Побѣда, одержанная Цезаремъ, измѣняетъ положеніе; знать возвращается, вновь захватываетъ власть въ свои руки и возобновляетъ союзъ съ Римлянами [2]. Въ другой части Галліи, у Лексовіевъ, сенатъ хочетъ поддерживать дружескія отношенія съ Римлянами; народъ же поднимаетъ возстаніе, умерщвляетъ сенаторовъ и тотчасъ же начинаетъ съ ними войну [3].

Каждый разъ, какъ какой-нибудь народецъ терпитъ пораженіе, мы видимъ, что «первенствующія лица въ племени» являются передъ Цезаремъ, увѣряютъ его, что они сражались противъ воли и слагаютъ отвѣтственность за войну на «толпу». Такія утвержденія повторялись слишкомъ часто, чтобы можно было отрицать въ нихъ основу правды; и Цезарь дѣйствительно придавалъ имъ вѣру [4].

Въ Комментаріяхъ о галльской войнѣ часто встрѣчается еще одно замѣчаніе: «Галлы постоянно мѣняютъ настроеніе; они легкомысленны и подвижны; они любятъ перевороты» [5]. Цезарь дѣйствительно сдѣлалъ наблюденіе, что объявленію войны Римлянамъ какимъ-нибудь народцемъ обыкновенно предшествовало внутреннее волненіе. Власть безпрестанно перемѣщалась, и дружба либо ненависть того или иного галльского государства зависѣла отъ партіи, которая въ немъ правила въ данный моментъ.

[1] Въ главѣ 3-й, книги V-й у Цезаря партія, благопріятная Риму, обозначается словами *nobilitas* и *principes*, противоположная—словомъ *plebs*.

[2] *Caes.* VI, 8.

[3] *Caes.* III, 17: „Aulerci Lexoviique, senatu suo interfecto, quod auctores belli esse nolebant, portas clauserunt seque cum Viridovice coniunxerunt“.

[4] *Idem*, II, 13; 14; V, 27; VI, 13; VII, 43.

[5] *Idem*, III, 10: „Omnes Gallos novis rebus studere“.—IV, 5: „In consiliis capiendis mobiles, novis plerumque rebus student“.—V, 54: „Tantam voluntatum commutationem“.

Можно отмѣтить еще, съ какимъ презрѣніемъ отзывается Цезарь объ ополченіяхъ Галловъ, выступавшихъ противъ него. Онъ изображаетъ ихъ почти всегда какъ толпу «бродягъ, людей безъ рода и племени, воровъ и грабителей, предпочитавшихъ войну и разбой мирному труду» [1]. Между тѣмъ вовсе не въ интересахъ римскаго военачальника было унижать тѣхъ, кого онъ побѣдилъ. Онъ описываетъ вещи такъ, какъ ихъ видѣлъ. Племенныя ополченія Галліи показались ему пестрою массою безъ организаціи, безъ дисциплины, которая сама повелѣвала своимъ военачальникамъ чаще, чѣмъ повиновалась имъ [2].

Въ то время, какъ одна часть общества въ галльскихъ государствахъ открыто и искренно стремилась къ союзу съ Римлянами, другая не скрывала своего предпочтенія къ Германцамъ. Можно дѣйствительно замѣтить, что каждый разъ, когда какой-нибудь народъ готовится къ войнѣ съ Цезаремъ, онъ предвари-

[1] *Caes.* III, 17; „Multitudo undique ex Gallia perditorum hominum latronumque, quos spes praedandi studiumque bellandi ab agricultura et quotidiano labore revocabat“.—V, 55: „Indutiomarus copias cogere, exsules damnatosque tota Gallia allicere“.—VII, 4: „Habet delectum egentium ac perditorum“.—*Hirtius*, De bell. gall. VIII, 30: „Collectis perditis hominibus, servis ad libertatem vocatis, exsulibus omnium civitatum accitis, receptis latrociniis“.

[2] *Caes.* III, 18; VII, 20.—Въ сочиненіи его же *De bello civili* (I, 51) находимъ отрывокъ объ обычномъ отсутствіи дисциплины въ галльскихъ войскахъ. Авторъ говоритъ здѣсь о подкрѣпленіяхъ, которыя онъ вызвалъ изъ Галліи: „Venerant eo sagittarii ex Rutenis, equites ex Gallia cum multis carris magnisque impedimentis, ut fert gallica consuetudo; erant praeterea cuiusque generis hominum milia circiter sex cum servis liberisque; sed nullus ordo, nullum imperium certum, quum suo quisque consilio uteretur“.

тельно отправляетъ посольство за Рейнъ съ приглашеніемъ Германцамъ вторгнуться въ Галлію [1].

Такимъ образомъ, всякій въ Галліи оказывался въ свою очередь союзникомъ чужеземцевъ; каждый Галлъ выбиралъ между двумя народами, которые добивались завоеванія страны. Нельзя утверждать, что въ глубинѣ душъ у нихъ не существовало любви къ независимости; но она была слабѣе, чѣмъ сословныя или групповыя страсти и ненависть. Весьма вѣроятно, что и среди галльской знати, и среди простого народа одинаково придавали значеніе привязанности къ родинѣ; но истинный и чистый патріотизмъ есть привилегія спокойныхъ и хорошо сплоченныхъ общественныхъ союзовъ.

Только въ седьмой годъ своего проконсулата Цезарь увидѣлъ, что противъ него ополчилась почти вся Галлія. До тѣхъ поръ Арверны оставались въ союзѣ

[1] *Caes.* De bell. gall. III, 11: „Germani a Belgis arcessiti“.— IV, 6: „Missas legationes a nonnulis civitatibus ad Germanos invitatosque eos, uti ab Rheno discederent omniaque, quae postulassent, ab se fore parata“. — V, 2: „Germanos transrhenanos sollicitare“. — V, 27: „Magnam manum Germanorum conductam Rhenum transisse“.— V, 55: „Treveri et Indutiomarus nullum tempus intermiserunt, qu'n trans Rhenum legatos mitterent, civitates sollicitarent, pecunias pollicerentur“. — VI, 2: „Germanos sollicitant“. — VI, 8; 9: „Germani, qui auxilio veniebant“.—Cfr. *Dio Cass.* XL, 31. — Ошибочно было бы, впрочемъ, думать, что эти Германцы были одушевлены опредѣленною ненавистью къ Риму; ихъ притягивали въ Галлію обѣщанія, награды и надежды на добычу; „Germani mercede arcessebantur“ (I, 31), „conductam manum“ (V, 27), „pecuniam polliceri“ (VI, 2).—Они безъ всякаго стыда грабили самихъ Галловъ. Разъ, когда Цезаремъ было объявлено, что онъ даетъ на разграбленіе територію Эбуроновъ, громадная толпа Германцевъ появилась, чтобы принять участіе въ травлѣ. Въ войскѣ Верцингеторикса не было Германцевъ: Цезарь тогда бдительно охранялъ линію Рейна; но за то онъ самъ держалъ у себя германскихъ наемниковъ (VII, 13; 60; 67).

съ нимъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ народцевъ Галліи; въ предыдущемъ вѣкѣ они управлялись монархически и воевали съ Римлянами [1]; потерпѣвъ пораженіе, они однако не были покорены; Римляне только отняли у нихъ царя и замѣнили его аристократическимъ совѣтомъ. Съ того времени они твердо хранили союзную вѣрность Римлянамъ; Цезарь никогда не встрѣчалъ ихъ въ числѣ своихъ враговъ; наиболѣе видные граждане, сенаторы, самъ Верцингториксъ [2] искали его дружбы.

Верцингеториксъ принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ семействъ, которыя были безмѣрно сильны многочисленностью зависѣвшихъ отъ нихъ кабальныхъ людей. Отецъ его Кельтиллъ уже хотѣлъ сдѣлаться царемъ; но сенатъ Герговіи разрушилъ его планы и наказалъ его смертью [3]. Самъ онъ также помышлялъ объ единовластіи. Въ концѣ концовъ Верцингеториксъ рѣшился поднять и вооружить всѣхъ своихъ кліентовъ; сенатъ его племени приговорилъ его къ изгнанію[4]. Его удалось удалить изъ города Герговіи, но тѣмъ самымъ онъ особенно укрѣпился среди сельскаго населенія. Онъ собралъ кругомъ себя толпу людей, которыхъ Цезарь пренебрежительно называетъ бездомными проходимцами: мы должны подразумѣвать подъ ними просто людей изъ низшаго класса общества. Ставъ во главѣ ополченія, составленнаго такимъ способомъ, Верцинге-

[1] *Strabo*, IV, 2, 3; *Appian.* Bell. gall. 12; *Liv.* Epit. 61; *Caes.* I, 45.—*Corp. inscr. lat.* I, p. 460.

[2] *Dio*, XL, 41: „Ἐν φιλίᾳ ποτὲ τῷ Καίσαρι ἐγεγόνει“.

[3] *Caes.* VII, 4: „Quod regnum appetebat, ab civitate erat interfectus“.

[4] *Caes.* VII, 4: „Vercingetorix, summae potentiae adulescens... convocatis suis clientibus, facile incendit. Cognito eius consilio, ad arma concurritur; prohibetur a Gobannitione reliquisque principibus... expellitur ex oppido Gergovia“.

ториксъ силою вступилъ въ столицу, прогналъ оттуда въ свою очередь знатныхъ сенаторовъ и заставилъ провозгласить себя царемъ [1].

Подобное измѣненіе формы правленія и война противъ Римлянъ были у Галловъ двумя явленіями, тѣсно связанными другъ съ другомъ и нераздѣльно слѣдовавшими одно за другимъ. Прежній другъ Цезаря обратился поэтому въ его врага. Онъ сталъ искать союзниковъ и нашелъ ихъ почти повсюду; моментъ былъ благопріятенъ для всеобщаго возмущенія.

Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться, что Галламъ свойственна была очень глубокая привязанность къ родинѣ и независимости; но впродолженіе шести лѣтъ пребыванія Цезаря въ Галліи эта привязанность оказывалась менѣе глубокою, чѣмъ ихъ раздоры. Ничто такъ сильно не содѣйствуетъ прекращенію внутреннихъ междоусобій, какъ порабощеніе, приходящее извнѣ. Какъ только Галлы почувствовали себя покоренными, замолкли соперничества между ними и разрозненныя стремленія сблизились между собою. При соприкосновеніи съ чужеземцами, которые сажали гарнизоны по городамъ, налагали дани, начинали эксплуатировать край на римскій ладъ, забирали уже въ руки торговлю [2], — сожалѣніе, раскаяніе, стыдъ, ненависть овладѣли душами. Галлы оставались до конца разъединенными въ то время, какъ приходилось сопротивляться Римлянамъ, теперь послѣ завоеванія они сомкнулись почти воедино для возстанія противъ ихъ господства [3].

[1] *Caes.* VII, 4: „In agris habent delectum egentium ac perditorum, magnisque coactis copiis adversarios suos a quibus erat eiectus, expellit ex civitate. Rex ab suis appellatur“.—Плутархъ даетъ также Верцингеториксу наименованіе βασιλεύς (*Vita Caes.* 27).

[2] *Caes.* VII, 3; 42.

[3] Нѣкоторые предполагали, что друиды проповѣдывали то-

Цезарь съ нѣкоторою неожиданностью замѣтилъ среди Галловъ «удивительное согласіе усилій для возвращенія независимости». Верцингеториксъ, уже бывшій царемъ Арверновъ, заставилъ почти всѣ племена Галліи признать себя общимъ диктаторомъ [1]. Самымъ важнымъ дѣломъ было организовать объединеніе страны. Галлія, какъ будто стала великою монархіею для того, чтобы бороться противъ чужеземнаго ига. Верцингеториксъ, какъ абсолютный государь, назначалъ численность вооруженныхъ отрядовъ, которые должны были выставляться отдѣльными государствами, и налагалъ на нихъ поборы на военныя нужды. Никакая другая власть не ограничивала и не контролировала его распоряженій. Являясь въ одно время верховнымъ судьею, какъ и главою правительства, онъ владѣлъ правомъ жизни и смерти надо всѣми. Онъ былъ безусловнымъ господиномъ Галліи [2].

Національная независимость получила мужественныхъ защитниковъ. Цезарь справедливо оцѣниваетъ смѣлость Галловъ и выдающіяся военныя качества ихъ

гда священную войну. Это возможно; однако, ни Цезарь, ни другіе писатели ничего объ этомъ не упоминаютъ. Цезарь нигдѣ не сообщаетъ, чтобы друиды были ему особенно враждебны. То обстоятельство, что призывъ къ возстанію раздался изъ страны Карнутовъ, еще не доказываетъ, что онъ былъ пущенъ именно друидами. Клятва, произнесенная на воинскихъ знаменахъ, согласно обычаю, общему очень многимъ древнимъ народамъ, не заставляетъ непремѣнно предполагать участіе жрецовъ.

[1] *Caes.* VII, 4: „Omnium consensu ad eum defertur imperium“. Позднѣе диктатура была еще разъ возобновлена въ его пользу рѣшеніемъ довольно бурнаго собранія. Цезарь разсказываетъ, какъ Верцингеториксъ неожиданно и искусно выдвинулъ въ этомъ собраніи участіе толпы простого народа. Очевидно, существовала аристократическая партія, которая желала другого вождя (VII, 63).

[2] *Caes.* VII, 4.

предводителя; но онъ даетъ понять, что имъ было почти невозможно достигнуть успѣха. По нѣсколькимъ чертамъ его разсказа можно заключить, что Галлія не была на дѣлѣ такою единодушною, какою казалась. Нѣсколько народцевъ, какъ, напримѣръ, Ремы и Лингоны, оставались вѣрными союзу съ Римлянами. Ни Тревиры, ни Белловаки не захотѣли присоединиться къ Верцингеториксу; ни одинъ изъ народцевъ Аквитаніи не участвовалъ въ его войскѣ. Эдуи сначала послали свои вооруженныя силы Цезарю, и даже когда имъ пришлось перемѣнить политику, «они лишь неохотно повиновались приказаніямъ вождя Арверновъ» [1]. Отдѣльныя племена не забывали своей зависти къ другимъ.

Сквозь кажущееся единство просвѣчивала еще одна причина разъединенія. Демократическая монархія Верцингеторикса вызывала неудовольствіе и ненависть во многихъ галльскихъ душахъ. Этотъ человѣкъ такъ мало разсчитывалъ на добровольное повиновеніе, что находилъ необходимымъ требовать отъ всѣхъ галльскихъ государствъ выдачи ему заложниковъ [2]. Онъ царствовалъ, лишь заставляя бояться себя. Онъ не останавливался передъ суровыми мѣрами. Ослушаніе его приказамъ каралось смертью; холодность и ко-

[1] Цезарь, описывая общее собраніе въ Бибрактѣ, прибавляетъ: „Ab hoc concilio Remi, Lingones, Treveri abfuerunt, illi quod amicitiam Romanorum sequebantur, Treveri quod aberant longius“ (VII, 63). Что касается Белловаковъ, то они хотѣли воевать съ Цезаремъ, но одни и сами по себѣ—„se suo nomine atque arbitrio cum Romanis bellum gesturos dicebant neque cuiusquam imperio obtemperaturos“ (VII, 75). Ни одно изъ аквитанскихъ племенъ не поименовано въ спискѣ союзниковъ (VII, 75). Относительно Эдуевъ можно указать на ихъ колебанія и интриги (VII, 37—35) до тѣхъ поръ, пока они „inviti Vercingetorigi parent“ (VII, 63).

[2] *Caes.* VII, 4: „Omnibus civitatibus obsides imperat“.

лебанія въ общемъ дѣлѣ считались важными преступленіями; повсюду воздвигались костры и орудія пытки; система террора висѣла надъ Галліею [1].

Подобные факты ясно показываютъ, что единеніе сердецъ не было совершеннымъ. Многіе одинаково страшились побѣды Верцингеторикса, какъ и его пораженія. Національная независимость не являлась единственнымъ предметомъ заботъ; не хотѣли признать римскаго завоеванія, но чувствовалось, что существовала опасность и помимо этого завоеванія. Установленіе единовластія внутри страны ощущалось нѣкоторыми, какъ порядокъ не менѣе ненавистный, чѣмъ иноземное господство, и умы глубоко волновались отъ безпокойства, что станется съ Галліей на другой день послѣ освобожденія. Кружки и группы прервали междоусобія, чтобы бороться противъ внѣшняго врага, но подъ такимъ замиреніемъ продолжали жить разногласія, бушевали желанія и опасенія, горѣли страсти и злоба.

Верцингеториксъ, царь и диктаторъ, былъ опутанъ всевозможными трудностями, которыя обыкновенно осаждаютъ монарховъ, возведенныхъ во власть демократіею. Съ одной стороны ему приходилось обуздывать казнями противниковъ, съ другой онъ долженъ былъ противодѣйствовать чрезмѣрнымъ притязаніямъ сторонниковъ. Подозрительный самъ по отношенію къ соперникамъ, онъ вызывалъ подозрѣнія въ собственныхъ адептахъ. Та толпа, которая сдѣлала его царемъ, при первой же неудачѣ обвинила въ измѣнѣ: «Его разбили,—такъ говорилось въ толпѣ,—потому что онъ

[1] *Caes.* VII, 4; 5: „Summae diligentiae summam imperii severitatem addit; magnitudine supplicii dubitantes cogit; maiore comisso delicto, igni atque omnibus tormentis necat; leviore de causa, auribus desectis aut singulis effossis oculis, domum remittit, ut magnitudine poenae perterreant alios. His suppliciis coacto exercitu...“

вступилъ въ соглашеніе съ Цезаремъ; онъ стремился только къ царской власти, и, конечно, предпочитаетъ владѣть ею по волѣ Цезаря, чѣмъ по желанію своихъ единоплеменниковъ» [1]. Подобныя рѣчи показываютъ, до какой степени продолжительные раздоры Галловъ помутили сознаніе въ ихъ умахъ. При такомъ общемъ настроеніи невозможно было одержать побѣду. Верцингеториксу не хватало того, что составляетъ необходимое условіе торжества въ великихъ войнахъ: онъ не стоялъ во главѣ націи, свободной отъ внутренняго раздѣленія. Несогласія и разобщеніе, которыя существуютъ въ обществѣ, всегда такъ или иначе отражаются и въ войскѣ. Въ душѣ каждаго воина они воплощаются въ видѣ нерѣшительности, непокорности, сомнѣній, недовѣрія, а все это парализуетъ мужество или дѣлаетъ его безполезнымъ. Верцингеториксъ оказался, правда, въ силахъ собрать многочисленное ополченіе; но каковы бы ни были его энергія, искусство, личныя качества, ему, повидимому, не удалось придать своему войску порядокъ и сплоченность, какіе были необходимы для дѣйствій противъ римскихъ легіоновъ. Въ то время, какъ римская армія повиновалась Цезарю всегда безъ ропота и никогда не сомнѣвалась въ немъ; въ то время, какъ его солдаты, не ограничиваясь стойкостью въ бою, умѣли выполнять громадныя военныя работы и переносить голодъ, причемъ «никогда не раздавалось изъ ихъ устъ ни одного слова, которое было бы недостойно величія римскаго народа» [2],— правитель Галліи принужденъ былъ постоянно ободрять своихъ воиновъ рѣчами, онъ долженъ былъ отдавать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и съ трудомъ доказывать имъ, что онъ ихъ не предаетъ врагу [1]. Легіоны Цезаря обнаружили впродолженіе своихъ восьмилѣтнихъ походовъ въ Галліи, «чего могла достигнуть дисциплина римскаго государства» [2]; большія же галльскія ополченія показали, какъ мало значатъ самыя блестящія качества вождя и отдѣльныхъ воиновъ для спасенія страны, въ которой утеряна соціальная и военная дисциплина. Если бы количество людей и ихъ боевая храбрость опредѣляли побѣду, Верцингеториксъ восторжествовалъ бы надъ Римлянами. Побѣжденный, онъ палъ, какъ сильный духомъ человѣкъ [3].

[1] *Caes.* VII, 20: „Vercingetorix, quum ad suos redisset, proditionis insimulatus, quod castra propius Romanos movisset... regnum Galliae malle Caesaris concessu, quam ipsorum habere beneficio... accusatus..."

[2] *Caes.* VII, 17.

[1] *Caes.* VII, 20.

[2] *Idem*, VI, 1: „Docuit, quid populi romani disciplina posset".

[3] Впрочемъ, не слѣдуетъ придавать полную силу часто повторяемымъ въ книгахъ преувеличеннымъ риторическимъ разсказамъ о величіи души, которую онъ будто бы выказалъ при сдачѣ Цезарю. Пересмотримъ различныя свидѣтельства объ этомъ эпизодѣ у Цезаря, Флора, Плутарха и Діона Кассія и постараемся выдѣлить изъ нихъ правду. — Цезарь говоритъ (VII, 89), что, когда у Галловъ истощились всѣ средства для борьбы, Верцингеториксъ посовѣтовалъ имъ „преклониться передъ судьбою и выдать его самого, живымъ или мертвымъ, Цезарю"; тогда отправлено было посольство къ римскому полководцу; послѣдній поставилъ свои условія: Галлы должны были выдать оружіе и вождей. „Тогда привели къ нему начальниковъ, доставленъ былъ и Верцингеториксъ, а вооруженіе въ кучу свалено было къ его ногамъ".—Флоръ (III, 10) прибавляетъ двѣ черточки: вопервыхъ, что Верцингеториксъ „явился къ побѣдителю съ мольбою", во-вторыхъ, что онъ произнесъ слѣдующія слова: „fortem virum, vir fortissime, vicisti".—Плутархъ (Vita Caes. 27) рисуетъ Верцингеторикса подъѣхавшимъ (прискакавшимъ) къ Цезарю верхомъ на лучшемъ изъ своихъ коней, украшеннымъ лучшимъ оружіемъ, слагающимъ наконецъ передъ нимъ это оружіе и „безмолвно садящимся у его ногъ".—Самый же любопытный текстъ принадлежитъ Діону Кассію (XL, 41): „Онъ бросился къ

Съ его гибелью Галлія утратила то немногое единеніе, какое онъ былъ въ силахъ въ нее вдохнуть; по мѣстамъ продержалось еще одинъ годъ частное сопротивленіе, потомъ весь край приведенъ былъ къ покорности [1].

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, завоеватель покинулъ Галлію, уводя съ собою свою армію [2]. Галлія не двинулась для своего освобожденія [3]. Она вооружала людей, но для пополненія арміи Цезаря. Она служила въ рядахъ войскъ ея побѣдителя въ гражданской войнѣ. Въ началѣ послѣдней Цицеронъ писалъ: «Цезарь очень силенъ галльскими вспомогательными отрядами; Галлы обѣщаютъ ему 10.000 пѣхотинцевъ и 6.000 всадниковъ, которыхъ будутъ содержать на свой счетъ

ногамъ Цезаря и сжалъ ему руки, не произнося ни слова; всѣ присутствующіе были тронуты жалостью; но Цезарь поставилъ ему въ упрекъ то самое, на что Галлы разсчитывали для его спасенія, то-есть, старую дружбу, которая нѣкогда связывала обоихъ вождей; онъ далъ ему почувствовать, насколько послѣ такой дружбы постыдно было его отпаденіе; и онъ оставилъ его у себя въ качествѣ плѣнника".

[1] Аквитанія была окончательно покорена лишь нѣсколько лѣтъ позже. См. *Appian*. Bell. gall. V, 92; *Dio*, XLVIII, 49; LIV, 32.

[2] Что Цезарь вывелъ изъ Галліи свою армію, это вытекаетъ изъ его словъ—въ сочиненіи *De bello civ.* (I, 8): „Legiones ex hibernis evocat"—,если ихъ сравнить съ разсказомъ о томъ же въ *De bello gallico* (VIII, 54). Кромѣ того извѣстно, что въ концѣ галльской войны Цезарь, который тогда возвратилъ уже два легіона Помпею, сохранялъ лишь восемь у себя въ Галліи: это были 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й и 14-й легіоны; между тѣмъ извѣстно, что всѣ эти легіоны, кромѣ, можетъ быть, одиннадцатаго, упоминаются съ точнымъ указаніемъ ихъ нумеровъ, какъ участвовавшие въ междоусобной войнѣ, то-есть, находившіеся въ Италіи (см. *Caes.* De bell. civ. I, 7; 15; 18; 46; III, 45, 46, 63, 89; De bell. afr. 34; 60; 62; 81; 89).

[3] Одни Белловаки сдѣлали попытку возмущенія, которое было подавлено Децимомъ Брутомъ (*Liv.* Epit. 114).

впродолженіе десяти лѣтъ» [1]. Цезарь самъ, перечисляя своихъ римскихъ воиновъ, прибавляетъ, что «у него было столько же Галловъ; онъ навербовалъ ихъ, выбирая лучшую часть вооруженнаго населенія каждаго народца» [2]. Когда онъ былъ въ Испаніи, къ нему опять прибыло подкрѣпленіе изъ 6.000 Галловъ [3]. Онъ составилъ цѣлый легіонъ исключительно изъ Галловъ: послѣдній получилъ названіе—*alauda* (жаворонокъ) и былъ обученъ римскому военному строю [4]. Цезарь насчитывалъ въ своемъ войскѣ до 10.000 галльскихъ всадниковъ [5].

---

[1] *Cic.* Ad Att. IX, 13.

[2] *Caes.* De bell. civ. I, 38: „Parem ex Gallia numerum, quem ipse paraverat, nominatim ex omnibus civitatibus nobilissimo quoque evocato".

[3] *Idem*, I, 51.

[4] *Suet.* Caes. 24.—*Plin.* XI, H. n. XI, 37.

[5] *Appian*. Bell. civ. II, 49. — Многіе упрекали меня за эту главу, какъ и вообще обвиняли меня въ томъ, что я не говорилъ о Верцингеториксѣ съ надлежащимъ энтузіазмомъ. Я отвѣчаю, что здѣсь затрогивается вопросъ метода изслѣдованія. Тѣ, кто думаетъ, что исторія есть искусство, состоящее въ соотвѣтственномъ толкованіи спеціально подобранныхъ фактовъ въ видахъ подтвержденія излюбленныхъ религіозныхъ, политическихъ или національныхъ мнѣній, могутъ свободно предполагать и утверждать, что Галлы „должны были" долго бороться и постоянно возставать противъ иноземнаго владычества. Доказать этого они не въ состояніи, но ихъ патріотизмъ требуетъ, чтобы дѣло происходило именно такъ, а ихъ историческое чувство обманывается тѣмъ же патріотизмомъ. Тѣ же, которые думаютъ, что исторія—чистая наука, стремятся только узнать истину, какова бы она ни была. Патріотизмъ—великое чувство; но не зачѣмъ вмѣшивать его въ изученіе прошлаго: не надо влагать его туда, гдѣ его не было. Наука не должна заботиться о чемъ либо другомъ, кромѣ отысканія правды. Мы осуждаемъ нѣмецкихъ историковъ, которые исказили прошлое, чтобы создать легендарнаго Арминія и идеальную первобытную Германію, и не хотѣли бы сами впасть въ подобнаго же рода ошибку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О первыхъ послѣдствіяхъ римскаго завоеванія.

Римляне не обратили побѣжденныхъ въ рабство, и Галлы сохранили гражданскую свободу [1]. Римляне не отобрали у нихъ также земель. Были произведены, безъ всякаго сомнѣнія, частичныя конфискаціи; Цезарь не пропустилъ, конечно, случая обогатиться самъ и обогатить тѣхъ, кто ему служилъ, на счетъ завоеванныхъ [2]; но не было совершено общей споліаціи.

Не будемъ представлять себѣ Галлію раздавленною побѣдителемъ. Историческіе документы не показываютъ намъ ничего подобнаго. «Цезарь, говоритъ его сотрудникъ Гиртій, стремился лишь удержать галльскія государства въ дружбѣ съ Римомъ и не давать имъ никакого повода къ возмущенію; обращеніе его съ ними было почетно; именитые граждане осыпались благо-

[1] Мы не хотимъ утверждать, что при этомъ не попало въ рабство много народа. Таковъ былъ обычай древности. Враги, взятые въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, дѣлались собственностью побѣдителя. Такъ, послѣ взятія Алезіи каждый римскій воинъ получилъ на свою долю по одному рабу въ видѣ добычи (*Caes.* VII, 89). Да и тутъ Цезарь отпустилъ на свободу плѣнныхъ Арверновъ и Эдуевъ.

[2] Авторъ самъ приводитъ примѣръ. Онъ наградилъ двоихъ Галловъ, которые вѣрно служили ему, отдавъ имъ земли, отнятыя у другихъ ихъ единоплеменниковъ (см. *De bello civ.* III, 59). Можно еще напомнить тутъ слѣдующее мѣсто Светонія (*Vit. Caes.* 54). „In Gallia fana templaque deum donis referta expilavit, urbes diruit, saepius ob praedam quam ob delictum“. Мы не сомнѣваемся, что семь походовъ Цезаря были очень разорительны для страны.

дѣяніями; онъ не наложилъ на Галлію ни одного новаго побора; онъ даже заботился о томъ, чтобы поднять страну, которая была истощена столькими войнами. Такимъ образомъ, заставляя Галловъ чувствовать всѣ выгоды покорности, онъ безъ труда поддерживалъ миръ» [1].

Светоній отчетливо изображаетъ участь Галліи послѣ римскаго завоеванія. Она была обращена въ провинцію; впрочемъ, многія племена, говоритъ онъ, были признаны «союзными или дружественными общинами» [2]. Въ спискѣ такихъ народцевъ, сохранившихъ нѣкоторымъ образомъ полунезависимость, мы находимъ Трепровъ, Нервіевъ, Ремовъ, Суэссіоновъ, Эдуевъ, Лингоновъ, Битуриговъ, Карнутовъ, Арверновъ, Сантоновъ, Сегузіавовъ и нѣсколько другихъ племенъ; а это составляло треть Галліи [3]. Остальная часть стала «провинціею», въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, страною, поставленною въ подданство римскаго народа и подчиненною *imperium*'у его намѣстника. Однако произвольная власть не всегда и не по необходимости выражается въ утѣсненіи. Несомнѣнно одно, что Галлія должна была платить Риму подати и нести въ его пользу воинскую повинность. По словамъ Светонія сумма податей, наложенныхъ на страну, была опредѣлена Цезаремъ цифрою 40 милліо-

[1] *Caes.* (*Hirt.*), VIII, 49: „Unum illud propositum habebat continere in amicitia civitates, nulli spem aut causam dare armorum... Honorifice civitates appellando, principes maximis praemiis afficiendo, nulla onera iniungendo, defessam tot adversis proeliis Galliam conditione parendi meliore facile in pace continuit“.

[2] *Suet.* Caes. 25: „Omnem Galliam, *praeter socias ac bene meritas civitates*, in provinciae formam redegit“.

[3] Списокъ такихъ *populi liberi* или *foederati* см. у Плинія, *Hist. nat.* IV, 105—109; спеціально для Нарбоннской Галліи *Ibid.* III, 31—37. Дежардэнъ думаетъ, что Плиній составилъ этотъ списокъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, относящимся ко времени Августа. См. „Géogr. de la Gaule“, II, 128.

новъ сестерціевъ, которые соотвѣтствовали по вѣсу восьми милліонамъ франковъ [1]: сумма это очень низкая, и она, вѣроятнѣе всего, не выражала собою всѣхъ повинностей покореннаго края. Относительно величины воинскихъ отрядовъ, которые должна была поставлять Галлія, у насъ нѣтъ никакихъ числовыхъ данныхъ. Скоро мы увидимъ, что нѣкоторые Галлы будутъ жаловаться на тяжесть налоговъ, но они жаловались на то же и во времена независимости [2]. Они будутъ иногда тяготиться римскими воинскими наборами (*dilectus*) [3]: однако, размѣры послѣднихъ никогда даже отдаленнымъ образомъ не доходили до того, чѣмъ были всеобщія ополченія прежнихъ временъ свободной племенной жизни.

Нельзя, слѣдовательно, представлять себѣ Галлію утѣсняемою, порабощенною, потрясенною завоеваніемъ. Будемъ судить объ этихъ событіяхъ, если возможно, не по идеямъ современнаго ума, но по понятіямъ тѣхъ

[1] *Suet.* Caes. 25: „Ei quadringenties in singulos annos stipendii nomine imposuit".—О значеніи словъ *quadringenties sestertium* (буквально 400 разъ 100,000 сестерціевъ) см. *Cic.* Philipp. II, 37.

[2] О тяжести налоговъ въ эпоху независимости Галліи въ сочиненіи Цезаря сообщаются два характерные факта. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ (VI, 13): „Plerique magnitudine tributorum premuntur". Въ другомъ онъ разсказываетъ, что Думнориксъ сильно обогатился чрезъ взыманіе *portoria* и *vectigalia* у Эдуевъ (I, 18). Относительно временъ римской Имперіи см. *Tac.* Ann. III, 40: „Disserebant de continuatione tributorum".

[3] *Tac.* Hist. IV, 26: „Dilectum tributaque Galliae aspernantes".—Слѣдуетъ замѣтить, что выраженія Тацита не должны пониматься слово въ слово. Историкъ говоритъ здѣсь о паникѣ, распространявшейся въ разсказываемомъ случаѣ между римскими солдатами, о слухахъ, которые приводили ихъ въ ужасъ; одинъ изъ послѣднихъ и заключался въ томъ, будто вся Галлія отказывалась платить подати и служить въ арміи. Истина, которая выдѣляется изъ разсказа, разсматриваемаго во всей его полнотѣ, гласитъ, что Галлія даже въ тотъ моментъ продолжала доставлять Риму воиновъ.

поколѣній, которыя ихъ пережили. Невѣроятно, чтобы жители Галліи того времени черезчуръ живо оплакивали потерянную независимость, потому что они никогда и раньше не составляли единой націи. Они даже не знали никакой иной формы политическаго союза, кромѣ своихъ мелкихъ государствъ или народцевъ, и для развитія патріотизма у большинства изъ нихъ не существовало болѣе широкаго и возвышеннаго объекта. Такъ ограниченъ былъ кругозоръ ихъ мысли, ихъ обязанностей, любви къ отечеству, гражданскихъ добродѣтелей. Душа ихъ была бы поражена только въ томъ случаѣ, если бы сложившіяся политическія тѣльца оказались разбиты завоевателемъ. Однако Римъ не только не разрушилъ ихъ, но оставилъ, за рѣдкими исключеніями, нетронутымъ организмъ послѣднихъ и всю ихъ внутреннюю жизнь. Почти ни одно изъ галльскихъ государствъ не исчезло. Въ каждомъ изъ нихъ продолжали жить старыя привычки, традиціи, даже вольности. Большинство населенія, мысли и взоры котораго никогда не заходятъ за предѣлы очень тѣснаго круга, не замѣтило даже, чтобы произошла значительная перемѣна въ ихъ существованіи.

Правда, каждое изъ галльскихъ государствъ было съ тѣхъ поръ подчинено чужеземному могуществу. Нѣкоторыя высокія души должны были скорбѣть объ этомъ, но большинство охотно приспособилось къ новому положенію. Они сравнивали настоящее съ прошлымъ и особенно поражались при этомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что прошлое было полно смутъ и страданій, настоящее же оказалось спокойнымъ и мирнымъ. Не было болѣе мѣста для междоусобій изъ-за соперничества государствъ другъ съ другомъ. Нигдѣ уже не раздирали люди одинъ другого за интересы аристократіи или за народное дѣло. Независимость выража-

лась въ безпрерывныхъ войнахъ; римское владычество стало миромъ.

У римскихъ писателей того времени часто попадается одно выраженіе, которое, повидимому, постоянно употреблялось и въ обыденной рѣчи. Чтобы обозначить совокупность земель, подчиненныхъ верховной власти Рима, говорили — р и м с к і й м и р ъ (*pax romana*) [1].

Находясь на далекомъ разстояніи отъ этой эпохи и разсуждая о ней черезчуръ отвлеченно, мы склонны прежде всего полагать, что въ Галліи порядокъ независимости смѣнился порядкомъ порабощенія. Но Галлы сами хорошо знали, что, даже до того времени, когда ихъ покорилъ Цезарь, независимость рѣже осуществлялась у нихъ на дѣлѣ, чѣмъ подчиненіе, и что искони самые слабые между ними должны были гнуть шею передъ болѣе сильными. Кто сосчиталъ и сравнилъ, сколько было въ Галліи племенъ, которыя на самомъ дѣлѣ пользовались свободою, и сколько такихъ, которыя были въ подчиненіи у другихъ [2]? Племена-кліенты, о

[1] *Plin.* Hist. nat. XXVII, 1, 3: „Immensa Romanae pacis maiestate".—*Senec.* De provid. 4: „Omnes considera gentes, in quibus Romana pax desinit".—*Tac.* Ann. XII, 33: „Additis, qui pacem nostram metuebant" (рѣчь идетъ здѣсь о нѣсколькихъ бретонскихъ народцахъ).—*Spartian.* Hadr. 5: „Hadrianus tenendae per orbem Romanum paci operam intendit".—П л у т а р х ъ (De fort. Rom.) называетъ Римъ „неподвижнымъ якоремъ, который укрѣпилъ человѣческія дѣла, долго подвергавшіяся ударамъ бурь".

[2] То, что у Галловъ называлось по Цезарю „кліентскими отношеніями" между государствами, было настоящею зависимостью однихъ отъ другихъ. Это вытекаетъ изъ двухъ мѣстъ Цезаря, въ которыхъ слова *clientela* и *imperium* употребляются, какъ равнозначущія понятія, служащія только для наименованія различныхъ сторонъ одного и того же отношенія. См. VII, 75: „Clientes Aeduorum... sub imperio Arvernorum"; VI, 12: „Novis clientibus comparatis, quod hi aequiore imperio se uti videbant". — Цезарь не перечисляетъ всѣхъ племенъ-кліентовъ; онъ только называетъ нѣкоторыя изъ нихъ. См., напримѣръ, IV, 6: „Condrusi, qui sunt Treverorum clientes"; V, 39: „Centrones, Grudios, Levacos, Pleumoxios, Geidumnos, qui omnes sub imperio Nerviorum erant"; VII, 75: „Segusiavi, Ambivareti, Aulerci, clientes Aeduorum; Eleuteti, Cadurci, Gaballi, Vellavi, sub imperio Arvernorum"; VI, 4: „Carnutes in clientela Remorum"; VI, 12: „Magnae Aeduorum clientelae".—Былъ еще одинъ народецъ Бойевъ, находившійся въ зависимости отъ Эдуевъ (VII, 9).

которыхъ много разъ упоминаетъ Цезарь, были народами, потерявшими независимость. Прежде чѣмъ попасть подъ господство Рима, они уже находились подъ властью Эдуевъ, Секвановъ, Нервіевъ или Арверновъ. Они платили имъ дани и поставляли имъ вооруженныхъ людей, а именно этого въ свою очередь сталъ требовать отъ нихъ Римъ [1]. Послѣ побѣдъ Цезаря всѣ племена должны были подчиниться Риму, какъ раньше половина ихъ зависѣла отъ другихъ галльскихъ племенъ. А такова ужъ природа людей, что послѣдніе испытали, можетъ быть, больше радости при освобожденіи отъ обязанности повиноваться сосѣдямъ, чѣмъ горя отъ необходимости быть покорными чужеземцамъ. Римское верховенство смягчалось такимъ образомъ исчезновеніемъ мѣстныхъ неравенствъ. Покоренные съ одной стороны, Галлы чувствовали себя освобожденными съ другой [2].

[1] Обычай внесенія *stipendium*'а племенемъ-кліентомъ племени-господину упоминается Цезаремъ въ двухъ мѣстахъ—I, 30 и V, 27.—Галлы уплачивали дань и Аріовисту (I, 36; 44; 45).—Обязанность выставлять воиновъ не столь ясно обнаружена имъ, но она, кажется мнѣ, можетъ быть выведена изъ VII, 75.

[2] Нѣсколько малыхъ галльскихъ народцевъ, которые нѣкогда были насильственно присоединены другими, вновь получили автономію подъ властью Римлянъ. С т р а б о н ъ, напримѣръ, говоритъ, что Виллэи, которые раньше принадлежали Арвернамъ, во время римскаго господства получили собственное управленіе (IV, 2, 2, edit. Didot, p. 158). Точно также, нѣсколько позже, Антиполисъ былъ освобожденъ отъ Массиліи (*Ibid.* IV, 1, 9; p. 153).

Надо представить себѣ этихъ людей въ рамкѣ ихъ дѣйствительной жизни и съ тѣми мыслями, которыя занимали ихъ умъ. Римъ являлся для нихъ далекимъ величіемъ, стоявшимъ превыше ихъ ссоръ и страстей. Господство мѣстныхъ властителей, сосѣдское могущество гораздо сильнѣе вызывало въ нихъ недоброжелательство, зависть и опасенія, чѣмъ власть Рима. Ненавидѣли въ Галліи того человѣка, который хотѣлъ захватить царскую власть въ государствѣ, или котораго въ томъ подозрѣвали; затѣмъ также того, кто въ округѣ или селеніи пользовался утѣсняющимъ патронатомъ; того, кто силою принуждалъ народъ опасаться его власти или переносить его покровительство [1]; потомъ богатаго заимодавца, который заставлялъ должниковъ отдаваться къ нему въ кабалу; наконецъ, сильнаго главаря группы кліентовъ, который доставлялъ бѣдняку пропитаніе только подъ условіемъ службы, давалъ ему защиту лишь цѣною подчиненія. Таковы были силы, которыхъ Галлы дѣйствительно страшились. Вотъ, что рисовалось въ глазахъ жителей древней Галліи настоящей неволею, рабствомъ изо дня въ день, проникающимъ въ глубину внутренней жизни человѣка. Римъ уже потому, что онъ распростиралъ свое главенство надъ всѣми, тѣмъ самымъ препятствовалъ возникновенію такихъ мелкихъ тиранній. Покоряясь Риму, можно было надѣяться сохранить свободу отъ подчиненія мѣстному владыкѣ, который былъ хорошо извѣстенъ и возбуждалъ жестокую злобу.

Главнымъ результатомъ римскаго завоеванія было уничтоженіе частныхъ кліентскихъ союзовъ. Теперь уже не могло случиться, чтобы «большинство» удрученное долгами, чрезмѣрными повинностями или насиліями магнатовъ, обязано было идти въ неволю» [1]. Теперь уже не могло повториться, чтобы могущественныя личности держали вокругъ себя сотни кліентовъ— «амбактовъ», «отдавшихся въ кабалу», присуждая однихъ къ службѣ ихъ особѣ, другихъ къ отдачѣ своей жизни для поддержанія усобицъ, которыя такіе люди вели между собой, къ смерти изъ-за ихъ честолюбія. Теперь уже и у друидовъ отнята была власть чинить судъ и расправу, наказывать за преступленія, утверждать въ правахъ наслѣдства и располагать собственностью, запрещать участіе въ культѣ всякому, кто противится ихъ постановленіямъ, отрѣшать отчужденнаго отъ общенія съ другими, отказывать ему даже доступъ къ суду и поддержку правосудія.—Вотъ, каковы были великія измѣненія, которыя пережили въ своемъ существованіи тѣ далекія поколѣнія Галловъ; черезъ нихъ должны они были оцѣнивать характеръ римскаго господства. Римъ не предсталъ передъ ними, какъ утѣснитель, но какъ хранитель мира, гарантировавшій свободу въ повседневномъ быту.

[1] *Caes.* VI, 13: „Aut aere alieno aut iniuria potentiorum premuntur, sese in servitutem dicant nobilibus".

[1] *Caes.* VI, 13.

ГЛАВА VIII.

Пыталась ли Галлія освободиться?

Не слѣдуетъ прилагать къ Галліи, подчиненной власти Римлянъ, того сужденія, какое подходило бы къ положенію какихъ-нибудь современныхъ народовъ, находящихся подъ чужеземнымъ игомъ. Не слѣдуетъ сравнивать ее съ Польшею, покоренною Россіею, или съ Ирландіею, находящеюся подъ суровымъ управленіемъ Англіи. Всякое сравненіе подобнаго рода будетъ неточнымъ. Мы не должны представлять себѣ завоеванную Галлію содрогающеюся въ неволѣ и всегда готовящеюся сбросить съ себя оковы. Факты и памятники даютъ намъ совершенно иное понятіе о положеніи вещей.

Около вѣка послѣ завоеванія императоръ Клавдій въ рѣчи, обращенной къ сенату, произнесъ слѣдующія слова: «Вѣрность Галліи никогда не колебалась впродолженіе ста лѣтъ; даже въ критическіе моменты, черезъ которые проходила наша имперія, ни разу не пошатнулась ея преданность» [1].

Насчитываютъ, правда, нѣсколько попытокъ возстанія; но надобно изучить ихъ вблизи, чтобы убѣ-

[1] См. текстъ рѣчи Клавдія, найденный въ Ліонѣ: „Centum annorum immobilem fidem obsequiumque multis trepidis rebus nostris plus quam expertum". Ср. *Tacit.* Ann. XI, 24: „Continua et fida pax". *Amm. Marc.* XV, 12: „Gallias Caesar societati nostrae foederibus iunxit aeternis".

диться, дѣйствительно ли онѣ доказываютъ, что Галлія, разсматриваемая въ ея цѣломъ, желала въ самомъ дѣлѣ отдѣлаться отъ римскаго владычества.

Первое движеніе такого рода было такъ называемое возстаніе Тревира Юлія Флора и Эдуя Юлія Сакровира. Оба эти Галла носили римскія имена, и прежде всего добивались и достигли правъ римскаго гражданства [1]. Поднявъ возстаніе, они, правда, стремились вновь оживить кругомъ воспоминанія о старой независимости; но больше всего волновали они людей, нападая на тяжесть налоговъ и злоупотребленія при ихъ взысканіи [2]. Въ то время въ Галліи не было римскаго войска, кромѣ одной когорты въ Ліонѣ (Лугудунѣ); небрежность императора Тиберія или затрудненія, которыя онъ встрѣчалъ при распредѣленіи военной силы по различнымъ областямъ имперіи, дали Галламъ время и просторъ для того, чтобы произвести возстаніе. Они имѣли полную возможность «вести мятежныя рѣчи въ собраніяхъ и на сходкахъ», [3] ковать оружіе, [4] посылать повсюду эмиссаровъ. Между тѣмъ ни одинъ народецъ, ни одна изъ 64 правильно устроенныхъ общинъ Галліи не объявила себя противъ Рима. Галльскіе воины, служившіе имперіи, остались почти всѣ вѣрны ей [5]. За Флоромъ и Сакровиромъ пошли только «самые буйные люди и еще тѣ, для кого вслѣдствіе отсутствія

[1] *Tac.* Ann. III, 40: „Ambobus Romana civitas olim data".
[2] *Ibid.* „Disserebant de continuatione tributorum, gravitate fenoris, saevitia ac superbia praesidentium".
[3] *Ibid.* „Per concilia et coetus seditiosa disserebant".
[4] *Ibid.* III, 43.
[5] *Tac.* Ann. III, 42: „Pauci... corrupti, plures in officio mansere". Люди, о которыхъ здѣсь говоритъ Тацитъ, были набраны у Тревировъ. Онъ указываетъ и въ другихъ мѣстахъ на галльскіе отряды, находившіеся на службѣ у Римлянъ (*Ann.* II, 17; *Hist.* I, 70).

средствъ къ жизни или страха наказаній, заслуженныхъ ихъ преступленіями, безпорядки оказывались единственнымъ спасеніемъ» [1]. Мало было племенъ, въ средѣ которыхъ не были «посѣяны зерна возмущенія»; но нужно думать, что число возставшихъ было не очень значительно, ибо «для приведенія къ покорности Андекавовъ и Туроновъ (населенія будущей французской области Анжу), оказалась достаточною единственная когорта, прибывшая изъ Лугудуна»; нѣсколько отрядовъ, посланныхъ изъ легіоновъ, расквартированныхъ въ Германіи, «наказали Туроновъ» [2]; «нѣсколько взводовъ конницы справились съ Секванами» [3]. Начальникъ Тревировъ оказался въ состояніи сгруппировать около себя въ собственной своей же странѣ только «сбродъ людей, которые были его должниками и кліентами» [4]. Крыло конницы подъ предводительствомъ другого Тревира—Юлія Индa разсѣяло безъ труда «эту сбродную толпу» [5]. Сакровиръ былъ нѣсколько счастливѣе: ему удалось овладѣть городомъ Августодуномъ [6]; онъ оказался въ силахъ собрать до 40.000 Галловъ, но три четверти послѣднихъ были вооружены лишь кольями и ножами; лучшими въ ихъ числѣ были, какъ кажется, гладіаторы, одѣтые

[1] *Ibid.* III, 40: „Ferocissimo quoque assumpto, aut quibus ob egestatem ac metum ex flagitiis maxima peccandi necessitudo“.

[2] *Tac.* Ann. III, 41; III, 46: „Una cohors rebellem Turonum (profligavit)“.

[3] *Ibid.* III, 46; „Paucae turmae profligavere Sequanos“.

[4] III, 42; „Vulgus obaeratorum aut clientium“.

[5] III, 42; „Iulius Indus e civitate eadem, discors Floro et ob id navandae operae avidior, inconditam multitudinem disiecit“.

[6] Неточно утверждать, что Сакровиръ навербовалъ „учащееся юношество“, какъ дѣлали нѣкоторые историки (см. *Henri Martin*, Hist. de France, I, 224). Тацитъ сообщаетъ только, что „онъ держалъ этихъ молодыхъ людей въ качествѣ заложниковъ“ см. Ann. III, 43).

въ желѣзо, подобные тѣмъ, которыхъ называли въ Римѣ круппелларіями. Два легіона легко раздавили эту массу, которая даже не вступила въ бой; одни гладіаторы продержались нѣсколько времени подъ защитою своихъ желѣзныхъ латъ [1].—Намъ представляется невозможнымъ усмотрѣть въ приведенныхъ чертахъ истинные признаки народнаго возстанія. Если бы Галлія въ самомъ дѣлѣ прониклась желаніемъ вновь сдѣлаться независимой, обстоятельства, безъ сомнѣнія, сложились бы иначе. Тацитъ обращаетъ даже вниманіе на то, что императорское правительство мало придало значенія безсильнымъ вспышкамъ, картина которыхъ, быть можетъ, «была раздута молвою» [2].

Гай Юлій Виндексъ, который произвелъ возмущеніе

[1] Разсказъ объ этомъ необычайномъ сраженіи находимъ у Тацита (см. Ann. III, 45—46). Сакровиръ выдвинулъ впередъ и поставилъ въ центрѣ своихъ гладіаторовъ, по крыламъ размѣстилъ, хорошо вооруженныя когорты. Силій повелъ аттаку съ фронта; фланги Галловъ, т. е., именно хорошо вооруженныя когорты не продержались даже короткое время („nec cunctatum apud latera“); одни гладіаторы замедлили нѣсколько натискъ римскаго войска („paulum morae attulere ferrati“); эти крупелларіи, которые были совершенно закрыты желѣзнымъ панцыремъ (Ann. III, 43), не могли ни наносить удары, ни обратиться въ бѣгство; мечъ легіонера не могъ также сразить ихъ: пришлось сваливать ихъ топорами, либо при помощи кольевъ или вилъ сбрасывать ихъ на землю, „гдѣ они и оставались лежать, какъ неподвижныя массы, не будучи въ состояніи подняться“. Что касается слѣдующихъ, заднихъ рядовъ галльскаго войска, то Тацитъ ничего даже не упоминаетъ о нихъ.

[2] *Tac.* Ann. III, 44: „Cuncta, ut mos famae, in maius credita“.—Историкъ прибавляетъ, что Тиберій высказывалъ при этомъ большое спокойствіе „или по твердости духа или потому, что онъ понималъ ничтожность движенія“. Слова Веллея объ этомъ событіи—„quantae molis bellum“ (II, 129)—мало заключаютъ въ себѣ исторической цѣны. Достойно замѣчанія, что ни Светоній, ни Діонъ Кассій не сочли даже нужнымъ упомянуть о фактѣ возстанія Флора и Сакровира.

въ концѣ царствованія Нерона, также не помышлялъ о независимости Галловъ. Этотъ человѣкъ, родомъ изъ Аквитаніи, потомокъ знатной туземной семьи, былъ римскимъ сенаторомъ и намѣстникомъ провинціи [1]. Ему не было повода желать ниспроверженія римскаго господства; онъ стремился только возвести на престолъ новаго императора. Пользуясь недовольствомъ Галловъ на администрацію Нерона, онъ возбудилъ ихъ къ возстанію. Древніе историки съ полнѣйшею ясностью изображаютъ истинную природу этого движенія. Виндексъ созвалъ вступившихъ въ заговоръ и прежде всего «заставилъ ихъ поклясться, что они все сдѣлаютъ во имя сената и народа римскаго» [2]. Онъ обратился къ нимъ съ рѣчью; не говоря ни слова о независимости Галловъ, вождь перечислилъ своимъ сторонникамъ всѣ злодѣянія Нерона: онъ остановился особенно на описаніи частной жизни этого чудовища, «который позорилъ, по его словамъ, священное званіе императора»; онъ заклиналъ ихъ наконецъ «отомстить за народъ римскій, освободивъ отъ Нерона міръ» [3]. Вслѣдъ

[1] *Dio Cassius*, LXIII, 22: „Βουλευτὴς τῶν Ῥωμαίων... προέστη τῶν Γαλατῶν“.—*Suet.* Ner. 40: „Galliam provinciam pro praetore obtinebat“.

[2] *Zonar.* VI, 13: „Ἠρέθισεν αὐτοὺς καὶ ὥρκωσε πάντα ὑπὲρ τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου τῶν Ῥωμαίων ποιήσειν“. — Извѣстно, что Зонара жилъ и писалъ много времени позже даннаго событія но извѣстно также, что онъ пользовался Діономъ Кассіемъ, подлинный текстъ котораго, относящійся къ эпохѣ возстанія, до насъ на дошелъ.

[3] См. у Діона Кассія (въ сокр. Ксифилина) LXIII, 22—23.—Тацитъ не даетъ намъ полнаго разсказа объ этомъ возмущеніи; но намеки, которые онъ на него дѣлаетъ (*Hist.* I, 51), подтверждаютъ разсказъ Діона Кассія. То же можно сказать о Светоніи (*Galba*, 9) и Плиніи Старшемъ (XX, 57, 160). Во всемъ этомъ нѣтъ ни одной черты, которая позволяла бы усматривать въ Виндексѣ защитника независимости страны отъ Рима.

за тѣмъ Виндексъ провозгласилъ императоромъ Сульпиція Гальбу. Жители центральной Галліи признали новаго государя; но населеніе сѣверной предпочло ему Вителлія и взялось за оружіе, чтобы поддержать послѣдняго [2]. Не было рѣчи и здѣсь о національной свободѣ.

Слѣдуетъ ли считать возстаніемъ всей Галліи бунтъ поднятый Бойемъ Марикомъ? Слѣдуетъ ли его разсматривать какъ усиліе народа или друидовъ вернуть странѣ независимость? Лучше будетъ и въ данномъ случаѣ точно держаться смысла разсказа Тацита, единственнаго извѣстія объ этомъ событіи, которое находится въ нашихъ рукахъ. «Нѣкій Марикъ, происходившій изъ самаго низшаго класса бойскаго народа, ложно выставляя себя вдохновленнымъ богами, осмѣлился сдѣлать вызовъ римскому оружію. Онъ объявлялъ себя освободителемъ Галліи, онъ объявлялъ себя богомъ» [2]. — Изъ приведенныхъ первыхъ словъ историка можно заключить, что Марикъ воoодушевлялся чувствомъ національной свободы и, повидимому, преданъ былъ также національной религіи. Впрочемъ, Тацитъ не упоминаетъ здѣсь ни разу имени друидовъ, и дальнѣйшее его изложеніе обнаруживаетъ, насколько это движеніе было ограничено и неглубоко. «Онъ собралъ восемь тысячъ сторонниковъ и увлекъ за собою нѣсколько волостей Эдуевъ; но община послѣднихъ, всегда отличавшаяся благоразумною сдержанностью,— вооружила отборнѣйшую часть своего юношества и

[1] *Tac.* Hist. I, 51: „Pars Galliarum, quae Rhenum accolit, secuta easdem partes (то-есть, послѣдовавшая за Вителліемъ), ac tum acerrima instigatrix adversus Galbianos; hoc enim nomen, fastidito Vindice, indiderant“.

[2] *Tac.* Hist. II, 61: „Mariccus quidam, e plebe Boiorum... provocare arma romana simulatione numinum ausus est. Iamque assertor Galliarum et deus, nam id sibi indiderat...“

съ помощью нѣсколькихъ вителліевыхъ когортъ, разсѣяла эту толпу, объединенную суевѣріемъ. Марикъ былъ взятъ; глупая масса считала его неуязвимымъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ преданъ смерти...» [1]

Крупное большинство галльскихъ племенъ оставалось чуждымъ всѣхъ такихъ волненій, происходившихъ внутри страны и, какъ кажется, не помышляло объ освобожденіи. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы такая покорность поддерживалась силою. У Рима не было спеціальной арміи для обузданія Галловъ. Нѣсколько легіоновъ защищали границы страны противъ нападеній Германцевъ; но внутри ея не существовало военныхъ гарнизоновъ. Даже полицейскіе отряды составлялись изъ Галловъ, содержались на счетъ мѣстныхъ жителей и находились подъ командою муниципальныхъ властей. Если бы Галлія дѣйствительно скорбѣла объ утратѣ независимости, ей бы легко было подняться всей до того времени, когда римскіе легіоны подоспѣли бы для подавленія возстанія. Она оставалась вѣрна Риму потому, что сама того хотѣла. Одинъ историкъ той эпохи говоритъ о ней: «Цѣлая Галлія, хотя она и не изнѣжена, хотя не выродилась ея храбрость, добровольно повинуется тысячѣ двумстамъ римскихъ воиновъ» [2].

Возстаніе Цивилиса, разразившееся среди смутъ между Вителліемъ и Веспасіаномъ, отличалось,—слѣдуетъ признать это,—нѣкоторою серьезностью. Но Цивилисъ былъ Батавъ, то-есть, Германецъ [3]. Германцы же наполняли его войско: оно было составлено изъ

[1] *Ibid.* „Concitis octo milibus hominum proximos Aeduorum pagos trahebat, cum gravissima civitas electa iuventute, adiectis a Vitellio cohortibus, fanaticam multitudinem disiecit"...

[2] *Ioseph. Flav.* De bell. iud. II, 16.

[3] *Tac.* Hist. IV, 12—13. Этотъ Германецъ былъ, впрочемъ, на службѣ Рима и получилъ командованіе когорты (*ibid.* cc. 16; 32).

Батавовъ, Фризовъ, Канинефатовъ, Хаттовъ, Тонгровъ, Бруктеровъ, Тенктеровъ, Хавковъ, Трибоковъ [1]. Такимъ образомъ, здѣсь вся передовая линія Германіи «шла на разграбленіе Галліи» [2]. Велледа тоже была Германкою, и она предсказывала побѣду Германцамъ [3]. Они переправились черезъ Рейнъ, все сожигая и разрушая на пути. Они овладѣли Кельномъ (*Colonia Agrippinensis*), городомъ, незадолго передъ тѣмъ основаннымъ Римлянами для огражденія Галліи отъ ихъ набѣговъ и потому особенно возбуждавшимъ ихъ ненависть [4].

Все это никакимъ образомъ не указываетъ на попытку освободить Галлію; эти Германцы не были избавителями ихъ отъ неволи. Они даже были болѣе опасны самой Галліи, чѣмъ Имперіи. Однако Цивилисъ разсчитывалъ добиться присоединенія Галловъ къ его предпріятію. Это былъ, по сужденію Тацита, честолюбецъ, мечтавшій сдѣлаться царемъ Галловъ такъ же, какъ и Германцевъ [5]. Чтобы привлечь къ себѣ Галловъ, онъ при нихъ говорилъ о независимости, старался прельстить ихъ надеждою на уничтоженіе налоговъ и воинской повинности, напоминалъ имъ старую свободу и сулилъ ея возвращеніе [6].

[1] *Ibid.* VI, 16; 21; 37; 61; 70; 79.

[2] *Ibid*, IV, 21: „Excita ad praedam famamque Germania".—*Ibid.* 28: „Civilem immensis auctibus universa Germania extollebat".

[3] *Ibid.* IV, 61: „Veleda, virgo nationis Bructerae, late imperitabat, vetere apud Germanos more, quo plerasque feminarum fatidicas arbitrantur... Veleda prosperas res Germanis praedixerat".—*Tac.* Germ. 8: „Veledam, diu apud plerosque numinis loco habitam".—Намъ совершенно непонятно, откуда произошла удивительная легенда, обратившая Велледу въ галльскую жрицу.

[4] *Ibid.* IV, 65: „Transrhenanis gentibus invisa civitas opulentia auctuque; neque alium finem belli rebantur quam si promiscua ea sedes omnibus Germanis foret".

[5] *Tac.* Hist. IV, 18: „In Gallias Germaniasque infestus, validissimarum nationum regno imminebat"...

[6] *Ibid.* cc. 17; 32.

Галлы не сразу попали въ такую грубую ловушку. Ихъ вооруженные отряды прежде всего присоединились къ римской арміи, какъ вспомогательныя войска, и они съ большимъ рвеніемъ бились за Имперію [1]. Но то было время, когда Италія являлась добычею междоусобія; сраженіе при Кремонѣ уже произошло, но въ Галліи еще ничего не знали объ этомъ, и страна, находясь въ невѣдѣніи о гибели Вителлія, оставалась ему вѣрна [2]. Скоро распространилась однако вѣсть, что Имперія получила новаго господина—Веспасіана, который не былъ знакомъ Галліи даже по имени; приходилось, стало быть, третій разъ впродолженіе одного года возобновлять присягу. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было не замѣтить, что Цивилисъ и Германцы одерживали успѣхи; они уничтожили нѣсколько римскихъ легіоновъ [3]. Наступилъ моментъ, когда многочисленные Галлы стали склоняться къ возстанію, отказались отъ уплаты Римлянамъ подати и несенія военной службы [4] и «взялись за оружіе съ надеждою освободиться или изъ жажды повелѣвать» [5]. Порывъ независимаго духа и племенной гордости какъ бы пронесся тогда надъ Галліею [6]. При извѣстіи о пожарѣ Капитолія повѣрили, что боги покидаютъ Римъ, и что власть надъ міромъ должна перейти въ руки заальпійскихъ народовъ: таковы были предсказанія

[1] *Idid.* IV, 25: „Affluentibus auxiliis Gallorum, qui primo rem romanam enixe iuvabant".—Ниже (гл. 37) Тацитъ изображаетъ Тревировъ мужественно борющимися съ Германцами.

[2] *Ibid.* c. 37.

[3] *Ibid.* 25: „Mox valescentibus Germanis".

[4] *Ibid.* 26: „Delectum tributaque aspernantes".

[5] *Tacit.* Hist. IV, 25: „Pleraeque civitates adversus nos armatae, spe libertatis et cupidine imperitandi".

[6] *Ibid.* 54: „Galli sustulerant animos".

друидовъ [1]. Тѣмъ не менѣе изъ разсказовъ Тацита, собственно, не видно, чтобы поднялась вся Галлія; но въ римской арміи были галльскія когорты, которыя до тѣхъ поръ пребывали въ вѣрности и покорности, теперь же вдругъ возмутились. Три галльскихъ вождя Юлій Классикъ, Юлій Сабинъ и Юлій Туторъ находились на службѣ Имперіи [2]. Чувствуя себя среди легіоновъ, ослабленныхъ недавними пораженіями, они вошли въ соглашеніе съ Цивилисомъ, умертвили своего главнаго начальника и заставили остатки легіоновъ примкнуть, какъ они сами, къ возмущенію. Это былъ военный бунтъ, а не народное возстаніе [3].

Люди эти взывали къ свободѣ; они обѣщали другъ другу возстановить старую независимость и даже основать великую галльскую державу [4]. Они приказывали солдатамъ, присягавшимъ обыкновенно императорамъ, произносить клятву въ вѣрности «самостоятельной Галліи» [5]. Однако, одинъ изъ нихъ—Классикъ облекся въ знаки римскаго военачальническаго достоинства; другой—Сабинъ «повелѣлъ привѣтствовать его, какъ Цезаря» [6]. Эти два факта, засвидѣтельствованные Тацитомъ, сильно уменьшаютъ значеніе клятвы, принесенной въ честь галльской дер-

[1] *Ibid.* „Fatali igne signum coelestis irae datum et possessionem rerum humanarum transalpinis gentibus portendi druidae canebant".

[2] *Ibid.* 55.

[3] См. особенно разсказъ Тацита въ главахъ 55—62.

[4] *Ibid.* cc. 55; 58.

[5] *Ibid.* 59; 60: „Iuravere qui aderant pro imperio Galliarum... In verba Galliarum iuravere". Тацитъ говоритъ здѣсь только о солдатахъ, входившихъ въ составъ либо римскихъ легіоновъ, либо галльскихъ вспомогательныхъ когортъ. Онъ не указываетъ, чтобы клятва подобнаго рода была принесена населеніемъ Галліи.

[6] *Ibid.* 59: „Classicus sumptis romani imperii insignibus in castra venit";—c. 67: „Sabinus Caesarem se salutari iubet".

жавы. Историкъ не говоритъ равнымъ образомъ, чтобы на призывъ трехъ названныхъ вождей откликнулось большинство населенія. Авторъ ясно показываетъ, что впродолженіе нѣсколькихъ недѣль въ Галліи не было ни одного римскаго солдата; стало быть, страна могла возвратить себѣ независимость, если бы того хотѣла; она была госпожею своихъ судебъ; но онъ нигдѣ не сообщаетъ, чтобы въ ней поднялось возстаніе. Тацитъ изображаетъ настроеніе Галліи колеблющимся; можно догадываться, что цѣлая партія была тамъ склонна къ возмущенію, и что кое-кто поодиночкѣ взялся за оружіе; но изъ 80 общинъ онъ называетъ только двѣ— Лингоновъ и Тревировъ, которыя рѣшились возстать.

Это движеніе было первоначально подавлено не римскимъ войскомъ, а самими Галлами. Секваны, оставшіеся вѣрными Риму, вооружились, чтобы постоять за него и привели въ разстройство Сабина и Лингоновъ [1].

Что касается Цивилиса и его Батавовъ, они отказались присягнуть «Галліи». Они предпочли, говоритъ Тацитъ, довѣриться Германцамъ. Они объявляли даже, что вступятъ въ борьбу съ Галлами, громко провозглашая, что Галлія годна лишь на то, чтобы послужить имъ добычею [2].

Вѣрность Секвановъ и ихъ побѣда, а, быть можетъ, также страхъ передъ Германцами вернули Галлію на сторону Рима [3]. Ремы, которые не совершали отпаденія, созвали представителей отъ всѣхъ галльскихъ общинъ «для совмѣстнаго обсужденія, чтó слѣдуетъ предпочесть: свободу или миръ» [1].

[1] *Tac.* Hist. IV, 67: „Sequanos civitatem nobis fidam... Fusi Lingones".

[2] *Ibid.* 61: „Civilis neque se neque quemquam Batavum in verba Galliarum adigit; fisus Germanorum opibus... certandum adversus Gallos de possessione rerum..."—C. 76: „Gallos quid aliud, quam praedam victoribus..."

[3] *Ibid.* 67: „Sequanorum prospera acie belli impetus stetit, resipiscere civitates, fasque et foedera respicere".

Тогда-то и произошло одно изъ характернѣйшихъ происшествій во всемъ изучаемомъ событіи. Послы различныхъ галльскихъ народцевъ сошлись въ городѣ, который нынѣ называется Реймсомъ (*Durocortorum Remorum*), и образовали нѣчто въ родѣ національнаго собранія. На немъ разсуждали безъ всякаго стѣсненія о выборѣ между римскимъ владычествомъ и независимостью. Никогда болѣе высокій вопросъ не ставился передъ націею и не разсматривался съ большимъ спокойствіемъ. Были ораторы, которые говорили въ пользу свободы, другіе высказывались за сохраненіе покорности чужеземному господству. Но мы совсѣмъ не усматриваемъ никакихъ указаній на то, чтобы послѣднихъ обвиняли въ измѣнѣ даже ихъ противники, и, повидимому, они вовсе не были меньше тѣхъ привязаны къ родинѣ. Спорили очень много; взывали къ великому имени независимости и напоминали о старой славѣ; немало сердецъ было растрогано этими девизами. Но люди, обладавшіе болѣе холодными темпераментами, обращали вниманіе на рискованность предпріятія: шесть римскихъ легіоновъ уже находились на пути въ Галлію. Затѣмъ возникалъ вопросъ, какъ распорядится Галлія своею независимостью, если ей въ самомъ дѣлѣ удастся освободиться? Какое управленіе создастъ она себѣ, гдѣ будетъ ея столица, ея центръ, на чемъ будетъ держаться ея единство? Выставлялось на видъ, что немедленно же возродятся смуты, притязанія и ненависть, соперничество между племенами и групповая

[1] *Ibid.* „Remi per Gallias edixere, ut missis legatis in commune consultarent, libertas an pax placeret".

вражда [1]. Благоразумные предсказывали, что галльское общество будетъ подвержено жестокимъ колебаніямъ и постояннымъ измѣненіямъ судьбы или положенія. Особенно много думали о Германцахъ, которые вотъ уже два вѣка тянутъ руки къ Галліи, которыхъ толкаютъ противъ нея всякаго рода вожделѣнія [2], которые только и ждутъ возстанія Галловъ противъ Рима, чтобы наводнить страну и предать ее разграбленію. Стали на ряду съ этимъ взвѣшивать всѣ выгоды мира и римскаго господства. Сравнивали настоящее съ тѣмъ, чѣмъ станетъ будущее, и разсудили, что настоящее лучше такого будущаго [3]. Результатомъ всѣхъ этихъ долгихъ разговоровъ былъ тотъ фактъ, что собраніе торжественно объявило отъ лица всей Галліи, что она остается связанною съ Римомъ. Оно предложило Тревирамъ, которые одни оставались въ возстаніи, положить оружіе и возвратиться къ повиновенію [4]. Затѣмъ большое количество Галловъ добровольно вооружилось для защиты Имперіи [5]. Цивилисъ, уже одинъ разъ побѣжденный, набралъ себѣ новое ополченіе въ Германіи [6]. Его разбили вторично, и Германцы были прогнаны за Рейнъ, служившій границею между ними и Галліею. Страна была избавлена отъ нашествія и осталась римскою.

[1] *Ibid.* IV, 69: „Deterruit plerosque provinciarum aemulatio... Quam, si cuncta procederent, sedem imperio legerent? nondum victoria, iam discordia erat“.

[2] *Ibid.* IV, 73: „Libido atque avaritia“.

[3] *Ibid.* 69: „Pacis bona dissertans... Taedio futurorum praesentia placuere“.

[4] *Ibid.* „Scribuntur ad Treveros epistolae nomine Galliarum, ut abstinerent armis“.

[5] *Ibid.* 79: „Multitudinem sponte commotam ut pro Romanis arma capesseret“.

[6] *Ibid.* V, 13: „Reparato per Germaniam exercitu“.

Тацитъ влагаетъ въ уста одного римскаго полководца слова, которыя справедливо выражаютъ мысль, волновавшую въ тѣ времена большинство населенія края.—«Когда наши войска, говорилъ онъ, обращаясь къ Галламъ,—вступили впервые въ вашу страну, это произошло по просьбѣ вашихъ предковъ; собственные раздоры утомляли и истощали ихъ, и Германцы уже возлагали на ихъ головы иго рабства. Съ тѣхъ поръ мы держимъ стражу на вашей окраинѣ, чтобы помѣшать новому Аріовисту прійти царствовать надъ Галліею. Мы не налагаемъ на васъ никакихъ иныхъ податей, кромѣ тѣхъ, которыя даютъ возможность доставить вамъ прочный миръ. Платимые вами налоги содержатъ арміи, которыя васъ же защищаютъ Если бы исчезла римская Имперія, что увидѣли бы мы на землѣ кромѣ всеобщей войны? И при этомъ какой народъ былъ бы тогда въ большей опасности, нежели вы, которые наиболѣе доступны врагамъ, которые владѣете золотомъ и богатствомъ, привлекающимъ хищника» [1]?

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, чтобы Галлія нуждалась въ Имперіи для собственной защиты противъ Германіи. Нельзя сказать, чтобы Галламъ не доставало мужества и военныхъ способностей. Писатели того времени вовсе не изображаютъ ихъ изнѣженною расою. «Всѣ они—превосходные воины, говоритъ Страбонъ, и именно изъ ихъ среды Римляне добываютъ лучшую свою конницу» [2]. Цезарь не пренебрегалъ также галльскими пѣхотинцами; онъ вербовалъ значительное число ихъ для своей арміи. Они не переставали во всѣ пять вѣковъ существованія Имперіи поставлять многочисленныхъ солдатъ и офицеровъ въ

[1] *Tac.* Hist. IV, 72—74 (рѣчь Церіалиса).

[2] *Strabo*, IV, 4, 3. Аппіанъ сообщаетъ (Bell. civ. II, 9), что въ войскѣ Цезаря было 10.000 галльскихъ всадниковъ.

римскіе легіоны, которые въ эту эпоху не пополнялись больше населеніемъ Италіи. Тѣхъ рукъ, которыя Галлы отдавали на службу Имперіи, для нихъ было бы совершенно достаточно, чтобы защищать себя. Но безъ Имперіи въ Галліи немедленно возродилось бы разъединеніе. Въ большихъ войнахъ и для борьбы съ нашествіями личная храбрость почти не оказываетъ услуги. Защиту народамъ даютъ сила ихъ общественныхъ учрежденій и ихъ соціальная дисциплина. Тамъ, гдѣ политическая связь слишкомъ слаба, первымъ послѣдствіемъ непріятельскаго вторженія является разстройство государственнаго тѣла, погруженіе умовъ въ смуту, разслабленіе характеровъ; среди безпорядка, произведеннаго нападеніемъ, враги неминуемо оказываются побѣдителями. Это именно и случилось съ Галліею во времена нашествія Кимвровъ, а позже Аріовиста. То же бы повторилось и дальше, если бы римское господство не обратило Галлію въ сплоченный и крѣпкій организмъ. Это господство сдѣлалось для Галловъ связью, цементомъ, силою сопротивленія [1].

---

[1] П. Віоллэ изобрѣлъ особую теорію для объясненія галльскихъ возстаній. Прежде всего онъ исходилъ изъ той предвзятой мысли, что Галлія должна была возставать часто, энергично, единодушно. Чтобы оправдать эти возстанія, онъ сдѣлалъ предположеніе, что Римъ обязался по отношенію къ союзнымъ общинамъ Галліи не облагать ихъ поборами, и что, нарушая договоръ, онъ постоянно взыскивалъ весьма значительные налоги.—Все это—чистѣйшая фантазія.—Конечно, существовало нѣсколько галльскихъ государствъ, которыя были поставлены въ положеніе *civitates foederatae*; но намъ совершенно неизвѣстно, каковы были условія заключенныхъ съ нимъ сдѣлокъ: памятники не говорятъ о нихъ ни слова. Въ виду названія, которое они носили, можно предположить, что ихъ связывалъ съ Римомъ какой-то *foedus*; но и это, можетъ быть, невѣрно, и противоположное предположеніе, что не было заключено договора, а данъ лишь одинъ титулъ, настолько же допустимо при отсутствіи опредѣленныхъ документовъ. Во всякомъ случаѣ, даже если принять, что Цезарь заключилъ *foedus* съ каждымъ изъ упомянутыхъ государствъ, не находится основанія для смѣлаго утвержденія г. Віоллэ, что въ договоръ входило освобожденіе отъ налоговъ, и онъ одинъ знаетъ, что Римъ нарушалъ этотъ договоръ. Авторъ впадаетъ тутъ еще въ одно заблужденіе. Онъ видитъ, напримѣръ, что нѣкій Тревиръ произвелъ возмущеніе; этого ему достаточно для того, чтобы доказывать, что все племя Тревировъ отложилось отъ Рима. Онъ забываетъ, что этотъ человѣкъ служилъ въ римскихъ легіонахъ, что онъ былъ римскимъ гражданиномъ и сталъ почти чужимъ человѣкомъ для своего прежняго государства. Принять одного человѣка за цѣлое государство, особенно когда рѣчь идетъ о государствѣ галльскомъ,—это очень большая ошибка. См. докладъ г. П. Віоллэ въ отчетахъ *Académie des inscriptions* (Séance du 15 Juillet 1887).

Моммзенъ также очень преувеличилъ значеніе того же возстанія. Онъ представляетъ „кельтскую знать, составляющею обширный заговоръ для ниспроверженія римскаго владычества; наиболѣе крупныя племена присоединяются къ мятежникамъ: Тревиры бросаются въ Арденны, Эдуи и Секваны поднимаются на голосъ Юлія Сакровира". Наконецъ это возмущеніе (по словамъ автора) свидѣтельствуетъ о живой еще ненависти Галловъ и особенно ихъ знати къ чужеземнымъ господамъ. См. *Röm. Gesch.* V, 73. Ни одной изъ приведенныхъ чертъ или подробностей не сообщаютъ документы. Въ нихъ говорится только о тяжести налоговъ. Рѣчь идетъ въ нихъ не о всей кельтской знати, а только о четырехъ личностяхъ, и оказывается, что эти четыре лица, родившіяся въ Галліи, были римскими гражданами.

ГЛАВА IX.

Галлы сдѣлались римскими гражданами.

Въ древности покореніе какого-нибудь народа другимъ не сопровождалось непремѣнно, какъ естественнымъ послѣдствіемъ, присоединеніемъ побѣжденныхъ къ побѣдителямъ послѣ завоеванія. Галлія сдѣлалась тѣмъ, что обозначалось на латинскомъ языкѣ того вре-

мени словомъ—*provincia*, то-есть, зависимою страною [1]. Она не составила, собственно, части римскаго государства (не была—*in civitate romana*), а была лишь поставлена была подъ его власть (находилась—*in imperio romano*).

Среди галльскихъ народцевъ одни были объявлены союзниками Рима (*foederati*), другіе—свободными общинами (*liberi*),—третьи подданными народа-побѣдителя (*dedititii*) [2]. Всѣ они однако походили другъ на друга по положенію въ томъ смыслѣ, что были поставлены внѣ римскаго гражданства. По отношенію къ Римлянамъ они были иностранцами—*peregrini* [3]. Это и означало, что они не вошли въ составъ римскаго народа, не обладали ни политическими, ни гражданскими правами послѣдняго, не пользовались покровительствомъ римскихъ законовъ. Имъ нельзя было ни получить

[1] Слово—*provincia*—довольно поздно стало пониматься, какъ географическій терминъ; первоначально оно служило наименованіемъ правительственнаго порученія, военно-административнаго поста; спеціально же оно прилагалось къ обозначенію управленія побѣжденными народами, и поэтому съ нимъ соединилось понятіе подчиненія. Намъ еще придется ниже вернуться къ этому предмету.

[2] *Plin.* Hist. nat. III, 31—37; IV, 105—109.

[3] Понятіе *peregrinus* противополагается понятію *civis* (такъ же какъ *peregrinitas* и *civitas*). См. *Cic.* II In Verr. VI, 35: „Neminem neque civem neque peregrinum“.—*Dig.* I, 2, 2: „Praetor, qui Romae inter peregrinos ius dicebat“.—*Peregrinitas* подразумѣвало различіе отъ *civitas* не по мѣсту осѣдлости, а по праву. Можно было обитать въ Римѣ даже изъ рода въ родъ и все-таки оставаться тамъ перегриномъ; наоборотъ можно было жить въ Ліонѣ или Трирѣ и являться тамъ въ качествѣ *civis romanus*. См. *Cic.* Pro Balbo, 23; De off. III, 11; *Gai.* Instit. I, 67—70; 79.—Очень хорошо характеризуется понятіе *peregrinitas* тѣмъ фактомъ, что Римлянинъ, приговоренный къ изгнанію, тѣмъ самымъ немедленно обращался въ перегрина: „Peregrinus fit is, cui aqua et igni interdictum est“ (*Ulpian.* XI).

наслѣдство отъ Римлянина, ни самимъ завѣщать Римлянину свое имущество [1]. Они лишены были *commercium'a*, то-есть, права пріобрѣтать въ полную собственность недвижимости на римской землѣ [2]. Галламъ не разрѣшались также браки съ Римлянами, то-есть, союзъ между Римляниномъ и женщиною галльскаго происхожденія не признавался законнымъ [3]. Сынъ, родившійся отъ такого брака, какъ при всякомъ незаконномъ сожительствѣ, пріобрѣталъ соціальное положеніе матери, слѣдовательно, становился Галломъ, то-есть, перегриномъ [4]. Перегринъ не имѣлъ права получить или принять римское имя [5]. Правила эти не возникли спеціально въ Римѣ; они вытекали изъ приципомъ, присущихъ всѣмъ древнимъ государствамъ вообще. Въ сознаніи людей того времени глубоко коренилась идея, что два народа или два государства должны всегда оставаться раздѣленными крѣпкою правовою и нравственною стѣною.

Не будемъ говорить здѣсь о политикѣ ассимиляціи. Въ современныхъ обществахъ можно наблюдать, что

[1] *Gai.* Instit. II, 218: „Cui nullo modo legari possit, velut peregrino, cum quo testamenti factio non sit.“—*Idem*, II, 110; III, 132; 133.

[2] *Ulpian.* XIX, 4.—Отсутствіе *commercium*'a исключаетъ возможность *mancipatio*, *dominium ex iure Quiritium* и даже примѣненія нѣкоторыхъ торжественныхъ формъ обязательствъ.

[3] См. обо всемъ этомъ у Ульпіана (Regul. V, 4). Ср. *Gai*. I, 56; 67; 78; 92.—Иногда перегрину разрѣшалось *connubium* въ видѣ особой единичной привилегіи.

[4] Одинъ спеціальный законъ (*lex Minicia*) даже усилилъ строгость послѣдняго правила: если перегринъ вступалъ въ брачныя отношенія съ Римлянкою (*civis romana*), то дѣти, происходившія отъ нихъ, оставались перегринами. См. *Ulpian.* V, 8.

[5] *Suet.* Claud. 25: „Peregrinae conditionis vetuit usurpare romana nomina, duntaxat gentilicia“.—Вѣроятнѣе всего, Клавдій только подтвердилъ тутъ старое правило.

побѣдители стремятся приложить все свое искусство къ тому, чтобы объединить съ собою побѣжденныхъ; съ своей стороны послѣдніе стараются, насколько могутъ, долго сохранить свою особность. Между тѣмъ въ древности господствовало обратное теченіе. Тѣ, кто предполагаетъ, что у Римлянъ ясно сложилась задача вводить въ свою среду подчиненные народы, приписываютъ имъ черезчуръ современную идею, которая, собственно, была имъ чужда. Нѣсколько возвышенныхъ умовъ, можетъ быть, дѣйствительно формулировали ее теоретически; но было бы, по меньшей мѣрѣ, очень большимъ преувеличеніемъ утверждать, что Римъ постоянно придерживался такого направленія въ своей политикѣ. Скорѣе наоборотъ—покоренные народы работали для того, чтобы войти въ римское гражданство. Римъ дѣлалъ лишь постепенныя и даже медленныя уступки желанію народовъ. Активное усиліе исходило при этомъ отъ покоренныхъ, а не отъ Рима. Не Римъ ставилъ цѣлью своей политики слить Галловъ съ собою; Галлы сами стремились къ этому и всѣми силами добивались объединенія съ своими побѣдителями.

Слѣдуетъ даже замѣтить, что не одни Галлы-«дедитиціи» чувствовали, что выгодно сдѣлаться римскими гражданами. Тѣ, которые были «союзниками» (*fœderati*) или «свободными» (*liberi*), то-есть, тѣ, которые продолжали жить по своимъ національнымъ обычаямъ, обнаруживали особенную настойчивость въ такомъ стремленіи слиться съ завоевателями. Римъ позволилъ имъ оставаться Галлами, но они, во что бы то ни стало, хотѣли обратиться въ Римлянъ.

Римское государство, въ данную эпоху его исторіи, (то-есть, вскорѣ послѣ завоеванія Галліи), перестало быть свободною (демократическою) республикою. Званіе гражданина не предоставляло больше человѣку, какъ раньше, права избирать магистратовъ и участвовать въ

законодательствѣ. Источники однако показываютъ, что оно не потеряло цѣны въ глазахъ людей, и что его искали съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ въ предшествующую эпоху [1]. Сила заключалась тутъ въ томъ, что званіе гражданина обезпечивало покровительство римскихъ законовъ. Оно же гарантировало собственность; гражданинъ могъ завѣщать и наслѣдовать имущество, заключать контракты и продавать, пользуясь при этомъ торжественными и прочными формами процесса и сдѣлокъ; онъ пріобрѣталъ всѣ преимущества, связанныя съ супружескимъ авторитетомъ и отеческою властью. Такимъ образомъ, званіе гражданина не только льстило тщеславію, но и поднимало правовое значеніе личности; потому то оно стало цѣлью честолюбія перегриновъ. Впродолженіе семи или восьми поколѣній послѣ завоеванія Галліи предметомъ самыхъ лучшихъ желаній обитателей этой страны было не освободиться отъ римскаго владычества, а пріобрѣсти право римскаго гражданства.

Говоря — «право римскаго гражданства», мы должны стараться хорошо уразумѣть это понятіе, какимъ оно сложилось въ умахъ древнихъ. Отмѣтимъ прежде всего слова, которыми Римляне пользовались для его обозначенія. Они не говорили — *ius civitatis*, какъ мы—«право гражданства», а просто *civitas* [2]. Обычными выраженіями были слѣдующія: *dare civitatem*, *donare civitate*, *adimere* или *amittere civitatem*. Ясно, что

[1] Діонъ Кассій говоритъ (LX, 17): „Такъ какъ граждане во всѣхъ отношеніяхъ болѣе почитались, чѣмъ перегрины, то очень многіе люди добивались правъ гражданства".

[2] По крайней мѣрѣ, это реченіе встрѣчается рѣдко, и въ тѣхъ двухъ-трехъ примѣрахъ, гдѣ оно находится, нельзя быть увѣреннымъ, что оно выражаетъ точно ту же идею, что слово *civitas*.

въ этихъ выраженіяхъ *civitas* означаетъ качество или состояніе *civis*, такъ же какъ *peregrinitas* воплощаетъ состояніе *peregrinus*. Можно было бы перевести это словомъ «гражданственность» (по-французски—„*citoyenneté*»). Замѣтимъ, что отмѣченное наблюденіе не лишено важности: оно выясняетъ смыслъ, придававшійся тогда слову и самому понятію, о которомъ идетъ рѣчь. Въ немъ видѣли нѣчто гораздо болѣе значительное, чѣмъ простое право, присоединяющееся къ личности. Съ нимъ связывали представленіе объ особомъ состояніи самой личности, о новомъ типѣ человѣческаго существа. Перейти изъ «перегринства» въ «римскую гражданственность» значило не только пріобрѣсти лишнее право, а переродиться цѣликомъ: это значило перестать быть Галломъ и стать Римляниномъ. То, что называли тогда «дарованіемъ римскаго гражданства», было тѣмъ, что теперь назвали бы «натурализаціею» въ Римлянина.

Изучимъ сперва, какъ произошло фактически это измѣненіе въ Галліи. Прежде всего надобно установить, что оно не было результатомъ всеобщаго и коллективнаго усилія галльскаго народа. Не будемъ рисовать себѣ, чтобы вся Галлія требовала римской гражданственности во имя принципа уравненія; особенно же удержимся отъ представленія, что она добивалась ея путемъ возстаній. Ничего подобнаго не происходило ни въ Галліи, ни въ какой бы то ни было другой провинціи. Притязанія и домогательства оставались индивидуальными. Римское правительство награждало людей столь желанною почестью лишь за заслуги и за личныя достоинства.

Впрочемъ, дарованіе гражданскихъ правъ не было очень рѣдкимъ фактомъ, достигавшимся только съ большимъ трудомъ. Въ эту самую эпоху въ Римѣ правленіе всѣхъ смѣнялось властью одного. Стало быть право гражданства давалось не «народомъ», въ интересахъ котораго было ограничивать число своихъ членовъ, а императоромъ, который находилъ выгоднымъ создавать себѣ другихъ полноправныхъ подданныхъ кромѣ населенія города Рима.

Цезарь сдѣлалъ римскими гражданами многихъ Галловъ, которые хорошо служили ему [1]. По окончаніи междоусобной войны (*bellum civile*) «онъ даровалъ гражданство» сразу всѣмъ 4,000 или 5,000 Галловъ, которые составляли легіонъ-жаворонокъ (*alauda*)[2].

Августъ установилъ въ этомъ вопросѣ систему давать права римскаго гражданства «всей знатной, лучшей и богатѣйшей части жителей провинцій» [3]. Такимъ образомъ римская *civitas* оставалась всегда драгоцѣнною и всегда завидною привилегіею. Достаточное число Галловъ удостоилось ея, даже имена многихъ изъ нихъ дошли до насъ [4]. Но «великое благородство происхо-

[1] *Suet.* Caes. 76: „Civitate donatos et quosdam ex semibarbaris Gallorun recepit in curiam“.—Cfr. c. 80: „Illa vulgo canebantur: Galli braccas deposuerunt, latum clavum sumpserunt“. — *Cic.* Ad fam. IX, 15: „In urbem nostram est infusa peregrinatas, nunc vero etiam braccatis et transalpinis nationibus“. *Idem*, Philipp. I, 10: „Civitas data provinciis universis a mortuo“.—Ясно, впрочемъ, что Цицеронъ здѣсь представляетъ дѣло въ преувеличенномъ видѣ.

[2] *Suet.* Caes. 24: „Legionem ex transalpinis transcriptam, vocabulo quoque gallico, Alauda enim appellabatur, quam disciplina cultuque romano institutam et ornatam, postea universam civitate donavit“.

[3] Такая политика хорошо формулирована въ знаменитой рѣчи Мецената, вставленной Діономъ Кассіемъ въ его исторію. Рѣчь эта—подлинная или подложная—всѣми разсматривается какъ настоящая программа новаго порядка (принципата). Меценатъ говоритъ здѣсь Августу: „Τοὺς γενναιοτάτους καὶ τοὺς ἀρίστους καὶ τοὺς πλουσιωτάτους ἐσάγαγε, μὴ μόνον ἐκ τῆς Ἰταλίας, ἀλλὰ καὶ παρὰ τῶν ὑπηκόων ἐπιλεξάμενος...“ (*Dio*, LII, 19). Ср. *Suet.* Aug. 40: „Civitatem romanam parcissime dedit“.

[4] Такъ мы знаемъ, что отецъ Юлія Виндекса, Аквитанецъ родомъ, былъ римскимъ гражданиномъ и даже сенаторомъ (*Dio*,

жденія» и оказанныя услуги всегда являлись необходимыми условіями достиженія такой награды [1].

Нѣсколько позже для этого достаточно было обладать богатствомъ. Званіе римскаго гражданина тогда можно было купить, какъ въ другія позднѣйшія эпохи будутъ покупаться дворянскіе титулы. Діонъ Кассій утверждаетъ, что многіе получили его за деньги отъ императора Клавдія или отъ его вольноотпущенниковъ [2].

Другіе добились римскаго гражданства легальнымъ путемъ. По крайней мѣрѣ, четырнадцати галльскимъ общинамъ было присвоено то, что римское публичное право называло—«*latinitas*» [3]. Для члена ихъ требовалось только пройти муниципальную магистратуру, чтобы въ силу этого при выходѣ изъ должности сдѣлаться по праву римскимъ гражданиномъ [4].

Наконецъ, возможно было пріобрѣсти «гражданство» (*civitas*), прослуживъ Риму въ качествѣ воина впродолженіе двадцати лѣтъ [5]. Всякій Галлъ, какъ

LXIII, 22). Тревиръ Юлій Флоръ, Эдуй Сакровиръ, Батавы Юлій Цивилисъ и Юлій Павелъ были римскими гражданами уже во время Августа (*Tac.* Ann. III, 40; Hist. I, 59; IV, 13).

[1] *Tac.* Ann. III, 40: „Nobilitas ambobus et maiorum bona facta eoque romana civitas data". — Юлій Павелъ и Юлій Цивилисъ были также „ex regia stirpe" (Hist. IV, 13).

[2] *Dio Cass.* LX, 17.

[3] Четырнадцать *oppida latina* перечисляются у Плинія (H. n. III, 5), между ними Нимъ, Вэзонъ, Каркассона, Тулуза. Ср. предисловія къ различнымъ частямъ XII-го тома *Corp. inscr. lat.*

[4] Тексты, въ которыхъ спеціально говорится о латинскомъ правѣ, главнымъ образомъ слѣдующіе: *Appian.* Bell. civ. II, 26; *Strab.* IV, 1, 12 (ed. Didot, p. 155); *Gai.* Instit. I, 95—96. Ср. *Ascon.* Ad Cicer. Pisonianam.

[5] Собственно говоря, не было установлено такого общаго правила; но подобная награда обыкновенно давалась солдату, лишь только онъ пріобрѣталъ почетную отставку (*honesta missio*).—На это именно ссылается Гай, когда онъ говоритъ (*Instit.* I, 37): „Veteranis quibusdam concedi solet principalibus constitutionibus connubium cum latinis peregrinisve, quas primas post missionem uxores duxerint, et qui ex eo matrimonio nascuntur cives romani fiunt".

перегринъ, могъ вступить въ когорту пѣхотинцевъ или отрядъ конницы (*ala*), и по истеченіи срока службы онъ выходилъ въ отставку съ званіемъ римскаго гражданина [1], получая право передать его и дѣтямъ.

Такимъ путемъ мало по малу преобразилось галльское населеніе. Перерожденіе началось съ наиболѣе видныхъ семействъ, съ личностей, пользовавшихся наибольшимъ почетомъ въ ихъ собственныхъ государствахъ или общинахъ, съ людей, наиболѣе богатыхъ или смѣлыхъ. Тацитъ удостовѣряетъ, что уже во времена Клавдія во всей Галліи именитые люди различныхъ городовъ обладали гражданскими правами [2]. Многіе другіе получили ихъ отъ Гальбы или купили ихъ у этого императора, особенно нуждавшагося въ поддержкѣ Галліи [3]. Пусть попробуютъ параллельно съ этимъ вычислить, сколько Галловъ вступали въ ряды римскихъ войскъ, и какая часть ихъ возвратилась на родину уже римскими гражданами; пусть прибавятъ къ этому, что каждый новый римскій гражданинъ являлся самъ родоначальникомъ новой фамиліи Римлянъ, не только самъ вступая въ бракъ и производя дѣтей, но и отпуская на волю своихъ рабовъ: дѣй-

[1] Это вытекаетъ изъ дошедшихъ до насъ военныхъ дипломовъ.

[2] *Tac.* Ann. XI, 23: „Primores Galliae, quae Comata appellatur, civitatem romanam pridem assecuti".

[3] *Tac.* Hist. IV, 8:—„Galliae obligatae recenti dono romanae civitatis".—Не надо понимать этихъ словъ въ томъ смыслѣ, что Гальба даровалъ гражданство всей Галліи коллективно. Онъ награждалъ имъ многочисленныхъ Галловъ. Плутархъ (Galba, 18) даетъ понятіе, что онъ продавалъ званіе римскаго гражданина за деньги.

ствительно всѣ рабы, которыхъ онъ освобождалъ легальнымъ способомъ, становились въ то же время римскими гражданами. На основаніи такихъ вычисленій можно будетъ заключить, что по прошествіи двухъ съ половиною вѣковъ большая часть свободныхъ жителей завоеванной Цезаремъ страны перестала быть Галлами, превратившись въ Римлянъ.

Тогда послѣдовалъ указъ Каракаллы, которымъ объявлялось, что всѣ свободные обыватели Имперіи, еще не обладавшіе гражданскими правами, становились гражданами. Категоріи перегриновъ, подданныхъ, союзниковъ тѣмъ самымъ исчезали. Въ римской Имперіи съ тѣхъ поръ можно было найти только Римлянъ [1].

[1] *Ulpian.* въ *Dig.* I, 5, 17: „In orbe romano qui sunt, ex constitutione imperatoris Antonini, cives romani effecti sunt". — *Dio*, LXXVII, 9: „Ῥωμαίους πάντας τοὺς ἐν τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ ἀπέδειξεν..." *Nov. Iustin.* LXXVIII, 5 (ed. Zach. 97): „Ὥσπερ γὰρ Ἀντωνῖνος ὁ τῆς εὐσεβείας ἐπώνυμος... τὸ τῆς ῥωμαϊκῆς πολιτείας πρότερον παρ' ἑκάστου τῶν ὑπηκόων αἰτούμενον καὶ οὕτως ἐκ τῶν καλουμένων περεγρίνων εἰς ῥωμαϊκὴν εὐγένειαν ἄγον ἐκεῖνος ἅπασιν ἐν κοινῷ τοῖς ὑπηκόοις δεδώρηται."—*Sancti Augustini*, Civ. Dei, V, 17: „Factum est, ut omnes ad imperium romanum pertinentes societatem acciperent romanam et romani cives essent".—Государь, который былъ виновникомъ этого указа, носилъ прозваніе Каракаллы; настоящими именами его были, какъ видно изъ надписей—*Marcus Aurelius Antoninus Lucii Septimi Severi filius* (см. *Orelli*, 452; 951, etc.—Ср. *Spartian.* Sept. Sev. 10). Діонъ Кассій иначе не называетъ его, какъ Антониномъ.—До насъ не дошелъ текстъ самаго декрета, и мы не можемъ возстановить точный его смыслъ равно какъ и мотивы его обнародованія. Возможно, какъ думаетъ Діонъ Кассій, что Каракалла помышлялъ лишь о привлеченіи помощью его всѣхъ жителей Имперіи къ платежу нѣкоторыхъ налоговъ на освобожденіе и на наслѣдства, которые должны были уплачивать одни граждане. Но каково бы ни было побужденіе законодателя—гуманность, политическій разсчетъ или только фискальная алчность,—результатъ указа остается тѣмъ же: имъ законченъ былъ процессъ распространенія правъ римскаго гражданства среди провинціаловъ.

Первое время званіе римскаго гражданина не соединялось само по себѣ съ правомъ занятія государственныхъ магистратуръ и вступленія въ римскій сенатъ. Въ 48 г. нашей эры, именитые жители Галліи домогались этого права [1]. Императоръ Клавдій принялъ ихъ дѣло подъ свое покровительство [2], и самъ взялъ на себя защиту ихъ просьбы въ сенатѣ. Онъ выставлялъ на видъ ихъ безупречную вѣрность и непоколебимую преданность Риму; онъ прибавлялъ къ этому, что по складу ума, по нравамъ, образованности они уже сдѣлались Римлянами; онъ убѣждалъ сенаторовъ, что своимъ богатствомъ и дарованіями они сдѣлаютъ честь высокому собранію, получивъ возможность вступать въ его составъ [3]. За рѣчью императора послѣдовалъ сенатусконсультъ, согласный съ выраженнымъ имъ мнѣніемъ. Галлы, начиная съ Эдуевъ, получили доступъ къ магистратурамъ въ Римѣ и пріобрѣли право вступленія въ римскій сенатъ [4].

[1] *Tac.* Ann. XI, 23: „Quum de supplendo senatu agitaretur primoresque Galliae ius adipiscendorum in urbe honorum expeterent..."

[2] Клавдій родился въ Ліонѣ (Lugudunum); нѣсколько новыхъ историковъ подчеркиваютъ этотъ фактъ, выставляя Клавдія почти за Галла по происхожденію. Однако Клавдій, хоть и родившійся въ Ліонѣ, тѣмъ не менѣе былъ Римляниномъ, такъ какъ соціальный *status* человѣка вовсе не зависѣлъ отъ мѣста рожденія; къ тому же и Ліонъ не былъ галльскимъ городомъ, а являлся колоніею, основанною Римлянами въ Галліи (*colonia civium romanorum*).

[3] *Tac.* Ann. XI, 25: „Continua ac fida pax; iam moribus, artibus, affinitatibus nostris mixti, aurum et opes suas inferant potius quam separati habeant."—Найденъ, какъ извѣстно, эпиграфическій памятникъ, сохраняющій часть подлиннаго текста рѣчи Клавдія, которая изложена у Тацита въ сокращенномъ видѣ и въ литературной переработкѣ. Онъ напечатанъ, напримѣръ, у Дежардэна—„Géogr. de la Gaule", t. III, p. 280 ss.

[4] *Tac.* Ibid. „Orationem principis secuto patrum consulto, primi Aedui senatorum in Urbe ius adepti sunt."—Слѣдуетъ ли думать

Такимъ образомъ, Галлы безъ большого труда перешли изъ состоянія подданства Риму въ положеніе гражданъ Имперіи. По мѣрѣ того какъ они вступали въ обширное тѣло римскаго гражданства, они вмѣстѣ съ правами гражданъ воспринимали всю ихъ гордость и все честолюбіе. Они занимали мѣста, смотря по своему богатству или по милости императора, въ рядахъ всадниковъ [1] или между сенаторами. Высшіе слои римскаго общества открывались для нихъ, всевозможныя должности, связанныя съ почетомъ и властью, становились имъ доступны. Галлы охотно дѣлались чиновниками императора, прокураторами, членами его администраціи. Ихъ можно было встрѣтить на самыхъ высокихъ ступеняхъ военной іерархіи [2]. Случалось, что они управляли провинціями. Римлянинъ безъ преувеличенія могъ сказать о Галлахъ: „Вы дѣлите съ нами власть; очень часто начальствуете вы надъ нашими легіонами;

какъ Дежарденъ, что сенатъ ограничилъ привилегію одними Эдуями?—Я не вполнѣ въ этомъ увѣренъ. Тацитъ не говоритъ—*„soli Aedui“*. Слова его можно понять въ томъ смыслѣ, что послѣ того, какъ сенатусконсультъ разрѣшилъ Галламъ вступленіе въ курію, случилось такъ, что первые, воспользовавшіеся новымъ правомъ, были Эдуями, если оставить въ сторонѣ жителей Нарбоннской Галліи, ибо послѣдняя провинція уже и раньше поставляла Риму сенаторовъ.

[1] *Orelli*, Inscr. n[00] 313; 2489; 3840 (*C. I. L.* XII, p. 918).— *Boissieu* (Inscriptions de Lyon, p. 260) упоминаетъ нѣкоего *Veromandus*, который былъ *eques romanus*.—Другія надписи называютъ Галловъ, которые были „allecti in amplissimum ordinem inter quaestorios“ или „inter praetorios“ (см. *Herzog*, Gallia Narbonnensis, appendix, 17; 512; *C. I. L.* XII, 4354; 1783).

[2] Валерій Азіатикъ, который былъ два раза консуломъ, Виндексъ, который состоялъ областнымъ намѣстникомъ, происходили родомъ изъ Галліи. Другіе Галлы—Классикъ, Туторъ, Сабинъ—также занимали важные военные посты. Тацитъ разсказываетъ (*Hist.* IV, 60) о людяхъ, бывшихъ центуріонами и трибунами легіоновъ, которые родились въ Галліи.

вы стоите во главѣ провинцій; между вами и нами нѣтъ никакого разстоянія или преграды“ [1].

Начиная съ этого момента, жители Галліи перестали именоваться Галлами и пріобрѣли имя Римлянъ. Слово—«Галлія» сохранилось лишь какъ географическое понятіе; названіе Галла продолжало еще употребляться для обозначенія обитателей этой страны въ отличіе отъ населенія другихъ частей Имперіи подобно тому, какъ мы пользуемся наименованіями Нормандцевъ, Бургундцевъ или Провансальцевъ; истиннымъ же національнымъ именемъ для всѣхъ сдѣлалось слово—«Римляне» [2].

Въ источникахъ V-го вѣка послѣ Р. Хр. поражаетъ прежде всего именно слѣдующая вещь. Сальвіанъ называетъ именемъ Римлянъ своихъ галльскихъ соотечественниковъ [3]. Одна даже позднѣйшая хроника обозначаетъ тѣмъ же терминомъ, говоря о пятомъ вѣкѣ, жителей бассейна Сены [4]. Во времена Хлодвига мы видимъ одного человѣка — Сіагрія, родившагося въ Галліи и управлявшаго только Галлами, который даетъ себѣ титулъ вождя Римлянъ [5]. Дѣло въ томъ, что это

[1] См. рѣчь Церіалиса къ Галламъ у Тацита (*Hist.* IV, 74): „Ipsi plerumque legionibus nostris praesidetis; ipsi has aliasque provincias regitis; nihil separatum clausumve“.

[2] Такъ у Амміана Марцеллина (XIX, 6) одни и тѣ же солдаты именуются то Галлами, то Римлянами: первое наименованіе употребляется для указанія отличія ихъ отъ другихъ частей войскъ; второе—въ противоположность врагамъ.

[3] *Salvian.* De gubern. Dei, V: „Unum illic Romanorum omnium votum est.“

[4] См. Григорій Турскій, *Hist. Franc.* II, 9: „In his partibus usque ad Ligerim fluvium habitabant Romani; ultra Ligerim Gothi“.—Авторъ житія св. Сигизмунда (*Dom Bouquet*, t. III, p. 402) называетъ туземное населеніе страны „Romani Galliarum habitatores“.

[5] „Αἰγίδιος ἀνὴρ ἐκ Γαλατῶν“, говоритъ историкъ Прискъ

названіе оффиціально принадлежало и уже давно всему населенію Галліи [1] равно какъ и всѣхъ остальныхъ провинцій Имперіи. Оно продолжало носить имя Римлянъ даже послѣ того, какъ исчезла самая Имперія [2]. Званіе римскаго гражданина еще встрѣчается, въ качествѣ почетнаго титула, въ подлинныхъ актахъ V-го вѣка [3], и самый языкъ, господствовавшій въ странѣ, долго именовался романскимъ [4].

Впродолженіе пяти вѣковъ, сущностью патріотизма Галловъ была любовь къ Риму. Уже во время Тацита замѣчалось, что они были привязаны къ городу такъ же, какъ могли быть привязаны коренные Римляне [5].

(*Dom Bouquet*, t. I, p. 608); „Aegidius ex Romanis", читаемъ мы у Григорія Турскаго (II, 11); оба выраженія были синонимами. См. *Greg. Turon.* II, 27: „Syagrius, Aegidii filius, Romanorum rex". Въ послѣднемъ отрывкѣ слово—*Romanorum* обозначаетъ населеніе, которымъ правилъ нѣкоторое время Сіагрій, то-есть, обитателей мѣстности между Луарою и Соммою.

[1] Бургундская и Вестготская Правды всегда обозначаютъ туземное населеніе Галліи словомъ—*Romani.*

[2] Фредегарій, который писалъ въ VII-мъ вѣкѣ, продолжаетъ обозначать то же населеніе тѣмъ же словомъ (*Romani*).

[3] Достаточное число примѣровъ находится въ сборникахъ дѣловыхъ формулъ, употреблявшихся во франкскомъ королевствѣ. См. напримѣръ: „Intromissus in ordine civium romanorum ingenuum se esse cognoscat" (*E. de Rozière*, Recueil des formules, n⁰ 96. Ср. *Ibid.* n⁰⁰ 64; 66; 76; 83).

[4] Вспомнимъ извѣстное выраженіе *lingua romana* у Нитгарда (III, 3). Надобно обратить вниманіе, что этотъ терминъ который часто попадается въ средневѣковыхъ источникахъ, никогда не примѣняется къ языку латинскому. Въ поэмѣ Гарена читаемъ, что „многіе лучше понимаютъ романскій языкъ, чѣмъ латинскій", а въ одной хроникѣ XII в. говорится: „de latino vertit in romanum". Стало быть, римскій языкъ, былъ обычнымъ говоромъ Галліи. Впрочемъ, Испанцы, которые настолько же были романизованы, какъ и Галлы, также называли свой языкъ романскимъ, и даже языкъ Грековъ Константинополя именовался еще ῥωμαϊκή.

[5] *Tac.* Ann. XI, 24: „Nec amore in hanc patriam nobis concedunt".

Это чувство лишь укрѣплялось съ теченіемъ лѣтъ въ ихъ сердцахъ. Они были преданы римской Имперіи, какъ люди бываютъ преданы родинѣ. Интересы Галліи и Рима сливались въ одно въ ихъ сознаніи. Одинъ изъ поэтовъ римской Галліи позднѣйшей эпохи восклицаетъ, обращаясь къ Риму: «Ты—единое отечество всѣхъ народовъ!» [1].

Говорятъ, что Галлія нѣсколько разъ пыталась освободиться отъ Рима. Но ни одинъ хорошо установленный фактъ, ни одинъ подлинный текстъ не удостовѣряютъ, чтобы населеніе Галліи дѣйствительно помышляло объ этомъ. Нѣсколько узурпацій со стороны военачальниковъ, нѣсколько проявленій ропота противъ гнета налоговъ, нѣсколько нападокъ христіанскаго духовенства противъ власти, еще остававшейся языческою, нисколько не доказываютъ, что Галлія питала ненависть къ Риму [2]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не по волѣ Галловъ порвана была связь между Римомъ и ихъ страною; это было дѣломъ Германцевъ. Кромѣ того изъ дальнѣйшихъ главъ настоящаго изслѣдованія будетъ видно, что даже и послѣ такого разрыва населеніе Галліи сохранило все, что могло, изъ римскаго наслѣдія, и что страна упорно стремилась оставаться римскою такъ долго, какъ была въ силахъ.

---

[1] *Rutil. Namat.* Itiner. I, 62: „Fecisti patriam diversis gentibus unam".—Сидоній Аполлинарій (*Epist.* I, 6) называетъ Римъ „unica totius mundi civitas"; онъ прибавляетъ еще: „Domicilium legum, gymnasium litterarum, curiam dignitatum, verticem mundi, patriam libertatis, in qua unica totius orbis civitate soli barbari et servi peregrinantur.".

[2] Пунктъ этотъ будетъ разобранъ ниже.

ГЛАВА X.

Переустройство Галліи подъ римскимъ владычествомъ.

I.

Вошло ли въ Галлію значительное число колонистовъ латинскаго происхожденія?

Когда Галлія сдѣлалась частью римской Имперіи, она, очевидно, отказалась отъ своей исконной религіи, отъ своихъ обычаевъ, языка, права, даже отъ національныхъ именъ, чтобы усвоить языкъ, имена, религію, право и привычки Римлянъ.

Тѣмъ не менѣе расовый составъ населенія страны измѣненію не подвергся. Не совершилось ни выселенія Галловъ, ни значительнаго переселенія Италійцевъ. Интересно было бы измѣрить, сколько влилось въ провинцію латинской крови. Съ одной стороны удостовѣрено, что въ ней были учреждены девять римскихъ колоній: Нарбо, Арелате (позднѣйшій Арль), Бетерры (Безье), Араузіо (Оранжъ), Форумъ Юлія (Фрежюсъ), Віенна, Лугудунъ (Ліонъ), Валенція, Новіодунъ (Ніонъ) и на Рейнѣ Colonia Agrippinensis (Кельнъ) [1]. Какъ

видно, число этихъ городовъ не велико. Къ тому же надо обратить вниманіе, что они не были первоначально основаны и заселены новыми колонистами. Они существовали уже раньше и даже являлись важными центрами осѣдлости во времена независимости Галліи [1].

[1] Нѣтъ возможности, на нашъ взглядъ, возстановить съ безусловною точностью полный списокъ колоній, выведенныхъ Римлянами въ Галлію. Мы перечислили лишь несомнѣнныя имена. Нѣсколько другихъ городовъ—Аквы Секстійскія (Aix), Толоза, Немаузъ (Nîmes), Каркасона, Авеніо (Авиньонъ), Апта и др. иногда называются колоніями; но, кажется, они не были, собственно, *coloniae deductae*, то-есть, не образовались изъ переселенцевъ, дѣйствительно пришедшихъ изъ Италіи. Есть основанія думать, что для послѣднихъ городовъ наименованіе *colonia* являлось простымъ почетнымъ титуломъ, такъ что существовали „фиктивныя колоніи“ подобно „фиктивнымъ Латинамъ“ или „фиктивной италійской землѣ“. См. слова О. Гиршфельда во введеніи къ *Corpus Inscriptionum Latinarum*, XII, p. XII, и тамъ же въ главахъ, относящихся къ отдѣльнымъ городамъ.

[1] Такъ, напримѣръ, Нарбонна уже упоминается, какъ значительное городское поселеніе у Гекатея Милетскаго (*Fragmenta*, ed. Didot, I, p. 2); особенно много говоритъ о ней Полибій раньше самыхъ первыхъ завоевательныхъ попытокъ Римлянъ въ Галліи; и авторъ сообщаетъ, что это былъ одинъ изъ трехъ важнѣйшихъ городскихъ центровъ страны (*Polyb.* XXXIV, 6; 10, ed. Didot, II, p. 111, 116). Группа римскихъ колонистовъ была послана туда въ 118 г. до нашей эры съ Лициніемъ Крассомъ во главѣ (*Cic.* Brut. 43). Новая колонія была выведена туда же около 46 г. по приказанію и подъ именемъ Цезаря (*См. Suet.* Tib. 4). Городъ получилъ тогда названіе *Colonia Iulia Paterna Narbo Martius Decumanorum.* Другой городъ—Арль (по римски *Arelate*), раньше именовавшійся *Theline*, былъ старымъ галльскимъ торговымъ городомъ, куда выведена была колонія римскихъ гражданъ также во времена Цезаря (*Suet.* Tib. 4; *Plin.* H. n. III, 5, 36; *Strab.* IV, 1, 7). Онъ назывался съ тѣхъ поръ *Colonia Iulia Paterna Arelate Sextanorum.*—Віенна издавна являлась столицею Аллоброговъ (*Strabo*, IV, 1, 11, ed. Didot, p. 154); она должна была принять римскихъ колонистовъ около 46-го года: но и эти колонисты не удержались въ городѣ, а были вытѣснены, по крайней мѣрѣ отчасти, туземцами; тѣмъ не менѣе Віенна сохранила званіе и права римской колоніи.—Ліонъ былъ дѣйствительно городомъ, совсѣмъ новымъ. Правда, наименованіе его—*Lugudunum*—древнее, но слово это само по себѣ при отсутствіи всякаго другого указанія не свидѣтельствуетъ во что бы то ни стало, что на его мѣстѣ уже раньше существовало поселеніе. Къ тому же римскій Ліонъ былъ лишь небольшимъ городомъ, расположеннымъ исключительно на правомъ берегу Соны (гдѣ теперь Фурвьеръ) и сдавленнымъ со всѣхъ сторонъ территоріею Сегузіавовъ. Оффиціально

Новоприбывшіе кромѣ того не вытѣснили прежнихъ обитателей, а утвердились въ названныхъ городахъ рядомъ съ ними. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для сужденія о числѣ переселенцевъ, но можно предполагать что они не были многочисленны [1]. Такимъ образомъ, даже въ городахъ-колоніяхъ выходцы изъ Италіи оказывались только прибавочнымъ, а не основнымъ населеніемъ. Необходимо еще замѣтить, что такіе колонисты—«римскіе граждане» не были въ большинствѣ случаевъ чистыми Римлянами по происхожденію. Почти всѣ они были старыми ветеранами Цезаря, а мы уже видѣли, что послѣдній набиралъ своихъ солдатъ въ цизальпійской- и нарбоннской Галліи [2].

онъ назывался *Colonia Copia Claudia Augusta Lugudunum.*—Городъ Кельнъ—*Colonia Claudia Augusta Agrippinensis* утвердилась въ предѣлахъ стараго *oppidum Ubiorum* (*Tac.* Ann. I, 36; Hist. I, 56; IV, 20, 25, 28); это германское поселеніе стало римскою колоніею въ царствованіе Клавдія не столько чрезъ введеніе новыхъ обитателей, сколько чрезъ обращеніе старыхъ, т. е., Убіевъ въ Римлянъ. Такъ опредѣленно выражается Тацитъ (*Hist.* IV, 28): „Ubii, gens germanicae originis, eiurata patria, Romanorum nomen Agrippinenses vocati sunt“.

[1] Потому-то мы видимъ, что колонисты Віенны прогоняются туземными жителями вслѣдствіе чисто мѣстной распри, въ которую римское правительство не сочло нужнымъ вмѣшаться. Дежарденъ (*Géogr.* II, 291) думаетъ, что колонія состояла лишь изъ 300 семействъ, и это довольно правдоподобное предположеніе.

[2] Оффиціальныя имена, которыя носили эти колоніи, показываютъ, что Нарбонна была заселена декуманами, Бетерры—септиманами, Форумъ Юлія—октаванами, то-есть, ветеранами 10-го, 7-го, 8-го легіоновъ. Точно также Оранжъ (Arausio) былъ колонизированъ людьми изъ 2-го легіона, Арль—людьми изъ 6-го. Моммзенъ думаетъ, что прилагательныя *decumanorum, septimanorum* были титулами, чисто почетными, установленными для этихъ городовъ въ честь того или иного легіона. Онъ выставляетъ на видъ, что эти легіоны не могли быть отправлены въ колоніи въ 46-мъ году, такъ какъ мы видимъ ихъ участвующими въ сраженіяхъ слѣдующаго года. Но мы и не говоримъ, что весь десятый легіонъ былъ посланъ въ Нарбонну, весь седьмой—въ Бетерры. Мы не думаемъ, чтобы число такихъ ветерановъ-колонистовъ въ каждой колоніи превышало нѣсколько сотенъ. Ср. *Hirschfeld* въ Corp. Inscr. Lat. XII, p. p. XII, 83, 152, 511, 522.

Такимъ образомъ, колоніи или то, что обозначалось этимъ словомъ, ввели лишь немного латинской крови въ Галлію. Что касается чиновниковъ Имперіи, которые появлялись въ провинціи другъ за другомъ въ теченіе пяти вѣковъ, то они только какъ бы проходили черезъ страну, но не утверждались въ ней. Римскіе военные гарнизоны также не устроивались въ ея предѣлахъ надолго. Восемь легіоновъ, которые находились обыкновенно въ Галліи, были расквартированы вдоль Рейна, и не слѣдуетъ думать, что они вполнѣ составлены были изъ Италійцевъ.

Изъ всѣхъ указанныхъ данныхъ вытекаетъ одинъ законный выводъ: Галлія была перерождена отнюдь не введеніемъ въ ея организмъ латинской крови. Явилась ли воля Римлянъ такою перерождающею силою? Была ли у Римлянъ настойчивая и опредѣленная мысль преобразовать Галлію? Нѣтъ ни одного текста или факта, который дѣйствительно могъ бы служить признакомъ подобнаго намѣренія съ ихъ стороны. Новые ученые, приписывающіе Риму такую политику, переносятъ наши современныя идеи въ древнія времена и не видятъ, что понятія людей тогда рѣзко отличались отъ настоящихъ. Несомнѣнно, конечно, что первоначальная исключительность древнихъ государствъ ослабѣла къ изучаемому времени; Римъ не стремился сохранить въ неприкосновенности перегородки, отдѣлявшія тогда другъ отъ друга отдѣльные народы, и въ этомъ его великая честь; но не слѣдуетъ идти дальше и навязывать ему сознательное стремленіе ассимилировать себѣ Галлію. Было бы противорѣчіемъ всѣмъ умственнымъ привычкамъ древнихъ, если бы побѣдитель сталъ

требовать отъ побѣжденныхъ переродиться по его образу и подобію. Ни сенатъ, ни императоры не преслѣдовали политическаго плана романизовать провинціаловъ и не возлагали на своихъ намѣстниковъ подобной задачи. Если Галлія дѣйствительно переродилась, то это произошло не по волѣ Римлянъ, а по ея собственному желанію.

2.

Галлы отказались отъ своихъ національныхъ именъ.

На первый взглядъ вызываетъ изумленіе слѣдующій фактъ: съ того момента, когда Галлія была завоевана, всѣ почти имена ея жителей, которыя намъ извѣстны,— оказываются латинскими именами.

У Тацита мы находимъ Аквитанца, который зовется Юліемъ Виндексомъ, Эдуя, именующагося Юліемъ Сакровиромъ, Тревировъ—Юлія Флора, Юлія Классика, Юлія Инда, Юлія Тутора, Юлія Валентина, Лингона—Юлія Сабина, Рема—Юлія Ауспекса, Сантона—Юлія Африкана, Батавовъ — Юлія Цивилиса, Юлія Максима, Клавдія Виктора и Юлія Павла [1].

Въ галльскихъ надписяхъ мы встрѣчаемъ сотнями чисто римскія имена. Въ Вьеннской области мы видимъ Секста Валерія Мансуэта, Луція Валерія Приска, Марка Юлія Цертона, Секста Валерія Фирмина [2]. Въ мѣстности около нынѣшняго Гренобля повторяются имена Марка Тиція Грата, Секста Виниція Юліана, Квинта Скрибонія Лукулла; попадаются тутъ же жен-

[1] *Tac.* Ann. III, 40, 42; Hist. IV, 33, 55, 68, 69.

[2] *Allmer*, Antiquités de Vienne, n°° 90, 95, 97, 105, 117. См. полный списокъ именъ, сохраняющихся въ надписяхъ провинцій южной Галліи въ индексахъ *Corp. inscr. lat.* t. XII.

скія имена—Юлія Гратилла, Виниція Вера, Помпея Севера [1]; еще одна женщина, принадлежащая къ племени Аллоброговъ, называетъ себя Помпеей Луциллой [2]. Въ Нарбоннской Галліи находимъ Марка Ливія, Корнелія Метелла, Аппія Клавдія, Гая Манлія, Гая Корнелія Цельза и много другихъ подобныхъ именъ, и никакъ нельзя думать, чтобы такое большое ихъ количество относилось только къ тому незначительному числу италійскихъ колонистовъ, которые прибыли въ страну [3]. Въ землѣ Битуриговъ-Вивисковъ (нынѣшней Бордосской области) большая часть именъ также латинскія: это—Публій Геминъ, Титъ Юлій Секундъ, Гай Юлій Флоръ, Гай Октавій Виталисъ, Юлій Авитъ, Луцій Юлій Солемній, Юлій Лупъ, Гай Юлій Северъ [4]; у нѣкоего Авла Ливія Виндиціана былъ сынъ Ливій Лукавнъ и внучка Наммія Сулла [5]. Мы знаемъ по ихъ эпитафіямъ двухъ Секвановъ, которыхъ звали Луціемъ Юліемъ Мутакомъ и Квинтомъ Игніемъ Секстомъ [6] и другого Секвана—Квинта Юлія Северина [7]. Затѣмъ извѣстны представители трехъ поколѣній одной семьи, жившей въ нынѣшнемъ Перигорѣ: отецъ носилъ имя Гая Помпея Санкта, сынъ—Марка Помпея Либона, внукъ—также Гая Помпея Санкта [8]. Далѣе надписи вскрываютъ имя одного жителя нынѣшняго Лимузена—Квинта Лицинія Та-

[1] *Allmer*, Antiquités n°° 490, 492, 499, 508.

[2] *Ibid.* n° 1965, t. IV, p. 466. *Corp. Inscr. lat.* XII, 1531.

[3] *Lebègue*, Epigraphie de Narbonne, n°° 394, 412, 633, 634, 644, 658, 766 etc. Ср. *Hirschfeld*, въ «Corp. inscr. lat.» XII, p. 521.

[4] *C. Jullian*, Inscriptions de Bordeaux, n°° 9, 10, 12, 15, 17, 20, 75, 90, 101, 133, 135, 139 etc.

[5] *Ibid.* n° 154.

[6] *Ibid.* n° 56.

[7] *Spon-Rénier*, p. 157.

[8] *Aug. Bernard*, Le Temple d'Auguste, p. 74.

врика и его сына Квинта Лицинія Венатора [1]. Одного обитателя Пуату звали Луціемъ Лентуломъ Цензориномъ, а одного Арверна Гаемъ Сервиліемъ Марціаномъ [2], одного Белловака Меркаторомъ, одного Верамандуя Латиномъ, одного Суэссіона Луціемъ Кассіемъ Меліоромъ [3], двоихъ жителей страны Амбіановъ— Луціемъ Аммиемъ Сильвиномъ и Сабинеемъ Цензоромъ [4]. Въ Гельветіи встрѣчаемъ имена Марка Кальпурнія Квадрата, Антонія Севера, Квинта Сильвія Переннія, Латинія, Публія Корнелія Амфіона, Марка Силана Сабина и много другихъ подобныхъ [5]. На самомъ сѣверѣ Галліи читается на надписи имя одного Менапія—Помпей Юлій [6], затѣмъ еще одного Тревира—Леонъ и жены его—Домиція [7]; другіе Тревиры носятъ имена—Домиція, Марка Аврелія Матерна, Секстинія Секундина, а жены ихъ прозываются Александріей Пруденціей, Примуліей Сатурной [8]. На территоріи Кельна, Юлиха, Кобленца найдены камни съ именами Луція Викаринія Лупа, Гая Секундина Адвента, Аппія Севера, Верекундина Квіета, Петроніи Юстины, Гая Весперіана Виталиса, Луція Кассія Верекунда, Тита Юлія Приска, Цензорины Фаустины [9].

[1] *Mommsen*, въ „Annali dell'Instituto archeologico", 1853, p. 60.

[2] *Spon-Rénier*, p. 367; *Aug. Bernard*, Le temple d'Aug. p. 66.

[3] *Allmer*, n⁰ 334 (*Corp. Inscr. lat.* XII, 1922); *Wilmanns*, n⁰ 2218; „Bulletin de la Société des antiquaires", 1881, p. 119.

[4] *C. Jullian*, Inscriptions de Bordeaux, n⁰ 60; *Mommsen*, Insriptiones helveticae, n⁰ 43.

[5] *Mommsen*, Inscr. helv. 1, 14, 27, 42, 46, 92, 125, 138, 187 etc.

[6] *Jullian*, 64.

[7] *Idem*, 61.

[8] *Brambach*, Inscriptiones Rheni, 779, 783, 789, 825 etc.

[9] *Idem*, 349, 350, 352, 415, 418, 450, 594, 595, 596, 598, 599, 600, 714.

Мы приводимъ въ видѣ примѣровъ лишь малую часть этихъ именъ.

Рядомъ съ указанными весьма многочисленными латинскими собственными именами, мы встрѣчаемъ лишь небольшое количество галльскихъ. Тацитъ упоминаетъ одно—Марика; въ надписяхъ встрѣчаются—Эпостеровидъ, Отуанеунъ [1], Койнагъ, Смертулитанъ [2], Тогириксъ [3], Дивикста [4], Дурнакъ, Комартіориксъ, Солимаръ, Ивориксъ, Адбуціетъ, Атіокстъ [5], Беккъ, Дубнакъ [6], Геремаръ, Эпадатексториксъ [7] и нѣсколько другихъ [8].

Имена латинскаго происхожденія не только гораздо болѣе многочисленны, но надобно отмѣтить, что галльскія наименованія принадлежатъ лишь къ первымъ ста пятидесяти годамъ римскаго владычества. Чѣмъ болѣе мы подвигаемся впередъ хронологически, тѣмъ болѣе латинизируются личныя имена [9]. Если сохраняются еще галльскіе корни, то они принимаютъ, по крайней мѣрѣ, латинскія формы окончаній. Не слѣдуетъ предполагать, что люди, которые носятъ латинскія имена, и тѣ, которыя носятъ галльскія, являются

[1] Надпись, найденная въ *Saintes*. См. *Aug. Bernard*, Le temple d'Aug. p. 75.

[2] *Brambach*, 891, 1230.

[3] *Mommsen*, Inscr. helv. 139.

[4] „Bulletin épigraphique de le Gaule", p. 137.

[5] *C. Jullian*, Les inscriptions de Bordeaux, 19, 201, 215 228, 244. 249.

[6] *Allmer*, 512, 570. Ср. *Corp. Inscr. lat.* XII, 2514, 2556.

[7] *Idem*, III, p. 218. Ср. *Desjardins*, Géogr. de la Gaule, II, 476.

[8] Слѣдуетъ, впрочемъ, признать, что вмѣстѣ съ эпиграфическими находками послѣднихъ лѣтъ число этихъ галльскихъ именъ все увеличивается.

[9] Въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Хр. всѣ Галлы, которыхъ называетъ **Авзоній**, носятъ латинскія имена.

представителями двухъ противоположныхъ направленій или, такъ сказать, двухъ партій въ населеніи страны. Мы видимъ, что имена, взятыя изъ обоихъ языковъ, чередуются въ однѣхъ и тѣхъ же семьяхъ. Изъ двухъ братьевъ одинъ, напримѣръ, именуется Публіемъ Дивикстомъ, другой—Публіемъ Секундомъ [1]. Другой разъ отца зовутъ Атепомаромъ, а сына Гаемъ Корнеліемъ Магномъ [2]; или въ другомъ мѣстѣ отецъ прозывается по-римски Гемелломъ, сынъ же по-галльски Дивикстомъ [3]. Очень часто даже одно и то же лицо носитъ одновременно и галльское, и римское имя, можетъ быть, и не сознавая такого различія ихъ происхожденія; такъ мы встрѣчаемъ одного Юлія Дивикста, одного Вестина Онатедона, одну Юлію Нерту, одну Юлію Битудаку, одну Публицію Карасую, одного Луція Солимарія Секундина, одного Гая Меддигнація Севера [4]. Особенно достойно замѣчанія то обстоятельство, что вмѣсто того, чтобы носить только одно имя, какъ древніе Галлы, жители римской Галліи начинаютъ обозначать себя тремя, какъ Римляне. При этомъ не важно, что среди такихъ трехъ именъ иногда попадается галльскій корень; способъ наименованія тѣмъ не менѣе остается по существу римскимъ.

Итакъ, за рѣдкими исключеніями вполнѣ удостовѣряется, что галльское племя отказалось отъ своихъ національныхъ именъ, чтобы принять имена своихъ побѣдителей. Тѣмъ, кто приписывалъ это раболѣпію или легкомыслію Галловъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на то, что подобнаго же рода наблюденіе можетъ быть повторено относительно Испаніи, Африки, Азіи,

[1] *C. Jullian*, Inscriptions de Bordeaux, n⁰ 163.
[2] См. „Revue archéologique“, t. XI, p. 420.
[3] *C. Jullian*, Inscr. de Bordeaux, n⁰ 2.
[4] *Idem*, n⁰⁰ 53, 62, 118, 128, 182; *Brambach*, n⁰ 1336.

отчасти Греціи, и что можно отыскать аналогичные примѣры даже среди Германцевъ [1] и жителей Великобританіи. Необходимо, стало быть, найти для объясненія этого факта болѣе серьезную причину.

Главнымъ основаніемъ такой перемѣны является совершавшееся распространеніе правъ римскаго гражданства между Галлами. Если они не обладали послѣдними, особый законъ воспрещалъ имъ принимать римскія фамильныя имена [2]. Становясь римскими гражданами, напротивъ, они получали и разрѣшеніе именоваться по римски, послѣднее дѣлалось даже въ нѣкоторомъ родѣ обязательнымъ. Установился обычай, чтобы каждый новый гражданинъ присвоивалъ фамильное—*nomen gentilicium*—и даже личное имя того, кто ему даровалъ права [3].

[1] Въ одной надписи мы видимъ, что человѣкъ *natione Germanus* именуется Юліемъ Регуломъ (*C. Jullian*, n⁰ 65) Батавы, то-есть, лица принадлежавшія къ племени германскаго происхожденія, прозывались Юліемъ Цивилисомъ, Клавдіемъ Викторомъ, Юліемъ Флоромъ. Братъ Арминія, который служилъ при Тиберіи и остался вѣренъ Риму, носилъ имя Флава (*Tac.* Ann. II, 9), а сынъ его—Италика (II, 16). То же имя Италика носилъ позже одинъ свевскій вождь, очень дружественный Римлянамъ (*Tac.* Hist. III, 5).

[2] *Suet.* Claud. 25: „Peregrinae conditionis homines vetuit usurpare romana nomina, duntaxat gentilicia“. Стало быть, Галлы не могли бы именоваться ни Юліями, ни Сервиліями, ни Лициніями, ни Валеріями. Сохранилось письмо Клавдія, которымъ, подтверждая привилегію правъ гражданства за однимъ маленькимъ народомъ, императоръ прибавляетъ: „Nominaque ea, quae habuerunt antea tanquam cives romani, ita habere his permittam“. Такимъ образомъ, разрѣшая этимъ людямъ оставаться римскими гражданами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ имъ сохранить и имена, которыя они приняли, когда впервые сдѣлались таковыми (см. *Wilmanns*, n⁰ 2342, t. II, p. 253).

[3] Такъ нѣкій Трогъ, сдѣланный римскимъ гражданиномъ по волѣ Гнея Помпея, съ тѣхъ поръ сталъ называться Гнеемъ

Какъ рабъ, вступая въ общество свободныхъ, принималъ фамильное прозвище того, кто отпустилъ его на волю, такъ и иноземецъ, входя въ составъ римскаго гражданства, пріобрѣталъ имя того, кто сдѣлалъ его Римляниномъ [1]. Это было нѣчто въ родѣ рожденія человѣка къ новому существованію, и тотъ, кто давалъ такую жизнь, разсматривался дѣйствительно, какъ отецъ и родитель.

У насъ есть превосходный примѣръ, убѣждающій, что подобный обычай практиковался въ Галліи уже раньше Цезаря. Одинъ уроженецъ Нарбоннской провинціи, по имени Кабуръ, получилъ въ даръ римское гражданство отъ проконсула Гая Валерія Флакка [2]. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ прозываться Гаемъ Валеріемъ Кабуріемъ, сохраняя свое старое племенное имя лишь въ видѣ *cognomen*. Сынъ его отбросилъ и это галльское *cognomen*, которое не было наслѣдственнымъ, и именовалъ себя уже чисто по римски Гаемъ Валеріемъ Процилломъ [3].

Помпеемъ Трогомъ. Одинъ Эдуй, по имени Веркундаридубъ, получившій права гражданства отъ Гая Юлія Цезаря, началъ именовать себя Гаемъ Юліемъ Веркундаридубіемъ (см. *Liv.* Epit. 139).

[1] Это правило, которое, вѣроятнѣе всего, не было записано въ законѣ, но тѣмъ не менѣе твердо хранилось въ нравахъ, сообщается намъ косвенно Діономъ Кассіемъ. Авторъ говоритъ (LX, 17), что нѣсколько провинціаловъ, которые пріобрѣли гражданство отъ императора Клавдія, но не приняли его имени, подверглись за это судебному преслѣдованію; при этомъ онъ хвалитъ, какъ актъ милости государя, что онъ ихъ не приговорилъ къ наказанію.

[2] Г. Валерій Флаккъ былъ проконсуломъ Нарбоннской Галліи въ 83 г. до Р. Х. Послѣднее вытекаетъ изъ одного текста Цицерона въ рѣчи за Квинкція (c. 7: „Confugit ad C. Flaccum imperatorem, qui tunc erat in provincia"), сопоставленнаго съ другимъ мѣстомъ оттуда же, гдѣ указана дата (c. 6: „Scipione et Norbano consulibus", т. е., именно въ этомъ году).

[3] *Caes.* Bell. gall. I, 47: „Commodissimum visum est G. Valerium Procillum G. Valerii Caburii filium, summa virtute et humanitate adulescentem, cuius pater a C. Valerio Flacco civitate donatus est".—Продолженіе текста показываетъ, что этотъ Гай Валерій Процилль зналъ латинскій языкъ, какъ необходимо было римскому гражданину, но что онъ не разучился окончательно говорить и по галльски. Отсюда же видно, что этотъ человѣкъ вѣрно служилъ Цезарю: это составляло его обязанность, разъ онъ былъ римскимъ гражданиномъ.

Вотъ еще другой примѣръ, взятый изъ эпохи, нѣсколько болѣе поздней. Одна надпись даетъ намъ указаніе на четыре послѣдовательныя поколѣнія одной и той же семьи, происходившей изъ области Сантоновъ. Представитель старшаго изъ нихъ (прадѣдъ), жившій, можетъ быть, еще въ эпоху независимости или въ очень близкое къ ней время, носитъ галльское имя: его зовутъ Эпостеровидомъ. Сынъ его былъ обязанъ, повидимому, Цезарю или Августу званіемъ гражданина и потому принялъ имя Гая Юлія, но сохранилъ *cognomen*, какъ кажется, галльскаго происхожденія—Гедемонъ. Внука зовутъ Гаемъ Юліемъ Отуанеуномъ. Такъ имя Юлія окончательно сдѣлалось родовымъ (*gentilicium*) въ данной семьѣ, галльскимъ остается лишь прозвище (*cognomen*). Наконецъ, правнукъ отбрасываетъ и послѣднее: мы видимъ, что онъ называетъ себя Гаемъ Юліемъ Руфомъ [1].

Такъ какъ очень большое число Галловъ получило права римскаго гражданства отъ Цезаря (*C. Iulius Caesar*) или Августа (*C. Iulius Caesar Octavianus*), а также отъ Тиберія (*Tiberius Claudius Nero*) или Клавдія (*Tib. Claudius Nero*) или наконецъ отъ Гальбы (*Serv. Sulpicius Galba*), то весьма естественно произошло, что безчисленное количество Галловъ приняли

[1] *Aug. Bernard*, „Le templə d'Aug" p. 75; *Boissieu*, Inscriptions de Lyon, p. 96: „C. Iulius C. Iuli Otuaneuni filius, C. Iuli Gedemonis nepos, Eposterovidi pronepos, sacerdos Romae et Augusti"

фамильныя имена этихъ государей и стали прозываться Юліями, Клавдіями либо Сульпиціями.

Присвоеніе себѣ римскаго имени вовсе не было признакомъ раболѣпства: это было прямое и почти необходимое условіе вступленія въ составъ римскаго гражданства. Переходя изъ рядовъ галльскаго народа въ ряды римскаго, человѣкъ принималъ римское имя.

Его заносили въ списки одной изъ тридцати пяти римскихъ трибъ [1]. Когда онъ умиралъ, на его могильномъ камнѣ начертывали надпись, подобную слѣдующей: «C. Craxsius Voltinia Hilarus», или «C. Pompeius Quirina Sanctus» [2]. Эти люди гордились при жизни тѣмъ, что носили три римскихъ имени и, очевидно также, считали за честь принадлежать къ *tribus Voltinia* или *Quirina*.

Другимъ источникомъ такой массы римскихъ именъ въ Галліи былъ отпускъ на волю. Когда рабъ получалъ свободу, онъ принималъ съ этого дня фамильное и личное имя господина, даровавшаго ему независимость, [3] и также сохранялъ свое прежнее рабское собственное имя въ видѣ прозвища. Такъ, напримѣръ, одинъ рабъ, прозывавшійся Мистикомъ и освобожденный господиномъ своимъ Титомъ Кассіемъ, именуется послѣ этого Титомъ Кассіемъ Мистикомъ.

[1] Такой порядокъ держался, по крайней мѣрѣ, до времени Каракаллы; съ этой эпохи исчезъ обычай занесенія гражданъ въ списки трибъ. Надписи открываютъ намъ, что Арль принадлежалъ къ *tribus Teretina*, Нимъ къ *tr. Voltinia*, Бордо къ *tr. Quirina* и т. д.

[2] *Mommsen*, Inscr. helv. n⁰ 95 (C. I. L. XII, 2622). Ср. *Aug. Bernard*, Le temple d'Aug. p. 74; *Allmer*, n⁰ 490.

[3] Мы даемъ здѣсь общее правило; встрѣчаются исключенія изъ него, но они рѣдки. Иногда *manumissor*'омъ являлся не господинъ, а другое лицо. Иногда еще господинъ, изъ почтенія къ кому-нибудь изъ друзей, давалъ вольноотпущеннику имя послѣдняго.

Это римское правило съ безусловною точностью примѣнялось въ Галліи. Поэтому-то мы находимъ тамъ людей, которыхъ зовутъ Публіемъ Кассіемъ Гермутіономъ, Публіемъ Корнеліемъ Амфіономъ, Секстомъ Аттіемъ Карпофоромъ, Титомъ Спуріемъ Виталисомъ, Гаемъ Альбутіемъ Филогеномъ, Секстомъ Юліемъ Филаргиромъ [1]. Сыновья вольноотпущенниковъ уничтожали *cognomen*, напоминавшій о ихъ рабскомъ прошломъ, и удерживали фамильное имя. Многіе изъ тѣхъ Галловъ, которыхъ мы знаемъ подъ именами Корнеліевъ, Помпеевъ, Юліевъ, Кассіевъ, происходили отъ освобожденныхъ рабовъ. Такъ какъ императоры владѣли во всѣхъ провинціяхъ многочисленнымъ персоналомъ рабовъ, обитавшихъ въ ихъ обширныхъ помѣстьяхъ, то и они широко пополняли классъ вольноотпущенниковъ. Отпущенники Нерона именовались Клавдіями, отпущенники Веспасіана — Флавіями, Адріана—Эліями, Марка Аврелія—Авреліями. Всѣ эти имена часто встрѣчаются въ Галліи. Такимъ-то образомъ мы видимъ, что самыя великія римскія имена присвоены были тысячамъ Галловъ. Это не было узурпаціею, напротивъ, всѣ эти люди повиновались установленному правилу. Надо кромѣ того отмѣтить, что рабы, которые, какъ обнаруживается изъ текстовъ, получали освобожденіе въ Галліи, далеко не всѣ сами были Галлами; многіе изъ нихъ могли родиться въ Испаніи, Греціи, Африкѣ, но всѣ безъ различія получали имена своихъ господъ, а такъ какъ послѣдніе были Римлянами, то римскія имена распространялись въ изобиліи.

[1] *Allmer*, Antiquités de Vienne, n⁰⁰ 199, 201, 205, 206, 258; *Mommsen*, Inscr. helv. n⁰⁰ 92, 128.—Имена греческаго происхожденія всегда обозначаютъ бывшихъ рабовъ; свободный Римлянинъ непремѣнно бы носилъ римскій *cognomen*.

Въ ту эпоху имена обозначали не только естественное, кровное происхожденіе, но также и соціальное. Тотъ, кто сдѣлалъ гражданина изъ иностранца или свободнаго человѣка изъ раба, являлся какъ бы пріемнымъ отцомъ и давалъ свое имя. Поэтому имена отнюдь не могутъ служить яснымъ признакомъ расы; мы не должны упускать изъ вида, что національный вопросъ не занималъ никакого мѣста въ умахъ людей того времени, и мы почти можемъ утверждать, что они были совершенно чужды интереса къ нему.

Мы узнаемъ еще изъ исторіи Галліи изучаемаго времени, что города переименовывались тамъ на римскій ладъ. Этотъ фактъ сближался съ тѣмъ, о которомъ только что говорилось, и между ними находили сходство; между тѣмъ немного вниманія показываетъ, что они существенно различны между собою. Прежде всего, самое число городовъ, принявшихъ римскія названія, сравнительно невелико. Больше всего встрѣчается подобныхъ примѣровъ въ центральной и сѣверной Галліи [1]. Далѣе надо замѣтить, что тутъ въ большинствѣ случаевъ лишь прибавлялись новые эпитеты къ старымъ галльскимъ именамъ. Такъ, главный городъ

[1] Между такими новыми именами можно назвать: *Augusta Suessionum* (нынѣ фр. Soissons), *Augusta Veromanduorum* (Saint Quentin); *Augusta Treverorum* (Trèves—нѣм. Trier), *Augustodunum Aeduorum* (Autun); *Caesaromagus Bellovacorum* (Beauvais), *Caesarodunum Turanorum* (Tours), *Iuliomagus Andecavorum* (Angers), *Iuliobona Caletarum* (Lillebonne), *Augustobona Tricassium* (Troyes), *Augustonemetum* (Clermont), *Augustodunum* (Bayeux) и др.—Можно прибавить къ нимъ *Augusta Nemausus*, *Augusta Auscorum*, *Augusta Rauracorum*.—Позже, когда мѣстечко *Cularo* обращено было въ городскую общину, оно стало называться *Gratianopolis* (со времени императора, носившаго это имя), но еще въ *Notitia dignitatum* оно сохраняетъ и прежнее свое имя.

Суэссіоновъ сталъ называться *Augusta Suessionum*, столица Тревировъ—*Augusta Trevirorum*, Белловаковъ—*Caesaromagus Bellovacorum*. Всѣ эти имена разсматривались какъ почетные титулы, и Галлы, конечно, считали для своихъ городовъ большою честью пріобрѣтеніе права на ихъ присвоеніе [1].

Однако рядомъ съ нѣсколькими подобными эпитетами и нѣсколькими вновь введенными именами мы не должны упускать одного факта, гораздо болѣе важнаго, потому что онъ имѣетъ общій характеръ и не сопровождается исключеніями, именно, что всѣ имена племенъ продолжаютъ существовать во времена римскаго господства. Между тѣмъ объ ихъ-то уничтоженіи и долженъ былъ заботиться Римъ, если бы онъ задавался на самомъ дѣлѣ цѣлью разрушить воспоминанія о старой Галліи. На дѣлѣ же онъ не коснулся ихъ.

Дѣйствительно, эти имена продолжали жить не только въ народномъ языкѣ, какъ утверждали нѣкоторые, но также въ оффиціальномъ. Послѣднее хорошо обнаружится, если мы перелистаемъ надписи. Онѣ довольно точно отражаютъ на себѣ оффиціальную терминологію, такъ какъ однѣ изъ нихъ, хотя и происходятъ изъ частнаго источника, являются произведеніями людей изъ высшихъ классовъ и даже государственныхъ чиновниковъ, другія даже возникли по приказанію правительственныхъ или общественныхъ властей. Вездѣ въ нихъ вы находите древнія имена галльскихъ народцевъ въ томъ же видѣ, какъ они употреблялись до Цезаря. Возьмемъ въ видѣ примѣра

[1] Точно также въ Испаніи города приняли римскія прозванія (*cognomina*): См., напримѣръ, *Iulia Fidentia*, *Iulia Constantia Iuli Genius*, *Asido Caesariana*, *Astigitana Augusta*, *Augusta Gemella*, *Fama Iulia*, *Concordia Iulia*, *Caesaraugusta* и т. д. *Plin.* H. n. III, 3, 10—15.

Эдуевъ: они дѣйствительно дали своему главному городу завидное тогда для всѣхъ прозвище—Augustodunum; но они сохранили сами свое племенное имя Эдуевъ, и оно одно встрѣчается въ надписяхъ для ихъ обозначенія, оставаясь настоящимъ, оффиціально признаннымъ наименованіемъ. Позже *Notitia dignitatum*, которая является памятникомъ языка канцелярій императорскаго центральнаго правительства IV-го и V-го вѣковъ послѣ Р. Хр., совсѣмъ не знаетъ именъ Augustodunum и Caesaromagus, но свободно пользуется именами Эдуевъ, Суэссіоновъ и Арверновъ.

Итакъ, Римъ не преслѣдовалъ задачи искорененія древнихъ національныхъ именъ въ Галліи. Жители этой страны брали римскія имена, потому что всѣ они понемногу сами становились Римлянами. Народцы сохранили свои старыя названія потому, что ни для нихъ, ни для Римлянъ не было надобности ихъ мѣнять [1].

3.

Друидизмъ исчезъ въ Галліи при римскомъ господствѣ.

Легкость, съ которою удалось ниспровергнуть друидизмъ, вызываетъ изумленіе историка. Когда представляешь себѣ, насколько бываютъ живучи въ душѣ людей религіи, невольно ставишь вопросъ, какъ могло произойти, что Галлія такъ скоро отказалась отъ своей старой вѣры; не успѣли смѣниться два или три поколѣнія послѣ завоеванія, какъ страна уже покрылась храмами и алтарями, посвященными римскимъ богамъ.

Современный мыслитель, исходя изъ идеи, какую

[1] Даже простыя сельскія поселенія (*vici*) сохранили свои исконныя имена: „Haud longe a vico, cui vetusta paganitas... Gallica lingua Isarnodori, id est ferrei ostii, indidit nomen" (см. *Vita S. Eugendii*, у *Mabillon*, Acta Sanctorum, I, 570).

онъ создаетъ теперь относительно религій вообще, прежде всего склоненъ предполагать, что Галлія должна была измѣнить своей только вслѣдствіе жестокаго гоненія противъ нея со стороны побѣдителей. Отыскивая аргументы для такого предвзятаго толкованія, новые ученые вообразили себѣ, что основа галльскихъ вѣрованій была опасна для Рима, что ихъ національная религія являлась подходящимъ ферментомъ для мятежнаго броженія, что она должна была вызывать Галловъ къ сопротивленію римскому могуществу, и что потому именно Римъ былъ принужденъ почувствовать необходимость ея искорененія [1]. Всѣ приведенныя разсужденія отражаютъ на себѣ понятія чисто современнаго происхожденія, и черезчуръ смѣло было бы судить въ свѣтѣ ихъ о взглядахъ древнихъ людей. Гораздо лучше будетъ изучить и разсмотрѣть вблизи факты, извлекаемые изъ источниковъ.

Во-первыхъ, слѣдуетъ выдвинуть здѣсь одно соображеніе, которое обыкновенно недостаточно оцѣнивается, именно, что нельзя вполнѣ отожествлять всю галльскую религію съ друидизмомъ. Цезарь самъ не смѣшивалъ первую съ вторымъ [2]. Въ сознаніи Галловъ жила религія, божества которой были безчисленны, отличаясь одни общимъ, другіе чисто мѣстнымъ характеромъ, и обряды каждой заключались въ различнаго рода «публичныхъ и частныхъ жертвоприношеніяхъ» [3]. Это была

[1] Такія воззрѣнія высказываются между прочими *Д'Арбуа де Жюбенвиллемъ* въ статьѣ его—„Les druides en Gaule sous l'Empire romain" (см. „Revue archéologique", 1879).

[2] Цезарь говоритъ о галльской религіи вообще въ главахъ 16-й и 17-й, спеціально о друидахъ въ 13-й и 14-й книги VI-й.

[3] *Caesar*, VI, 13: „Sacrificia publica aut privata".—*Publica*—это были оффиціальныя религіозныя церемоніи, устраивавшіяся государствомъ; *privata*—обряды, совершаемые частными лицами или семействами.

религія народцевъ-государствъ, семействъ, всего населенія и каждой личности отдѣльно [1]. Что касается друидизма, то онъ, собственно, былъ только жречествомъ. Онъ не обладалъ большою древностью, не существовалъ во всякомъ случаѣ въ эпоху первоначальнаго заселенія страны Галлами, являясь учрежденіемъ, гораздо болѣе юнымъ, чѣмъ самая глубокая основа галльскихъ вѣрованій; если вѣрить Цезарю, друидизмъ даже не былъ созданіемъ этой религіи: онъ зародился за предѣлами Галліи, былъ внесенъ въ нее извнѣ [2]. Правда, онъ обнаружилъ большое могущество, поставивъ всю религію въ зависимость отъ себя и не допуская, чтобы какой бы то ни было актъ культа совершался помимо участія одного изъ членовъ корпораціи [3]. Но парал-

[1] У Цезаря указана одна черта, которая кажется мнѣ доказательствомъ того, что эта религія была присуща каждому Галлу. Авторъ говоритъ (VI, 16), что когда какой-нибудь Галлъ заболѣетъ, или если онъ подвергаетъ свою жизнь опасности въ сраженіи, онъ закалываетъ или обѣщаетъ заклать человѣческую жертву. Вотъ частный религіозный обрядъ (*sacrificium privatum*). Правда, друидъ долженъ присутствовать при жертвоприношеніи, какъ сейчасъ ниже будетъ сказано; но все таки это не актъ общественной религіи, и можно сомнѣваться, чтобы обычай подобныхъ жертвоприношеній сложился подъ вліяніемъ друидовъ. Далѣе, когда Цезарь перечисляетъ главныя божества Галловъ (гл. 16 и 17), онъ замѣчаетъ, что вѣра въ „галльскаго Плутона" (*Dis Pater*) проповѣдывалась друидами; но онъ выставляетъ этотъ фактъ, какъ исключительную особенность и не говоритъ ничего подобнаго о другихъ богахъ.

[2] Доктрина ихъ возникла и выработалась будто бы на островѣ Великобританіи въ эпоху, которой Цезарь не опредѣляетъ. См. *De bell. gall.* VI, 13: „Disciplina in Britannia reperta atque inde in Galliam translata esse existimatur". — Объ этомъ уже говорилось выше.

[3] *Caesar*, VI. 13: „Druides... sacrificia publica ac privata procurant".—VI. 19: „Galli... administris ad ea sacrificia druidibus utuntur".—Необходимо хорошо помнить, что эти выраженія не указываютъ на то, что жертвоприношенія совершались или предписывались друидами; послѣдніе только наблюдали (*procurant*) или принимали участіе въ нихъ (*administris*). Все это непохоже на культъ, который всецѣло управлялся бы жречествомъ или тѣмъ болѣе являлся его произведеніемъ. Тутъ нѣтъ ничего подобнаго христіанской или мусульманской религіи. Цезарь говоритъ, что друиды вмѣшиваются во всѣ религіозныя церемоніи, устраиваемыя государствами и частными людьми; онъ не утверждаетъ, что друидизмъ былъ религіею Галловъ.

лельно съ этимъ друиды вырабатывали особыя, свои собственныя вѣрованія, которыя не раздѣлялись всѣми Галлами; они держали даже свое ученіе втайнѣ отъ народа [1], раскрывая его лишь осторожно избраннымъ лицамъ въ спеціальныхъ школахъ, изъ которыхъ главная находилась на островѣ Британіи. Друиды управлялись своею іерархіею, стоявшею самостоятельно и отдѣльно отъ галльскихъ государствъ, и подчинялись единому начальнику, власть котораго распространялась на друидовъ всей Галліи. Друидизму свойственны были совершенно особыя священнодѣйствія; это были — колдовство и вѣдовство; это было врачеваніе при помощи чаръ; это были человѣческія жертвы для привлеченія милости боговъ [2]. Однимъ словомъ друидизмъ не сливался съ религіею Галловъ, а лишь сосуществовалъ съ нею.

Прослѣдимъ шагъ за шагомъ, что произошло послѣ римскаго завоеванія сначала съ друидизмомъ [3], потомъ съ галльскою религіею вообще.

Послѣ Цезаря мы не видимъ ни одного раза, чтобы

[1] *Caes.* VI, 14: „Quod neque in vulgum disciplinam eferri velint".

[2] *Plin.* Hist. nat. XXX, 4, 13.

[3] См. спеціальное изслѣдованіе автора настоящаго сочиненія — *Comment le druidisme a disparu* (въ сборникѣ статей подъ заглавіемъ „Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire").

друиды избирали общаго главу своей корпораціи, ни даже чтобы происходило общее собраніе друидовъ. Мы можемъ думать, что эти выборы и собранія исчезли, но намъ нельзя установить, совершилось ли это само по себѣ въ силу смутъ либо измѣненія обычаевъ, или порядки эти были уничтожены посредствомъ формальнаго запрещенія римскаго правительства. Во всякомъ случаѣ результатомъ этого было распаденіе единства самой корпораціи. Можетъ быть, даже слѣдуетъ предполагать, что друидизмъ, какъ цѣлое, вообще пересталъ существовать, по крайней мѣрѣ, въ Галліи.

Въ то же время исчезли спеціально-друидическіе обряды, то-есть, колдовство, вѣдовство, врачеваніе чарами и особенно человѣческія жертвоприношенія. Въ послѣднемъ случаѣ мы знаемъ уже съ достовѣрностью, что все это было запрещено римскими властями: Тиберій воспротивился колдовству и гаданіямъ, Клавдій прекратилъ человѣческія жертвы [1].

Мы нигдѣ не видимъ также, чтобы друиды сохранили свои школы. Если продолжали существовать немногія изъ нихъ, затерянныя среди лѣсовъ, несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, нельзя уже было видѣть, чтобы стекалось въ эти школы большою толпою юношество знатныхъ семействъ [1].—Что же сталось съ ученіемъ друидовъ?—Нѣкоторые изслѣдователи находятъ, какъ имъ кажется, обломки его въ Уэльсѣ и Ирландіи, но въ Галліи, безъ всякаго сомнѣнія, не отыскивается ни малѣйшаго его слѣда.

[1] *Plin.* H. n. XXX, 4, 13; „Tiberii Caesaris principatus sustulit eorum druidas et hoc genus vatum medicorumque per senatusconsultum“.—*Suet.* Claud. 25: „Druidarum religionem dirae immanitatis, et tantum civibus sub Augusto interdictam, Claudius penitus abolevit“.—Эти два текста понимались очень неправильно; думали, что они означали, будто Тиберій устранилъ друидовъ, а Клавдій уничтожилъ окончательно всю національную религію Галловъ. Надо обратить вниманіе на то, что латинское слово *religio* не совпадаетъ по смыслу съ современнымъ понятіемъ—„религія“.—*Religio*—значитъ обрядъ; такъ что, когда Светоній говоритъ—„religionem dirae immanitatis“, онъ имѣетъ въ виду только человѣческія жертвы. Также и Плиній ведетъ рѣчь только о магіи и ложной медицинѣ друидовъ.

Значитъ ли это, что друиды подвергались преслѣдованіямъ? Такое предположеніе, которое высказывалось учеными, не покоится ни на какомъ документальномъ свидѣтельствѣ. Нѣтъ указаній на то, чтобы Римъ прибѣгалъ къ насильственнымъ средствамъ, чтобы онъ обагрилъ Галлію кровью въ религіозномъ гоненіи [2]. Нельзя даже себѣ представить, какъ бы возможно было примѣнять такія суровыя мѣропріятія въ странѣ, гдѣ Римляне не держали ни войска, ни палачей. Нельзя объяснить, какъ бы удалось привести такую жестокую политику къ успѣшному концу, разъ Галлія мало мальски хотѣла бы постоять за своихъ

[1] *Caes.* VI, 13; 14.

[2] Нѣкоторые стремились, правда, приводить въ оправданіе такого утвержденія одинъ текстъ, но и здѣсь опять его понимали невѣрно. Пользовались случаемъ, разсказаннымъ Пдиніемъ (*Hist. nat.* XXIX, 3, 54). Авторъ сообщаетъ, что одинъ человѣкъ, который велъ тяжбу, пряталъ подъ платьемъ друидическій талисманъ, которому приписывали силу обезпечивать выигрышъ процессовъ. Императоръ Клавдій приговорилъ его къ смерти. Разберите этотъ фактъ безъ предвзятой мысли. Вы увидите прежде всего, что дѣло происходило въ Римѣ, а не въ Галліи; вы замѣтите далѣе, что виновный былъ римскимъ гражданиномъ и всадникомъ. При такихъ условіяхъ строгость императора дѣлается понятною; тутъ совершено было двойное преступленіе; первое заключалось въ томъ, что римскій гражданинъ прибѣгнулъ къ средству, запрещенному гражданамъ, второе—въ томъ, что онъ же пытался обмануть судью. Такимъ образомъ, данный случай не имѣетъ ничего общаго съ преслѣдованіемъ, будто бы направленнымъ противъ друидовъ въ Галліи.

жрецовъ. Правда заключается въ томъ, что императорское правительство никогда не воспрещало человѣку ни быть друидомъ, ни сохранять въ своемъ сердцѣ вѣру въ друидическіе догматы. Друиды продолжали еще существовать три вѣка, и они не скрывали себя [1]. Но въ ихъ составѣ оставались только люди изъ низшаго слоя общества; о нихъ говорятъ лишь, какъ о гадальщикахъ, къ которымъ народъ обращался, но которыхъ въ тоже время презиралъ.

Паденіе друидизма является, стало быть, фактомъ несомнѣннымъ, хотя мы и не можемъ сказать съ увѣренностью, было ли оно слѣдствіемъ римской политики или результатомъ измѣнившагося настроенія галльскаго общества, или фактъ этотъ надобно объяснять элементами разложенія, которые друидизмъ носилъ въ самомъ себѣ [2].

Судьбы галльской народной религіи были нѣсколько иныя. До римскаго завоеванія она представляла собою, какъ и всѣ первобытныя религіи, довольно безпорядочную смѣсь мало сознательныхъ вѣрованій во всякаго рода боговъ и различныхъ обрядовыхъ

[1] Одна друидесса появлялась передъ императоромъ Александромъ Северомъ (*Lamprid.* Alex. 60), другая—передъ Авреліаномъ (*Vopisc.* Aurel. 44), третья—передъ Діоклетіаномъ (*Vopisc.* Carin. et Numer. 13).

[2] Если бы друидизмъ пытался оказать какое-нибудь противодѣйствіе такому упадку, еслибы онъ производилъ возстанія противъ утѣснителей, конечно, мы бы должны были что-нибудь узнать объ этомъ отъ Страбона, Плинія, Тацита или такъ называемыхъ *Scriptores historiae Augustae.*—Возмутившійся Марикъ не былъ друидомъ. Ссылаются на то, что, когда въ Галліи распространился слухъ о пожарѣ Капитолія во время въѣзда Веспасіана въ Римъ, друиды провозгласили, что это предвѣщало крушеніе римскаго могущества. Но отъ такого пророчества до вооруженнаго возстанія еще очень далеко.

дѣйствій, направленныхъ къ умилостивленію или привлеченію благосклонности каждаго изъ этихъ божествъ. Національная религія Галловъ не отличалась существеннымъ образомъ отъ того, чѣмъ она была въ свое время у Римлянъ. Имена боговъ были другія, но подъ ними Цезарь узнавалъ Меркурія, Юпитера, Марса, Аполлона и Минерву римской древней религіи [1]. Авторъ находилъ существенныя свойства и даже атрибуты галльскихъ боговъ одинаковыми съ указанными только что римскими: «Галлы думаютъ о богахъ почти то же, что и мы» [2].

Подробное и систематическое изученіе религіи не составляетъ нашей задачи и не входитъ въ рамки настоящей книги; намъ не приходится разслѣдовать, были ли въ глубинѣ старой вѣры Галловъ черты, спеціально свойственныя ихъ расѣ. Мы должны установить здѣсь только одно: Римляне не замѣтили въ ней подобныхъ

[1] *Caesar*, VI, 17,: „Deum maxime Mercurium colunt... Post hunc Apollinem, Martem, Iovem et Minervam".

[2] *Ibidem*: „(Mercurium) inventorem artium ferunt, viarum atque itinerum ducem, hunc ad quaestus pecuniae mercaturasque habere vim maximam arbitrantur... De his (id est Apolline, Marte, Iove, Minerva) eamdem fere quam reliquae gentes habent opinionem: Apollinem morbos depellere, Minervam operum atque artificiorum initia tradere, Iovem imperium caelestium tenere, Martem bella regere..." Замѣтимъ хорошенько, что Цезарь восемь лѣтъ жилъ среди Галловъ, многочисленные Галлы всегда находились въ его свитѣ. Конечно, онъ не наблюдалъ ихъ религію съ научною точностью современнаго человѣка, но съ другой стороны, онъ, можетъ быть, и не вносилъ въ свои наблюденія пристрастія и субъективизма, въ которые часто впадаютъ нѣкоторые нынѣшніе ученые. Онъ судилъ о религіи одного изъ древнихъ народовъ, какъ древній человѣкъ самъ. Онъ, впрочемъ, будучи великимъ жрецомъ (pontifex maximus) въ Римѣ, обладалъ хорошими свѣдѣніями по вопросамъ религіи. Какъ бы ни было поверхностно его сужденіе и, можетъ быть, даже именно потому, что оно поверхностно, я придаю ему большой вѣсъ.

племенныхъ особенностей, и стало быть у нихъ не было никакого основанія съ нею бороться. Единственное измѣненіе, которое въ ней произошло послѣ завоеванія, выражалось въ томъ, что она ускользнула изъ подъ верховнаго руководства корпораціи друидовъ. Присутствіе жреца перестало считаться необходимымъ для совершенія жертвы. Потому то мы болѣе не замѣчаемъ въ Галліи въ слѣдующіе вѣка существованія жречества, которое выдѣлялось бы изъ состава свѣтскаго населенія и принуждало бы послѣднее повиноваться своей власти. Но мы не рѣшились бы сказать, была ли воля Римлянъ или желаніе самихъ Галловъ причиною такого освобожденія. Если надо уже высказывать по этому пункту какое-нибудь предположеніе, то можно, пожалуй, допустить, что Галлы сами стремились избавиться отъ гнета, очень тяжело отзывавшагося на нихъ. Мрачное и строгое могущество друидовъ не могло долго держать подъ обаяніемъ воображеніе Галловъ.

Начиная съ этого момента, каждое галльское государство и каждое отдѣльное лицо стали поклоняться богамъ на свой ладъ. На основаніи изученія посвятительныхъ надписей мы можемъ опредѣлить, какіе именно боги почитались впродолженіе четырехъ вѣковъ.

Мы встрѣчаемъ съ одной стороны божества съ галльскими именами. Если ограничимся перечисленіемъ только тѣхъ, которыя попадаются въ надписяхъ Сенъ-Жерменскаго музея, мы должны назвать слѣдующія: Беленъ, Борво, Эзусъ, Тейтатъ, Таранисъ, Граннъ, Абелліо, Цернуннъ, Эрге, Илино, Сегомо, Винцій, затѣмъ богинь—Аціонна, Бормона, Белизама, Эпона, Ура, Розмерта и еще двадцать другихъ божествъ [1].

Галлы особенно остались вѣрны мѣстнымъ божествамъ, такимъ какъ *Arduenna* — богиня Арденскаго лѣса, *Sequana* — богиня рѣки Сены, *Matrona* — богиня рѣки Марны, *Icauna*—богиня рѣки Іонны, *Divona*,—богиня извѣстнаго источника около Бордо [1].

Съ другой стороны, мы находимъ въ Галліи совер-

[1] Вотъ полный списокъ, извлеченный изъ работы *Alex. Bertrand*, „l'Autel de Saintes" (въ „Revue archéol". 1880): „Les dieux Abellio, Abinius, Bélénus, Borvo, Cernunnos, Edélates, Erga, Esus, Esumus, Erumus Grannus, Ilixo, Lavaratus, Léhéren, Lussoius, Maiurrus, Orévaius, Rudiobus, Segomo, Singuatus. Sucellus, Taranis, Teutatès, Vintius; les déesses Acionna, Aerécura, Athubodua, Bélisama, Bormona, Bricia, Clutonda, Damona, Epona, Lahé, Rosmerta, Sirona, Soïon, Ura". Такимъ образомъ, всего получается тридцать девять божествъ.—Правда, я бы высказалъ нѣкоторое сомнѣніе по поводу двухъ или трехъ именъ изъ этого списка. Напримѣръ, Эрекура, алтарь которой былъ найденъ въ Африкѣ (см. *Léon Renier*, Inscriptions d'Algérie, n° 2579), не представляется мнѣ непремѣнно галльскою богинею (ср. *Corp. Inscr. Lat.* VI, p. 23; VIII, n°° 5524, 6962). Что касается нѣсколькихъ еще другихъ божествъ, имена которыхъ начертаны были на камняхъ во II или III вв. нашей эры, то хотѣлось бы отыскать вѣрное указаніе, что это были въ самомъ дѣлѣ кельтскія божества. Вся эта область полна вопросовъ, которые ученые съ предвзятыми мнѣніями надѣются слишкомъ легко разрѣшить.—Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что послѣдніе эпиграфическіе сборники, XII-й томъ берлинскаго *Corpus*, относящійся къ Нарбонской Галліи, и журналъ Алльмера—„*Revue épigraphique*", позволяютъ значительно увеличить приведенный списокъ и исправить нѣкоторыя изъ входящихъ въ него именъ. См. также статистическіе обзоры находокъ по данному вопросу, помѣщаемые въ „*Revue celtique*", затѣмъ еще работы Саказа (*Sacaze*) о богахъ пиренейскаго края.

[1] См. *Auson.* De claris urb. 14: „Divona, Celtarum lingua, fons addite Divis".—Надо прибавить еще Сирону, которой поклонялись одновременно въ Бордо, въ Корсейлѣ, Трирѣ и другихъ мѣстностяхъ (см. *Jullian*, Inscr. de Bordeaux. n° 69; *Brambach*, Inscr. Rhen. n°° 814, 815; „Revue celtique", t. VI, p. 265); кромѣ того слѣдуетъ назвать здѣсь еще бога—Бакурда и богиню—Негаленнію (*Brambach*, n°° 385, 442).

шенно римскія божества—Юпитера (Iupiter Optimus Maximus), Юнону (Iuno Regina), Минерву, Великую Матерь, Венеру, Аполлона, Сатурна, Діану, Эскулапа, Викторію [1].

Откуда это происходитъ? Воздержимся отъ предположенія, что эти римскія имена служатъ признакомъ большого измѣненія въ состояніи сознанія или существеннаго религіознаго переворота. Ни галльская, ни римская религіи не воспрещали принятіе и присоединеніе новыхъ боговъ. Было вполнѣ естественно, чтобы Галлъ почувствовалъ глубокую вѣру въ римскаго бога, и никто не нашелъ бы страннымъ, если бы онъ принесъ даръ этому богу, чтобы привлечь къ себѣ его благосклонность. Галльскіе и римскіе боги объединились въ религіозномъ сознаніи каждаго. Иногда случалось, что люди, стремясь сдѣлать понятнымъ имя какого-нибудь галльскаго бога, переводили его на камнѣ именемъ римскаго, который казался соотвѣтствующимъ. Такимъ то образомъ одно старое божество, пользовавшееся большимъ уваженіемъ въ странѣ Арверновъ, приняло наименованіе Меркурія арвернскаго [2]. Съ именами

[1] „Iovi Optimo Maximo" (*Allmer*, 244, 531, 576; *Brambach*, 205, 647, 650).—„Iunoni Reginae" (*Allmer*, 248; *Brambach*, 1313); Iunoni" (*Herzog*, 158; *Brambach*, 394).—„Marti" (*Allmer*, 579, 454; *Mommsen*, Inscr. helv. 68; *Brambach*, 212).—„Apollini" (*Allmer*, 522, 583).—„Asclepio" (*Ibid.* 533).—„Victoriae Augusti" (*Ibid.* 534).—„Silvaño" (*Ibid.* 585; *Brambach*, 211).—„Matri Deum, Magnae Matri" (*Allmer*, 731, 732; *Jullian*, Inscr. de Bord. 9).—„Plutoni et Proserpinae" (*Allmer*, 249; *Brambach*, 404).—„Mercurio (*Allmer*, 253—256, 442, 446, 579; *Mommsen*, Inscr. helv. 68; *Brambach*, 400 450, 681).—Ср. *Corp. Inscr. Lat.* XII, p. 92 ss.

[2] *Brambach*, Inscr. Rheni, 256: „Mercurio Arverno M. Iulius Audax pro se et suis libens merito".

[3] Имена эти въ такомъ соединеніи встрѣчаются на надписяхъ Сенъ-Жерменскаго музея. См. *Alex. Bertrand*, L'autel de

боговъ повторялось стало быть то же, что съ фамильными прозваніями. По мѣрѣ того, какъ Галлы обращались въ римскихъ гражданъ, они переименовывали по римски себя и своихъ боговъ, усваивая постепенно латинскій языкъ. Все это совершалось спокойно, безъ революціи, безъ всякаго разрыва традиціи, почти безсознательно.

Это настолько вѣрно, что мы видимъ очень часто римское и галльское наименованія соединенными вмѣстѣ для обозначенія одного и того же божества. Такъ передъ нами обнаруживаются: Марсъ-Кумулъ, Аполлонъ-Тутіориксъ, Юпитеръ-Багинатъ, Меркурій-Вассокалетъ [2]. Сознаніе Галловъ находило, какъ видно, совершенно естественнымъ отожествлять своихъ боговъ съ богами Рима и не чувствовало, что отъ этого измѣнялась ихъ вѣра.

Надобно еще отмѣтить, что Галлія принимала въ свою религію не однихъ римскихъ боговъ; то же самое происходило и съ божествами другихъ народовъ. Она присваивала себѣ поклоненіе греческимъ, сирійскимъ, египетскимъ божествамъ. Встрѣчаются Галлы—почитатели Изиды или Митры [1]. Римская Имперія была эпохою самой широкой свободы вѣрованій, изъ области которой исключалось иногда только христіанство, но по совершенно спеціальнымъ причинамъ, вытека-

Saintes, p. 14.—Авторъ прибавляетъ еще слѣдующія: Аполлонъ Коблетулитавъ, Аполлонъ Веротутъ (Virotutes?), Марсъ Коцеръ, Марсъ Рудіанъ (?), Меркурій Атусмерій, Меркурій Артай, Меркурій Циссоній, Меркурій Думій, всего четырнадцать боговъ съ двойнымъ именемъ.

[1] О культѣ Изиды въ Галліи, см. нѣсколько надписей: *Allmer*, n⁰ 782; *Herzog*, n⁰ 90; *Mommsen*, Inscr. helv. n⁰ 241. Ср. *Hirschfeld*, предисловіе къ нимскимъ надписямъ въ *Corp. Inscr. Lat.* XII, p. 328. — О культѣ Митры см. надписи въ сборникѣ *Jullian*, n⁰ 16; *Allmer*, n⁰ 699 и т. д.

вшимъ изъ его внутренней сущности. Всѣ боги признавались государствомъ, и религіозное чувство открывалось передъ всѣми. Всѣ культы были допущены, и они сталкивались, переплетались, сливались другъ съ другомъ безъ всякихъ препятствій со стороны общественной власти, безъ всякихъ задержекъ со стороны религіознаго сознанія людей. Въ особенности никогда не ставился вопросъ, принадлежалъ-ли данный культъ такой-то расѣ болѣе чѣмъ иной, являлся-ли такой-то богъ національнымъ или иноземнымъ. Расовыя или національныя предубѣжденія въ религіозной области были совершенно чужды людямъ того времени.

Когда въ Галлію проникло христіанство, оно не встрѣтило тамъ стоящихъ другъ противъ друга римскую и галльскую религіи; оно нашло одну—галло-римскую, то-есть, очень сложный, но и очень смѣшанный политеизмъ, въ которомъ не замѣчалось ничего исключительно галльскаго.

4.

Исчезновеніе галльскаго права.

Древнее право Галліи просуществовало не долѣе ихъ религіи. Но здѣсь историки наталкиваются на большую трудность при изслѣдованіи вопроса: мы знаемъ объ этомъ древнемъ правѣ только то, что сообщаетъ о немъ Цезарь. Я съ своей стороны не принадлежу къ той школѣ смѣлыхъ ученыхъ, которые полагаютъ возможнымъ отыскивать право старой Галліи въ такъ называемыхъ сводахъ ирландскихъ и уэльскихъ обычаевъ, извѣстныхъ намъ лишь по рукописямъ XII вѣка по Р. Хр., самая достовѣрность

которыхъ, какъ кодексовъ, очень сомнительна, и относительно которыхъ надо было бы прежде всего спросить себя, заключаются-ли въ нихъ правовыя нормы, предшествующія христіанской эрѣ. Мы могли бы многое возразить противъ чрезвычайной неосторожности такого историческаго метода. Для основательнаго ознакомленія съ правомъ древней Галліи необходимо было бы, либо чтобы сами Галлы передали намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, либо, по крайней мѣрѣ, чтобы римскіе писатели хорошо изучили и поняли и подробно описали его. Между тѣмъ до насъ дошло по этому предмету лишь нѣсколько строкъ Цезаря, и мы должны найти въ себѣ рѣшимость сказать, что не знаемъ древне-галльскаго права [1].

То, что говоритъ Цезарь, ограничивается слѣдующими пунктами: 1) что касается гражданскаго права, у Галловъ признавалась *hereditas*, то-есть, выработана была уже система законнаго наслѣдованія имуществами; однако римскій историкъ не сообщаетъ, въ чемъ заключалась эта система [2]; 2) у нихъ практиковался обычай опредѣленія границъ или межъ (*fines*), то-есть, выработалась уже какая-то форма владѣнія землею; но Цезарь не указываетъ ни природу, ни правила этого владѣнія [3]; 3) отецъ семейства обладалъ безграничною властью надъ дѣтьми и даже надъ женою; но

[1] Прибавимъ къ этому, что мы не можемъ даже утверждать существовало-ли въ Галліи одно общее право. Можетъ быть, его никогда и не было. Можетъ быть, въ странѣ развивалось столько-же правъ, сколько жило народцевъ. Такая оговорка непремѣнно должна представляться въ умѣ, когда читаешь тѣ главы Цезаря, въ которыхъ авторъ говоритъ о Галлахъ вообще, какъ будто бы они всѣ были объединены. Цезарь вѣдь самъ начинаетъ свое изложеніе словами: „*Legibus inter se differunt*“.

[2] *Caes.* VI, 13: „Si de hereditate controversia est, ii decernunt“.

[3] *Ibid.* „Si de finibus controversia est, ii decernunt“.

такой порядокъ царствовалъ, какъ кажется, у всѣхъ народовъ арійской расы въ ихъ первобытномъ правѣ [1]; 4) мужъ получалъ за женою приданое; но рядомъ съ этимъ обыкновенно и онъ присоединялъ къ нему равную долю цѣнностей, а послѣ смерти одного изъ супруговъ обѣ части съ наросшими доходами присваивались остающемуся въ живыхъ; 5) въ области уголовнаго права Цезарь разъясняетъ намъ, что смертная казнь принимала у Галловъ форму принесенія жертвы богамъ—это было подобіе древне-римскаго *supplicium*,—что смертные приговоры произносились жрецами, что они были довольно часты и карали такъ-же за воровство, какъ и за убійство [2].

[1] *Ibid.* VI, 19: „Viri in uxores, sicuti in liberos, vitae necisque habent potestatem".

[2] *Ibid.* „Viri, quantas pecunias ab uxoribus dotis nomine acceperunt, tantas ex suis bonis, aestimatione facta, cum dotibus communicant. Huius omnis pecuniae coniunctim ratio habetur fructusque servantur. Uter eorum vita superavit, ad eum pars utriusque cum fructibus superiorum temporum pervenit".—Этотъ текстъ Цезаря вызываетъ много недоумѣній. Во-первыхъ, понимаетъ ли онъ слово *pecunia* въ узкомъ смыслѣ, то-есть, обозначаетъ ли имъ только движимыя имущества, или въ болѣе обширномъ значеніи, какое это слово пріобрѣло въ римскомъ наслѣдственномъ правѣ? Затѣмъ, что надо разумѣть подъ словами—„*fructus servantur*"? Обозначаютъ ли они извѣстный способъ эксплуатаціи цѣнностей, при которомъ накопляются проценты? Далѣе, идетъ ли здѣсь рѣчь о твердо установившемся правовомъ принципѣ или о простомъ обычаѣ, дозволенномъ лишь богатымъ, то-есть, тѣмъ, которые могли откладывать и сберегать свои доходы? Какое правило примѣнялось при смерти одного изъ супруговъ? Сохранялись ли имущества за семьей того, который оставался въ живыхъ, или раздѣлялись между обѣими семьями? Наконецъ главнымъ вопросомъ является тутъ слѣдующій: какимъ образомъ послѣдній обычай согласовался съ самымъ семейнымъ строемъ Галловъ? — Неизбѣжно ставить себѣ всѣ эти вопросы, находя ихъ недостаточно выясненными у Цезаря; но разрѣшить ихъ никакъ нельзя: все это—только подробности въ правовой системѣ, и ихъ можно было бы истолковать лишь въ томъ случаѣ, если бы извѣстна была вся ея совокупность.

Этихъ данныхъ недостаточно для того, чтобы мы могли утверждать, что древне-галльское право походило на таковое же другихъ народовъ арійской расы, или что оно пережило тотъ-же рядъ эволюціонныхъ фазъ, какъ и право этихъ народовъ, начиная отъ безграничной отеческой власти и родовой собственности съ естественнымъ наслѣдованіемъ безъ завѣщанія внутри рода, направляясь затѣмъ къ раздѣленію семействъ, образованію личной собственности и наслѣдованію по завѣщаніямъ. Всего этого мало также и для того, чтобы доказывать, что Галлы обладали совершенно особеннымъ правомъ, свойственнымъ только ихъ племени.

Разъ мы согласимся съ только что высказаннымъ положеніемъ, мы увидимъ, что нельзя установить, очень-ли былъ труденъ переходъ отъ галльскаго права къ римскому, подало-ли введеніе или распространеніе послѣдняго въ странѣ поводъ къ національному сопротивленію, явилось-ли это обстоятельство въ свою очередь переворотомъ въ выработавшемся порядкѣ обезпеченія частныхъ интересовъ. Остается сдѣлать лишь нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній, которыя могутъ быть выведены изъ текстовъ или изъ извѣстныхъ намъ фактовъ.

Въ самомъ началѣ требуется выставить на видъ, что если мы сосредоточимъ наблюденія на эпохѣ, непосредственно слѣдующей за завоеваніемъ, мы убѣдимся, что Галламъ предоставлено было сохранять свое право. Это было формально признано по отношенію къ такъ называемымъ свободнымъ и союзнымъ общинамъ. Тоже самое подразумѣвалось о народцахъ, отдавшихся на милость римскаго народа (*populi dedi-*

ticii). Римъ, не распространяя на нихъ своего права, не отнималъ у нихъ ихъ собственнаго, и не признавая его оффиціально, какъ настоящее право, онъ, конечно, допускалъ фактическое его примѣненіе. Надобно, такимъ образомъ, полагать, что впродолженіе жизни нѣсколькихъ поколѣній тяжбы и преступленія судились между Галлами по правиламъ и обычаямъ древняго племенного права.

Однако немедленно же произошло одно измѣненіе, очень богатое послѣдствіями. Если сохранено было старое право, то органы его приложенія стали другіе. Надо вспомнить, что до Цезаря друиды захватили въ свои руки почти всю юрисдикцію. Теперь они ее утеряли: мы не находимъ за все время продолженія римскаго господства ни одного указанія на процессъ, который велся бы ими. Очевидно, они уже не могли больше карать преступленій, сожигать обвиняемыхъ. Они больше не разрѣшали частныхъ тяжбъ, не утверждали въ наслѣдствахъ и правахъ владѣнія. Мы увидимъ въ дальнѣйшихъ частяхъ настоящаго изслѣдованія, что каждая община въ Галліи получила своихъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ ею самою «для отправленія правосудія» (*iuri dicundo*). Это были настоящіе судьи, а выше ихъ стояли съ такими же функціями римскіе намѣстники. Юстиція, такимъ образомъ, даже тамъ, гдѣ она осталась мѣстною, галльскою, перестала быть жреческою, сдѣлалась свѣтскою.

Не произвело ли такое измѣненіе судебныхъ органовъ измѣненій и въ правѣ? Это очень вѣроятно, тѣмъ болѣе, что древнее право, должно быть, не было записано. Установилось новое судопроизводство, и незамѣтно стало перерабатываться право даже руками самихъ Галловъ. Множество старыхъ обычаевъ, разумѣется, сохранилось: это были именно тѣ, которые согласовались съ новымъ положеніемъ общества; но можно смѣло предполагать, что тѣ порядки, которые противорѣчили новымъ нравамъ или слишкомъ пропитаны были друидизмомъ, должны были исчезнуть. Что касается уголовнаго права, то преобразованіе его дѣлается замѣтнымъ тотчасъ же: казнь огнемъ была уничтожена, можетъ быть, по настоянію римскаго правительства; вся система наказаній вообще смягчилась. По отношенію къ гражданскому праву надо указать, что *manus* мужа надъ женою потеряло прежнюю суровость, отеческая власть была ослаблена такъ же, какъ у Римлянъ; землевладѣніе равнымъ образомъ, какъ увидимъ въ другомъ мѣстѣ, приняло нѣсколько иную форму.

Затѣмъ возникло еще другое теченіе. Мы видѣли выше, что Галлы мало по малу пріобрѣли права римскаго гражданства; сначала ихъ получили самые знатные изъ нихъ, потомъ самые богатые, въ концѣ концовъ всѣ. Между тѣмъ къ тому времени утвердился неоспоримый принципъ, что всякій человѣкъ, который становился Римляниномъ, каково бы ни было его племенное происхожденіе, пріобрѣталъ вмѣстѣ съ тѣмъ право пользованія римскими законами. Подчиняться имъ было въ одно и то же время и его привилегіею, и его обязанностью. Для Галла, ставшаго Римляниномъ, уже не могло быть рѣчи о галльскомъ правѣ.

Въ теченіе двухъ вѣковъ, предшествовавшихъ царствованію Каракаллы, Римъ никого не принуждалъ дѣлаться гражданиномъ. Если большая часть Галловъ приняла римское гражданство, ясно, что таково было ихъ собственное желаніе. Добивались же они римскаго гражданства не въ видахъ полученія политическихъ правъ, которыхъ уже ни для кого не существовало въ Имперіи: они стремились къ гражданскимъ преимуществамъ (*ius civile*), которыя обезпечивались римскимъ законодатель-

ствомъ лучше, чѣмъ всякимъ другимъ. Итакъ Галлы добровольно перешли чрезъ пріобрѣтеніе римскаго гражданства отъ галльскаго къ римскому праву.

Когда римское гражданство было даровано Каракаллою всѣмъ тѣмъ, которые не достигли его еще раньше, исчезли послѣдніе люди, среди которыхъ могли практиковаться еще нѣкоторыя нормы галльскаго права. Это измѣненіе было, правда, мало замѣчено, такъ какъ оно уже давно подготовлялось; но во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ какъ въ населеніи Галліи всѣ стали «Римлянами» (*cives Romani*), безъ сомнѣнія, въ ней имѣло мѣсто и одно только право, то-есть, римское право [1].

[1] Иные современные юристы утверждаютъ, что Римляне допускали сохраненіе племенныхъ обычаевъ, и охотно принимаютъ предположеніе, что подъ писаннымъ римскимъ правомъ, могло продолжать жить устное галльское право въ видѣ „кутюмы". Такое воззрѣніе образовалось вслѣдствіе невѣрнаго толкованія текстовъ. Ссылались на одно мѣсто изъ Институцій Юстиніана (I, 2, § 9 и 10), одинъ отрывокъ изъ Дигестъ (I, 3, 32), одно постановленіе Константина въ Кодексѣ Юстиніана (VIII, 52, 2), другое постановленіе Александра Севера также въ Кодексѣ Юстиніана (VIII, 52, 1) и наконецъ законъ императора Юліана въ Кодексѣ Θеодосія (V, 12). Если бы эти тексты были изучены съ нѣкоторымъ вниманіемъ, то легко обнаружилось бы, что ни въ одномъ изъ нихъ слово *consuetudo* не употреблено въ томъ спеціальномъ смыслѣ, который приписывается уже восемь вѣковъ французскому термину—„coutume". Эти тексты устанавливаютъ только правило, что разъ въ той или иной мѣстности сложился какой-нибудь опредѣленный обычай, надо сообразоваться съ нимъ, если только онъ не противорѣчитъ закону: „Venientium est temporum disciplina instare veteribus institutis" (*Cod. Th.* V, 12). Ни въ одномъ изъ этихъ текстовъ мысль законодателя, повидимому, не обращается къ „племенному обычаю" въ противоположность „римскому праву". Говорили, что „обычай могъ стать на мѣсто закона и даже устранить законъ до самой эпохи Константина, который постановилъ, что въ будущемъ обычай не можетъ идти противъ закона" (см. *Glasson*, Hist. du droit, I, 197). Но и въ этихъ словахъ мы находимъ большое преувеличеніе и неточное объясненіе текста. Въ приведенномъ постановленіи Константина законодатель, во-первыхъ, вовсе не имѣетъ въ виду племенного обычая; во-вторыхъ, если онъ говоритъ, что „долговременное обыкновеніе не можетъ пересилить законъ", онъ вовсе не хочетъ сказать, что до него господствовало противоположное правило. Въ разбираемыхъ памятникахъ есть оттѣнки, которые слѣдуетъ, принимать во вниманіе въ интересахъ точности сужденія. Теорія которая изъ нихъ построена, именно, что галльское право могло долго продолжать существовать въ видѣ „мѣстнаго обычая",— истѣйшая гипотеза.

Нѣкоторые мѣстные обычаи могли еще сохраняться, особенно въ формальностяхъ судопроизводства; но и тутъ требовалось, чтобы они не противорѣчили ни одному изъ положеній писаннаго права. Въ области собственности, наслѣдства и завѣщанія, обязательствъ, опредѣленія правъ личностей—слѣдовали одному римскому праву. Возьмите всѣ документы этихъ пяти вѣковъ, вы не найдете въ нихъ ни одного упоминанія о галльскомъ правѣ. Въ нихъ не обозначается ни одного принципа, ни одной формы, которые были бы галльскаго происхожденія. Терминъ «галльское право» и даже «галльскій обычай» не встрѣчаются нигдѣ. Позже, когда прекратилось римское владычество, мы также не обнаружимъ подъема и пробужденія галльскаго права. Населеніе, не усвоивъ германскаго права, не почувствовало потребности возродить и старое право предковъ; оно пожелало сохранить римскій законъ.

5.

Исчезновеніе національнаго языка у Галловъ.

Мы приходимъ къ постановкѣ еще другого вопроса: сохранился ли языкъ Галловъ во времена римскаго

господства?—Надобно прежде всего точно опредѣлить задачу. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы выяснить, пережили ли римское завоеваніе нѣкоторыя галльскія слова и реченія, и сохраняются ли они еще въ нашемъ современномъ языкѣ. Мы ищемъ, говорило ли населеніе Галліи въ эпоху римской Имперіи на органически цѣльномъ національномъ нарѣчіи. Аргументамъ *a priori* здѣсь нельзя придавать никакого значенія: необходимо основывать рѣшеніе вопроса лишь на текстахъ и документахъ.

Мы обладаемъ многочисленными надписями, которыя были начертаны въ Галліи и для Галловъ въ I, II и III-мъ вѣкахъ нашей эры. Онѣ всѣ писаны на латинскомъ языкѣ [1]. Однѣ изъ нихъ представляютъ посвященія богамъ, и послѣднія, какъ кажется, были понятны толпѣ. Другія являются эпитафіями, и онѣ, конечно, обозначаютъ, на какомъ языкѣ говорили въ странѣ. Третьи, наконецъ, еще болѣе характеристичны: это—декреты, изданныя галльскими городскими общинами; онѣ показываютъ, каковъ былъ оффиціальный языкъ этихъ общинъ. И онѣ также всѣ начертаны по латыни, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ составлены уже

[1] Существуетъ, правда, нѣсколько монетъ, въ которыхъ встрѣчаются галльскія имена собственныя; но по нимъ нельзя ничего заключить объ общеупотребительномъ языкѣ. Имѣются также камни, на которыхъ читается одно галльское слово, обозначающее имя, какъ кажется, имя рабочаго, который высѣкалъ памятникъ; за этимъ именемъ слѣдуетъ слово, являющееся, повидимому, галльскимъ глаголомъ, равнозначущимъ съ понятіемъ *fecit* (см. *Compte rendu de l'Acad. des inscr.* 10 Juin 1887). Но эти надписи очень малочисленны, и на нихъ нѣтъ хронологическихъ обозначеній. Изъ нихъ невозможно поэтому вывести очень опредѣленныхъ заключеній по вопросу о продолженіи существованія стараго галльскаго языка. — Всѣ эпиграфическіе тексты Нарбонской Галліи съ кельтическими словами или на кельтскомъ языкѣ собраны теперь въ XII-мъ томѣ *Corp. inscr. lat.*

въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. Рядомъ съ латинскимъ текстомъ не находится никогда никакого перевода, стало быть, онъ былъ доступенъ почти для всѣхъ.

Вотъ какимъ образомъ выясняется первый пунктъ: высшій классъ общества въ Галліи, тотъ, который воздвигалъ памятники, члены котораго засѣдали въ общинныхъ собраніяхъ,—говорилъ по латыни. Остается разслѣдовать, сохранился ли галльскій языкъ, какъ простонародный говоръ, и до какой эпохи.

Два текста обнаруживаютъ, что употребленіе галльскаго языка продолжалось еще въ первой половинѣ III-го вѣка. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Ульпіану, который утверждаетъ, что фидеикомиссъ имѣетъ законную силу, даже если онъ составленъ на пуническомъ или галльскомъ языкѣ [1]. Другой находится у Лампридія и относится къ 235 году. Императоръ Александръ Северъ, разсказываетъ историкъ, прибывъ въ Галлію, собирался въ походъ, въ которомъ ему суждено было погибнуть; на дорогѣ ему встрѣтилась друидесса, которая крикнула ему вслѣдъ на галльскомъ языкѣ: «Иди, но не надѣйся побѣдить и остерегайся своихъ солдатъ». [2] Стало

[1] *Ulp. Dig.* XXXII, 1, 11: „Fideicomissa quocunque sermone relinqui possunt, non solum latina et graeca, sed etiam punica et gallicana vel alterius gentis".—Быть можетъ, слѣдовало бы присоединить къ этому отрывку еще одинъ текстъ изъ Лукіана (*Pseudomantis*, с. 51), въ которомъ встрѣчается слово Κελτιστί; но надо обратить вниманіе, что греческіе писатели этого времени называютъ Κελτοί Германцевъ. Въ подтвержденіе можно было бы привести много мѣстъ изъ Діона Кассія и другой текстъ Лукіана же въ его сочиненіи „о способѣ писать исторію" (с. 5). Такимъ образомъ, нельзя быть увѣреннымъ, что Κελτιστί значитъ „по-галльски"; кромѣ того Лукіанъ жилъ и писалъ раньше Ульпіана.

[2] *Lamprid.* Alex. Sever. 60: „Mulier dryas exeunti exclamavit gallico sermone: Vadas, nec victoriam speres nec militi tuo credas".

быть, въ 235 году еще держалась галльская рѣчь, на которой говорили, по крайней мѣрѣ, простонародные классы.

Болѣе поздняго документа, въ которомъ встрѣчалось бы упоминаніе о сохраненіи галльскаго языка, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ. Нѣкоторые ученые, правда, ссылались на три текста, принадлежащіе къ IV и V-му вѣкамъ. Но простая провѣрка ихъ показываетъ, что имъ придано невѣрное значеніе.

Приводили слѣдующую строку изъ одного діалога Сульпиція Севера: «Celtice aut si mavis gallice loquere» («говори по кельтски или, если предпочитаешь, по галльски») [1]. Надо всегда относиться съ недовѣріемъ къ подобнымъ мѣстамъ изъ источниковъ, вырванымъ изъ контекста, цитируемымъ изолированно и въ такомъ видѣ передаваемымъ изъ книги въ книгу, какъ доказательство какого-нибудь положенія, безъ ближайшаго анализа. Слѣдуетъ и въ данномъ случаѣ сперва прочесть весь отрывокъ. Постумъ, человѣкъ родомъ изъ Аквитаніи, бесѣдуетъ здѣсь съ однимъ юношей, именуемымъ Галломъ и происходящимъ изъ центральной части этой провинціи. Аквитанія славилась красивою рѣчью ея жителей, рядомъ съ которою латинскій языкъ центральной Галліи казался простымъ и тяжелымъ. Галлъ, приглашенный разсказать что-нибудь, прежде всего извиняется: «Я охотно буду говорить, отвѣчаетъ онъ, но выступая въ присутствіи двухъ Аквитанцевъ, я—Галлъ изъ центра, страшусь, какъ бы мой слишкомъ грубый языкъ не оскорбилъ такія нѣжныя уши» [2].—Ясно, что здѣсь пока нѣтъ рѣчи о кельт-

[1] *Sulpic. Sev.* Dialog. I, 26.

[2] *Ibidem*: „Ego plane, inquit Gallus; sed dum cogito me hominem Gallum inter Aquitanos verba facturum, vereor, ne offendat vestras nimium urbanas aures sermo rusticior“.

скомъ языкѣ. Собесѣдникъ этого человѣка, который желаетъ, чтобы онъ разсказалъ о жизни св. Мартина, шутливо возражаетъ ему: «Говори хоть по-кельтски, если хочешь, лишь бы ты говорилъ о Мартинѣ» [1]. Было бы ребячествомъ понимать эти слова буквально. Постумъ не зналъ по кельтски, сомнительно, чтобы и Галлу былъ извѣстенъ этотъ языкъ. Послѣдній дѣйствительно начинаетъ повѣствованіе, но ведетъ его по латыни. Онъ даже говоритъ прекрасно; очевидно, онъ извинялся въ простотѣ своей рѣчи лишь для того, чтобы особенно оцѣнили ея изящество. Такая ораторская предусмотрительность, по всей вѣроятности, стала тогда обычнымъ пріемомъ краснорѣчія, такъ какъ вы постоянно встрѣчаете подобныя выраженія скромности у всѣхъ или почти всѣхъ агіографовъ отъ IV-го до IX-го вѣка. Авторъ, безъ сомнѣнія, не думаетъ о старомъ кельтскомъ языкѣ. Онъ хотѣлъ только сказать, что Галлы изъ центра говорили на менѣе чистомъ латинскомъ языкѣ, чѣмъ Галлы съ юга. И онъ даетъ дѣйствительно нѣсколько ниже примѣръ оттѣнковъ, которыми различались говоры двухъ этихъ сосѣднихъ областей: Галлъ упоминаетъ о сѣдалищахъ или стульяхъ, которые «мы грубые Галлы называемъ *tripetiae*, вы же Аквитанцы *tripodes*». Ясно, что, говоря слово *tripetiae*, они произносили отнюдь не древне-кельтское, а вполнѣ латинское слово [2]. Итакъ строка Сульпиція Севера,

[1] *Ibidem*: „Tu vero, inquit Postumus, vel celtice, vel si mavis gallice loquere, dummodo iam Martinum loquaris“.

[2] *Sulpic. Sever.* Dialog. II, 1: „Quas nos rustici Galli tripetias vos tripodas nuncupatis“.—Мы находимъ у Григорія Турскаго превосходнѣйшій примѣръ понятія, которое люди того времени приписывали выраженію *gallica lingua*. Онъ говоритъ, что въ Августодунѣ (Autun) мѣсто, гдѣ покоятся умершіе, называется по галльски *coemeterium*: „Coemeterium apud Augustodunum gallica lingua vocitavit“ (*Greg Turon.* De gloria confess. c. 73). Слово *coe-*

на которую ссылались по данному поводу, ни какимъ образомъ не доказываетъ, что въ Галліи еще раздавалась кельтская рѣчь.

Опирались еще, во-вторыхъ, на фразу св. Іеронима, который будто бы писалъ, какъ извѣстно въ началѣ V-го вѣка, что азіатскіе Галаты говорили почти тѣмъ же языкомъ, что Тревиры [1]. Если бы даже эти два племени и сохранили какимъ-нибудь чудомъ свой старый языкъ, то они не могли говорить на одномъ и томъ же, такъ какъ Тревиры были Германцами [2].

Цитируютъ, наконецъ, одно мѣсто изъ Сидонія Аполлинарія, въ которомъ будто говорится, что въ его время, то-есть, около 450-го года, арвернская знать отказалась отъ кельтскаго языка. И здѣсь еще ученые впали въ ошибку именно потому, что, сосредоточивъ вниманіе на нѣсколькихъ словахъ, упустили изъ вида контекстъ. Сидоній, который самъ принадлежалъ къ аристократіи названной мѣстности, никогда

meterium—греческое, которое принято было низшими классами съ тѣхъ поръ, какъ они стали христіанами. Григорій Турскій, очевидно, не думаетъ утверждать, что это слово взято изъ древне-кельтскаго языка. Онъ хочетъ только сказать, что это не чисто латинское выраженіе, и отмѣчаетъ, что оно принадлежитъ къ народному говору. Въ другомъ мѣстѣ (*Greg. Tur.* Hist Francor. VIII, 1) тотъ же авторъ изображаетъ все населеніе Тура выходящимъ на встрѣчу королю Гунтрамну, воспѣвая хвалы ему на всѣхъ языкахъ, на какихъ говорили въ Галліи. Онъ перечисляетъ при этомъ латинскій, сирійскій, употреблявшійся торговцами, и еврейскій; о галльскомъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ.

[1] См. у Св. Іеронима въ „Комментаріи къ посланію Ап. Павла къ Галатамъ“ (гл. 3): „Galatas, excepto sermone graeco, quo omnis Oriens loquitur, propriam linguam eamdem paene habere quam Treviros“.

[2] *G. Perrot*, De Galatia, p. 87—90; 168—170. Ср. еще письмо главнаго редактора „*Revue celtique*“, помѣщенное въ этомъ журналѣ (t. I, p. 179).

не говорилъ на древне-галльскомъ нарѣчіи: онъ пишетъ здѣсь своему другу Экдицію и хвалитъ его за то, что тотъ отдалъ юность свою «ученію», ввелъ въ свою страну «ораторскій слогъ и поэтическую красоту рѣчи» и тѣмъ подалъ благой примѣръ «отреченія отъ грубости кельтическаго говора» [1]. Кто же не увидитъ, что здѣсь слова «кельтскій языкъ» не заключаютъ въ себѣ противоположности латинскому, а обозначаютъ провинціальную простоту въ отличіе отъ «ораторскаго и поэтическаго стиля»? Авторъ нисколько не думалъ утверждать, что арвернская знать, совершенно и уже давно романизованная, удержала больше,

[1] Вотъ весь отрывокъ, изъ котораго ясно обнаруживается мысль автора (*Sidon.* Ad Ecdicium, III, 3, ed. Baret, III, 13): „Mitto istic ob gratiam pueritiae tuae undique gentium studia litterarum confluxisse, tuaeque personae quondam debitum quod sermonis celtici squammam depositura nobilitas, nunc oratorio stylo, nunc etiam camenalibus modis imbuebatur“.—Чтобы хорошо понять это, надо помнить, что почти единственною заботою образованныхъ людей того времени является красивая рѣчь. Мы постоянно встрѣчаемъ у галльскихъ писателей того времени выраженіе опасенія, что они говорятъ по латыни недостаточно изящно. Такъ, напримѣръ, Пакатъ, въ панегирикѣ Ѳеодосію II, извиняется, что въ его рѣчи слишкомъ много остается грубости: „Rudem hunc et incultum transalpini sermonis horrorem“. Самъ Сидоній говоритъ о „деревенской простотѣ“ („rustica simplicitas“) своего языка (*Epist.* VIII, 16). То же надо повторить и о св. Иринеѣ (*Adr. heres.* praef.). Будемъ считать за несомнѣнное, что когда эти искусственные и вычурные писатели извиняются въ томъ, что говорятъ по деревенски или по кельтски, они вовсе не думаютъ ни о мѣстныхъ говорахъ („patois“) сельскихъ жителей Галліи, ни тѣмъ болѣе о древне-кельтскомъ языкѣ. Сообразимъ хорошенько, что словамъ надобно придавать лишь то значеніе, которое въ нихъ влагаетъ мысль автора, ихъ употребляющаго. Въ примѣрахъ же, которые мы здѣсь представляемъ, настоящая мысль писателей совершенно очевидна.

чѣмъ онъ самъ, галльскій говоръ. Сидоній не былъ филологомъ, но только литературнымъ пуристомъ.

Въ общемъ выводѣ, такимъ образомъ, можно по правдѣ утверждать, что не находится ни одного текста, болѣе поздняго, чѣмъ слова Лампридія, относящіяся къ 235 г., изъ котораго бы обнаруживалось сохраненіе кельтскаго языка даже у простого народа. Стало быть все, что мы будемъ говорить объ этомъ предметѣ, можетъ быть высказываемо только какъ чистое предположеніе.

Наоборотъ многочисленнныя данныя подтверждаютъ фактъ распространенія латинскаго языка даже въ массахъ. Когда въ Галлію стало проникать христіанство, оно приносилось людьми, которымъ знакомы были только латинскій или греческій языки, между тѣмъ св. Поѳинъ, св. Ириней, св. Діонисій, св. Елевѳерій проповѣдывали и обращали въ новую вѣру преимущественно въ народной средѣ. Св. Мартинъ также не былъ Галломъ по происхожденію; родившись въ Панноніи, онъ выросъ въ Италіи, и нѣтъ указаній, чтобы ему извѣстенъ былъ галльскій языкъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ избранъ въ епископы всѣмъ народомъ города Тура и въ своихъ проповѣдяхъ свободно обращался ко всей паствѣ.

Сохраненіе нѣсколькихъ галльскихъ терминовъ въ современномъ французскомъ языкѣ вовсе не доказываетъ непрерывнаго существованія кельтской рѣчи. Слѣдовало бы въ самомъ дѣлѣ замѣтить, что подобные термины, какъ, напримѣръ, *aripennis* или *leuga*, были прежде всего латинизованы. Они вошли въ латынь данной области, потому что обозначали предметы, для которыхъ въ классическомъ языкѣ Римлянъ не находилось подходящихъ выраженій. Латинскій языкъ того времени бралъ отовсюду новыя слова — изъ греческаго, изъ

галльскаго, изъ германскаго языковъ, и черезъ такую латынь термины эти дошли до насъ. Въ Галліи внѣдрилась не только литературная, ученая, правовая или оффиціальная латинская рѣчь. Возьмите самыя обыденныя слова, которыми народъ долженъ былъ пользоваться повседневно, обозначенія родства, ласкательныя выраженія, вспомогательные глаголы, постоянно раздающіеся въ устахъ, какъ напр. быть, имѣть, сдѣлать, или еще названія животныхъ, земледѣльческихъ или ремесленныхъ орудій—почти всѣ они во французскомъ происходятъ отъ латинскаго языка. Нельзя же думать, чтобы эти слова утвердились въ народномъ говорѣ послѣ нашествія варваровъ; они уже жили въ немъ до появленія Германцевъ. Если бы на кельтскомъ языкѣ дѣйствительно еще говорили въ V-мъ вѣкѣ, нельзя было бы объяснить, почему онъ не продолжалъ существовать и позже. Когда прекратилось римское господство, и высшій классъ утерялъ свою власть, какъ разъ насталъ удобный моментъ для новаго оживленія стараго языка. У Германцевъ не было никакого побужденія отдать предпочтеніе латинскому языку передъ кельтскимъ. Если кельтскій языкъ не восторжествовалъ и не укрѣпился вновь въ ту эпоху, то произошло это оттого, что его уже больше не существовало [1].

Виновно-ли хоть сколько-нибудь въ такомъ исчез-

[1] Едва ли нужно упоминать здѣсь о томъ, что кельтическое нарѣчіе, на которомъ до сихъ поръ говоритъ населеніе полуострова Бретани, принесено было туда позже изъ Британскихъ острововъ. Нѣтъ никакихъ указаній, чтобы эта маленькая страна, хоть и отдаленная отъ всемірной столицы и главныхъ городскихъ центровъ провинціи, но однако пересѣченная римскими дорогами, покрывшаяся римскими городами и виллами, развалины которыхъ часто находятъ и теперь, оказалась особенно упорною противницею латинскаго языка и сохранила свой старый говоръ.

новеніи галльскаго языка римское правительство? Никогда Римъ не предпринималъ войны противъ языковъ побѣжденныхъ народовъ. Онъ не боролся ни съ иберійскою, ни съ пуническою, ни съ фригійскою рѣчью, однако же и эти говоры погибли. Никакой законъ не воспрещалъ людямъ пользоваться нарѣчіемъ отцовъ. Одинъ только разъ видимъ мы, что императоръ Клавдій отнимаетъ званіе римскаго гражданина у человѣка за незнаніе латинскаго языка; но мы не имѣемъ права строить на единичномъ фактѣ общее заключеніе: самое большее, если мы можемъ изъ этого вывести, что какъ только человѣкъ получалъ гражданскія права, извѣстный *decorum* принуждалъ его научиться языку народа, въ составъ котораго онъ вступалъ. Римъ никогда не преслѣдовалъ задачи основывать цѣлую систему правительственныхъ латинскихъ сельскихъ школъ для отученія Галловъ отъ ихъ языка. Нужно однако представлять себѣ, что намѣстники, которые посылались въ провинціи, говорили только по латыни, что только на этомъ языкѣ обращались они къ мѣстнымъ общинамъ и только на немъ вели процессы. Прошенія къ сенату, къ императорскимъ совѣтникамъ, къ самому императору должны были писаться также на латинскомъ языкѣ. Каждый сколько-нибудь энергичный въ общественной карьерѣ Галлъ, даже если онъ ограничивалъ свое честолюбіе однѣми муниципальными должностями, обязанъ былъ знать по латыни.

Впрочемъ, и сами Галлы не ощущали сильныхъ побужденій цѣпко держаться за свою старую рѣчь. Въ послѣдней недоставало словъ, которыя дѣлались необходимыми по мѣрѣ распространенія цивилизованной жизни. На ней нельзя было выразить новыя понятія, и она не поддавалась вкусамъ новыхъ поколѣній. Она не могла служить ни литературѣ, ни суду, ни изящному разговору. Латинскій языкъ въ силу небходимости сталъ языкомъ высшаго класса и всего, что къ нему приближалось, всего, что было культурнымъ или хотѣло казаться таковымъ [1]. Воля Рима была не при чемъ въ такой перемѣнѣ; Галлы переняли языкъ Римлянъ потому, что чувствовали потребность, выгоду, удовольствіе отъ его усвоенія. Перемѣна языка не являлась прямымъ послѣдствіемъ завоеванія. Прибавимъ еще разъ, что латинскій языкъ былъ языкомъ новой религіи, сначала римскаго политеизма, потомъ христіанства. Только по латыни можно было дѣлать посвященія богамъ и тѣнямъ умершихъ; только по латыни можно было молиться.

Отъ высшихъ классовъ латинскій языкъ спустился въ низшіе и распространился даже по деревнямъ. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена не существовало между городомъ и деревней той противоположности, которую предполагаютъ теперь по аналогіи съ современностью. Городъ и деревня, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, сливались въ одну общину. Знать являвшаяся классомъ домовладѣльцевъ въ городѣ, владѣла также землями, часто обширными, въ окружавшей его сельской территоріи. Она дѣлила свое время между городомъ и деревнею, держала и тамъ, и здѣсь особый составъ слугъ, которые всѣ были заинтересованы въ томъ, чтобы понимать языкъ господина и говорить на немъ.

Ученые XIX-го вѣка построили теорію о живучести языковъ, будто являющейся признакомъ стойкости

[1] Греческій языкъ сохранился именно потому, что сталъ общеупотребителенъ въ высшихъ кругахъ; слѣдовательно, причины, которыя обусловили исчезновеніе варварскихъ языковъ, не существовали для него.

расъ. Въ нашу задачу не входитъ поддерживать или опровергать эту теорію. Мы предупреждаемъ только, что она никогда не была вполнѣ доказана. Исторія наоборотъ свидѣтельствуетъ болѣе чѣмъ однимъ примѣромъ о чрезвычайной легкости, съ которою народъ перемѣняетъ свой языкъ. Правда, что послѣдняго нельзя добиться насиліемъ, но результатъ естественно достигается черезъ дѣйствіе практическаго интереса. Когда встрѣчаются другъ съ другомъ два народа, невсегда болѣе малочисленный отступаетъ отъ своего языка, это бываетъ скорѣе съ тѣмъ, который больше нуждается въ другомъ. Вотъ, почему Галлы научились языку Римлянъ; и они такъ хорошо усвоили его, что обратили въ свою повседневную рѣчь, въ свой единственный національный говоръ и отвыкли отъ того, на которомъ объяснялись въ предшествующіе вѣка.

6.

Измѣненіе обычаевъ и образованности.

Галлы съ чрезвычайною легкостью отказались отъ воинственныхъ навыковъ и склонностей своей старины. Едва прошло тридцать лѣтъ со времени завоеванія, какъ Страбонъ уже писалъ, что они больше не думали о войнѣ, что всѣ заботы ихъ были направлены къ земледѣлію и вообще къ мирнымъ занятіямъ [1]. Такое быстрое перерожденіе заставляетъ предполагать, что страсть къ войнамъ не была болѣе присуща Галламъ, чѣмъ какой-нибудь другой расѣ. Галльское племя оставалось воинственнымъ до тѣхъ поръ, пока отсутствіе прочныхъ государственныхъ учрежденій какъ

[1] *Strabo*, IV, 1; „Ἀντὶ τοῦ πολεμεῖν τετραμμένοι ἤδη πρὸς πολιτείας καὶ γεωργίας... Πρότερον μὲν ἐστράτευον, νῦν δὲ γεωργοῦσι“.

бы присуждало его къ непрерывнымъ войнамъ. Но оно привязалось къ миру, какъ только получило устойчивое управленіе. Любовь къ войнѣ и любовь къ миру одинаково заложены въ основу человѣческой природы; одна пересиливаетъ другую, смотря по тому, какое направленіе даетъ сознанію народа общественный порядокъ, среди котораго онъ живетъ.

Галлія усвоила обычаи, образъ жизни и даже вкусы Римлянъ [1]. Города ея приняли внѣшній видъ городовъ Италіи и Греціи. Въ нихъ воздвиглись храмы, базилики, форумы, театры, цирки, термы, водопроводы. Всѣ эти памятники были построены не людьми римскаго происхожденія, а самими Галлами, на ихъ счетъ, по постановленіямъ ихъ общинъ, по ихъ собственному почину. Страна, въ которой уже и до завоеванія пролегали дороги, покрылась новою сѣтью мощеныхъ путей, хотя и называвшихся римскими, но проведенныхъ и устроенныхъ Галлами. Жилища измѣнили характеръ: вмѣсто прежнихъ обширныхъ, но грубыхъ усадьбъ, скрытыхъ среди лѣсовъ, въ которыхъ любили ютиться богатые Галлы временъ независимости [2], они стали возводить для себя виллы (*villae*) съ великолѣпными портиками, стѣнами расписанными живописью, библіотеками, залами для купанья, садами [3]. Они построили себѣ и въ городахъ роскошные дома и украсили ихъ богатою обстановкою. Привычки частной жизни измѣнились такъ же, какъ и общественные порядки.

[1] *Ibidem:* „Οὐ βάρβαροι ἔτι ὄντες, ἀλλὰ μετακείμενοι τὸ πλέον εἰς τὸν Ρωμαίων τύπον καὶ τῇ γλώττῃ καὶ τοῖς βίοις, τινὲς δὲ καὶ τῇ πολιτείᾳ“.

[2] *Caesar*, VI, 30.

[3] Мы вернемся къ этому предмету ниже, именно въ первой части второго тома настоящаго сочиненія.

Измѣнился характеръ воспитанія юношества. На мѣстѣ старыхъ друидическихъ школъ, откуда изгонялось даже письмо, появились свѣтскія учебныя заведенія, гдѣ преподавались поэзія, риторика, математика, вообще все то гармоническое образовательное цѣлое, которое древніе называли *humanitas*. И между тѣмъ не Римляне основали эти школы, по крайней мѣрѣ, до насъ не дошло ни одного указа центральной власти, который предписывалъ бы городамъ ихъ устраивать. Онѣ учреждены были самими Галлами совершенно добровольно. Городскія общины и богатыя мѣстныя семейства доставили всѣ нужныя для этого средства [1].

Культурная эволюція Галліи пошла съ тѣхъ поръ по новому пути. Появилась потребность ученія, и такъ какъ не было книгъ, написанныхъ на галльскомъ языкѣ, набросились на латинскія и греческія. Возбудился интересъ къ драматическому искусству, и начали представлять комедіи Плавта. Распространилась охота къ писательству, и стали подражать римской литературѣ. Потребовалось судебное краснорѣчіе, и галльскіе адвокаты заговорили по латыни, насытившись рѣчами Цицерона и наставленіями Квинтиліана. Создалось въ странѣ понятіе объ искусствѣ, вызвано было въ людяхъ стремленіе къ прекрасному или, по крайней мѣрѣ, изящному. Пристрастились къ постройкамъ, и такъ какъ не существовало національныхъ образцовъ—у друидовъ не было ни храмовъ, ни статуй,—то естестественнымъ образомъ повторяли архитектурные типы Греціи и Рима. Галлія породила, такимъ образомъ, писателей, адвокатовъ, поэтовъ, архитекторовъ и скульпторовъ; но однако не выработалось ни галльской архитектуры, ни галльскаго искусства,—и то, и другое въ Галліи осталось римскимъ.

Такимъ образомъ населеніе Галліи сдѣлалось римскимъ, не по крови, но по учрежденіямъ, обычаямъ, языку, искусствамъ, вѣрованіямъ, по всему складу образованности. Такое превращеніе не было послѣдствіемъ ни требовательности побѣдителя, ни раболѣпства побѣжденнаго. У Галловъ хватило разума понять, что цивилизація лучше варварства. Римъ покорилъ ихъ себѣ не столько силою, сколько образованностью. Быть Римляниномъ не значило, по взглядамъ Галловъ, подчиняться чужеземному игу; это значило раздѣлять нравы, искусства, науки, ремесла и развлеченія съ тою частью человѣчества, которую они узнали, какъ самую культурную и самую благородную.

Не надо говорить: Римляне цивилизовали Галлію, отдали ея почву подъ обработку, расчистили лѣса, осушили болота, проложили дороги, воздвигли храмы и школы. Слѣдуетъ представлять себѣ обстоятельства такъ: подъ римскимъ господствомъ, благодаря установленію мира и безопасности, Галлы сдѣлались земледѣльцами, провели дороги, стали работать и при помощи труда познали богатство и роскошь. Подъ руководствомъ римскаго генія и въ силу похвальнаго подражанія всему лучшему, они воздвигли храмы и построили школы.

Во времена независимости они обладали учрежденіями и религіею, которыя обусловливали въ одно и

[1] *Strabo*, Ibidem: „Σοφιστὰς ὑποδέχονται, τοὺς μὲν ἰδίᾳ τοὺς δὲ πόλεις κοινῇ μισθούμεναι.“—Извѣстно, что подъ словомъ σοφισταί здѣсь разумѣются тѣ, которыхъ по латыни называли *rhetores*, то-есть учителя краснорѣчія. Тацитъ мелькомъ говоритъ о школахъ города Аугустодуна, гдѣ можно было видѣть „Galliarum sobolem liberalibus studiis operatam“ (*Annal*. III, 43); указаніе это относится ко времени Тиберія. Для позднѣйшаго періода см. у Авзонія о школахъ въ Бордо и другихъ городахъ, у Сидонія объ арвернскихъ школахъ, въ которыхъ преподавали „stylum oratorium et camenales modos“.—Св. Іеронимъ также говоритъ о галльскомъ образованіи: „Studia Galliarum florentissima sunt“ (*Epist*. 95).

то же время чрезвычайную подвижность формъ правленія и чрезвычайную неподвижность умственнаго развитія. Съ одной стороны общественная жизнь, волнуемая групповыми разногласіями и личными честолюбіями, не знала отдыха и покоя, безъ которыхъ немыслимы трудъ и благосостояніе. Съ другой, умственная жизнь, руководимая жречествомъ, которое отличалось узкими идеями и проповѣдывало таинственное ученіе, не знала ни свободы, ни прогресса. Можно спросить себя, что сталось бы съ населеніемъ Галліи, если бы оно было предоставлено самому себѣ. Судьба, которая постигла кельтское племя въ Ирландіи и Уэльсѣ, не позволяетъ предположить, чтобы оно могло и въ Галліи достигнуть великаго будущаго. Нѣкоторые утверждали, что оно способно было создать оригинальную цивилизацію, но вѣдь это ни на чемъ не основанная гипотеза. Не надо забывать, что Галлы принадлежали къ той же самой великой расѣ, вѣтвями которой являлись Греки и Римляне. У нихъ были тѣ же склонности и тѣ же дарованія, что у этихъ народовъ. Римская цивилизація не была для нихъ вполнѣ чужою: это была образованность, созданная людьми ихъ же расы; она была единственною формою культуры, которая къ нимъ подходила, и къ которой они должны были направлять силы своего ума. Они безсознательно шли къ ней впродолженіе вѣковъ. Результатъ, котораго сами Галлы достигли бы только послѣ долгихъ усилій и огромной работы, былъ быстро данъ въ ихъ распоряженіе вслѣдствіе римскаго завоеванія. Они жадно схватились за дарованное благо, какъ счастливые дѣти, наслѣдующіе плоды родительскихъ трудовъ; они наложили руки на превосходный продуктъ, произведенный работою двадцати поколѣній Грековъ и Римлянъ.

Мы, впрочемъ, уже видѣли, что для Галловъ не

существовало даже возможности сохранить независимость, и что истинная альтернатива представлялась для нихъ между римскимъ и германскимъ завоеваніемъ. Поэтому надо спрашивать себя не о томъ, чѣмъ бы сдѣлалась свободная Галлія, но что сталось бы съ нею, если бы она покорилась Германцамъ вмѣсто Римлянъ, то-есть, если бы не явился Цезарь, и Аріовистъ остался господиномъ страны, а съ нимъ вмѣстѣ утвердилось германское иго. Надо вообразить себѣ картину, которую тогда представляла бы Галлія: это было бы полное отсутствіе всякихъ промысловъ и искусствъ, памятниковъ, городовъ, дорогъ, всей той созидательной работы, всего того благосостоянія, всего того умственнаго развитія, слѣды которыхъ еще теперь замѣтны на французской почвѣ и еще лучше отражаются въ умахъ населяющаго ее народа. Нашествіе Германцевъ осуществилось лишь пять вѣковъ позднѣе, то-есть, совершилось въ эпоху, когда цивилизація уже такъ глубоко пустила въ землю свои корни, что варвары оказались не въ состояніи ее вырвать, а напротивъ сами были захвачены ею. Если бы оно произошло при Аріовистѣ, послѣдствія были бы совершенно иными. Галлія въ такомъ случаѣ, можетъ быть, никогда не обладала бы цивилизаціею и не была бы въ состояніи передать ее Германцамъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Римская имперія

(ОТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ АВГУСТА ДО КОНЦА IV ВѢКА).

КНИГА ВТОРАЯ.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

(отъ царствованія Августа до конца IV-го вѣка).[1]

ВВЕДЕНІЕ.

Обзоръ источниковъ.

Документы, при помощи которыхъ мы можемъ возстановить соціально-политическій строй Галліи во вре-

[1] Въ первыхъ двухъ изданіяхъ настоящаго сочиненія я объединилъ въ одной книгѣ обозрѣніе всѣхъ пяти вѣковъ римской Имперіи, довольствуясь указаніями въ каждой главѣ на измѣненія въ государственномъ устройствѣ и общественныхъ отношеніяхъ, которыя совершились въ III-мъ и особенно въ IV-мъ вѣкахъ. Но затѣмъ мнѣ представилось, что такой пріемъ сопровождается однимъ важнымъ неудобствомъ. Онъ не даетъ возможности достаточно ясно выдѣлять и оттѣнять различія, производимыя временемъ въ развивающихся учрежденіяхъ; нѣкоторые изъ моихъ читателей, повидимому, даже вынесли впечатлѣніе, будто я разсматриваю всѣ эти пять вѣковъ какъ эпоху однообразія и неподвижности, хотя я двадцать разъ утверждалъ противоположное. Поэтому я рѣшаюсь въ данномъ третьемъ изданіи составить два послѣдовательныя описанія; одно для изображенія имперіи трехъ первыхъ вѣковъ, другое для двухъ послѣднихъ (оно войдетъ во второй томъ). Работа моя такимъ образомъ, думается, выиграетъ въ отчетливости. Тѣмъ же самымъ будетъ достигнуто еще то преимущество, что явится возможность больше развить анализъ фактовъ и учрежденій послѣднихъ двухъ вѣковъ, которые именно и обнаружили особенно сильное вліяніе на факты и учрежденія послѣдующаго періода.

мена римской Имперіи, распадаются на три категоріи: у насъ находятся въ распоряженіи, во-первыхъ, литературныя произведенія той эпохи; во-вторыхъ, законодательные тексты и юридическія сочиненія; въ третьихъ, надписи и вещественные памятники.

Изъ всѣхъ историковъ, жившихъ въ изучаемую эпоху или писавшихъ о ней, ни одинъ не оставилъ намъ полной общей картины учрежденій Имперіи. Ни одинъ писатель, который вышелъ бы самъ изъ галльскаго народа, не изобразилъ въ частности государственныхъ порядковъ, утвердившихся въ это время въ его странѣ. Но Тацитъ, Светоній, Діонъ Кассій, Спартіанъ, Лампридій, Вопискъ, Зосимъ сообщаютъ факты или высказываютъ сужденія, которые являются какъ бы внѣшними признаками, обнаруживающими жизнь этихъ учрежденій, царствовавшихъ въ Имперіи. Если они не чертятъ цѣльной схемы установившагося государственнаго устройства, то, по крайней мѣрѣ, иногда обозначаютъ перемѣны и нововведенія, которыя въ немъ происходили. Что же касается писателей не-историковъ, каковы оба Плинія, Марціалъ, Авзоній, панегиристы, Рутилій, Сальвіанъ, Сидоній Аполлинарій, Симмахъ, то они рисуютъ намъ въ своихъ стихотвореніяхъ, рѣчахъ и письмахъ обычаи, нравы, а часто самыя идеи этого общества [1].

[1] Главныя изданія которыми мы пользовались, и на которыя ссылаемся, слѣдующія: Тацитъ изд. *Halm* (1859); Светоній изд. *Hase* (1828), ср. теперь еще изданіе *Roth* (въ „Bibliotheca Teubner.“); Плиній, „Hist. naturalis“. изд. *L. Jahn* (1854); Плиній Мл. „Epistolae“, изд. *Keil* (1870); Діонъ Кассій, изд. *Gros-Boissée* (1845—1870); *Scriptores historiae Augustae* изд. *Herm. Peter* (1865 и поздн.); Авзоній, изд. *Schenkl* (въ „Monum Germ. Hist.“ 4°); Амміанъ Марцеллинъ, изд. *C. A. Erfurdt* и *Gardthausen*; *Panegyrici veteres*, изд. *Bährens*; Рутилій Намаціанъ, изд. *Müller*; Зосимъ, изд. *Becker* (1857); Сальвіанъ, изд. *Halm* (1877); Симмахъ, изд. *O. Seeck* (1883); Сидоній Аполлинарій, изд. *Baret* (1877) и *Lütjohann* (въ „Mon. Germ. Hist.“).

Для изученія учрежденій юридическіе и законодательные тексты еще болѣе цѣнны, чѣмъ нерѣдко слишкомъ субъективныя сочиненія историковъ. Въ ихъ числѣ надобно различать три группы: 1) Законы въ тѣсномъ смыслѣ и сенатусконсульты немалое количество ихъ было обнародовано и во времена Имперіи, но лишь немногіе сохранились до насъ либо въ цѣльномъ видѣ въ эпиграфическихъ памятникахъ (*lex Regia*, *lex Iulia municipalis*, *lex Malacitana* и др. [1], либо отрывками въ Дигестахъ;—2) Трактаты юрисконсультовъ: Гая, отъ котораго до насъ дошло одно сочиненіе почти цѣликомъ; Павла котораго «*Sententiae*» переданы намъ составителями такъ называемой *lex Romana Wisigothorum*; Ульпіана, отъ котораго остались «*Regulae*», впрочемъ, только въ плохомъ спискѣ X-го вѣка; наконецъ безчисленные отрывки или извлеченія изъ тридцати девяти юрисконсультовъ, которые были собраны во время Юстиніана и вошли въ Дигесты;—3) Конституціи— эдикты или рескрипты—Императоровъ. Кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя приведены въ Дигестахъ, у насъ имѣется два спеціальные обширные, хотя все таки очень неполные, сборника этихъ императорскихъ актовъ именно—кодексъ Ѳеодосія (438 г.), заключающій въ себѣ указы только христіанскихъ императоровъ и дошедшій до насъ не въ цѣльномъ видѣ и кодексъ Юстиніана (528—534 гг.), въ составъ котораго вошли

[1] Ср. еще сенатусконсультъ, недавно найденный въ Испаніи и полезный отчасти для изученія исторіи Галліи, который напечатанъ въ „*Ephemeris epigraphica*“, томъ VII-й.

и болѣе ранніе тексты, хотя подвергшіеся значительной переработкѣ. Къ названнымъ сборникамъ необходимо присоединить для запада Новеллы Валентиніана III, Маіоріана и Анѳимія. Рядомъ со всѣми указанными документами, слѣдуетъ еще упомянуть о любопытномъ источникѣ почти оффиціальнаго происхожденія,—очень важномъ для изученія исторіи администраціи, именно о *Notitia dignitatum*, составленной около 400-го года по Р. Хр.[1]

Эпиграфія, не будучи самостоятельною наукою, является однако очень полезнымъ орудіемъ историческаго знанія. Происходитъ это не только оттого, что камень, сохраняясь лучше, чѣмъ папирусъ, доставляетъ намъ тексты, болѣе достовѣрные и подлинные; это главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что надписи передаютъ и ставятъ у насъ передъ глазами группы такихъ фактовъ

[1] Сочиненіе Гая—„*Insitutionum Commentarii*" издано *Huschke* (1874 и позднѣе) и *Em. Dubois* (1881). Павла—„*Sententiae*" см. въ изд. Генеля—„Lex Romana Wisigothorum" (1849, p. 338 ss.); есть также спеціальное изданіе *Huschke*. Ульпіана—„*Fragmenta*" (извлечено изъ „Liber singularis regularum") изд. *Huschke*. Главные *leges* и *senatus-consulta* были собраны *Giraud* въ изданіи—„*Iuris romani antiqui fragmenta*" (1872). Ср. другіе сборники текстовъ для исторіи римскаго права, напримѣръ, *Bruns*, *Girard*. При пользованіи Дигестами надо обращаться къ изданію Моммзена (1870, 2 тома; 1877, 1 томъ; перепечатывалось и позже). Кодексъ Ѳеодосія изданъ *Haenel*'емъ (въ 1842 г. въ одномъ томѣ), но надо обращаться и къ знаменитымъ комментаріямъ Годефруа (*Gothofredus*) изд. *Ritter* (Leipzig, 1743, 6 v.); лучшее изданіе Институцій и Кодекса Юстиніана принадлежитъ П. Крюгеру (1880), а Новеллъ Валентиніана III—Генелю (въ приб. къ код. Ѳеод.).—„*Notitia dignitatum et administrationum omnium utriusque imperii*" была издана нѣсколько разъ: лучшія изданія *Böcking* (1853 и *O. Seeck* (1886).—Ср. *Brambach*, Notitia provinciarum et civitatum Galliae (1868).

и обычаевъ, которые упущены авторами. Муниципальное устройство, порядокъ чиновъ въ административной іерархіи, организація жреческихъ коллегій и многое другое познается почти исключительно изъ надписей. Въ нихъ же однѣхъ кромѣ того обнаруживаются особенности повседневнаго быта, имена и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданское положеніе различныхъ людей—ихъ титулы, должности, служебная карьера, расчлененіе общества на классы и взаимныя отношенія послѣднихъ практическія послѣдствія законодательства, даже мысли и чувства населенія.

Существуетъ нѣсколько спеціальныхъ сборниковъ латинскихъ надписей, найденныхъ въ Галліи: Буассьё издалъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ Ліону, Герцогъ собралъ эпиграфическіе тексты Нарбонской Галліи, Штейнеръ и Брамбахъ—прирейнскаго края, Альмеръ—города Віенны, Жюлліанъ—бордосскія, Лебегъ—также нарбонскія[1].

Такимъ образомъ, уже теперь получается собраніе изъ нѣсколькихъ тысячъ надписей, къ которымъ надобно присоединить еще много сотенъ, содержащихся въ общихъ сборникахъ Орелли-Генцена затѣмъ особенно въ *Corpus inscriptionum latinarum*[2], или разбросан-

[1] *De Boissieu*, Inscriptions antiques de Lyon (1854); *Montfalcon*, Recueil général des inscriptions relatives à Lugdunum (1866); *Herzog*, Galliae Narbonensis historia (Appendix, 1864); *L. Renier*, Mélanges d'épigraphie (1854); *Steiner*, Codex inscriptionum romanarum Rheni et Danubii (1837, 1851—64); *Brambach*, Corpus inscriptionum rhenanarum (1867); *Mommsen*, Inscriptiones confederationis helveticae (1854); *Allmer*, Inscriptions antiques de Vienne (1875—76, 6 v.); *C. Jullian*, Inscriptions romaines de Bordeaux (2 v. 1887—1890) и нѣсколько эпиграфическихъ этюдовъ того же автора, которые будутъ упомянуты въ надлежащихъ мѣстахъ. См. еще *Lebègue*, Epigraphie de Narbonne (1887) въ новомъ изданіи—„Histoire du Languedoc".

[2] *Orelli-Henzen*, Inscriptionum latinarum collectio (1827—1856,

ныхъ въ многочисленныхъ мѣстныхъ спеціальныхъ ученыхъ журналахъ [1]. Перечисленныя изданія однако не исчерпываютъ всего богатства эпиграфическихъ памятниковъ галльской старины, такъ какъ полнаго и систематическаго сборника всѣхъ надписей Галліи, подобнаго тѣмъ, которые уже существуютъ для Испаніи, Италіи и другихъ частей римской Имперіи, еще не появилось. Только эпиграфическіе памятники, найденные въ Нарбонской Галліи окончательно изданы О. Гиршфельдомъ въ 1888 г. [2]; тѣ же томы берлинскаго «*Corpus*», которые будутъ посвящены остальнымъ областямъ провинціи, до сихъ поръ еще печатаются. Вслѣдствіе этого настоящая работа можетъ дать лишь временное построеніе. Другой историкъ, черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаетъ его полнѣе и лучше, чѣмъ я теперь.

Указанные три отдѣла источниковъ, такъ сильно различающіеся между собою по природѣ, и содержащіе каждый такое изобиліе текстовъ и памятниковъ, позволяютъ изучать пятивѣковую исторію римской Имперіи какъ бы на очень близкомъ разстояніи. Намъ можно будетъ настаивать на несомнѣнной достовѣрности длиннаго ряда фактовъ, особенно если они бу-

3 v.); многотомный *Corpus inscriptionum latinarum*, издаваемый берлинскою Академіею наукъ съ 1863 г., до сихъ поръ не оконченъ. Ср. *L. Renier*, Diplômes militaires (1876); *Wilmanns*, Exempla inscriptionum latinarum (1873).

[1] Назовемъ спеціально: 1) „Bulletin épigraphique de la Gaule“; 2) *Bourquelot*, Inscriptions de Nice (1850), de Luxeuil (1862); 3) *Le-Touzé*, Epigraphie du haut Poitou (1862); 4) *Noguier*, Inscriptions de Béziers (1883); 5) *Bladé*, Epigraphie de la Gascogne (1885); 6) *Ch. Robert et R. Cagnat*, Epigraphie de la Moselle (1883 ss.); 7) *Héron de Villefosse et Thèdenat*, Inscriptions romaines de Fréjus (1884); 8) „Revue épigraphique“ журналъ, издающійся нынѣ подъ ред. *Allmer* и т. д.

[2] Это томъ XII-й „*Corpus inscriptionum latinarum*“.

дутъ одновременно засвидѣтельствованы въ источникахъ всѣхъ трехъ родовъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ думать, что эти многочисленные томы сочиненій авторовъ, современниковъ римской Имперіи, эти огромные сборники законовъ, эти тысячи надписей даютъ намъ всѣ свѣдѣнія объ учрежденіяхъ той эпохи, которыми мы хотѣли бы обладать. Представлять себѣ дѣло такъ, значило бы создавать себѣ большую иллюзію. Каждый историкъ, который умѣетъ правильно ставить научныя задачи и не способенъ проходить мимо ихъ, ничего не замѣчая, очень скоро увидитъ пробѣлы нашихъ документовъ и недостаточность нашихъ текстовъ.—Перечисливъ то, что у насъ есть, намѣтимъ теперь, чего не хватаетъ. Ничего не осталось отъ тѣхъ громадныхъ архивовъ, которые должны были накопиться впродолженіе пяти вѣковъ въ различныхъ канцеляріяхъ имперскаго центральнаго управленія: а именно изъ нихъ можно было бы обнаружить всѣ тайны администраціи. Нѣтъ у насъ также подъ руками никакихъ матеріаловъ, относящихся къ земельному кадастру, производившемуся въ имперіи повсемѣстно, нѣтъ списковъ подати, не сохранилось никакихъ слѣдовъ отъ архивовъ провинціальныхъ городскихъ общинъ. Всѣ эти и подобные очень важные документы погибли; исчезли также безчисленные частные акты и грамоты: до насъ не дошло ни одного образца изъ той массы завѣщаній или купчихъ крѣпостей, которыя совершались повседневно во всѣхъ частяхъ Имперіи, и которыя разъяснили бы намъ положеніе личностей и земель [1]. Ничего не дошло до на-

[1] Развѣ только нѣсколько отрывковъ подобнаго рода спасло намъ время. Такъ, напримѣръ, у насъ есть часть завѣщанія одного Лингона, которое, какъ кажется, было написано въ концѣ I-го вѣка нашей эры. Отрывокъ былъ опубликованъ

шего времени изъ милліоновъ судебныхъ актовъ, которые, безъ сомнѣнія, велись тогда письменно, и безъ которыхъ намъ невозможно точно воспроизвести формы процесса, практиковавшагося въ римской Галліи. Ничего изъ того, что находится въ нашихъ рукахъ, не можетъ замѣнить недостающее. Итакъ, несмотря на кажущееся изобиліе памятниковъ, намъ придется показать, что по нѣсколькимъ пунктамъ изъ числа тѣхъ, которые особенно важно было бы хорошо знать, у насъ нѣтъ рѣшительно или почти никакихъ свѣдѣній.

ГЛАВА I.

Характеръ монархіи императоровъ.

Населеніе Галліи, перенявшее отъ Римлянъ ихъ религію и законы, ихъ искусства и языкъ, усвоило также ихъ политическія понятія, ихъ взгляды на управленіе. Римъ совершилъ политическое воспитаніе страны, которая должна была сдѣлаться Франціею. Подъ его вліяніемъ въ Галліи утвердились мнѣнія, привычки, учрежденія, которыя должны были надолго пережить самую римскую Имперію и передаться черезъ Галлію Германіи и Англіи. Весьма важно, стало быть, въ самомъ началѣ обозрѣнія исторіи общественнаго строя древней Франціи разсмотрѣть, какъ геній римскаго народа постигалъ сущность и задачу государственнаго управленія.

Ни одинъ народъ не умѣлъ лучше римскаго и повиноваться, и повелѣвать. Онъ превосходилъ остальные народы не умомъ, не храбростью, а именно дисциплиною.

Вакернагелемъ въ 1868 г. и воспроизведенъ въ *Bulletin épigraphique de la Gaule* (t. I. p. 22).

Невольно восхищаешься соціальною дисциплиною Римлянъ, когда наблюдаешь удивительный порядокъ, царившій у нихъ въ народныхъ собраніяхъ, когда изучаешь устройство ихъ сената, организацію магистратуры. Изумляешься силѣ военной дисциплины того же великаго народа, когда разсматриваешь, какъ совершались у него сборы войска, произносилась воинская клятва, осуществлялись передвиженія армій, строились лагери, происходили сраженія. Такая военная дисциплина является, впрочемъ, только одною изъ сторонъ общей соціальной дисциплины, о которой говорилось сейчасъ. Умѣть повиноваться и повелѣвать—это были двѣ главныя добродѣтели, которыя сдѣлали римскій народъ несравненнымъ и помогли ему стать господиномъ другихъ народовъ.

Основнымъ принципомъ всего публичнаго права древняго Рима являлось безусловное самодержавіе государства.—Государство или «общее дѣло» (*respublica*) [1] не было у Римлянъ какимъ-нибудь неопредѣленнымъ понятіемъ или же отвлеченнымъ идеаломъ; оно было дѣйствительнымъ и живымъ существомъ, которое, хотя и состояло изъ совокупности всѣхъ гражданъ, обладало однако же самостоятельнымъ бытіемъ, пребывая какъ бы выше послѣднихъ. Римляне сознавали государство постоянно и вѣчно живущимъ началомъ, внутри котораго проходили одно за другимъ поколѣнія человѣ-

[1] Извѣстно, что слово — „*respublica*“ не обозначало въ латинскомъ языкѣ того понятія, которое мы около ста лѣтъ съ нимъ соединяемъ. Оно не служило наименованіемъ опредѣленнаго вида государственнаго устройства. Цицеронъ говоритъ, что „монархія“ есть одна изъ формъ „республики“: „Vocamus regnum eius reipublicae statum...“ (*De republica*, I, 26). Тацитъ также часто употребляетъ слово *respublica*, говоря о римской Имперіи. Ср. *Cic.* De republ. (fragm.): „Respublica est res populi“.

ческихъ личностей [1]; потому то *respublica* являлась въ ихъ глазахъ высшею властью, верховнымъ могуществомъ, которому отдѣльныя личности обязаны были безгранично повиноваться. Современный разумъ, полный идеями, которыя были совершенно чужды древнимъ, склоненъ прежде всего думать, что республиканскій порядокъ былъ установленъ для обезпеченія свободы. Охотно предполагаютъ, что учрежденія, подобныя народному собранію или выбору должностныхъ лицъ на одинъ годъ, были изобрѣтены для того, чтобы гарантировать права гражданъ. Но это значитъ приписывать Римлянамъ намѣренія, которыя, на самомъ дѣлѣ, занимали очень мало мѣста въ ихъ умѣ. Когда разсматриваемъ вблизи ихъ учрежденія, мы видимъ, что они всѣ были созданы въ интересахъ государства: они направлены были гораздо больше къ обезпеченію покорности людей, чѣмъ ихъ свободы. Республика или гражданская община была подобіемъ монарха, неуловимаго и невидимаго, но тѣмъ не менѣе всесильнаго и неограниченнаго. Правило, что «благо государства—высшій законъ», правило, которое можетъ иногда сдѣлаться очень вреднымъ и несправедливымъ, было формулировано античною древностью [2]. Все находилось тогда подъ наблюденіемъ государства—даже религія, даже частная жизнь. Все было ему подчинено, даже нравственность. Отдѣльная личность не обладала никакою гарантіею ея индивидуальныхъ правъ передъ государствомъ.

[1] Такое воззрѣніе связывалось со старыми религіозными понятіями, отличительные признаки и развитіе которыхъ мы разъяснили въ трудѣ нашемъ о „Гражданской общинѣ древняго міра“.

[2] „Salus populi suprema lex esto“, говоритъ Цицеронъ (*De legib.* III, 3).

Такое понятіе о *respublica* не измѣнилось во времена Имперіи. Императоры, какъ кажется, не помышляли объ искорененіи его изъ сознанія народовъ. Они сами признавали существованіе республики въ своихъ рѣчахъ и оффиціальныхъ актахъ. Мы видимъ, напримѣръ, что Траянъ приглашаетъ сенатъ назначить послѣ его смерти «республикѣ государя» [1]. Адріанъ объявляетъ, что «будетъ управлять республикой такъ, чтобы всѣ знали, что она—дѣло народное, а не его собственное» [2]. Септимій Северъ пишетъ сенату: «Я велъ нѣсколько войнъ за республику» [3]. Валеріанъ провозглашаетъ что онъ хочетъ вознаградить «тѣхъ, кто хорошо служилъ республикѣ» [4], и обращаясь къ одному военачальнику, который твердо исполнялъ свою обязанность, онъ говоритъ: «республика приноситъ тебѣ благодарность» [5]. Подданные императоровъ прямо называли въ лицо послѣднимъ имя республики; такъ, напримѣръ, одинъ трибунъ легіона заявляетъ Валеріану: «Я не щадилъ ни себя, ни своихъ воиновъ съ тѣмъ, чтобы республика и

[1] *Spartian.* Hadr. 4: „Principem romanae reipublicae senatus daret“.

[2] *Ibid.* 8: „Ita se rempublicam gesturum, ut sciret populi rem esse, non propriam“.—Это нѣчто противоположное изрѣченію—„l'état, c'est moi“, приписываемому Людовику XIV.

[3] *Iul. Capitolin.* Albin. 12: „Ego frumenta reipublicae detuli, ego multa bella pro republica gessi“. —Императоръ Децій, передавая Валеріану цензорскую власть, говоритъ ему: „Suscipe censuram, quam tibi detulit romana respublica“ (*Treb. Poll.* Valer. 6).

[4] *Vopisc.* Aurel. 9: „Vellemus quibusque devotissimis reipublicae viris multa tribuere“.

[5] *Ibid.* 13: „Gratias tibi agit respublica“.—Въ одномъ письмѣ императора Клавдія II къ сенату, заключающемъ въ себѣ лишь десятокъ строкъ, мы читаемъ три раза слово *respublica* (*Treb. Poll.* Claud. 7).

моя собственная совѣсть воздала мнѣ честь за заслуги» [1]. Императоръ Констанцій, ободряя солдатъ, называетъ ихъ «храбрыми защитниками республики» [2]. Въ законодательныхъ текстахъ слово «республика» повторяется очень часто [3] и всегда въ томъ смыслѣ что именно ей должны повиноваться всѣ, и что для нея работаютъ сами императоры [4].

Здѣсь указывается очень важная особенность, на которую слѣдуетъ хорошо обратить вниманіе тому, кто хочетъ составить себѣ точное понятіе о государственномъ устройствѣ имперіи. Послѣднее никогда не воплощалось въ формѣ личной власти. Въ немъ не было ничего подобнаго деспотіямъ народовъ древняго востока или европейскимъ абсолютнымъ монархіямъ XVII вѣка. Римскій императоръ не стоялъ превыше всего; надъ нимъ парила идея государства. Граждане и во время имперіи служатъ не государю, а государству. Государь долженъ царствовать не для себя, а для общаго блага [5]. Истиннымъ

[1] *Ibid*. 14: „Ut mihi gratias ageret respublica et conscientia mea“.—Точно такія-же выраженія встрѣчаемъ въ надписяхъ: „Ob egregia eius in rempublicam merita“ (*Orelli*, 5192); „Optime de republica merito“ (*Henzen*, 6501).

[2] *Amman. Marcell.* XV, 8: „Optimi reipublicae defensores“.

[3] *Ulpian*. Dig. L., 15, 1: „Ob egregiam in rempublicam imperiumque romanum fidem“; *Dig*. IV, 9, 5: „Qui Romae reipublicae causa operam dant“.—*Dig*. XXVII, 1, 18: „Hi pro republica ceciderunt“.—Въ томъ же значеніи употребляются слова—*res romana*. См. напр. *Dig*. I, 1, 1, 22: „Publicum ius est quod ad statum rei romanae spectat“.

[4] Отсюда тѣ похвальныя слова, съ которыми люди часто обращаются къ императорамъ: „Pro bono reipublicae natus“ (*Mommsen*, Inscriptiones helvet. n^{oo} 312, 315, 316, 317 etc.).—Та же мысль выражается иногда въ другой формѣ: „Quum ad restituendam rempublicam fueris vocatus“, говоритъ Мамертинъ въ своемъ панегерикѣ императору Максиміану (гл. 3).

[5] У Плинія Младшаго читаемъ (*Epist*. Ш, 20):

монархомъ въ теоріи и въ общественномъ мнѣніи людей является не государь, а государство или республика [1]. Государственной печатью по прежнему остаются знаки S. P. Q. R., то-есть, *senatus populusque romanus* [2], и римское государство по прежнему именуется «республикой» [3]. Такимъ образомъ, впродолженіе двѣнадцати вѣковъ исторической жизни римскаго государства принципъ политическаго устройства оставался однимъ и тѣмъ-же, хотя форма его нѣсколько разъ мѣнялась. Одна и та-же концепція природы и происхожденія власти царила неизмѣнно въ умахъ. Римская

„Sunt quidem cuncta sub unius arbitrio, qui pro utilitate communi solus omnium curas laboresque suscipit“.

[1] Нѣкоторые поверхностные умы не удержались отъ утвержденія, будто Августъ и его преемники сохранили названіе республики, чтобы лучше обмануть людей. Это очень удобный, но весьма ребяческій способъ объясненія императорской политики. Въ исторіи надобно умѣть хорошо отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какія идеи господствуютъ въ сознаніи людей той или другой эпохи. Августъ и его преемники по крайней мѣрѣ три вѣка допускали существованіе идеи республики по той единственной причинѣ, что эта идея господствовала такъ же надъ ихъ собственнымъ умомъ, какъ и надъ сознаніемъ ихъ современниковъ.

[2] См. въ сборникѣ надписей Вильманнса n^{oo} 64. 644, 922, 923, 935, 938, 943, 952, 987. 1073, 1377. Формулы—„*populus romanus Quiritium*“ или „*respublica populi romani*“ продолжали употребляться, какъ видно, напримѣръ, изъ *Acta arvalium*, составленныхъ во время царствованія Домиціана (*Wilmanns*, II, p. 289). Воздвигались и во времена Имперіи алтари, посвященные „genio populi romani“ (см. *Corp. Inscr. Lat.* II, 2522; *Henzen*, 5774; *Orelli*, 1683, 1684).

[3] Такъ, въ V в. Сидоній Аполлинарій, желая сказать, что Арверны изъ любви къ римскому государству подвергли судебному преслѣдованію Сермата, который намѣревался выдать ихъ варварамъ, выражается слѣдующимъ образомъ: „Arverni amore reipublicae Sermatum provincias barbaris propinantem, non timuere legibus tradere“ (*Sidon*. Epist. VII, 7).

имперія не уничтожила идеи «общественнаго дѣла» (*respublica*). Эта идея исчезла въ сознаніи людей лишь нѣсколько вѣковъ послѣ паденія монархіи Цезарей.

Чтобы верховная власть государства могла проявляться въ дѣйствительности, оно должно было вручать ее одному или нѣсколькимъ лицамъ. Такъ возникла система делегаціи власти (народнаго полномочія), которая и примѣнялась въ Римѣ при самыхъ различныхъ государственныхъ порядкахъ. Мы встрѣчаемъ ее во время царей, консуловъ и императоровъ: постоянное преемство идеи такой делагаціи объясняетъ намъ смѣну всѣхъ этихъ порядковъ, гораздо менѣе различавшихся между собою, чѣмъ представляетъ себѣ нашъ современный умъ.

Римскіе цари никогда не царствовали въ силу личнаго или наслѣдственнаго права. Они обладали властью лишь по делегаціи, совершенной въ пользу каждаго изъ нихъ гражданскою общиною. Оффиціальный актъ такой делегаціи составлялся въ началѣ каждаго царствованія подъ видомъ особаго закона, называвшагося *lex curiata de imperio* [1].

Переворотъ 509 года, которымъ, по нашему современному словоупотребленію, была установлена республика на мѣстѣ монархіи, на самомъ дѣлѣ не измѣнилъ природы общественной власти. Консулы управляли въ силу того же начала, что и цари. Поэтому приходилось ежегодно повторять по отношенію къ нимъ актъ передачи власти (*delegatio*), и онъ по прежнему назы-

[1] *Cic.* De republ. II, 13; 17; 21: „Numa Pompilius ipse de suo imperio curiatam legem tulit“.—„Tullus Hostilius de imperio suo populum consuluit curiatim“.—„Servius populum de se ipse consuluit iussusque regnare legem de imperio suo curiatam tulit“. Извѣстно, что выраженіе—*ferre legem* примѣнялось къ человѣку, который предлагалъ законъ и подвергалъ его утвержденію.

вался—*lex curiata de imperio*. Возобновляясь въ честь каждаго консула, онъ прошелъ черезъ много вѣковъ и дожилъ до эпохи Цезарей [1].

Императоры правили также на основаніи подобной

[1] *Cic.* Ad. fam. I, 9, 25: „Legem curiatam consuli ferri opus est“. Тотъ же писатель говоритъ (*De leg. agr.* II, 11), что консулы, для полученія власти, должны были пройти въ двухъ послѣдовательныхъ собраніяхъ: „Maiores de omnibus magistratibus bis vos sententiam ferre voluerunt... Binis comitiis voluerunt vos de omnibus magistratibus iudicare...“ Дѣйствительно, для избранія магистрата существовало два вида собраній, чередовавшихся одно за другимъ на разстояніи немногихъ дней; это были именно—собраніе центуріальное, которое выражало лишь желаніе народа остановить свой выборъ на такомъ-то лицѣ, а затѣмъ куріальное, которое являлось наиболѣе правомѣрнымъ представительствомъ гражданства и потому вручало этому лицу полномочія общественной власти—*imperium*.—Всѣмъ извѣстно, что послѣднее съ теченіемъ времени потеряло власть, и акты его обратились въ чистѣйшую формальность; но въ первые вѣка куріальныя комиціи воплощали въ себѣ настоящимъ образомъ самую гражданскую общину и слѣдовательно *lex curiata de imperio* обладала очень большою важностью. Именно этотъ законъ давалъ магистратамъ, указаннымъ центуріями, право отправлять порученныя имъ функціи; онъ, стало быть, являлся подлиннымъ источникомъ власти должностныхъ лицъ: „Magistratum non gerebat is qui ceperat, si patres auctores non erant facti“, говоритъ Цицеронъ (*Pro Plancio*, 3). Послѣдними словами подразумѣвается патриціанское, т. е., куріальное собраніе, утверждавшее выборъ центурій и придававшее ему легальное значеніе. Что каждый консулъ долженъ былъ получить правительственное полномочіе при посредствѣ спеціальнаго закона, примѣненнаго къ его личности, это вытекаетъ изъ нѣсколькихъ текстовъ Тита Ливія. См. VI, 41, 42; IX, 38, 39; XXVI, 2; XXVII, 22. Ср. *Dion. Hal.* V, 41; X, 4, и слѣдующія слова Цицерона (*De leg agr.* II, 12): „Consulibus legem curiatam ferentibus a tribunis plebis saepe intercessum est“. Тацитъ какъ будто зналъ формулу этого „lex curiata“; по поводу происхожденія квестуры онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Quaestores regibus etiam tum imperantibus instituti sunt, quod lex curiata ostendit ab L. Bruto repetita“ (*Annal.* VI, 22).

делегаціи. Юрисконсульты императорской эпохи провозглашаютъ слѣдующую аксіому публичнаго права ихъ времени: «Если императоръ можетъ все сдѣлать, то это происходитъ оттого, что народъ передаетъ ему и полагаетъ въ немъ всю свою власть» [1]. Такимъ образомъ, правосознаніе даже по истеченіи двухъ вѣковъ имперіи сохраняетъ еще идею, что истиннымъ носителемъ верховной власти является народъ, а императоръ обладаетъ ею лишь по полномочію послѣдняго.

Не будемъ думать, что такая делегація власти была лишь пустою фикціею, лживою внѣшностью или произвольнымъ объясненіемъ юриста: она оставалась очень дѣйствительнымъ фактомъ. Въ исторіи власти перваго императора можно видѣть, какъ различные элементы самодержавія были формально вручены ему цѣлымъ рядомъ народныхъ и сенатскихъ постановленій, изданныхъ по установленнымъ правиламъ [2]. Но и подобные

[1] *Gai*, Instit. I, 5: „Quod imperator constituit, non dubitatum est, quin id legis vicem obtineat, quum ipse imperator per legem imperium accipiat“. Ср. *Ulpian*. Dig. I, 4, 6: „Quod principi placuit, legis habet vigorem, utpote quum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne imperium et potestatem suam conferat“. — Та же идея находится въ Юстиніановыхъ Институціяхъ (I, 2, 6): „Quod principi placuit legis vigorem habet, quum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne imperium suum concedat“. То же приблизительно высказывается Помпоніемъ въ „Дигестахъ“ (I, 2, 2, § 11): „Evenit, ut necesse esset reipublicae per unum consuli; igitur constituto principe datum est ei ius, ut quod constituisset, ratum esset“.

[2] См. особенно *Index rerum gestarum divi Augusti*, подлинный и искренній документъ, въ которомъ Августъ перечисляетъ всѣ акты, совершенные въ честь его народомъ и сенатомъ римскимъ. То же подтверждается Свѣтоніемъ (*Aug.* 27), Тацитомъ (*Ann.* I, 2), Страбономъ (XVII, 3) и Діономъ Кассіемъ (въ книгахъ LI и LIII.).

акты не утвердили монархію разъ навсегда: необходимо было, чтобы полномочія возобновлялись въ пользу каждаго новаго государя. Делегація производилась тогда сенатомъ, который оффиціально представлялъ римскую республику [1]. Актъ такой передачи власти по существу былъ тожественъ съ тѣмъ, который совершался нѣкогда въ пользу каждаго царя и каждаго консула, потому то его и продолжали называть тѣмъ же именемъ—*lex regia de imperio* [2].

[1] *Tac.* Hist. IV, 3: „Senatus cuncta principibus solita Vespasiano decrevit“. — *Dio*, LXIII, 29: „Τῷ Γάλβᾳ τὰ τῇ αὐτοκράτορι ἀρχῇ προσήκοντα ἐψηφίσαντο.“—LXIV, 8: „Ἡ βουλὴ πάντα τὰ πρὸς τὴν ἀρχὴν φέροντα ἐψηφίσατο“. — LXVI, 1: „Οὐεσπασιανός, αὐτοκράτωρ πρὸς τῆς βουλῆς ἀπεδείχθη.“— LXXIII, 11—13: „Τὴν αὐταρχίαν ἐκ τῶν τῆς βουλῆς δογμάτων βεβαιωσάμενος“.—*Lamprid.* Alex. Sev. 6—8: „Quum rogatus esset, ut in curiam veniret... et sciret de honoribus suis agendum... Post acclamationes dixit Alexander: Gratias vobis, patres conscripti, de Augusti nomine addito et de pontificatu maximo et tribunicia potestate et de proconsulari imperio, quae omnia mihi contulistis“.—*Iul. Capitol.* Ver. 3: „Quum illi soli senatus detulisset imperium.“

[2] Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ именуется у Ульпіана
(*Dig.* I, 4, 6) и въ Институціяхъ Юстиніана (I, 2, 6).—
Гай говоритъ только—„per legem“ безъ ближайшаго обозначе-
нія. Нѣкоторые ученые сомнѣвались (см. *Hirschfeld*, Untersuchun-
gen, p. 289 ss), чтобы терминъ *lex regia* могъ употребляться во
время Имперіи; но надобно отмѣтить, какъ точно въ данномъ
пунктѣ выражаются Ульпіанъ и Институціи; Ульпіанъ
даже ставитъ настоящее время, чтобы хорошо показать, что онъ
говоритъ объ учрежденіи, продолжающемъ существовать. Отры-
вокъ закона, вручавшаго верховную власть Веспасіану, до насъ до-
шелъ. Можно найти текстъ его въ *Corp. inscr. lat.* VI, 930 (ср.
также *Wilmanns*, 917; *Orelli*, I. p. 567). Самымъ характернымъ мѣ-
стомъ этого памятника является слѣдующее: „Uti quaecumque ex
usu reipublicae maiestate divinarum humanarum publicarum priva-
tarumque rerum esse censebit, ei agere facere ius potestasque sit“.
Гиршфельдъ доказываетъ, что *lex de imperio Vespasiani*
былъ нововведеніемъ. Если бы авторъ ограничился утвержде-

Императорское достоинство не разсматривалось, какъ наслѣдственное, по крайней мѣрѣ, въ первые три вѣка [1]. Каждый государь признавалъ, что онъ обязанъ былъ властью полномочію, полученному чрезъ сенатъ. Такой правовой принципъ никѣмъ не оспаривался.

Хоть и полученная путемъ полномочія отъ народа, императорская власть являлась тѣмъ не менѣе очень могущественною. Замѣчательною особенностью государственнаго устройства Римлянъ всегда было то, что общественная власть, разъ она вручалась единому лицу, каково бы оно ни было, оказывалась въ его рукахъ абсолютною, полною, почти безграничною. Для Римлянъ магистратура рисовалась не только простою должностью, но именно властью: она и опредѣлялась выразительнымъ терминомъ — *imperium* [2]. Тотъ, кто былъ ею

ніемъ, что для этого закона не было выработано постоянной и неизмѣнной формулы, онъ былъ бы правъ. Обстоятельства часто слагались такъ, что признаніе новаго императора сенатомъ оказывалось лишь внѣшнею формальностью, которая выполнялась торопливо, какъ-нибудь. Употреблявшіеся при этомъ термины колебались, иногда распространяясь, иногда сокращаясь. Но всегда обнародывался законъ, и Ульпіанъ своимъ настоящимъ временемъ подчеркиваетъ, что онъ возобновлялся въ каждое царствованіе, хотя и обратился въ чистую формальность.

[1] „Neque enim hic, ut gentibus quae regnantur, certa dominorum domus". Эти слова вложены Тацитомъ въ уста Гальбы. См. *Hist.* I, 16.

[2] Не слѣдуетъ представлять себѣ, что слово *imperium* обозначало исключительно военную власть. Цицеронъ показываетъ въ своемъ трактатѣ *De republica*, что „lex de imperio" издавался для мирнаго времени такъ же какъ и для военнаго. Титъ Ливій нерѣдко (I, 17; 59; XXVI, 28; XXVII, 22; XXXII, 1) пользуется словомъ *imperium* въ такихъ случаяхъ, когда оно никакъ не можетъ быть приложено къ воинскому командованію. Цицеронъ, когда хочетъ сказать, что Гортензій вступаетъ въ свой консульскій годъ, выражается такъ: „Erit tum consul cum summo

облеченъ, хотя бы лишь на одинъ годъ, былъ господиномъ, вождемъ народа—*magister populi* [1].

Такая форма пониманія авторитета главы государства, какъ делегаціи верховной власти гражданской общины (республики), сохраняется во всѣ періоды исторіи Рима—при царяхъ, при консульскомъ управленіи и во времена императоровъ.

Какъ представители государства, консулы по закону были неограниченными господами. Титъ Ливій и Цицеронъ не видятъ никакой разницы

imperio" (*In Verr.* I, 13). То же слово, очевидно, понимается въ смыслѣ гражданской власти въ слѣдующей фразѣ Тацита (*Ann.* VI, 10): „Antea, profectis domo regibus, ac mox magistratibus, ne urbs sine imperio foret, in tempus delegabatur qui ius redderet".—Оно обозначаетъ судебную власть въ слѣдующемъ мѣстѣ Ульпіана (*Dig.* II, 1, 3): „Imperium aut merum aut mixtum est; merum est imperium habere ius gladii ad animadvertendum in facinorosos homines."—Діонъ Кассій ясно толкуетъ оба значенія, которыя приписывались этому же слову (LII, 41): „Τὴν τοῦ αὐτοκράτορος ἐπίκλησιν... Λέγω δὲ οὐ τὴν ἐπὶ ταῖς νίκαις διδομένην τισίν, ἀλλὰ τὴν ἑτέραν τὴν τὸ κράτος διασημαίνουσαν".—Такимъ образомъ, *imperium*—это сила, κράτος. Терминъ этотъ обозначаетъ у Римлянъ цѣлую сумму властей, среди которыхъ современные юристы различили бы гражданскую, военную, судебную функціи, но которыя по понятіямъ Римлянъ составляли почти нераздѣлимую связку. Въ принципѣ вся совокупность такихъ верховныхъ правъ принадлежала народу: „*populus imperat*", говоритъ Цицеронъ (*De rep.* I, 40); на дѣлѣ народъ всегда вручалъ ихъ отдѣльнымъ лицамъ. Одинъ древній грамматикъ поясняетъ: „*Cum imperio est*, dicebatur apud antiquos, cui nominatim a populo dabatur imperium" (*Fest.* ap. *P. Diac.* ed. Müller, p. 50).

[1] Оффиціальный титулъ диктатора былъ—„*magister populi*" (*Cic.* De rep. I, 40; De leg. III, 4; *Varr.* De lingua lat. V, 14). Говорили также—*magister equitum*. Слово это употреблялось гораздо чаще въ первые вѣка республики, чѣмъ во времена Цицерона и Тита Ливія. Кажется, что оно примѣнялось ко всякому лицу, облеченному властью, отсюда—*magistratus*.

между ихъ могуществомъ и властью царей [1]. Они объединяли въ своихъ рукахъ всѣ права гражданской общины. Они были въ одно и то же время руководителями гражданскаго управленія и военачальниками. Они предсѣдательствовали въ сенатѣ и народномъ собраніи, и никто не могъ говорить ни въ первомъ, ни во второмъ иначе, какъ съ ихъ разрѣшенія и о вопросѣ, ими поставленномъ. Они производили цензъ: это значило, что они опредѣляли мѣсто каждаго гражданина на соціальной лѣстницѣ и его политическія права; они рѣшали по своей волѣ, кто будетъ сенаторомъ, кто всадникомъ, кто простымъ гражданиномъ, кто наконецъ останется за предѣлами общины. Все это постановлялось ими безповоротно. Они же чинили судъ: право изрекалось ихъ устами, они были какъ бы живымъ закономъ — *ius dicebant* [2]. Въ ихъ особѣ жила даже въ нѣкоторомъ родѣ и законодательная власть: слова, которыя они произносили (*edictum*), имѣли силу закона, по крайней мѣрѣ до окончанія срока ихъ должности, и всякій гражданинъ былъ обязанъ склоняться передъ такимъ простымъ словеснымъ приказаніемъ. Римскій геній не понималъ, какъ бы могла отдѣльная личность вступить въ борьбу съ волею человѣка, который представляетъ въ себѣ государство. Римляне никогда не думали устанавливать опредѣленныя границы могуществу магистрата.

Позже, когда плебеи стали требовать себѣ мѣста въ гражданской общинѣ, Римлянамъ не пришло также на мысль опредѣлить права личностей и ограничить

[1] *Cic.* De rep. II, 32: „Potestatem tempore annuam, genere ac iure regiam.“ — ***Liv.*** II, 1: „Non deminutum quidquam ex regia potestate; omnia iura, omnia insignia regum consules tenuere“.

[2] Консулы въ первые вѣка носили титулъ *iudices* (*Varr.* De lingua lat. VI, 88).

власть должностного лица; они предпочли создать новыхъ вождей для плебеевъ, и народные трибуны были вооружены также безграничною и неуязвимою властью. Еще позже, Римляне учредили новыхъ магистратовъ, и каждый изъ нихъ опять оказался въ своей области всемогущимъ господиномъ. Единственнымъ придуманнымъ ими способомъ обезпечить себя отъ полнаго порабощенія подобнымъ государямъ на годичный срокъ, было умноженіе ихъ числа. Такъ произошло, что одинъ изъ нихъ могъ защитить и оберечь гражданина, которому другой наносилъ ударъ: никогда право личности не находило въ Римѣ для себя лучшей гарантіи [1]. Консулы, трибуны, цензоры, преторы—всѣ они были государями въ Римѣ точно такъ же, какъ проконсулы въ провинціяхъ.

Переворотъ, создавшій Имперію, заключался лишь въ томъ, что различныя функціи власти, которыя были розданы по разнымъ рукамъ, сосредоточились послѣ того въ рукахъ одного человѣка: *imperium*, раздѣленное между нѣсколькими магистратами, теперь принадлежало одному лицу. Это была все та же верховная власть, происходившая изъ того же источника, сохранявшая ту же природу, она только воплощалась теперь въ одномъ человѣкѣ. Единый вождь сталъ на мѣстѣ нѣсколь-

[1] Правда, существовало—*provocatio ad populum*, такъ какъ гражданство было верховнымъ судьею въ уголовныхъ дѣлахъ; но нѣтъ болѣе темнаго вопроса, какъ эта „аппеляція къ гражданству“. Чтобы понять ея природу и смыслъ, мы должны были бы знать, въ какихъ формахъ она производилась, представлялъ ли самъ осужденный свою жалобу народу, и по какимъ правиламъ совершался новый судъ. Древніе историки не разъясняютъ намъ этихъ подробностей, а безъ знанія ихъ нельзя хорошо понять всего учрежденія. Титъ Ливій ясно показываетъ (X, 9), что *provocatio* оставалась мертвою буквою до какого-то Порціева закона, хронологія котораго неизвѣстна.

кихъ вождей, помимо этого публичное право оставалось безъ измѣненія [1].

Никогда не было въ Европѣ монархіи, болѣе всевластной, чѣмъ та, которая явилась наслѣдницей всемогущества римской республики. Фактической власти императора не было опредѣлено больше границъ, чѣмъ теоретическому самодержавію народа [2]. Излишне было даже выставлять на видъ людямъ божественное право, какъ санкцію новой власти. Понятіе о народномъ правѣ, доведенное до крайнихъ послѣдствій авторитарнымъ геніемъ Рима, оказалось достаточнымъ для учрежденія абсолютной монархіи.

Вотъ каковы были атрибуты новаго государя.

Въ качествѣ военнаго вождя Имперіи онъ начальствовалъ надъ всѣми арміями и производилъ въ нихъ назначенія по всѣмъ чинамъ. Солдаты произносили клятву въ вѣрности его имени и передъ его изображеніемъ. Онъ производилъ воинскій наборъ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе считалъ нужными. Онъ обладалъ правомъ войны и мира [3].

Вооруженный трибунскими полномочіями, онъ владѣлъ законодательною иниціативою, а также пользовался *ius referendi* и вмѣстѣ съ тѣмъ правомъ *veto* относительно всякаго предложенія или акта, исходившаго изъ какого-нибудь другого источника [4]. Личность его была

[1] *Tac.* Ann. I, 9: „Non aliud discordanti patriae remedium fuisse, quam ut ob uno regeretur“.

[2] „Omne ius omnisque potestas populi romani in imperatoriam translata sunt potestatem,“—таковъ еще принципъ, провозглашаемый Юстиніаномъ въ предисловіи къ Дигестамъ; таковъ же смыслъ вышеприведенныхъ словъ Гая и Ульпіана.

[3] *Dio*, LIII, 17: „Καταλόγους ποιεῖσθαι πολέμους τε ἀναιρεῖσθαι καὶ εἰρήνην σπένδεσθαι“.

[4] *Ibidem*: „Ἡ ἐξουσία ἡ δημαρχικὴ καλουμένη, δίδωσί σφισι τὰ γιγνόμενα ὑφ᾽ ἑτέρου τινός, ἂν μὴ συνεπαινῶσι, παύειν“.—Оставались

священна и неприкосновенна (*sacrosanctus*), и всякій кто посягалъ на нее, хотя бы только словомъ, могъ быть умерщвленъ безъ суда, какъ нечестивецъ; таковъ былъ старый законъ о трибунской власти [1]. Эта власть, которая давала ея носителю право карать, сообщала также императору право покровительствовать (*ius intercedendi*) и позволяла ему брать на себя функцію защитника слабыхъ, которая всегда занимаетъ важное мѣсто въ составѣ полномочій монарха [2].

Онъ собиралъ подати, назначая по произволу ихъ цифру и высоту и предписывая своимъ чиновникамъ составлять списки ея распредѣленія. Онъ распоряжался собранными суммами безъ всякаго контроля [3].

еще другіе трибуны, но *tribunicia potestas* принадлежала одному императору.

[1] *Ididem*: „Καὶ μὴ καθυβρίζεσθαι, κἂν τι καὶ τὸ βραχύτατον, μὴ ὅτι ἔργῳ ἀλλὰ καὶ λόγῳ ἀδικεῖσθαι δοκῶσι, καὶ ἄκριτον τὸν ποιήσαντα τοῦτο ὡς καὶ ἐναγῆ ἀπόλλυναι“.

[2] „Ad tuendam plebem tribunicio iure contentum“ (*Tac.* Ann. I, 2). Тацитъ энергично выставляетъ величіе этой власти: „Potestatem tribuniciam summi fastigii vocabulum Augustus reperit, ne regis aut dictatoris nomen assumeret, ac tamen appellatione aliqua cetera imperia praemineret“ (*Ann.* III, 56).—Позже Вопискъ выражаетъ ту же мысль: „Tribunicia potestas quae pars maxima regalis imperii est“.—Эта *tribunicia potestas* императоровъ упоминается въ надписяхъ и на монетахъ въ числѣ главныхъ ихъ оффиціальныхъ титуловъ. Они ведутъ даже счисленіе по годамъ своей трибунской власти, что совпадаетъ съ годами ихъ царствованія. Діонъ опредѣленно говоритъ (LIII, 17) „Δι᾽ αὐτῆς ἡ ἀρίθμησις τῶν ἐτῶν τῆς ἀρχῆς αὐτῶν“.

[3] Въ первый вѣкъ Имперіи существовали три отдѣльныя казны: *aerarium Saturni*, *aerarium militare* и *fiscus*.—Первая получала доходы съ сенатскихъ провинцій и управлялась отъ имени сената чиновниками, называвшимися *praefecti aerarii Saturni*. Вторая пополнялась налогами на наслѣдства (vicesima hereditatum) установленными Августомъ (*Dio*, LV, 25; LVI, 28) и нѣсколькими другими косвенными налогами; во главѣ ея стояли должностныя

Онъ же могъ конфисковать частныя земли съ цѣлями общественной пользы или для предоставленія ихъ колоніямъ, которыя онъ основывалъ [1].

Какъ глава половины провинцій, онъ отправлялъ въ нихъ неограниченныя полномочія прежнихъ проконсуловъ [2]. Онъ управлялъ ими черезъ посредство своихъ намѣстниковъ (*legati*), которые были отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ нимъ. Сенатъ сохранилъ впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ право назначать правителей въ остальныя провинціи [3], но императоръ наблюдалъ и за ними, посылалъ имъ предписанія, такъ что власть его въ сенатскихъ провинціяхъ оказывалась не меньшею, чѣмъ въ его собственныхъ [4]. У насъ есть доказательства

лица, назначавшіяся сначала изъ среды сенаторовъ консульскаго достоинства, а позже избиравшіяся императоромъ. — Фискъ же принималъ доходы съ императорскихъ провинцій, разсматривался какъ частная собственность Цезаря (*Ulpian*. Dig. XLIII, 8, 2) и управлялся его прокураторами (*Tac*. Ann. XIV, 54; *Suet*. Claud. 28; *Plin*. Paneg. 36). Однако надобно имѣть въ виду, что эти различія были скорѣе номинальныя, чѣмъ дѣйствительныя. Діонъ Кассій говоритъ, что „по внѣшности государственная казна была отдѣлена отъ государевой, но на дѣлѣ императоръ не менѣе распоряжался первою, чѣмъ второю“.

1 Можно найти свидѣтельства объ этомъ въ различныхъ частяхъ кодексовъ и особенно въ сочиненіяхъ землемѣровъ—*gromatici veteres*.

2 *Dio*, LIII, 17: „Ἀνθύπατοι ἀεὶ, ὁσάκις ἂν ἔξω τοῦ πωμηρίου ὦσιν ὀνομάζονται“.

3 Оффиціальнымъ названіемъ этихъ провинцій было—*provinciae populi*. См. *Gai*. II, 21: „In his provinciis, quae propriae populi romani esse intelleguntur... In his provinciis, quae propriae Caesaris esse creduntur“.

4 Это ясно подтверждаетъ Діонъ Кассій (LIII, 17): „Καὶ ἐν τῷ ὑπηκόῳ (этимъ словомъ авторы, писавшіе по гречески, обозна-

этого факта, по отношенію къ самой Галліи. Видно изъ авторовъ и изъ надписей, что императоръ былъ настолько же свободнымъ распорядителемъ въ Нарбонской провинціи, которая была сенатскою, насколько въ Ліонской или Бельгійской, которыя были императорскими.

Замѣщая собою прежнихъ цензоровъ республики, онъ наблюдалъ за нравами и частною жизнью. Отсюда же проистекало и другое, болѣе для него существенное право: онъ составлялъ списки сенаторовъ и всадниковъ; онъ даровалъ права гражданства, кому хотѣлъ. Всякій получалъ такимъ образомъ въ обществѣ то званіе и положеніе, какое желалъ дать ему государь [1]. Какъ верховный жрецъ (*pontifex maximus*), онъ держалъ въ своей рукѣ религіозную жизнь общества, царилъ надъ вѣрованіями и надъ обрядами культа и обладалъ правомъ надзора надъ всѣми жреческими коллегіями [2].

Онъ былъ верховнымъ и безаппелляціоннымъ судьею во всей Имперіи. Въ Римѣ онъ самолично отправлялъ правосудіе, конкурируя съ сенатомъ и съ трибуналомъ центумвировъ [3]. Въ провинціяхъ онъ передавалъ свои

чаютъ провинціальную почву) τὸ πλεῖον τῶν ἑκασταχόθι ἀρχόντων ἰσχύειν“.

1 *Dio*, LIII, 17: „Ἐκ τοῦ τιμητεύειν, τούς τε βίους καὶ τοὺς τρόπους ἡμῶν ἐξετάζουσι καὶ ἀπογραφὰς ποιοῦνται, καὶ τοὺς μὲν καταλέγουσι καὶ εἰς τὴν ἱππάδα καὶ εἰς τὸ βουλευτικὸν, τοὺς δὲ καὶ ἀπαλείφουσιν ὅπως ἂν αὐτοῖς δόξῃ“.

2 *Ibidem*: „Ἐκ τοῦ ἐν πάσαις ταῖς ἱερωσύναις ἱερῶσθαι καὶ προσέτι τοῖς ἄλλοις τὰς πλείους σφῶν διδόναι... πάντων τῶν ὁσίων καὶ τῶν ἱερῶν κυριεύουσι“.

3 *Suet*. Aug. 33: „Ius dixit assidue“.—*Tac*. Ann. IV, 13; 22; 31 etc.—*Plin*. Epist. IV, 22; VI, 22.—*Dio*, LXIX, 7; LXXI, 6; LXXVI, 17; LXXVII, 8.—*Spartian*. Hadr. 8: „Saepe ius dixit“. *Ibid*. 18 „Quum iudicaret“. — *Ibid*. 22: „Causas Romae et in provinciis frequenter audivit“. —*Capitol*. Marc. Aur. 24: „Erat mos illi, ut

судебныя функціи легатамъ, и юстиція тамъ примѣнялась отъ его имени.

Императоръ обладалъ даже, какъ выше замѣчено законодательною властью. Если ему нельзя было издавать настоящіе законы (*leges*) иначе, какъ при содѣйствіи сената, онъ могъ, по крайней мѣрѣ, какъ и магистраты старой республики, обнародывать эдикты, которымъ населеніе должно было повиноваться такъ же, какъ и законамъ. Простое письмо государя, написанное въ отвѣтъ должностному лицу или частному человѣку по какому-нибудь правовому вопросу, дѣлалось законодательнымъ актомъ и находило мѣсто въ сводахъ римскаго права [1].

Ко всѣмъ этимъ могущественнымъ правамъ, которыя являлись ничѣмъ инымъ, какъ полномочіями старыхъ вождей республики, присоединился новый титулъ. Первый императоръ получилъ отъ сената прозваніе *augustus* [2]. Это слово не было собственнымъ именемъ, и мы не видимъ, чтобы какой-нибудь человѣкъ носилъ его до Гая Юлія Цезаря Октавіана. Терминъ *augustus* принадлежалъ къ религіозному языку Римлянъ: имъ обозначалось понятіе—почитаемый, священный, божественный; онъ прилагался къ божествамъ

omnia crimina... puniret; capitales causas hominum honestorum ipse cognovit“.

[1] *Gai.* Instit. I, 5: „Constitutio principis est quod imperator decreto, vel edicto, vel epistola constituit, nec unquam dubitatum est, quin id legis vicem obtineat“.—Надо сдѣлать исключеніе для тѣхъ императоровъ, акты которыхъ были уничтожены сенатомъ послѣ ихъ смерти.

[2] *Dio*, LIII, 16: „Τὸ τοῦ Αὐγούστου ὄνομα παρὰ τῆς βουλῆς καὶ παρὰ τοῦ δήμου ἐπέθετο“.—*Suet.* Aug. 7: „Augusti nomen assumpsit... Munacii Planci sententia, quum, quibusdam censentibus Romulum appellari oportere, praevaluisset, ut Augustus potius vocaretur“.

или предметамъ, съ ними связаннымъ [1]. Послѣ перваго императора указанный титулъ передавался всѣмъ послѣдующимъ: они стали всѣ Августами вслѣдъ за нимъ [2]. Это означало, что лицо, управлявшее Имперіею было существомъ выше остального человѣчества, особою священною. Титулъ Императора обозначалъ его могущество, титулъ же Августа — его святость [3]. Люди обязаны были ему такимъ же почитаніемъ, какъ богамъ [4].

[1] *Ovid.* Fast. I, 609: „Sancta vocant augusta patres; augusta vocantur templa“.—*Liv.* I. 29: „Augustum templum“; XLV, 5: „Augustum solum“.—*Cic.* Pro domo, 53: „Ara consecrata in loco augusto“. *Suet.* Aug. 7: „Ut Augustus vocaretur, non tantum novo, sed etiam ampliore cognomine, quod loca religiosa, et in quibus augurato quid consecratur, augusta dicantur“. — *Dio*, LIII, 16: „Ἐπεκλήθη Αὔγουστος ὡς καὶ πλέον τι ἢ κατὰ ἀνθρώπους ὤν. Πάντα γὰρ τὰ ἐντιμότατα καὶ τὰ ἱερότατα αὔγουστα προσαγορεύεται“.—По гречески этотъ титулъ переводился словомъ Σεβαστός.

[2] Примѣры: „Tiberio Caesari divi Augusti filio Augusto pontifici maximo“ (*Henzen*, 5393); „Tiberius Claudius Caesar Augustus“ (*Ibid.* 5400); „Nero Claudius Caesar Augustus“ (*Ibid.* 5407); „Imperator Caesar Hadrianus Augustus“ (*Ibid.* 5455); „Imperator Caesar Flavius Constantinus Augustus“ (*Ibid.* 5580). — Это былъ главный титулъ, которымъ привѣтствовали каждаго новаго императора. См. напримѣръ: „Gordiane Auguste, dii te servent“ (*Capitol.* Gord. 8); „Auguste Claudi, dii te praestent“ (*Treb. Poll.* Claud. 4); „Tacite Auguste, deus te servet“ (*Vopisc.* Tac. 4); „Diocletianum omnes divino consensu Augustum appellaverunt“ (*Vopisc.* Numer. 13). Титулъ *Caesar* могъ быть распространенъ и на родственниковъ императора, спеціально на его предполагаемаго преемника; титулъ же Августа всегда исключительно предназначался одному императору такъ же, какъ наименованіе *Augusta* его супругѣ. См. *Suet.* Claud. 11; Nero, 28; Domit. 3; *Tac.* Ann. XII, 26; *Capitol.*. Ant. Pius, 5.

[3] Такъ говоритъ Авзоній (*Paneg. Grat.*): „Potestate imperator, Augustus sanctitate“.

[4] „Imperator, quum Augusti nomen accepit, tanquam praesenti et incorparali deo fidelis est praestanda devotio“ (*Veget.* ed. Lang,

Такое присвоеніе религіознаго наименованія простому смертному можетъ вызвать изумленіе въ людяхъ нашего времени, которые склонны видѣть въ немъ доказательство низкаго раболѣпства. Слѣдовало бы однако отмѣтить, что ни Тацитъ, ни Светоній, ни Ювеналъ, ни Діонъ Кассій не обнаруживаютъ никакими намеками, чтобы дарованіе этого титула удивило современниковъ Цезарей, ни тѣмъ болѣе чтобы это возмутило ихъ. Сотни надписей, совершенно свободно начертанныхъ частными людьми, свидѣтельствуютъ о томъ, что Римляне и провинціалы немедленно признали и усвоили его. Чтобы понять это обстоятельство, надо возвратиться къ идеямъ древнихъ. Для нихъ государство или община всегда были чѣмъ то святымъ, являясь даже предметомъ поклоненія. Государство имѣло собственныхъ боговъ, но и само было своего рода богомъ. Такая очень древняя концепція тогда еще не вышла изъ сознаній. Она продолжала царствовать въ нихъ, какъ и вообще всѣ старыя преданія, передъ которыми клонится душа людей, хорошо не зная, откуда они въ нее входятъ. Современники Цезаря Октавіана нашли естественнымъ перенести на императора священный характеръ, которымъ обладало во всѣ эпохи государство. Послѣднее, возлагая на него все свое самодержавіе и всѣ свои права, передало ему и свою святость. Такимъ образомъ, императоръ сдѣлался элементомъ національной религіи; между нимъ и гражданскою общиною образовалось религіозное сообщество. Уже задолго до того времени

II, 5).—Отмѣтимъ однако, что императоръ не былъ богомъ. Онъ становился таковымъ только послѣ смерти, если удостоивался отъ сената *consecratio*. Качество же Августа пріобрѣталось каждымъ въ первый же день ихъ принципата и терялось въ послѣдній. Оно было привязано къ дѣйствительному исправленію правительственной власти.

въ честь римскаго государства воздвигались храмы, какъ божеству—*Romae deae* [1]. Къ этому божеству со времени утвержденія принципата былъ присоединенъ царствующій императоръ въ качествѣ *Augustus* [2]. Такъ составилось посвященіе—«Риму и Августу» (*Romae et Augusto*), въ которомъ, какъ бы выражалась мысль, что «разъ божественно государство, священною является и особа того, кто его представляетъ».

Итакъ не оставалось ни одного элемента суверенитета, который не сдѣлался бы принадлежностью императора (принцепса). Въ рукахъ его были войска и финансы; онъ воплощалъ въ себѣ одномъ администрацію, юстицію, законодательство, даже религію. Трудно представить себѣ большую полноту монархической власти. Сенатъ на дѣлѣ являлся лишь родомъ государственнаго совѣта или полезнымъ орудіемъ, которое могло удобно придавать императорскимъ актамъ легальную форму по старинному праву. Всякая политическая иниціатива безпредѣльно и безконтрольно исходила отъ особы государя [3].

[1] О храмахъ, возведенныхъ въ честь „города Рима" см. у *Polyb.* XXXI, 16; *Liv.* XLIII, 6. Ср. „Bulletin de corresp. hellénique", 1883, p. 462.

[2] *Suet.* Aug. 52: „Templa in nulla provincia, nisi communi, suo Romaeque nomine, recepit".—*Dio*, LI, 20.

[3] Такъ какъ мы разсматриваемъ систему римскихъ императорскихъ учрежденій только съ точки зрѣнія историческихъ судебъ галльскаго населенія, намъ приходится оставить въ сторонѣ нѣсколько вопросовъ, на которыхъ слѣдовало бы сосредоточиться, если бы нашимъ предметомъ было полное изслѣдованіе римскаго государственнаго развитія. — Тогда, напримѣръ, необходимо было бы обстоятельно говорить о сенатѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что сенатъ продолжалъ существовать рядомъ съ принцепсомъ, стоя даже почти выше его, по крайней мѣрѣ, въ теоріи (см. напр. *Tac.* Ann. XI, 24; XII, 60; XIII, 4; *Spartian.* Hadr. 7—8; *Lamprid*

Онъ обладалъ правомъ жизни и смерти надъ всѣми людьми. Это грозное право, которое нынѣ уже не входитъ въ составъ компетенціи верховной власти,

Alex. Sev. 8; 10; *Vopisc.* Prob. 13; *Idem*, Tacit. 3—5); онъ оставался по праву высшею властью въ государствѣ, потому что онъ замѣнилъ старыя комиціи и являлся теперь представителемъ народа (senatus слился съ populus). Въ силу этого сенатъ, какъ раньше народъ, издавалъ законы, и ему нерѣдко приходилось разсматривать и обсуждать императорскія предложенія. Его законодательная власть не была пустымъ словомъ: отъ двухъ первыхъ вѣковъ нашей эры сохраняется рядъ *leges* и *senatus consulta*, которыя видоизмѣняли римское право.—Въ то же время сенатъ являлся судебнымъ учрежденіемъ. Онъ обладалъ прямою уголовною юрисдикціею по нѣкоторымъ дѣламъ, разсматривалъ часть аппеляцій, приносимыхъ на рѣшенія другихъ судовъ, разбиралъ споры между жителями провинцій и ихъ правителями. Онъ оставался если не наиболѣе могущественнымъ, то самымъ торжественнымъ изъ судилищъ. Въ теоріи онъ даже владѣлъ правомъ избирать императора (*Spartian.* Hadr. 4; *Vopisc.* Tac. 3—5; *Dio*, LXVI, 1); на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, онъ оффиціально вручалъ ему его полномочія (*Tacit.* Hist. IV, 4; *Dio*, LXIII, 29; LXIV, 8; LXXIII, 12—13). Каждый императоръ былъ принужденъ подчиняться этой формальности и получать отъ сената инвеституру Имперіи.—Было у сената еще одно право. Послѣ смерти императора онъ постановлялъ, должны ли ему быть оказаны или нѣтъ божескія почести; это то, что Тацитъ называетъ—„*coelum decretum*“ (см. *Annal.* I, 73; стр. I, 54). Эта формальность приводила къ одному существенно важному практическому послѣдствію. Она означала что если присуждались умершему императору божескія почести, то и его акты утверждались и сохраняли силу на будущія времена; если же эти почести отвергались, то и принятыя имъ мѣропріятія объявлялись уничтоженными (*Dio*, LX, 4; LXXIV, 4; *Spartian.* Hadr. 27; *Lamprid.* Comm. 20; *Suet.* Domit. 23; *Dig.* XLVIII, 4, 4). Всякій императоръ такимъ образомъ зналъ, что прочность его распоряженій, его законодательныхъ актовъ будетъ зависѣть въ день его смерти отъ сената. — Справедливо, впрочемъ, прибавить здѣсь, что, на основаніи установившагося способа пополненія сената, никто не могъ въ него вступить помимо воли императора.

было неотъемлемо связано съ нею у древнихъ. Государство или народъ всегда разсматривались, какъ распорядители жизнью гражданъ, даже помимо всякой юстиціи. Это право формально и ясно было даровано и императорамъ [1]. Когда мы видимъ, что какой-нибудь Неронъ или Коммодъ произносятъ смертные приговоры, намъ прежде всего приходитъ на умъ, что это были беззаконія и преступленія; между тѣмъ наоборотъ это были легальные акты, согласные съ государственнымъ правомъ. Веспасіанъ, Адріанъ, Маркъ Аврелій—всѣ обладали въ данной области одинаковою компетенціею. Самое государственное устройство полагало жизнь людей въ распоряженіе государя.

Римскій императоръ воплощалъ въ своей особѣ то, что старый республиканскій языкъ называлъ «величествомъ» (*maiestas*); это слово первоначально обозначало всемогущество гражданской общины [2]. Римское право всегда признавало, что человѣкъ, который какимъ-нибудь образомъ посягалъ противъ этого величества государства, совершалъ преступленіе нечестія по отношенію къ народу и подлежалъ наказанію смертною казнью [3]. Вооруженный этимъ безпощаднымъ закономъ,

[1] **Діонъ Кассій** вводитъ эту прерогативу въ свое перечисленіе легальныхъ полномочій, предоставленныхъ Августу (LIII, 17): „Τοῦ τε ξενικοῦ, καὶ τοῦ πολιτικοῦ ἄρχειν, καὶ ἐντὸς τοῦ πωμηρίου καὶ τοὺς ἱππέας καὶ τοὺς βουλευτὰς θανατοῦν δύνασθαι“.

[2] Говорили тогда—„civitatis maiestas“ (*Cic.* Div. in Caec. 22), „romana maiestas“ (*Liv.* III, 69), „maiestas populi“ (*Cic.* Pro Balbo, 16; Orat. partit. 30; de invent. II, 17).—То же слово прилагается къ вождямъ и представителямъ государства: говорили — „maiestas consularis“, „maiestas dictatoria“ (*Liv.* II, 23; II, 36: VIII, 30).

[3] Преступленіе оскорбленія величества, такъ опредѣляется Цицерономъ (*De invent.* II, 17): „Maiestatem minuere est de dignitate aut amplitudine aut potestate populi, aut eorum, quibus populus potestatem dedit, aliquid derogare“.— Преступленіе это всегда

предназначеннымъ для защиты республики, императоръ могъ поражать всѣхъ, которые вступали съ нимъ въ оппозицію, всѣхъ, кто казался ему подозрительнымъ, всѣхъ, чья жизнь была для него ненавистна или на чьи богатства онъ устремлялъ алчныя очи. Что здѣсь всего замѣчательнѣе, это легальность подобнаго рода убійствъ. Лучшіе императоры заявляли притязанія на это право, хотя бы и отказываясь его примѣнять. Никогда законъ объ оскорбленіи величества принципіально не оспаривался. Никто, даже Тацитъ, не подвергалъ сомнѣнію положенія, что человѣкъ, оказывающійся врагомъ правительственной власти, по справедливости карается смертью. Тѣ, кто особенно рѣшительно порицали насилія Нерона и Домиціана, все же принимали, какъ неоспоримое начало публичнаго права, что всякое покушеніе, совершаемое противъ верховной власти, было преступленіемъ, влекущимъ за собою смерть виновнаго. Одинъ историкъ IV вѣка такъ выражаетъ мысль, навѣрно, раздѣлявшуюся всѣми людьми его эпохи: «Съ существованіемъ государя связывается идея покровительства, безопасности для добрыхъ людей, спокойствія для всѣхъ, и усилія всѣхъ должны быть направлены къ тому, чтобы образовать вокругъ его особы неприступную ограду; именно по этой причинѣ Корнеліевы законы не признаютъ никакого исключенія или снисхожденія въ случаѣ оскорбленія величества»[1].

наказывалось смертью во времена республики. Имперія еще прибавила строгости въ томъ смыслѣ, что перестала различать личныя обиды отъ политическихъ преступленій, такъ какъ государство слилось съ особою государя. Тацитъ (*Annal.* I, 72) хорошо отмѣчаетъ это различіе: „Tiberius legem maiestatis reduxerat, cui nomen apud veteres idem, sed alia in iudicium veniebant; si quis proditione exercitum, aut plebem seditionibus, denique male gesta republica, maiestatem populi romani minuisset, facta arguebantur, dicta impune erant."— Ср. *Suet.* Domit. 12: „Satis erat obiici qualecumque factum dictumve adversus maiestatem principis".

Никогда въ исторіи не встрѣчалось деспотизма, такъ систематически устроеннаго. Можно убѣдиться изъ изученія подлинныхъ памятниковъ, знакомящихъ насъ съ жизнью Августа, что рѣшительно всѣ перечисленныя власти были переданы ему въ силу специальнаго и правильно изданнаго закона. Позже, при каждой смѣнѣ царствованія, сенатъ возобновлялъ такую делегацію верховныхъ прерогативъ. При этомъ не довольствовались неопредѣленною формулою: длинный, ясный, точный документъ перечислялъ въ подробностяхъ всѣ права императора, всѣ старинныя аттрибуты государства, которые оно же ему передавало. Эта *lex Regia* являлась какъ бы хартіею новой абсолютной монархіи. Сенатъ, который ее составлялъ, не всегда былъ вполнѣ чуждъ независимости. На пространствѣ трехъ первыхъ вѣковъ Имперіи, неоднократно повторялись междуцарствія, и онъ довольно часто былъ въ силахъ сдѣлать то, что хотѣлъ: между тѣмъ онъ ни разу не попытался уменьшить императорскую власть. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ монарховъ сенатъ возобновлялъ актъ, установившій деспотизмъ. Все это убѣждаетъ воочію, что императорскій порядокъ не былъ ни случайнымъ происшествіемъ въ исторіи, ни результатомъ одного насильственнаго переворота.

Необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе: монархическая власть оставалась одинаково абсолютною при хорошихъ и при дурныхъ императорахъ. Траянъ и Маркъ Аврелій были такими же самодержцами, какъ Неронъ и Домиціанъ. Нельзя указать ни одной пре-

[1] *Ammian. Marcell.* XIX, 12.

рогативы монархіи, отъ которой они бы отказались. Со времени Антониновъ законодательная власть перешла даже всецѣло въ руки императора [1]. Правило, которое даетъ силу закона простому письму государя, было обнародовано при Маркѣ Авреліи. Антонины допускали, чтобы ихъ называли „господами" [2], и граждане при нихъ были только подданными. Ясно, что монархическій порядокъ достигъ въ Римѣ своей полной силы въ эпоху, которая славится какъ одна изъ самыхъ благоденственныхъ въ исторіи человѣчества, и во время правленія государей, которые оцѣниваются, какъ самые добродѣтельные.

ГЛАВА II.

Какъ былъ принятъ императорскій порядокъ населеніемъ римскаго міра?

Римская имперія не походитъ ни на одинъ изъ государственныхъ порядковъ, которые смѣнялись во Франціи до нашихъ дней. Не слѣдуетъ ни писать на него сатиры, ни дѣлать его апологіи. Надобно судить о немъ по идеямъ тѣхъ временъ, а не по взглядамъ нынѣшнихъ. Историку не зачѣмъ говорить, что онъ лично думаетъ объ этомъ порядкѣ; онъ скорѣе долженъ разсказывать, что о немъ думали люди, жившіе

[1] „Multa de iure sanxit" (*Capitol.* Anton. Pius, 12). Антонины много разъ измѣняли частное право по собственному произволу. См. напр. въ Дигестахъ, XLVIII, 7, 7; въ кодексѣ Юстиніана, VI, 33, 3; ср. *Fragmenta Vaticana*, 195.

[2] См. всѣ письма Плинія Мл. къ Траяну. Ср. D*ig*. XIV, 2, 9: „Deprecatio Eudaemonis ad Antoninum: Domine imperator, Antonine... Respondit Antoninus Eudaemoni: Ego quidem mundi dominus..."

при его господствѣ. Онъ долженъ разыскать при помощи памятниковъ, какъ эта монархія была оцѣнена тѣми поколѣніями, которыя ей повиновались, и которыхъ она дѣлала счастливыми или несчастными.

Производя такое изысканіе, мы не полагаемъ предаваться пустымъ разсужденіямъ. Исторія не есть искусство строить по поводу фактовъ отвлеченныя диссертаціи: она должна быть наукою, которая ставитъ себѣ задачею находить самые факты и хорошо ихъ видѣть. Надо только понимать, что факты матеріальные, осязательные—не единственные, которые она изучаетъ. Какая-нибудь идея, которая царила въ умахъ людей извѣстной эпохи—это, несомнѣнно, историческій фактъ. Форма, въ которой организуется власть, есть также фактъ, не менѣе того форма, въ какой сознаютъ и признаютъ эту власть ея современники. Историкъ долженъ изучать и то, и другое, и изъ того и другого изслѣдованія обязанъ устранять всякое личное или предвзятое мнѣніе.

Отъ пяти вѣковъ существованія имперіи сохранилось большое количество письменныхъ документовъ. Между ними находимъ произведенія поэтовъ, сочиненія историковъ, трактаты юрисконсультовъ. Имѣются также интимныя письма, панегирики и сатиры. У насъ кромѣ книгъ есть еще и другіе источники для познанія мнѣній людей того времени: это — медали, надписи, всякаго рода зданія и памятники, воздвигнутые городами или частными лицами. Даже надгробные монументы и эпитафіи, на нихъ начертанныя, открываютъ задушевныя мысли и настроенія тѣхъ поколѣній. Вотъ свидѣтели всякаго рода, идущіе отъ всѣхъ націй, происходящіе изъ всевозможныхъ соціальныхъ слоевъ.

Во всемъ этомъ матеріалѣ не находится ни одного указанія, которое обнаруживало бы, что населеніе

относилось враждебно къ Имперіи. Оппозиція нѣкоторой части членовъ римскаго сената принадлежала къ разряду тѣхъ недовольствъ, которыя можетъ встрѣтить всякое правительство въ самомъ преданномъ государственномъ совѣтѣ. Благородная гордость нѣсколькихъ личностей, подобныхъ Тразеѣ или Корбулону, не была, собственно, ненавистью къ императорскому порядку, которому они служили, она являлась только выраженіемъ презрѣнія къ человѣку, который въ данный моментъ управлялъ Имперіею. Тацитъ сильными чертами изобразилъ пороки нѣсколькихъ государей и многихъ изъ ихъ подданныхъ; но онъ никогда не нападалъ на государственное устройство, при которомъ самъ являлся однимъ изъ высокихъ должностныхъ лицъ [1]; нѣсколько разъ онъ даже воздаетъ хвалу императорскому порядку [2]. Ювеналъ осмѣивалъ въ своихъ сатирахъ отдѣльныхъ людей, но никогда не затрагивалъ учрежденій. Было бы такъ же невѣрно изображать Тацита или Ювенала противниками Имперіи, какъ

[1] Тацитъ самъ говоритъ: „Dignitatem nostram (*dignitas* здѣсь значитъ *cursus honorum*—служебная карьера) a Vespasiano inchoatam, a Tito auctam, a Domitiano longius provectam“ (*Hist.* I, 1). Впослѣдствіи онъ занималъ высшія должности и при Траянѣ.

[2] Онъ объявляетъ, что монархія была установлена въ интересахъ возвращенія мира: „Omnem potentiam ad unum conferri pacis interfuit“ (*Ibid*). Замѣтьте также слова, которыя авторъ влагаетъ въ уста Гальбы: „Si immensum imperii corpus stare ac librari sine rectore posset“ (*Ibid.* I, 16).—Извѣстны похвальныя выраженія его о правленіи Траяна: „Rara temporum felicitate ubi sentire quae velis et quae sentias dicere licet“ (*Ibid.* I, 1). Между тѣмъ онъ не хочетъ здѣсь сказать, что самый порядокъ государственнаго управленія тогда измѣнился; мы отлично знаемъ, что никакія условія перемѣны конституціи не были предписаны ни Нервѣ, ни Траяну. Напротивъ, монархія съ этого времени становится все болѣе абсолютною. Тацитъ стало быть допускалъ,

представлялъ себѣ Сенъ-Симона врагомъ королевской власти. Оба Плинія, Плутархъ и Филонъ Александрійскій, Светоній, Діонъ Кассій, Спартіанъ и Амміанъ Марцеллинъ преслѣдовали память худыхъ императоровъ, но они хвалили Имперію и служили ей. Всѣ писатели, какъ римскаго, такъ и провинціальнаго происхожденія, открыто выражаютъ по отношенію къ этому монархическому порядку почтеніе, которое мы принуждены признать искреннимъ. Надписи Галліи точно такъ же, какъ Испаніи, Греціи, Илліріи и Дакіи свидѣтельствуютъ о всеобщей привязанности различныхъ классовъ общества къ императорскому правленію и не обнаруживаютъ никакого признака антипатіи къ нему.

Никогда населеніе не возставало противъ императорской власти. Мы встрѣчаемъ на этомъ долгомъ протяженіи пяти вѣковъ много гражданскихъ войнъ; онѣ имѣли цѣлью замѣнить одного императора другимъ, но никогда не направлялись къ разрушенію Имперіи. Галлія иногда жаловалась на тяжесть налоговъ и алчность чиновниковъ; но никогда не жаловалась она на монархію. Нѣсколько разъ могла она распорядиться своими судьбами и ни разу не пыталась установить у себя республику.

Въ срединѣ III-го вѣка она увидѣла себя отдѣленною отъ Италіи и свободною избрать для себя желанную форму государственнаго устройства: она выбрала себѣ императора [1].

что императорскій порядокъ могъ оказываться превосходнымъ при хорошемъ императорѣ.

[1] Объ этомъ императорѣ—Постумѣ можно прочесть у Требеллія Полліона (въ сборникѣ *Scriptores hist. Aug.*) слѣдующія слова: „Gelli ...eum imperatorem appellarunt. Sizquidem nimius

Было бы безпримѣрнымъ фактомъ въ исторіи человѣчества, чтобы ненавистный населенію порядокъ продержался пять вѣковъ. Противно человѣческой природѣ, чтобы милліоны людей могли быть принуждены къ повиновенію одному лицу посредствомъ насилія. Дѣйствительно очень ошибочно думать, что императорское правительство опиралось специально на войско. За исключеніемъ преторіанскихъ когортъ, которыя, самое большее, могли сдерживать столицу, у императоровъ нигдѣ не было настоящихъ гарнизоновъ. Всѣ легіоны расположены были по границамъ лицомъ къ лицу съ внѣшними врагами государства.

Въ исторіи римской имперіи не встрѣчается ничего, похожаго на антагонизмъ между гражданскимъ населеніемъ, которое было бы враждебно правительству, и военною силою, которая бы ее защищала [1]. При этомъ нельзя объяснять покорность гражданъ тѣмъ, что они были безоружны. Они имѣли въ рукахъ оружіе и хорошо умѣли имъ владѣть, и правительство никогда не считало нужнымъ обезоруживать населеніе [1].

amor erga Postumum omnium erat in Gallica gente populorum quod, submotis omnibus Germanicis gentibus Romanum in pristinam securitatem revocasset imperium".—О той же личности существуютъ надписи (см. у *Orelli*, n°s 1015, 1016), а также медали (см. сборникъ *Mionnet*, t. II, p. 64; 69; *Eckhel*, VII, 444. Можно еще прибавить указаніе на сборникъ *De-Witte*).

[1] Справедливо будетъ замѣтить, правда, что послѣ смерти царствующаго императора войска обыкновенно болѣе, чѣмъ сенатъ, торопились дать ему преемника. Почти всегда происходило то, что говоритъ Тацитъ: „Sententiam militum secuta patrum consulta" (*Annal*. XII, 69); но все-таки мы не видимъ, кромѣ, можетъ быть, одного раза, чтобы кто-нибудь высказывался тутъ въ пользу возстановленія республиканскаго порядка. Сенатъ и армія иногда были несогласны другъ съ другомъ по вопросу о томъ, кого слѣдовало избрать императоромъ; но они, повидимому, никогда не расходились въ сознаніи необходимости такого избранія.

Зная это, трудно было бы объяснить себѣ, какъ могли тридцать легіоновъ, изъ которыхъ составлялась армія Имперіи принуждать къ послушанію сто милліоновъ душъ ея населенія.

Надобно кромѣ того отмѣтить, что войско было именно наименѣе послушною частью подданныхъ императоровъ: почти всѣ возстанія, которыя происходили внутри Имперіи поднимались легіонами; такимъ образомъ, правило повиновенія исходило не отъ арміи.

Римскимъ императорамъ приписывали очень ловкую политику именно въ дѣлѣ установленія чрезвычайно искусной администраціи. Но когда разсматриваешь этотъ вопросъ вблизи, приходится наоборотъ удивляться тому, какъ мало имъ стоило усилій утвержденіе государственной власти, самой абсолютной и въ то же время самой прочной изъ всѣхъ, какія видѣла Европа во всѣ періоды ея исторіи. Количество имперскихъ чиновниковъ въ первые вѣка было въ высшей степени незначительно; даже въ послѣдніе оно далеко не приближалось къ той громадной массѣ должностного персонала, какую современныя государства считаютъ необходимою для своей охраны. Императорская власть не посылала своего представителя во всякое селеніе. Она не назначала множества судей и сборщиковъ податей и оставила внѣ круга своей дѣятельности безконечное множество функцій. Она даже не брала на себя всѣ заботы полицейской охраны. Еще менѣе считала она нужнымъ для

[1] Юліевъ законъ (см. *Dig*, XLVIII, 6) воспрещаетъ скопленіе оружія, но не держаніе его вообще „ad usum itineris vel navigationis vel commercii causa". Многочисленные тексты (между прочими, *Tacit*. Hist. II, 61; IV, 67) показываютъ, что у населенія дѣйствительно было оружіе.

управленія обществомъ руководить воспитаніемъ юношества. Она не назначала членовъ различныхъ жреческихъ коллегій въ провинціяхъ. Всѣ средства, къ которымъ прибѣгаютъ современныя государства, чтобы поддерживать авторитетъ правительства, были незнакомы римской Имперіи, и они оказывались для нея излишними.

Слѣдуетъ, стало быть, принять, какъ историческую истину, что люди того времени любили монархію. Если мы будемъ пытаться отдать себѣ отчетъ въ природѣ этого чувства, мы замѣтимъ прежде всего, что оно не проистекало изъ какого-нибудь теоретическаго основанія или раціональнаго принципа. Эти люди не имѣли никакого понятія о догматѣ божественнаго права государей. Языческая религія никогда не учила, что боги предпочитаютъ монархическій порядокъ республиканскому; христіанство также этого не проповѣдывало; оно предписывало повиновеніе императорамъ, лишь какъ актъ покорности вообще, и рекомендовало по отношенію къ нимъ скорѣе равнодушіе, чѣмъ преданность. Стало быть, подчиненіе людей обусловливалось тутъ не идеею высшаго долга. Они любили Имперію потому, что чувствовали въ томъ пользу и выгоду; они не спрашивали себя, являлся ли этотъ порядокъ хорошимъ или худымъ въ нравственномъ отношеніи, соотвѣтствовалъ ли онъ или нѣтъ требованіямъ разума; имъ было достаточно того, что онъ удовлетворялъ совокупности ихъ интересовъ.

Т а ц и т ъ въ началѣ своихъ «Анналъ», перечисляетъ различные мотивы, побудившіе всѣ классы римскаго общества, въ томъ числѣ и аристократію, признать императорскій переворотъ [1]; затѣмъ онъ прибавляетъ:

[1] *Tacit*. Ann. I, 2: „Militem donis, populum annona, cunctos dulcedine otii... (Nobiles), novis ex rebus aucti, tuta et praesentia quam vetera et periculosa mallent“.—Ср. ***Dio***, LVI, 44: „Τοῖς πάρουσιν οὐ μόνον ἤχθοντο, ἀλλὰ καὶ ἔχαιρον, καὶ βελτίω καὶ ἀδεέστερα αὐτὰ ὧν ἤκουον ὁρῶντες ὄντα“.

«Что касается провинцій, то имъ далеко не было непріятно утвержденіе новаго порядка вещей; они хорошо знали тяжесть правленія сената и народа, проистекавшую отъ соперничества между знатными и корыстолюбія намѣстниковъ; законы республики никогда не оберегали ихъ, ибо они были слабы противъ насилія, интриги и золота» [1].—Такова была настоящая причина привязанности населенія къ Имперіи. Оно разсудило, что власть одного лица будетъ менѣе тягостна, чѣмъ господство нѣсколькихъ, и что личныя права будутъ лучше обезпечиваться монархіей, чѣмъ они охранялись республиканскимъ правительствомъ. Много фактовъ и разсказовъ подтверждаютъ, что народы разсматривали императора, какъ защитника и опору, что они обращались къ нему съ своими желаніями, считали себя обязанными ему своимъ благополучіемъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніемъ своихъ бѣдствій.

Кто вчитается въ надписи, тотъ увидитъ, что чувство, которое они обнаруживаютъ,—всегда оказывается благодарностью за удовлетворенныя потребности. Императоръ именуется въ нихъ «всеобщимъ миротворцемъ», «хранителемъ человѣческаго рода», «оберегателемъ безопасности всѣхъ». Онъ—«покровитель и отецъ народовъ», «ихъ надежда и спасеніе». Его просятъ объ исцѣленіи несчастій человѣчества. Къ нему обращаются

[1] *Tacit*. Ann. I, 2: „Neque provinciae illum rerum statum abnuebant, suspecto senatus populique imperio ob certamina potentium et avaritiam magistratuum, invalido legum auxilio, quae vi, ambitu, pecunia turbabantur“. Ср. ***Vell. Pat.*** II, 126: „Vindicatae ab iniuriis magistratuum provinciae“.

съ признательностью за всѣ блага, которыми пользуются. Въ исторіи человѣчества мы находимъ немного примѣровъ государственнаго порядка, который просуществовалъ бы пять вѣковъ, какъ римская Имперія; мы встрѣчаемъ очень немного такихъ, которые такъ мало, какъ она, оспаривались и такъ рѣдко возбуждали противъ себя борьбу; мы совсѣмъ не знаемъ ни одного, который такъ долго и безраздѣльно получалъ бы одобреніе со стороны народовъ, которыми онъ управлялъ [1].

Мнѣнія людей по политическимъ вопросамъ очень измѣнчивы. Бываютъ эпохи, когда народъ увлекается общимъ стремленіемъ самостоятельно управлять своими судьбами; но бываютъ и другія, когда единственное его желаніе — быть управляемымъ. И то, и другое состояніе умовъ можетъ вызывать одинаково силь-

[1] См. сборникъ Орелли-Генцена (passim). Выраженія, которыя чаще всего встрѣчаются въ надписяхъ, слѣдующія: „Patri patriae“ (606, 642, 712, 912, 1033);—„fundatori pacis“ (601, 1089);—„pacatori orbis“ (323, 859, 1035). Ср. еще въ *Corp. inscr. lat.* II, 1670, 1969; *Ibid.* 1671: „fundatori publicae securitatis“;—„restitutori orbis“ (1030);—„conservatori generis humani“ (795; 2054).—Одинъ памятникъ, воздвигнутый во времена Тиберія, носитъ такое посвященіе: „Saluti perpetuae augustae libertatique publicae populi romani, providentiae Tiberii Caesaris Augusti nati ad aeternitatem romani nominis“ (*Orelli*, 689). Титулъ „restitutor libertatis publicae“ повторяется въ надписяхъ 1089 и 1090 того же сборника Орелли: Въ галльскихъ эпиграфическихъ текстахъ встрѣчаются выраженія: „Pacatori et restitutori orbis, imperatori Caesari Aureliano“ (*Allmer*, 31); „verae libertatis auctor imperator Caesar M. Claudius Tacitus pius felix Augustus“ (*Allmer*, 32). Ср. *C. I. L.* XII, 5561, 5563 и 5456. Плиній упоминаетъ нѣкоего Вальгія, который представилъ Августу книгу „inchoata praefatione religiosa, ut omnibus malis humanis illius potissimum principis mederetur maiestas“ (*Hist. nat.* XXV, 2). Утверждать, что во всѣхъ этихъ памятникахъ проявляется лишь одна лесть, значило бы плохо понимать человѣческую природу.

ное одушевленіе. Въ большинствѣ случаевъ народъ любитъ новое пропорціонально тому, насколько сильна его ненависть къ прошлому. Въ ту эпоху, которая насъ занимаетъ, прошлымъ, тѣмъ, что можно назвать «старымъ порядкомъ» въ римскомъ мірѣ, было республиканское управленіе. Въ Италіи и Греціи, въ Галліи и Испаніи, люди жили подъ этими учрежденіями впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Въ концѣ концовъ они пришли къ тому, что стали ихъ ненавидѣть: ихъ интересы, мнѣнія, чувства отдѣлились отъ республики, и они захотѣли отъ нея освободиться. Они упрекали республику въ томъ, что она содѣйствовала образованію и усиленію аристократіи утѣснителей, что она подъ лживою личиною политической свободы давила свободу индивидуальную, порождала всюду раздоры и междоусобія, наполняла людское существованіе распрями и страстями. Всѣ были охвачены отвращеніемъ къ этимъ порядкамъ, всѣ хотѣли новаго, который даровалъ бы больше безопасности, свободы, возможности труда и счастья [1]. Такъ какъ еще не знали, что и у монархіи есть свои пороки, что и она угрожаетъ особыми опасностями, то всѣ стремились къ ней съ инстинктивною поспѣшностью; ей отдались сердца и воли людей; всѣ прониклись къ ней благодарностью за то, что она утвердилась надъ міромъ; всѣ привязались къ ней горячею и страстною любовью.

[1] Діонъ Кассій правильно выражаетъ настроеніе людей того времени, когда говоритъ: „Правленіе приняло тогда новую форму, болѣе соотвѣтствующую улучшенію и благу людей“ („ἡ πολιτεία πρὸς τὸ βέλτιον καὶ πρὸς τὸ σωτηριωδέστερον μετεκοσμήθη“). Авторъ прибавляетъ, что люди могли тогда спастись. только выйдя изъ подъ 'республиканскаго правленія („Παντάπασιν ἀδύνατον ἦν δημοκρατουμένους αὐτοὺς σωθῆναι“). См. *Dio*, LIII, 19; ср. XLIV, 5.— *Ammian.* XIV, 6; *Tertull.* De pallio, I, 2.

Не будемъ думать, что даже первые императоры силою подчинили себѣ населеніе: «Съ общаго согласія сената и толпы неограниченная власть вручена была Калигулѣ, и общественная радость была такова, что впродолженіе трехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за этимъ днемъ, Римляне заклали въ честь его болѣе 160000 жертвенныхъ животныхъ» [1]. — Когда онъ выѣзжалъ изъ Рима, всякій обѣщалъ богамъ или воздвигнуть алтарь, или сдѣлать какое-нибудь приношеніе въ день, когда императоръ благополучно возвратится [2].—Если его поражало нездоровье, всѣ проводили ночь передъ дворцомъ, и не было недостатка въ людяхъ, которые предлагали богамъ свою собственную жизнь, чтобы спасти императора отъ смерти [3]. Замѣтимъ, что такого рода обѣты не были тогда пустыми словами. Когда Калигула разъ поправился отъ опасной болѣзни, нѣсколько человѣкъ должны были умереть, чтобы выполнить обязательство, которое они взяли на себя передъ божествомъ [4].

[1] *Suet.* Cai. 14. „Consensu senatus et irrumpentis in curiam turbae, ius arbitriumque omnium rerum illi permissum est, tanta publica laetitia, ut tribus proximis mensibus supra centum sexaginta milia victimarum caesa tradantur.“

[2] *Ibidem*: „Vota pro reditu suscepta sunt.“ — Намъ извѣстно значеніе, очень опредѣленное и вовсе не метафорическое, слова *votum* въ латинскомъ языкѣ; извѣстны также многочисленныя надписи, заканчивающіяся формулою—„votum solvit libens merito“. *Votum* обозначало обязательство, которое принимало на себя какое-нибудь лицо по отношенію къ богу, сдѣлать въ честь его условленное приношеніе, если божество заслужитъ его исполненіемъ испрошеннаго блага.

[3] *Ibidem*: „Pernoctantibus cunctis circa Palatium, non defuerunt qui depugnaturos se armis (какъ гладіаторы) pro salute aegri, quique capita sua titulo proposito voverent“.

[4] Это выводится также изъ біографіи Калигулы Светонія (см. гл. 27). Авторъ разсказываетъ, что когда двое изъ лицъ, произнесшихъ такой обѣтъ, хотѣли уклониться отъ его исполненія, Калигула ихъ принудилъ къ тому. Одинъ изъ нихъ, бывшій римскимъ всадникомъ, долженъ былъ сражаться, какъ гладіаторъ, другой—наложить на себя руки. Религія не допускала, чтобы обѣтъ оставался невыполненнымъ; Діонъ Кассій очень опредѣленно выясняетъ это (LIX, 8).

Съ тѣхъ поръ сдѣлалось довольно распространеннымъ обычаемъ «посвящать себя» императорамъ [1]. Масса надписей обнаруживаетъ передъ нами простыхъ частныхъ лицъ, которыя посвящали себя «божественности и величеству» Калигулы, Домиціана, Траяна, Марка Аврелія, Септимія Севера [2]. Это не значило, что данные люди привязывались къ императору, чтобы получить отъ него какую-нибудь милость; многіе изъ нихъ были провинціалами, никогда его не видѣвшими. Но они отдавали себя богамъ, чтобы тѣ даровали го-

[1] *Dio*, LIII, 30: „Σέξτος [τις] Πακουούιος ἑαυτὸν Αὐγούστῳ καθωσίωσε“.

[2] „C. Ulattius, civis Segusiavus... devotus numini maiestatique eius“ (*Allmer*, Inscr. de Vienne, 24.—*Corp. inscr. lat.* XII, 1851). „Devotus numini Marci Aureli“ (*Bernard*, Le temple d'Aug. p. 61). Приведенная формула иногда замѣняется слѣдующею: „*Pro salute imperatoris*“.—Примѣры можно найти въ надписяхъ изъ различныхъ мѣстностей; такъ, изъ Женевы: „pro salute Augustorum“ (*Mommsen*, Inscr. helvet. 133); изъ Аосты: „pro salute imperatoris Marci Aurelii, tectum, porticum cum suis columnis, Sex. Vireius decurio de sua pecunia“ (*Allmer*, 16); изъ южной Галліи: „pro salute imperatoris Caesaris M. Aur. Commodi taurobolium fecit Q. Aquius Antonianus (*C. I. L.* XII, 1782); ср. еще: „pro salute et incolumitate dominorum nostrorum Valeriani et Gallieni Augustorum (*C. I. L.* VIII, 4219). См. въ *Corp. inscr. lat.* XII, p. 926. Каждая изъ подобныхъ надписей—а онѣ очень многочисленны — подразумѣваетъ возведеніе храма, алтаря, вообще какого-нибудь памятника, то-есть, значительный расходъ, произведенный для выполненія обѣта.

сударю здоровіе, исцѣленіе, побѣду. Цѣлые города принимали на себя такого рода обѣты [1].

Одна изъ сакральныхъ формулъ, употреблявшихся въ такихъ случаяхъ, сохранилась до нашего времени. Вотъ ея текстъ: «Клятва жителей Аритія. По моей собственной доброй волѣ. Я буду врагомъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ буду знать за враговъ Гая Цезаря. Если кто подвергнетъ опасности его благополучіе, я буду преслѣдовать того оружіемъ безпрерывно, на землѣ и на морѣ. Ни я самъ, ни дѣти мои не будутъ мнѣ болѣе дороги, чѣмъ благополучіе императора. Если я нарушу мою клятву, пусть Юпитеръ и божественный Августъ и всѣ безсмертные боги лишатъ меня отечества, имущества, здоровья, и пусть дѣтей моихъ постигнетъ такой же ударъ» [2].

Мы можемъ судить о чувствахъ людей лишь по свидѣтельствамъ, которыя они намъ оставили. А эти свидѣтельства, такія многочисленныя, такія разнообразныя, исходящія отъ всѣхъ классовъ общества, показываютъ намъ, что они отдали Имперіи не только то вынужденное повиновеніе, которое приходится ока-

[1] *Corp. inscr. lat.* VIII, 4218: „Respublica Verecundensium devota numini maiestatique eius." Подобныя же надписи найдены въ Испаніи. См. *Corp. inscr. lat.* II, 1115, 1171, 1673, 2071 etc.

[2] *Ibidem*, II, 172 (*Orelli*, 3665): „Iusiurandum Aritiensium. Ex mei animi sententia, ut ego iis inimicus ero, quos Caio Caesari Germanico (рѣчь идетъ о Калигулѣ) inimicos esse cognovero, et si quis periculum ei salutique eius inferet intuleritque, armis bello internecivo terra marique persequi non desinam, quoad poenas ei persolverit. Neque me neque liberos meos eius salute cariores habebo... Si sciens fallo fefellerove, tum me liberosque meos Iuppiter Optimus Maximus ac divus Augustus ceterique omnes dei immortales expertem patria, incolumitate fortunisque omnibus faxint". — Намъ неизвѣстно, почему этотъ маленькій городокъ въ Лузитаніи такъ связалъ себя съ Калигулой.

зывать силѣ, но добровольное и активное, полное пожертвованіе души, безграничную преданность, настоящую благочестивую вѣрность [1].

Такое чувство, какъ всегда бываетъ съ эмоціями которыя господствуютъ надъ массою, приняло форму религіи. Мы касаемся здѣсь фактовъ, противоположныхъ всѣмъ современнымъ понятіямъ, которые съ перваго взгляда кажутся необъяснимыми людямъ нашихъ дней тѣмъ не менѣе они несомнѣнно удостовѣрены. Въ ту эпоху въ душахъ людей, обитавшихъ съ одного конца Имперіи до другого, возникла новая религія, для которой сами императоры служили божествами. Всѣми историками, начиная отъ Тацита и Діона Кассія и кончая писателями такъ называемой „*historia augusta*", засвидѣтельствовано, что императорская власть и самая личность императоровъ пользовались поклоненіемъ впродолженіе трехъ вѣковъ [2]. Справедливость этого

[1] Стало обычаемъ воздвигать памятники и алтари или приносить многочисленныя жертвы въ честь императора или для его благополучія. Примѣры: „Ex imperio Matris deum, tauropolium provinciae Narbonensis factum per C. Batonium Primum, flaminem Augustorum, pro salute dominorum imperatorum L. Septimi Severi Pii Pertinacis Augusti et M. Aurelii Antonini Augusti" (*Lebègue*, Epigr. de Narbonne, n⁰ 13; *Herzog*, Gall. Narb. n⁰ 7; *C. I. L.* XII, 4323). — „Pro salute imperatoris Caesaris M. Aurelii Antonini Augusti tectum, porticum cum suis columnis Sex. Vereius Sextus decurio, de sua pecunia" (*Allmer*, Inscr. de Vienne, n⁰ 16; *C. I. L.* XII, 2391).—„Augusto sacrum et Genio civitatis Biturigum" (*Jullian*, Inscr. de Bordeaux n⁰ 1).—„Pro salute Augustorum" (*Inscr. helvet.* n⁰ 133). — „Pro salute domus divinae (*Ibid.* n⁰ 149). — „Imperatori Caesari M. Aurelio Antonino Augusto (рѣчь идетъ о Каракаллѣ), patri patriae, Narbonenses" (*Lebègue*, n⁰ 14; *C. I. L.* XII, 4347).— „In honorem domus divinae"—въ Кельнѣ (*Brambach*, n⁰ 439),—въ Кобленцѣ (*Ibid.* n⁰⁰ 692, 693, 711, 721).

[2] *Tacit.* Ann. I, 54; 73; II, 83; III, 64; Hist. II, 95. — *Dio Cass.* LI, 19 — 20; LIV, 32; *Spartian.* Hadr. 13; *Capitol.* Anton. 6.

указанія подтверждается безчисленнымъ количествомъ надписей, которыя были начертаны далеко отъ Рима и отъ императоровъ частными лицами, корпораціями и городскими общинами [1]. Всѣ провинціи, Галлія такъ же какъ другія, покрылись храмами и алтарями, посвященными всѣмъ императорамъ, одному за другимъ [2].

Существуетъ надпись города Нарбоны, составленная въ первые годы нашей эры; она гласитъ слѣдующее: «Городъ Нарбона связываетъ себя вѣчнымъ обѣтомъ съ божествомъ Августа. Благо и счастье да будетъ императору Цезарю Августу, отцу отечества и великому жрецу, его супругѣ, дѣтямъ, сенату, народу римскому и жителямъ Нарбоны, которые дали обѣтъ вѣчнаго поклоненія его божественности. Народъ Нарбонскій воздвигнулъ этотъ алтарь на площади родного города и постановилъ, что на этомъ алтарѣ каждый годъ въ восьмой день послѣ октябрьскихъ календъ, въ годовщину дня, когда счастливая судьба нашего вѣка дала его міру, чтобы управлять имъ, въ честь его будутъ закалываться шесть жертвенныхъ животныхъ, будутъ возноситься къ божеству его молитвенныя слова и предлагаться въ даръ вино и ѳиміамъ» [1].

[1] *C. I. L.* II, 2221, 2224, 2334, 3395 etc. V, 18, 3341, 4442 etc. *Corp. inscr. attic.* III, 63, 253; *Corp. inscr. graec.* 2696, 2943, 3524 etc.

[2] „Genio Augusti" (*Orelli*, 1435, 1667); „Genio Tiberii Caesaris" (*Ibid.* 3796); „Genio Caii Caesaris" (699); „Genio Vespasiani" (753); „Genio Domitiani" (*Henzen*, 7421); „Genio Traiani" (*Orelli*, 789); „Genio Antonini" (1718).—„Numini Augusti" (*Ibid.* 204, 401, 608, 1989, 2489 etc.); „numini deorum Augustorum" (277, 805, 5208); „collegium numinis dominorum (Vespasiani et Titi)" (2389).—„Augusto sacrum" (*Jullian*, Inscr. de Bord. nº 1).—„Devotus numini Marci Aureli" (*Bernard*, Le temple d'Aug. p. 61; Cfr. *C. I. L.* XII, p. 927).

Нѣсколько лѣтъ до христіанской эры вся Галлія [2] воздвигла сообща храмъ близъ города Ліона, при сліяніи Роны и Соны; этотъ храмъ былъ посвященъ Риму и Августу [3]. Онъ былъ построенъ по единодушному желанію галльскихъ общинъ [4]. Въ спеціальной

[1] *Lebègue*, Epigraphie de Narbonne, 1887, p. 117; *Herzog*, Gall. Narb. (appendix, nº 1); *Orelli*, 2489; *Wilmanns*, 104, *C. I. L.* XII, p. 530: „T. Statilio Tauro L. Cassio Longino consulibus (въ одиннадцатомъ году по Р. X.) numini Augusti votum susceptum a plebe Narbonensium in perpetuum. Quod bonum, faustum felixque sit imperatori Caesari divi filio Augusto patri patriae pontifici maximo tribunicia potestate XXXIV, coniugi liberis gentique eius, senatui populoque romano et colonis incolisque coloniae Iuliae Paternae Narbonis Martii, qui se numini eius in perpetuum colendo obligaverunt, plebs Narbonensium aram Narbone in foro posuit, ad quam quotannis VIII kalendas Octobres, qua die cum saeculi felicitas orbi terrarum rectorem edidit, tres equites romani a plebe et tres libertini hostias singulas inmolent et colonis et incolis ad supplicandum numini eius thus et vinum de suo praestent..." Здѣсь приводится лишь часть любопытной надписи. Отмѣтимъ, что слово *plebs*, которое повторяется въ ней четыре раза, не означаетъ, по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, низшаго класса жителей города Нарбоны. Оно обозначаетъ все населеніе, то-есть, гражданство. Такое значеніе впослѣдствіи все тѣснѣе будетъ связываться со словомъ *plebs*.—Упомянутые *tres equites romani a plebe*—это, по нашему мнѣнію, три гражданина города Нарбоны, обладающіе званіемъ римскихъ всадниковъ.

[2] Здѣсь идетъ рѣчь, по крайней мѣрѣ, о такъ называемыхъ „ТрехъГалліяхъ",то-есть, Лугдунской,Аквитанской и Бельгійской,—стало быть, о всей Галліи, кромѣ Нарбонской провинціи, въ которой находился свой отдѣльный храмъ. — См. объ этомъ *P. Guiraud*. Les assemblées provinciales и *Allmer*, Le musée de Lyon (t. II).

[3] *Liv.* Epit. 137: „Ara Caesaris ad confluentem Araris et Rhodani dedicata, sacerdote creato".—*Suet.* Claud. 2: „Ara ibi Augusto dedicata est."—*Dio*, LIV, 32.

[4] Намъ совсѣмъ неизвѣстны подробности этого событія;

надписи перечислялись названія тѣхъ шестидесяти изъ нихъ, которыя его соорудили, а вокругъ алтаря шестьдесятъ статуй изображали каждый изъ этихъ народцевъ [1]. Особый жрецъ былъ избранъ Галлами, чтобы руководить службами установленнаго культа, и учреждено было ежегодное празднество [2].

нельзя даже точно установить его хронологіи. Светоній называетъ 744-й г., но Діонъ Кассій указываетъ, что празднество въ честь Рима и Августа уже отправлялось въ 742-мъ.— Особенно интересно знать, было ли дѣйствительно совершенно самостоятельно постановленіе 60 галльскихъ общинъ. П. Гиро думаетъ, основываясь на словахъ Діона Кассія, что Друзъ внушилъ Галламъ эту мысль. Однако Діонъ Кассій опредѣленно этого не говоритъ: онъ разсказываетъ (LIV, 32), что въ 742 году отъ основанія Рима Друзъ, который находился тогда въ Галліи и готовился сражаться съ Германцами, вступилъ въ соглашеніе съ выдающимися представителями галльскаго общества, собравшимися около него по случаю празднества, которое совершалось у алтаря Августа. Намъ надо было бы имѣть подъ руками книгу 137-ю Тита Ливія; краткое *Epitome* сближаетъ возведеніе храма Августа съ фактомъ войны противъ Германцевъ и даже съ нѣкоторыми безпорядками въ Галліи; такимъ образомъ выходитъ, что въ моментъ какого-то кризиса, 60 общинъ рѣшились вмѣстѣ на этотъ актъ, чтобы дать ясное доказательство своей вѣрности Имперіи.

[1] *Strabo*, IV, 3, 2: „Τὸ ἱερὸν τὸ ἀναδειχθὲν ὑπὸ πάντων κοινῇ τῶν Γαλατῶν Καίσαρι τῷ Σεβαστῷ... ἔστι δὲ βωμὸς ἀξιόλογος ἐπιγραφὴν ἔχων τῶν ἔθνων ἑξήκοντα τὸν ἀριθμὸν καὶ εἰκόνες τούτων ἑκάστου μία“.— Единодушіе общинъ, если не единодушіе всѣхъ жителей здѣсь несомнѣнно.

[2] Одинъ ученый и ревностный кельтологъ утверждалъ, что до установленія культа Рима и Августа въ Ліонѣ, тамъ существовалъ старый національный культъ бога Луга, вслѣдствіе чего эта мѣстность служила всеобщимъ религіознымъ сборнымъ центромъ Галліи. Если вѣрить ему, выходитъ, что тутъ только новое имя стало на мѣсто стараго (*D'Arbois de Jubainville*, Le cycle mythologique irlandais, p. 5, 138—139, 304—305; ср. также „Nouvelle revue historique de droit“, 1881, p. 195—213). Но онъ не можетъ привести ни одного документа, который подтверждалъ бы существованіе этого стараго культа въ Галліи и спеціально въ Ліонѣ. Гипотеза его опирается только на томъ, что тамъ появился городъ, именовавшійся Лугдуномъ, названіе, которое, пожалуй, можетъ значить — холмъ бога Луга; но этого недостаточно, чтобы доказать, что тамъ стоялъ особый храмъ этого бога, и тѣмъ менѣе, что тамъ находился религіозный центръ Галліи. Даже если имя Лугдунъ должно подразумѣвать всеобщій національный культъ бога Луга, остается еще одно возраженіе, на которое надо обратить вниманіе, именно, что храмъ Августа не былъ расположенъ въ Лугдунѣ; онъ даже не находился на холмѣ, носившемъ это названіе; онъ не стоялъ на этой сторонѣ Соны. Онъ возвышался на противоположномъ берегу, вдали отъ всякаго холма, даже внѣ предѣловъ лугдунской территоріи, на остроконечной полосѣ земли, которая отдѣляетъ Сону отъ Роны. Поэтому мы не имѣемъ права связывать этотъ культъ Августа со старою галльскою религіею, которую онъ, будто бы, продолжалъ. Это было совершенно новое вѣрованіе для Галліи, и его правильнѣе выводить изъ греко-римской традиціи, чѣмъ изъ галльской. Оно связывается съ древними государственными религіями. Точно такъ же, какъ впродолженіе цѣлаго ряда вѣковъ существовали культы семейные, племенные, гражданскіе, союзные, человѣческій разумъ, полный такихъ религіозныхъ привычекъ, создалъ культъ имперскій. Культъ Рима и Августа сталъ для совокупности римскихъ провинцій тѣмъ, чѣмъ были божества „поліады“ для каждой гражданской общины.

Храмъ этотъ находился, собственно говоря, не въ Ліонѣ: Ліонъ былъ римскою колоніею, а не галльскою общиною; стало быть, ему не было никакого основанія воздвигать такой храмъ, ни даже имѣть его на своей территоріи. Онъ расположенъ былъ внѣ города Ліона, при сліяніи двухъ рѣкъ, на землѣ, которая была общею собственностью трехъ провинцій и шестидесяти галльскихъ общинъ [1].

[1] Это обстоятельство хорошо установлено у *Léon Renier* (см. 2-е изд. *Spon*). Ср. еще *de-Boissieu*, Inscriptions antiques de Lyon; *Aug. Bernard*, Le temple d'Auguste. — Правда, что Светоній говоритъ—„Lugduni“ (Claud. 2), Діонъ Кассій—„ἐν Λουγδούνῳ“ (LIV, 32); но это только сокращенный способъ выраженія; над-

Новая религія не была волною, опредѣлявшею настроеніе одного дня. Діонъ Кассій пишетъ, что алтарь и праздникъ существовали еще въ его время [1]. Рядъ надписей показываетъ также, что нарбонскій храмъ и храмъ при сліяніи Роны и Соны существовали нѣсколько вѣковъ, и что жертвоприношенія совершались тамъ съ полною правильностью [2]. Можно составить цѣлый списокъ именъ Галловъ, которые смѣняли другъ друга въ качествѣ главныхъ жрецовъ культа Рима и Августа. Это, во-первыхъ, Эдуй Гай Юлій Веркундаридубъ [3]. Позже мы находимъ Карнутовъ—Гая Юлія и Публія Веттія Переннія, Секвана Квинта Адгеннія Мартина, Кадурка Марка Луктерія, Нервія Лосидія, Арверна Сервилія Мартіана, Сегузіава Улаттія и многихъ другихъ [4].

писи, въ которыхъ заключается точная оффиціальная формула, говорятъ намъ—„ad confluentem Araris et Rhodani", и то же выраженіе, встрѣчаемъ въ *Epitome* Тита Ливія; Страбонъ говоритъ, что алтарь находился не въ городѣ, а передъ городомъ: „Πρὸ τῆς πόλεως ἐπὶ τῇ συμβολῇ τῶν ποταμῶν".—Теперь еще можно воспользоваться новыми изслѣдованіями Алльмера о топографіи лугдунскаго храма.

[1] *Dio*, LIV, 32: „Τῆς ἑορτῆς ἣν καὶ νῦν περὶ τὸν τοῦ Αὐγούστου βωμὸν τελοῦσι".

[2] *De-Boissieu*, Inscriptions de Lyon; *Orelli*, n⁰⁰ 184, 660, 4018; *Henzen*, n⁰⁰ 5233, 5965, 5966, 5968, 6944, 6966.—Точно также относительно храма Рима и Августа въ Анкирѣ надписями констатируется, что списокъ жрецовъ захватываетъ протяженіе двухъ вѣковъ.

[3] *Liv*. Epit. 137: „Sacerdote creato C. Iulio Vercundaridubio Aeduo".

[4] Эти лица извѣстны намъ по памятникамъ, которые были воздвигнуты въ честь ихъ либо городомъ Ліономъ, либо всею Галліею. См. *Bernard*, Le temple d'Auguste, стр. 53, слл. „Q. Adgennius, Urbici filius, Martinus, Sequanus, sacerdos Romae et Augusti ad confluentem Araris et Rhodani"—„C. Servilio Martiano, Arverno, sacerdoti ad templum Romae et Augustorum, tres provinciae Galliae".—„Losidio, Quieti filio, Nervio, sacerdoti ad aram Caesaris nostri ad templum Romae et Augusti inter confluentes Araris et Rhodani, tres provinciae Galliae". Огюстъ Бернаръ собралъ 18 достовѣрныхъ надписей, которыя сообщаютъ 18 именъ жрецовъ. Списокъ этотъ дополненъ Алльмеромъ.

Всѣ эти жрецы, избранные съѣздомъ галльскихъ общинъ, были первыми лицами въ ихъ странѣ [1]. Точно также Нарбонская провинція имѣла свой храмъ Рима и Августа; главный жрецъ, избранный всею провинціею, ежегодно руководилъ церемоніями этого культа [2].

Каждая изъ галльскихъ общинъ строила кромѣ того внутри собственныхъ стѣнъ храмъ въ честь императора; служитель этого культа, который носилъ титулъ—*flamen Augusti* [3], избирался гражданствомъ изъ среды лучшихъ людей города [4].

[1] Почти всѣ надписи сопровождаются указаніемъ—„omnibus honoribus apud suos functo".

[2] „Flamen provinciae Narbonensis" (*Allmer*, n⁰ 75).—L. Aemilio M. f. Volt. Tutori flamini Romae et Augusti" (*Allmer*, 137).—„Κ. Τρεβέλλιος Ροῦφος... ἀρχιερεὺς ἐπαρχείας τῆς ἐκ Νάρβωνος" (*Lebègue*, Epigraphie de Narbonne, n⁰ 42).—„Flamini Augusti, templi Narbonensis" (*Lebègue*, 44). Ср. *Herzog*, Appendix, n⁰⁰ 106, 107, 108; *C. I. L.* XII, p. 935.—Несомнѣнно, что въ выраженіи—*Romae et Augusti* слово—*Augusti* не обозначаетъ перваго императора; лучшимъ доводомъ, который можно привести для доказательства этого, является тотъ фактъ, что когда правили вмѣстѣ два или три императора, выраженіе это измѣнялось; тогда говорилось: *Romae et Augustorum*.—О фламинѣ Рима и Августа въ Нарбонской провинціи см. новую надпись города Нарбоны въ *Corp. Inscr. Lat.* t. XII p. 864.

[3] Не говорили *flamen principis, flamen imperatoris*, потомъ что настоящій титулъ императора, когда онъ являлся предметомъ поклоненія, былъ именно—*augustus*.

[4] Мы знаемъ въ Нимѣ—„Flamen Romae et Augusti" (*Herzog*

Храмы, подобные Нарбонскому и тому, который стоялъ при сліяніи Роны съ Соной, воздвигались во всѣхъ частяхъ Имперіи, и жречества такого же характера были установлены населеніемъ повсюду [1]. Достойно замѣчанія, что построеніе такихъ храмовъ

Apendix, n°° 128, 129; *Henzen*, 5997; *C. I. L.* XII, 3180, 3207; cfr. p. 382); также въ Ліонѣ (*Henzen*, 6931), въ Вьеннѣ (*Mommsen*, Inscr. helv. 3, 118, 119, 142; *C. I. L.* XII, p. 938); внѣ Галліи см. *Orelli*, 488, 3874, 3881, 3651. Ср. въ Испаніи—„pontifex domus Augustae“ (*C. I. L.* II, 2105).—Надобно отмѣтить, что существовали храмы, возведенные въ честь императора, въ которыхъ культъ продолжался и послѣ его смерти. Такъ мы встрѣчаемъ одного „flamen divi Claudii“ болѣе полувѣка послѣ смерти этого императора (*Orelli*, 65, 3651); мы находимъ также—„flamen divi Vespasiani“ (*Orelli*, 3853), „flamen divi Traiani“ (*Ibid.* 65, 3898), „flamen Hadriani“ (*Ibid.* 3805) „flamen divi Severi“ (*Ibid.* 2204).—Извѣстно, что слово—*divus* присоединялось къ имени императора лишь послѣ его смерти.— Существовали также — „flamen Commodianus“ (*Henzen*, 6052), „sacerdos Flavialis“ (*Ibid.* 5480), „sacerdos Ulpialis“ (*Ibid.* 3135).—Ср. *Corp. inscr. lat.* XII, p. 928.

[1] Существованіе этого культа удостовѣрено для провинціи Азіи надписями (см. *Böckh*, n°° 2741, 3415, 3461, 3494, 4039; *Waddington*, n° 1266); для Галатіи нѣсколькими текстами, приведенными у *G. Perrot*, „De Galatia provincia romana,“ p. 150,—153; для Греціи см.—*Böckh*, 1124, 1718, 2583; въ Спартѣ находимъ—„ἀρχιερεῖς τοῦ Σεβαστοῦ“ (*Foucart*, Inscr. de Laconie, 176, 179, 244); въ Египтѣ существованіе храма Рима и Августа констатируется Ф и л о н о м ъ (Legatio ad Cai. 22); для Африки см. *L. Renier*, Inscr. d'Algérie, n° 3915 и *Henzen*, 6901; для Испаніи *C. I. L.* 160, 397, 473, 2221, 2224, 2244, 2334, 3329, 3395, 4191, 4199, 4205, 4239, 4250); для Великобританіи см. *Tac.* Ann. XII, 32; XIV, 31; *Henzen*, 6488; для Панноніи *C. I. L.* III, 3343, 3485, 3626; для Ѳракіи см. *Dumont*, Inscr. de Thrace, n° 29; „Bulletin de corresp. hell.“ 1882, 181 и вообще предисловія и указатели къ *Corp. inscr. lat.*—О религіи Рима и Августа см. еще *G. Boissier*, La religion romaine; *P. Guiraud*, Les assemblées provinciales dans l'empire romain (livre I, ch. 2); *Mommsen*, Staatsrecht, II, 732 ss. (изд. 1877 г.); *Marquadt*, Staatsverwaltung, III, 463 ss. (изд. 2).

совершалось вовсе не по предписанію императорской власти; ни одинъ фактъ, ни одинъ текстъ не уполномочиваютъ насъ сомнѣваться, что это были акты доброй воли населенія [1]. Провинціальные или муниципальные жрецы также не назначались императорами, а избирались народами. Этихъ должностей искали, какъ высшихъ достоинствъ. Ихъ добивались самые знатные и значительные изъ мѣстныхъ людей. Чтобы быть избраннымъ въ провинціальные жрецы храма Рима и Августа, или чтобы стать муниципальнымъ фламиномъ императора, надо было раньше пройти всѣ гражданскія магистратуры родной общины. Это была самая высокая цѣль личнаго честолюбія, увѣнчаніе самыхъ блестящихъ карьеръ [2].

[1] *Tac.* Ann. IV, 15: „Decrevere Asiae urbes templum Tiberio et permissum statuere“.—*Idem*, I, 78: „Templum ut in colonia Tarraconensi statueretur, Augusto petentibus Hispanis permisum“.—Тиберій и Клавдій запретили, чтобы имъ строили храмы (*Dio*, LIX, 28).—Есть, правда, нѣсколько примѣровъ алтарей, воздвигнутыхъ себѣ самими императорами, или поставленныхъ въ честь ихъ чиновниками (*Dio*, LIX, 28); но это случаи исключительные. Въ общемъ смыслѣ можно сказать, что возведеніе столькихъ алтарей императорамъ было слѣдствіемъ широко распространившагося теченія, но никакъ не внушенія сверху.

[2] Это вытекаетъ изъ многихъ надписей; мы приведемъ только нѣсколько, относящихся къ Галліи.—„Aeduo... *summis honoribus apud suos functo*“ (*Boissieu*, p. 84; *Bernard*, p. 53).—„Latino Catapano, Aeduo, sacerdoti trium provinciarum, *officiis et honoribus apud suos functo*, Sequani publice“ (*Bernard*, p. 64; *Orelli*, n° 184).—„C. Catullino, Tricassino, *omnibus honoribus apud suos functo*, sacerdoti ad templum Romae et Augustorum“ (*Bernard*, p. 64).—Cfr. *Censorinus*, De die natali, c. 15: „Tu tamen, officiis municipalibus functus, honore sacerdotii (слова *sacerdos* и *sacerdotium* на языкѣ того времени спеціально примѣнялись къ обозначенію жрецовъ императора) in principibus tuae civitatis es conspicuus“.

Однако нельзя думать, что культъ императоровъ практиковался только среди самыхъ знатныхъ и богатыхъ слоевъ общества. Бѣдные и смиренные люди также чувствовали влеченіе устраивать для себя поклоненіе Цезарямъ. Въ каждомъ городѣ, почти въ каждомъ поселеніи простой народъ и даже вольноотпущенники стали возводить алтари въ честь «Августа»; образовалась особая религіозная корпорація, которую назвали **августалами**, и устроена была спеціальная коллегія жрецовъ по шести членовъ, которая получила наименованіе «севировъ августаловъ».—Это было годичное жречество, котораго очень добивались въ свою очередь маленькіе люди. Въ дни жертвоприношеній ихъ можно было видѣть, одѣтыми въ «претексту», и ликторы шли передъ ними. Послѣ ихъ смерти никогда не забывали начертать на ихъ могилѣ титулъ, который ихъ прославилъ при жизни [1].

Въ изображаемомъ культѣ не все являлось публичнымъ или показнымъ. Много людей въ тайнѣ своего жилища, далеко отъ взоровъ толпы и безъ всякаго помышленія объ императорскихъ чиновникахъ, поклонялось божественной особѣ императора, причисляя ее къ своимъ домашнимъ богамъ—пенатамъ. Можно видѣть въ Луврскомъ музеѣ двѣ бронзовыя статуэтки, которыя изображаютъ Августа и Ливію; онѣ нѣкогда помѣщались, конечно, въ качествѣ предметовъ поклоненія въ

[1] Севировъ августаловъ находимъ въ Ліонѣ (*Orelli*, 194, 2322, 4020, 4077, 4242; *Henzen*, 5231, 7256, 7260), въ Везонѣ (*Henzen*, 5222), въ Арлѣ (*Orelli*, 200), въ Аваншѣ (*Orelli*, 372. 375; *Henzen*, 6417), въ Нимѣ (*Orelli*, 2298; *Henzen*, 5231), въ Женевѣ (*Orelli*, 260), въ Вьеннѣ (*Allmer*, II, p. 300), въ Кельнѣ (*Brambach*, 442), въ Трирѣ (*Brambach*, 804) и почти во всѣхъ городахъ Нарбонской провинціи (*Corp. Inscr. Lat.* XII, p. 940) и Трехъ Галлій.

интимномъ святилищѣ какой-нибудь галльской семьи. Нѣсколько поколѣній молились имъ такъ, что никто и не зналъ объ этомъ. Мы можемъ легко представлять себѣ, что эта семья просила ихъ въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ о мирѣ, счастьѣ, довольствѣ, здоровьѣ, и что при всякой испытываемой радости она считала своимъ долгомъ воздавать этимъ божествамъ благодаренія.—Статуи императоровъ сдѣлались настоящими идолами, которымъ приносили ладонъ и жертвы, къ которымъ обращались съ прошеніями [1].

Немыслимо приписывать все это раболѣпію. Цѣлые народы не бываютъ раболѣпны или во всякомъ случаѣ не сохраняютъ раболѣпія впродолженіе трехъ вѣковъ. Не будемъ предполагать, что описанный культъ былъ лишь внѣшнимъ церемоніаломъ, своеобразнымъ правиломъ этикета; дворецъ самихъ императоровъ былъ почти единственнымъ мѣстомъ во всемъ римскомъ мірѣ, гдѣ онъ не совершался. Не придворные поклонялись государю, а городъ Римъ, и не одинъ городъ Римъ, но также Галлія, Испанія, Греція и Азія. Если исключить христіанъ, которые тогда жили еще скрытыми во мракѣ, родъ человѣческій какъ бы общимъ хоромъ поклонялся особѣ мірового монарха. [2]

[1] *Tac.* Ann. I, 73: „Effigies Augusti, ut alia numinum simulacra“.—Cfr. *Dio*, LVIII, 4: „Ταῖς εἰκόσι τοῦ Τιβερίου ἔθυον“.

[2] См. объ этомъ культѣ у *Egger*, Examen critique des historiens d'Auguste, 2-e appendice, и послѣдующія замѣчанія того же ученаго въ „Revue archéologique“ за 1897 г.—Объ августалахъ и муниципальныхъ жрецахъ существуетъ много новыхъ нѣмецкихъ изслѣдованій (между ними на первомъ мѣстѣ надо поставить этюдъ Моммзена), выводы которыхъ резюмированы въ соотвѣтствующемъ томѣ руководства Марквардта. [Вопросъ поставленъ и разрѣшенъ за-ново въ русск. изслѣд. проф. М. Н. Крашенинникова, Августалы и сакральное магистерство, Спб. 1895.—*Прим. ред. перев.*].

Нѣкоторые историки высказывали предположеніе, что культъ императоровъ былъ позднимъ плодомъ восторжествовавшаго въ римскомъ мірѣ деспотизма, и что онъ утвердился лишь около времени Діоклетіана. На дѣлѣ наоборотъ, именно съ эпохи Діоклетіана онъ исчезаетъ. Тогда онъ дѣйствительно обратился въ пустой церемоніалъ или форму этикета; отъ него остались лишь внѣшность и одни слова въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ еще находятъ въ кодексахъ христіанскихъ императоровъ. Истинная его сущность, искренній культъ свободный, горячій зародился съ самаго начала имперіи и просуществовалъ три вѣка. Впродолженіе всей этой эпохи личность всѣхъ императоровъ являлась предметомъ обоготворенія: въ честь каждаго воздвигались храмы, устраивались священныя празднества, избирались спеціальные жрецы. Не былъ ли въ самомъ дѣлѣ каждый изъ нихъ Августомъ, то-есть, болѣе чѣмъ человѣкомъ? Обращаясь къ государю, его называли «святѣйшій императоръ» [1]. Даже титулъ «бога», на который онъ не имѣлъ права въ языкѣ оффиціальномъ, охотно давался ему въ просторѣчіи. Уже со временъ Калигулы императорамъ говорили, что они—боги [2]. Этотъ способъ наименованія сдѣлался даже обычнымъ при Флавіяхъ [3]. Ихъ называли: «Твоя

[1] *Treb. Poll.* Valer. 6: „Sanctissime imperator"; *Plin.* Epist. ad Trai. 1: „Sanctissime imperator".

[2] См. что разсказываетъ Діонъ Кассій (LIX, 27) о нѣкоемъ Луціи Вителліи, который не былъ, какъ говоритъ авторъ, „οὔτ' ἀγενὴς οὔτ' ἄφρων". Онъ представляетъ его распростирающимся у ногъ Калигулы,—„θειάσας αὐτὸν καὶ προσκυνήσας καὶ εὐξάμενος θύσειν αὐτῷ".—Потомъ онъ обращается къ императору съ рѣчью въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ὑμῖν τοῖς θεοῖς, δέσποτα..."—Въ надписи *Saltus Burunitanus* (*C. I. L.* VIII, 10570) колоны называютъ императора—„Divina Tua Providentia".

[3] Діонъ Кассій (LXVII, 13) изображаетъ также Ювентія Цельза распростирающимся передъ Домиціаномъ—„προσκυνήσας αὐτῷ, δεσπότην τε καὶ θεὸν ὀνομάσας", и прибавляетъ:—„ἃ παρὰ τῶν ἄλλων ἤδη προσαγορεύετο".—*Suet.* Domit. 13: „Quum procuratorum suorum nomine dictaret epistolam, sic coepit: Dominus et deus noster. Unde institutum, ut ne scripto quidem ac sermone cuiusquam appellaretur aliter".

божественность», «Твоя вѣчность» [1]. Передъ Адріаномъ, Антониномъ, Маркомъ Авреліемъ носили священный огонь [2]. Клялись императорами, какъ клялись самыми могущественными богами, и этотъ видъ клятвы считался особенно священнымъ [3]. Намъ извѣстна надпись, начертанная однимъ Галломъ изъ окрестностей Ліона, который объявляетъ себя поклонникомъ бога—Марка Аврелія [4]. Лучшіе императоры, какъ и худшіе, самые мудрые и самые безумные, должны были принимать божественные титулы и такія странныя выраженія почитанія. Они могли, конечно, отвергнуть подобное поклоненіе отъ лицъ, ихъ непосредственно окружавшихъ, и удалить ѳиміамъ отъ своей особы [5]; но имъ невозможно было помѣшать, чтобы вдали отъ нихъ онъ курился въ ихъ честь. Наиболѣе философски настроенный изъ Цезарей—Маркъ Аврелій даже и не думалъ уничтожать эту причудливую религію,

[1] Плиній пишетъ Траяну (*Epist.* 59[67]): „Flavius Archippus per Salutem Tuam Aeternitatemque petiit, ut..."

[2] *Herodian.* I, 8, 4; I, 16, 4; II, 3, 2; II, 6, 12; VII, 6, 2.

[3] См. муниципальный законъ города Сальпензы (главы XXV и XXIV): „Facito, ut is iuret per Iovem et divum Augustum et divum Claudium et divum Vespasianum Augustum et Genium imperatoris Domitiani et deos penates." — Ср. *lex Malacitana*, LIX; *Suet.* Calig. 15; Claud. 11.

[4] „Imperatori Caesari M. Aurelio Antonino Augusto C. Ulattius... devotus numini maiestatique eius" (надпись, приведенная у *Bernard*, Le temple d'Aug. p. 61).

[5] Клавдій запретилъ „προσκυνεῖν αὐτῷ μήτε θυσίαν ποιεῖν" (*Dio.* LX. 5).

которая, впрочемъ, обращалась меньше къ нему, какъ таковому, чѣмъ къ императорской власти, которою онъ былъ облеченъ. Онъ самъ основалъ культъ въ честь своего умершаго соправителя [1]. Онъ воздвигнулъ храмъ имени своей супруги Фаустины и учредилъ для служенія ей особое жречество [2]. Онъ самъ при жизни и еще долго послѣ смерти пользовался поклоненіемъ какъ божество [3]. Его историкъ Юлій Капитолинъ говоритъ, что еще въ его время во многихъ частныхъ домахъ можно было видѣть статую Марка Аврелія, помѣщенную среди пенатовъ; онъ — богъ, у него свои жрецы и священнослужители [4]. Итакъ, того самаго человѣка, котораго въ наше время представляютъ, какъ лучшее олицетвореніе типа философа, поколѣнія его современниковъ почитали какъ бога [5]. Каракалла также получилъ свой храмъ и спеціальное жречество для отправленія обязанностей культа [6]. Такъ было со всѣми императорами.

[1] *Iul. Capitol.* Marc. 15; 20: „Fratri divini honores decreti.. quum senatus fratrem consecrasset".

[2] *Ibid.* 26: „Petiit a senatu, ut honores Faustinae aedemque decernerent, laudata eadem, quum impudicitiae fama graviter laborasset... Puellas Faustinianas instituit in honorem uxoris mortuae... aedem illi exstruxit".—Существуютъ надписи въ честь „diva Faustina" (*Orelli-Henzen*, n°° 868, 3253, 3365, 5472).

[3] Тоже надо сказать объ Антонинѣ Благочестивомъ, біографъ котораго сообщаетъ: „Meruit et circenses et flaminem et templum et sodales Antoninianos" (*Capitolin.* Pius, 13).

[4] *Iul. Capitolin.* Marc. 18: „Hodie in multis domibus Marci statuae consistunt inter deos penates; dati sacerdotes et sodales et flamines et omnia quae de sacratis decrevit antiquitas".—Первая часть этой фразы относится къ частному и, конечно, добровольному культу, вторая—къ публичному.

[5] *Ibid.* 19: „Deus etiam nunc habetur".

[6] *Spartian.* Carac. 11: „Inter deos relatus est; habet templum, habet salios, habet sodales".—Извѣстно, что *sodales* были коллегіей или корпораціей жрецовъ, посвятившихъ себя культу императора; существовали *sodales Augustales*, *sodales Hadrianales*, *sodales Flaviales*, *sodales Antoniniani*.

Странный культъ, о которомъ говорится на предшествующихъ страницахъ, становится понятнымъ, и мы научаемся чувствовать всю его искренность и силу, если вдумаемся въ душевное состояніе поколѣній, которыя его создали. Люди были тогда очень суевѣрны. Въ обществѣ римской Имперіи благочестивые обряды распространялись широко и повсемѣстно; самые высшіе культурные классы предавались имъ съ неменьшей горячностью, чѣмъ самые невѣжественные. Акты поклоненія и жертвоприношенія богамъ занимали больше всего мѣста въ духовномъ существованіи людей того времени. У всякаго человѣка былъ свой *lararium*; бѣдные на всякой улицѣ какого-нибудь города устраивали себѣ молельню, ставили своего идола. Жречества постоянно умножались, такъ какъ каждый хотѣлъ быть служителемъ какого-нибудь бога. Религіозныя товарищества возникали повсюду. Колдовство и гаданія были въ большомъ ходу, потому что всѣ сильно увлекались сверхъестественнымъ. Юлій Цезарь вѣрилъ въ необычайныя явленія, Тиберій занимался астрологіей, Веспасіанъ творилъ чудеса [1], Маркъ Аврелій совѣщался съ волхвами [2]. То же повторялось во всѣхъ

[1] Тацитъ подробно разсказываетъ о нихъ (*Hist.* IV, 81).

[2] *Dio*, LXVI, 8; LXXI, 8.—Діонъ Кассій, который былъ сенаторомъ, выказываетъ себя чуть ли не на каждой страницѣ своего сочиненія въ высшей степени суевѣрнымъ и благочестивымъ человѣкомъ.—О суевѣріи и благочестіи Марка Аврелія см. *Jul. Capitolin.* Marc. 13: „Undique sacerdotes accivit, peregrinos ritus implevit, Romam omni genere lustravit"; c. 19: „Quum ad chaldaeos Marcus retulisset". Здѣсь идетъ рѣчь объ одномъ случаѣ, который, можетъ быть, не достовѣренъ, но который хорошо характеризуетъ мнѣнія того времени. Въ другомъ мѣстѣ (c. 24),

слояхъ общества: знатные и богатые держали своихъ собственныхъ гадателей въ домахъ; толпа бѣгала къ уличнымъ предсказателямъ [1]. У многихъ, какъ у Септимія Севера, была книга, въ которой они изо-дня въ день отмѣчали всякія знаменія и предсказанія, ихъ лично касавшіяся. Только и говорили, что о сновидѣніяхъ, объ оракулахъ, о вызываніи умершихъ. Не было ни одного человѣка, который не носилъ бы на себѣ какого-нибудь талисмана, халдейскаго камня, друидическаго яйца. Робкій человѣческій разумъ вездѣ искалъ божество. Потребность его поклоняться прилагалась естественно къ тому, что онъ видѣлъ особенно могущественнаго среди человѣческихъ отношеній, къ власти императоровъ.

Мы не должны, впрочемъ, смѣшивать воззрѣнія того времени съ доктриною божественнаго права царской власти, которая возникла лишь въ другую, болѣе позднюю эпоху [2]. Въ нихъ не предполагалось силы, установленной божественною волею; самое могущество императоровъ было божественнымъ. Оно не только

мы читаемъ, что Маркъ Аврелій самъ сдѣлалъ чудо: „Fulmen de coelo precibus suis contra hostes extorsit“.

[1] Объ обычаѣ обращаться къ *Chaldaei, magi, mathematici* см. *Tac.* Ann. II, 27 32; III, 22; XII, 22; XIV, 9; XVI, 30. Обратите вниманіе, что всѣ эти примѣры относятся къ личностямъ и классамъ, особенно высоко стоявшимъ. У Діона Кассія подобные примѣры безчисленны.—*Spartian.* Hadr. 3; Sept. Sev. 2; *Iul. Capitol.* Gord. 20.

[2] Въ числѣ оффиціальныхъ императорскихъ титуловъ, которые извѣстны намъ изъ надписей, нѣтъ ни одного слова, которое вызывало бы идею „Божьей милости“ (*gratia Dei*) современныхъ монархій. — Когда одинъ римскій всадникъ говоритъ Тиберію: „Tibi summum rerum iudicium dii dedere“ (*Tac.* Ann. VI, 8), мы должны усматривать въ этихъ словахъ лишь выраженіе личной лести его императору, а не воплощеніе политическаго принципа.

опиралось на религію, оно само было религіей. Императоръ не былъ представителемъ бога, онъ самъ былъ богомъ. Прибавимъ даже, что если онъ становился богомъ, то это происходило не вслѣдствіе того безсознательнаго энтузіазма, который питаютъ нѣкоторыя поколѣнія къ великимъ людямъ. Императоръ могъ быть весьма посредственнымъ человѣкомъ и даже быть извѣстнымъ за таковаго, онъ могъ не возбуждать ни въ комъ иллюзіи величія и тѣмъ не менѣе признаваться за божественное существо. Вовсе не было необходимо, чтобы онъ поражалъ воображеніе современниковъ блестящими побѣдами или трогалъ сердца великими благодѣяніями. Онъ не былъ богомъ въ силу своего личнаго достоинства; онъ былъ богомъ, потому что былъ императоромъ. Являлся ли онъ хорошимъ или худымъ, великимъ или малымъ человѣкомъ, все равно въ его личности обоготворялась общественная власть. Эта религія, въ самомъ дѣлѣ, была ничѣмъ инымъ, какъ своеобразною концепціею государства. Верховная власть рисовалась въ умахъ, какъ родъ божественнаго провидѣнія [1]. Она связывалась въ мысли людей съ представленіемъ о мирѣ, которымъ они стали пользоваться послѣ столь долгихъ вѣковъ постоянныхъ смутъ, съ благосостояніемъ и богатствомъ, которыя все увеличивались, съ промышленностью, искусствами и цивилизаціею, которыя повсюду распространялись. Человѣческое сознаніе усиліемъ мысли и чувства, которое было для него тогда естественно и совершалось

[1] Императоръ названъ въ одной надписи: „Θεὸς ἐμφανὴς καὶ κοινὸς τοῦ ἀνθρωπίνου βίου σωτήρ“ (*Böckh*, 2957); Траянъ именуется „conservator generis humani“; Константинъ—„conservator humanarum rerum.“ Въ другой надписи, составленной коллегіей *fratres arvales* въ Римѣ, Клавдій именуется „divinus princeps et parens publicus“ (*Henzen*, 7849).

инстинктивно, обоготворило эту власть. Точно также, какъ въ первобытные вѣка человѣческой жизни поклонялись облаку, которое, изливаясь дождемъ, заставляло рости будущую жатву, и солнцу, которое помогало ей созрѣвать,—теперь признали божествомъ верховную власть, которая являла себя народамъ, какъ охрана мира и источникъ всякаго блага.

Поколѣнія людей, жившихъ въ первые вѣка послѣ Р. Хр., не переносили монархію по неволѣ, а сами хотѣли ея. Чувство, которое они по отношенію къ ней выказывали, не было ни покорностью, ни страхомъ, это было—благоговѣніе. Они охвачены были фанатическою привязанностью къ власти одного, какъ другія поколѣнія раньше страстно увлекались республиканскими учрежденіями. Для человѣка естественно создавать религію изъ всякой идеи, которая наполняетъ его душу. Въ извѣстныя эпохи онъ воздаетъ поклоненіе свободѣ; въ другія времена боготворитъ принципъ авторитета.

ГЛАВА III.

Римское провинціальное управленіе и административная централизація.

Галлія вошла въ составъ римской Имперіи въ качествѣ *provincia* [1]. Слово это въ тѣ времена не употреблялось еще въ смыслѣ географическаго термина; оно обозначало, собственно, понятіе подчиненія римскому государству [2]. Изъ него вытекало, что Галлія была, въ теоріи и по праву, страною, находящеюся въ подданствѣ у Рима [3]. На дѣлѣ такое положеніе выражалось

[1] *Suet.* Caes. 25; „Galliam... in provinciae formam redegit“.— Чтобы установить точный смыслъ этого выраженія, ср. слѣдующее мѣсто изъ того же писателя: „Achaiam, Lyciam, Rhodum, libertate adempta, in provinciarum formam redegit“ (*Suet.* Vesp. 8).

[2] Можно замѣтить, что Діонъ Кассій, который пишетъ по-гречески, всегда переводитъ *provinciae* словомъ τὸ ὑπήκοον.

[3] Очень тонкій вопросъ поднимается наименованіемъ „свободныхъ“ или „союзныхъ“ общинъ, которое было предоставлено нѣкоторымъ изъ галльскихъ народцевъ. Светоній даетъ понять, что такое право ихъ было уважено въ организаціи, данной странѣ Цезаремъ: „Galliam praeter socias ac bene meritas civitates in provinciae formam redegit“. Но мы не видимъ, чтобы эта привилегія была сохранена за ними послѣ переустройства, произведеннаго Августомъ въ 27-мъ году до Р. Хр. Мы можемъ замѣтить наоборотъ, что въ тотъ день, когда „три (галльскія) провинціи“ воздвигаютъ храмъ Риму и Августу, всѣ галльскіе народцы, числомъ шестьдесятъ, оказываются въ равномъ положеніи

въ томъ, что Галлія должна была управляться не собственными законами, а также не законами, опредѣлявшими государственное устройство самого города-властелина, но неограниченною и единичною властью намѣстника, посылаемаго изъ Рима [1]. Таково происхожденіе римской административной системы.

Августъ раздѣлилъ Галлію на четыре провинціи— Нарбонскую, Аквитанскую, Лугдунскую и Бельгійскую [2]. Такое дѣленіе близко соотвѣтствовало обла-

и перечисляются безъ указанія какихъ бы то ни было различій между ними въ этомъ актѣ выраженія покорности верховному господину. Обратимъ вниманіе еще на то обстоятельство, что въ началѣ царствованія Тиберія община Эдуевъ, которая раньше пользовалась званіемъ „союзной", была подчинена подати такъ же, какъ остальныя (*Tac.* Ann. III, 40). Все это приводитъ насъ къ заключенію, что если нѣкоторыя изъ галльскихъ общинъ были первоначально оставлены какъ бы внѣ римскаго владычества, то такое положеніе продолжалось недолго. Термины *foederati* или *liberi* являлись здѣсь скорѣе почетными титулами, чѣмъ признаками независимости.

[1] Первоначально, слово *provincia* прилагалось ко всякому порученію, дававшемуся римскому гражданину сенатомъ или народомъ съ предоставленіемъ ему высшей власти. Оно употреблялось, напримѣръ, для обозначенія полномочія вести войну съ вражескимъ народомъ. См. *Liv.* III, 2: „Bellum adversus Aequos Fabio provincia data est." — *Idem*, II, 40: „Sicinio Volsci, Aquilio Hernici, qui in armis erant, provincia evenit.".—*Idem*, XXVI, 28: „Decrevere patres, ut alteri consulum Italia bellumque cum Hannibale provincia esset."—Позже этотъ терминъ предпочтительно сталъ примѣняться къ полномочіямъ, которыми снабжались проконсулы внѣ Италіи. Стало быть, разбираемое слово обозначало не самую страну, но предоставленное проконсулу по делегаціи право управлять ею; потому-то на греческій языкъ слово *provincia* въ этомъ смыслѣ переводится ἐπαρχία. Только во время Имперіи, да и то не съ самаго начала, слово это получило географическое значеніе.

[2] *Strabo*, IV, 1: „Ὁ Σεβαστὸς Καῖσαρ τετραχῇ διελὼν τοὺς μὲν Κέλτας τῆς Ναρβωνίτιδος ἐπαρχίας ἀπέφηνεν, Ἀκουιτανοὺς δ᾽οὕσπερ

стямъ, на которыя искони распадалась страна. Въ немъ даже сохраняютъ существованіе два изъ прежнихъ ихъ именъ [1].

При другомъ раздѣлѣ всего провинціальнаго міра, произведенномъ тѣмъ же императоромъ между имъ самимъ и сенатомъ, онъ включилъ Нарбонскую Галлію въ составъ сенатскихъ провинцій, и оставилъ за собою Аквитанію, Лугдунскую и Бельгійскую области. Такимъ образомъ, въ теоріи первая была «провинціею римскаго народа», а три послѣднія — «провинціями Цезаря». Фактически единственная разница въ администраціи этихъ провинцій заключалась въ томъ, что Нарбонская управлялась проконсуломъ, назначаемымъ формально сенатомъ и дѣйствовавшимъ какъ бы отъ

κἀκεῖνος... τὴν δὲ λοιπὴν διελὼν δίχα τὴν μὲν Λουγδούνῳ προσώρισε μέχρι τῶν ἄνω μέρων τοῦ Ῥήνου, τὴν δὲ τοῖς Βέλγαις."—Намъ незачѣмъ долго останавливаться на нѣкоторыхъ случайныхъ уклоненіяхъ отъ указаннаго распредѣленія Галліи на административныя области. Августъ, напримѣръ, нѣсколько разъ поручалъ управленіе всѣми тремя провинціями одному лицу, какъ Агриппѣ, Тиберію, Друзу, Германику.

[1] Для полноты слѣдуетъ упомянуть еще о маленькой провинціи Приморскихъ Альпъ (*Alpes Maritimae*), которая находилась подъ управленіемъ императорскаго прокуратора (*Wilmanns*, 1256, 1271; *C. I. L.* XII, p. I et XIII). Въ неизвѣстномъ году, вѣроятно, при Тиберіи, были учреждены провинціи Верхней и Нижней Германіи вдоль берега Рейна; но это были, скорѣе, военныя территоріи, чѣмъ провинціи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ каждой изъ нихъ расквартирована была армія изъ четырехъ легіоновъ съ вспомогательными отрядами. Командующій такою арміею (см. напр. „legatus pro praetore exercitus Germaniae Superioris", *Wilmanns*, 867, 1142) имѣлъ въ то же время въ рукахъ и гражданское управленіе въ предѣлахъ узкой полосы земли, гдѣ расположено было ввѣренное ему войско. См. *Wilmanns*, 1186; *Henzen*, 6501: „C. Popilio... legato imperatoris Antonini Augusti Pii pro praetore provinciae Germaniae Superioris et exercitus in ea tendentis." Cfr. *Tac.* Ann. III, 41; I, 31; *Hist.* I, 12.

имени римскаго народа [1], между тѣмъ какъ въ трехъ остальныхъ, проконсуломъ былъ самъ императоръ, представителемъ котораго являлись въ каждой особые намѣстники—*legati Augusti* [2].

Пересчитаемъ должностныхъ лицъ, составлявшихъ персоналъ, занятый въ администраціи названныхъ галльскихъ провинцій. Въ Нарбонской, кромѣ проконсула, рядомъ съ нимъ, стоялъ квесторъ, которому ввѣрено было собираніе налоговъ и другихъ государственныхъ доходовъ въ области [3]. Въ каждой изъ трехъ остальныхъ провинцій находился легатъ съ преторскою властью (*legatus pro praetore*) и около него императорскій прокураторъ, занимавшій мѣсто квестора [4]. Кромѣ того,

[1] Одинъ проконсулъ провинціи Африки именуетъ себя „legatus populi romani" (*Spartian.* Sept. Sev. 2).

[2] *Henzen*, 6915; „Meminio...proconsuli provinciae Narbonensis."—*Ibid.* 6454 (=*C. I. L.* XII, 3163): „C. Aemilio Bereniciano... proconsuli splendidissimae provinciae Narbonensis." — *Ibid.* 6907: „Senecioni Memmio... legato pro praetore provinciae Aquitanicae."—*Ibid.* 5502: „L. Mario Maximo... legato Augustorum pro praetore provinciae Belgicae". *Ibid.* 7420: „C. Sabucio... legato Augusti pro praetore provinciae Belgicae."—Въ другой надписи (*Ibid.* 5449) одно лицо обозначается какъ бывшій „legatus divi Nervae pro praetore provinciae Belgicae."—См. еще *Orelli*, 922: „Legatus Augustorum provinciae Narbonensis" (тутъ сказано—*Augustorum* потому, что въ тотъ моментъ было три императора-соправителя, можетъ быть, Каръ, Каринъ и Нумеріанъ, вѣрнѣе же — Северъ, Каракалла и Гета). — *Wilmanns*, 1164: „C. Iulio Cornuto... legato pro praetore divi Traiani provinciae Ponti, eiusdem legato pro praetore provinciae Aquitanicae."—Общій терминъ, которымъ обозначались провинціальные намѣстники, былъ *praesides* (*Suet.* Aug. 23; Tib. 41).

[3] *Wilmanns*, 637: „Quaestori provinciae Narbonensis"; 1213: „Q. Petronio... quaestori provinciae Narbonensis." Cfr. 1217.

[4] Часто даже назначалось по одному прокуратору на двѣ провинціи.—*Wilmanns*, 1274: „Cn. Pompeio Homullo... procuratori Augusti provinciarum duarum Lugudunensis et Aquitanicae".—*Ibid.* 1257: „C. Iulio Celso... procuratori provinciarum Lugudunensis

двумъ особымъ прокураторамъ было поручено собираніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ налоговъ, именно налога на наслѣдство, и таможенныхъ пошлинъ [1]. Всего на всего, слѣдовательно, во всей Галліи было десять должностныхъ лицъ, представлявшихъ центральную власть, причемъ только четверо изъ нихъ отправляли чисто административныя функціи. Каждый изъ нихъ, конечно, былъ окруженъ довольно многочисленнымъ персоналомъ подчиненныхъ чиновниковъ. У проконсула былъ помощникъ, которому онъ могъ передавать часть своихъ правъ [2]. Около него находилась еще группа «друзей», которыхъ называли также *comites* или *contubernales*; это были молодые люди, обучавшіеся правительственной службѣ [3]. У него находилось въ распоряженіи, кромѣ

et Aquitanicae." См. точно также *Ibid.* 1293; еще *Henzen*, 6539 „P. Aelio Agrippino... procuratori provinciae Belgicae."—*Ibid.* 6816: „Procuratori provinciae Lugdunensis".

[1] *Wilmanns*, 1201: „Procuratori vicesimae hereditatium per Gallias Lugdunensem et Belgicam"; 1190: „Procuratori Augusti vicesimae hereditatium provinciarum Narbonensis et Aquitanicae."—См. по этому вопросу книгу *R. Cagnat*, Les impôts indirects chez les Romains, P. 1882).

[2] *Dig.* I, 162: „Apud legatum proconsulis"; *Ibid.* I, 16, 4, § 6: „Proconsul mandare iurisdictionem legato suo post haec debet nec hoc ante facere."—I, 16, 6: „Solent mandare legatis..."—I, 16, 12: „Legatus mandata sibi iurisdictione iudicis dandi ius habet."—Эти тексты хорошо показываютъ, что проконсульскій легатъ получалъ полномочія отъ проконсула; онъ не былъ должностнымъ лицомъ, прямо назначавшимся центральною властью; онъ не сносился съ послѣднею непосредственно. То же вытекаетъ изъ слѣдующаго текста (*Dig.* I, 16, 6, § 2): „Legatos non oportet principem consulere, sed proconsulem necesse".—Наконецъ, этотъ принципъ отчетливо выраженъ въ § 13 того же отрывка изъ Дигестъ: „Legati proconsulis nihil proprium habent, nisi a proconsule eis mandata fuerit iurisdictio".

[3] *Dig.* I, 18, 16.

того, нѣсколько секретарей или писцовъ, пять или шесть ликторовъ[1] и достаточное количество *apparitores* или слугъ съ различнымъ назначеніемъ. Но какъ бы многочисленъ ни былъ общій составъ служащихъ, все-таки, только четыре лица во всей странѣ обладали настоящею правительственною властью; четыре человѣка управляли всею Галліею [2].

Провинціальный намѣстникъ, какъ бы его ни называли—проконсуломъ или императорскимъ легатомъ[3], былъ облеченъ тѣмъ, что римскій правовой языкъ обозначалъ словомъ *imperium*. Подъ этимъ терминомъ подразумѣвалось нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ современное понятіе административной власти. Онъ держалъ въ рукахъ всѣ полномочія государства [4]. Онъ командовалъ военными силами, если таковыя находились въ провинціи. Онъ предписывалъ воинскій наборъ и руководилъ имъ. Хотя онъ не самъ собиралъ налоги, и не онъ лично распоряжался государственными средствами, однако высшее руководство финансами принадлежало также

[1] *Ibid.* I, 16, 14: „Proconsules non amplius quam sex fascibus utuntur". См. еще въ любопытной надписи, именуемой „monument de Thorigny" (*Desjardins*, géogr. III, 209): „Quinque fascibus".

[2] Надобно прибавить къ этому нѣкоторыхъ чиновниковъ, иногда назначавшихся временно, напримѣръ, *legati ad census*; но незачѣмъ считать *procuratores patrimonii*, потому что они были управляющими частными имуществами императоровъ.

[3] Общее наименованіе провинціальныхъ намѣстниковъ было, какъ сказано, *praesides*. См. *Dig.* I, 18, 1: „Praesidis nomen generale est eoque et proconsules et legati Caesaris et omnes provincias regentes praesides appellantur".

[4] *Paul.* (Dig. I, 18, 3): „Praeses provinciae in suae provinciae homines imperium habet".—*Ulpian.* (Dig. I, 18, 8): „Maius imperium in ea provincia habet omnibus post principem".

ему. Затѣмъ онъ завѣдывалъ такъ называемою добровольною юрисдикціею: освобожденіе рабовъ, эманципація сыновей отъ отеческой власти и усыновленія производились при немъ и имъ утверждались [1]. Онъ же былъ носителемъ и высшаго государственнаго суда. Онъ обязанъ былъ карать за уголовныя преступленія [2], имѣлъ право задерживать виновныхъ, подвергать ихъ тѣлесному наказанію и даже смертной казни [3]. Онъ же разрѣшалъ гражданскія тяжбы [4]; всѣ могли обращаться къ нему со своими процессами, это формально устанавливается императорскими конституціями; судилъ самъ проконсулъ, или онъ назначалъ лицъ, которымъ делегировалъ свои юрисдикціонныя права [5]. Правда, мы уви-

[1] *Dig.* I, 16, 2: „Manumitti apud eos possunt tam liberi quam servi et adoptiones fieri".—*Ibid.* I, 18, 2: „Praeses apud se adoptare potest, quemadmodum et emancipare filium et manumittere servum potest".

[2] *Ibid.* I, 16, 9; I, 18, 13; I, 18, 21.—Эти тексты показываютъ, что намѣстникъ судитъ за *latrocinium*, *sacrilegium*, *parricidium*, преслѣдуетъ за преступленія *servus stupratus*, *ancilla devirginata* и т. д.

[3] *Ibid.* I, 16, 11: „Animadvertendi, coercendi, atrociter verberandi (proconsul) ius habet". Ср. *Ibid.* I, 18, 6, § 8: „Ius gladii habent et in metallum dandi potestas eis permissa est".

[4] Мы видимъ, что онъ принималъ жалобы патроновъ на ихъ вольноотпущенныхъ, отцовъ противъ сыновей, вообще всякаго рода иски. См. *Ulpian.* (Dig. I, 16, 9): „Observare eum oportet, ut sit ordo aliquis postulationum, ut omnium desideria audiantur... Advocatos quoque petentibus debebit indulgere..."—Cfr. *Ibid.* fr. 7: „Plenissimam iurisdictionem proconsul habet; omnium partes, qui Romae vel quasi magistratus vel extra ordinem ius dicunt, ad ipsum pertinent".

[5] *Dig.* I, 18, 8: „Saepe audivi Caesarem nostrum dicentem hac rescriptione „eum qui provinciae praeest adire potes" non imponi necessitatem proconsuli vel legato eius suscipiendae cognitionis

димъ, что рядомъ съ такою проконсульскою юстиціею существовали въ провинціяхъ еще другіе суды; но только его трибуналы были легальными въ настоящемъ смыслѣ слова, и всѣ остальныя судилища склонялись предъ его властью, такъ какъ ему одному принадлежалъ *ius gladii* [1].—На него возложены были и политическія функціи. Его должность обязывала его «очищать провинцію отъ злодѣевъ» [2]. Заботы его должны были простираться дальше поддержанія внѣшняго порядка. Онъ обязанъ былъ «оказывать препятствіе всякому запрещенному побору, всякому хищенію, совершаемому подъ видомъ принудительной продажи или фиктивнаго залога» [3]. Его долгъ былъ слѣдить, чтобы никто какъ-нибудь черезъ него «не получилъ несправедливой выгоды или не потерпѣлъ незаслуженнаго убытка» [4], чтобы «сильные не утѣсняли слабыхъ» [5]. Хорошій правитель наблюдалъ за тѣмъ, чтобы «въ его провинціи все шло мирно и покойно»; онъ разыскивалъ лихихъ людей, наказывалъ оскорбителей святыни, разбойниковъ, воровъ и ихъ укрывателей [6]. Ему не было дозволено покидать провинцію,

sed eum aestimare debere ipse cognoscere an iudicem dare debeat".

[1] Его *legatus* не имѣлъ самостоятельнаго „ius animadvertendi vel atrociter verberandi". (*Dig.* I, 16, 11).

[2] *Dig*, I, 18, 3: „In mandatis principum est, ut curet malis hominibus provinciam purgare".

[3] *Ulpian.* (Dig. I, 18, 6): „Illicitas exactiones e violentia factas, et extortas metu venditiones et cautiones vel sine pretii numeratione prohibeat praeses provinciae".

[4] *Ibid.* „Ne quis iniquum lucrum aut damnum sentiat, praeses provinciae provideat".

[5] *Ibid.* „Ne potentiores viri humiliores iniuriis afficiant, neve defensores eorum calumniosis criminibus insectentur innocentes".

[6] *Ulpian.* (Dig. I, 18, 13): „Congruit bono et gravi praesidi

«потому что необходимо было, чтобы всегда находился на лицо тотъ, кто долженъ былъ блюсти интересы ея жителей» [1]. Онъ долженъ былъ объѣзжать область, идти навстрѣчу ищущимъ суда и всякаго рода просителямъ. Онъ посѣщалъ города, осматривалъ мѣста заключенія [2] и общественныя зданія, заботился о ихъ поддержаніи и своевременномъ исправленіи [3], могъ даже требовать обновленія частныхъ домовъ, если они грозили разрушеніемъ [4]. Однимъ словомъ власть его распространялась на всѣ стороны жизни ввѣреннаго ему края.

Изъ всего сказаннаго видно, что эта власть была въ одно и тоже время и абсолютною, и покровительствующею. Жители провинціи не имѣли никакихъ правъ по отношенію къ своему правителю или, по крайней мѣрѣ, никакого права, гарантированнаго формальнымъ закономъ. То, что оффиціальный языкъ называлъ *lex provinciae* или *provinciae formula* не явля-

curare, ut pacata atque quieta provincia sit... ut malis hominibus provincia careat, eosque conquirat... Sacrilegos, latrones, plagiarios, fures conquirere debet et prout quisque deliquerit in eum animadvertere, receptoresque eorum coercere".

[1] *Dig.* I, 18, 15: „Illud observandum est, ne qui provinciam regit fines eius excedat, nisi voti solvendi causa, dum tamen adnoctare ei non liceat".—*Ibid.* I, 16, 10: „Meminisse oportebit usque ad adventum successoris sui omnia debere proconsulem agere, cum utilitas provinciae exigat esse aliquem per quem negotia sua provinciales explicent".

[2] *Dig.* I, 16, 6.

[3] *Ulpian.* (Dig. I, 16, 7): „Si in quam civitatem advenerit... aedes sacras et opera publica circumire inspiciendi gratia an sarta tectaque sint vel an refectione indigeant..."

[4] *Dig.* I, 18, 7: „Praeses provinciae, inspectis aedificiis, dominos eorum causa cognita reficere ea compellat... et deformitati auxilium ferat".

лось никоимъ образомъ хартіею, обезпечивавшею права населенія. Для послѣдняго римскій намѣстникъ былъ полнымъ и всемогущимъ господиномъ. Имперія не уничтожила этого принципа, выработаннаго Республикою.

Тѣмъ не менѣе между намѣстниками республиканской и императорской эпохи образовалась большая разница. Проконсулъ, котораго посылала въ завоеванныя земли римская Республика, легально не былъ подчиненъ никому. Онъ не обязанъ былъ давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ ни провинціаламъ, ни даже Республикѣ. Онъ управлялъ подъ своею собственною отвѣтственностью; онъ являлся настоящимъ монархомъ, власть котораго не знала ни предѣловъ, ни правильнаго контроля [1].

Во времена Имперіи положеніе его не осталось такимъ же. Произошло это не потому, чтобы въ эту эпоху выработались болѣе мягкіе пріемы управленія въ духѣ идеи свободы и разумнаго права; продолженіе даннаго изслѣдованія покажетъ, насколько мало вліяютъ идеи и теоріи во всякія времена на улучшеніе человѣческаго существованія. Силою, которая заставила исчезнуть деспотизмъ проконсуловъ, являлся деспотизмъ императоровъ.

Когда римскій сенатъ организовалъ Имперію, къ 27 году до нашей эры, онъ вручилъ Августу проконсульскую власть надъ половиною провинцій и

[1] Оговоримся однако, что уже со временъ Республики провинціаламъ было позволено приносить римскому правительству жалобы съ обвиненіемъ противъ намѣстниковъ.—См. *Liv.* Epit. 47; *Lex repetundarum* въ „Corp. Inscr. Lat.“ t. I, p. 51—70. То же обнаруживается изъ рѣчей Цицерона—*In Verrem* и *Pro Flacco*.

право верховнаго наблюденія за намѣстниками всѣхъ остальныхъ. Въ этомъ нововведеніи, въ которомъ нѣкоторые мыслители усматривали, можетъ быть, лишь посягательство на свободу, заключалось зерно новой административной системы. Въ силу указаннаго акта оказалось дѣйствительно, что начальники провинцій изъ государей, управлявшихъ отъ собственнаго имени, обратились въ агентовъ или замѣстителей новаго монарха. Этотъ фактъ, повидимому, такой простой и ничтожный, былъ источникомъ происхожденія административной централизаціи въ Европѣ.

Нельзя сомнѣваться, что народы почувствовали эту централизацію, какъ великое благодѣяніе. Находиться подъ управленіемъ человѣка, обладающаго самостоятельною неограниченною властью, или лица, являющагося органомъ и представителемъ другой высшей, но далекой власти,—это двѣ вещи весьма различныя. Оба указанные способа администраціи обладаютъ каждый своими достоинствами и недостатками; но хорошія стороны второго настолько преобладаютъ, что народы предпочитали его почти во всѣ эпохи исторіи. Люди инстинктивно любятъ централизацію; имъ пріятно знать, что тотъ, кому они подчинены, самъ въ свою очередь обязанъ повиноваться другому. Подвергаясь возможности утѣсненія со стороны того, кто ими непосредственно управляетъ, они дорожатъ тѣмъ, что существуетъ высшая сила, которая можетъ оказать имъ покровительство. Противъ агентовъ императорской власти Галлы находили защиту въ самомъ императорѣ. Верховная власть послѣдняго стала гарантіею противъ мелкихъ пристрастій чиновника, противъ его высокомѣрія, злобы и хищности.

Провинціальные намѣстники уже не могли больше

смотрѣть на себя, какъ на царей. Они сдѣлались только органами высшей власти. Отправляясь на мѣста назначенія, они получали отъ императора писанныя инструкціи [1]. Они посылали ему отчеты во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Въ письмахъ Плинія Младшаго къ Траяну [2] находимъ примѣръ почти ежедневной переписки, которую каждый намѣстникъ долженъ былъ вести съ императоромъ. Изъ нихъ ясно обнаруживается, какъ велико было различіе между начальниками провинцій во времена Имперіи и проконсулами Республики. Изъ нихъ видно, насколько сильно жители провинцій зависѣли отъ государя; но нельзя изъ нихъ же не замѣтить, какъ мало они должны были страшиться злоупотребленій властью со стороны ихъ ближайшихъ правителей.

При порядкѣ, господствовавшемъ въ римскомъ мірѣ до утвержденія Имперіи, правительство, правда, пыталось также оградить подданныхъ римскаго народа отъ чрезмѣрнаго произвола и ненасытной алчности проконсуловъ; для этой цѣли учреждались многоразличныя судныя комиссіи, которыя на первый взглядъ кажутся очень строгими трибуналами; но на дѣлѣ эти мѣропріятія оказались мало дѣйствительными [3], потому что очень рѣдко случалось, чтобы

[1] *Dio*, LIII, 15: „Ἐντολάς, καὶ τοῖς ἐπιτρόποις καὶ τοῖς ἀνθυπάτοις τοῖςτε ἀντιστρατηγοῖς δίδωσιν, ὅπως ἐπὶ ῥητοῖς ἐξίωσι".

[2] См. книгу X-ю писемъ Плинія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, предполагать, что центральная власть примѣняла въ Галліи безусловно одинаковую систему обращенія съ жителями, какъ и въ Виѳиніи во времена Плинія. Имперія, управлявшая столькими народами, различными по расѣ и по культурѣ, остерегалась устанавливать повсемѣстно въ своей администраціи черезчуръ абсолютное единообразіе.

[3] Тацитъ самъ это признаетъ (*Ann.* I, 2): „Invalido legum auxilio".

судьи не были связаны общими интересами съ подсудимыми. Императорское правительство наоборотъ достигло такой цѣли при помощи гораздо болѣе простого средства, именно черезъ подчиненіе областныхъ правителей центральной власти.

Дѣйствительно, съ того дня, какъ всѣ элементы самодержавія вручены были Цезарямъ, ихъ жилище, которое стало съ тѣхъ поръ называться *palatium*, сдѣлалось средоточіемъ всей имперской администраціи. Въ немъ сгруппировался многочисленный служебный персоналъ, и очень быстро организованы были различныя канцеляріи. Все это было настолько ново, что ни сенаторамъ, ни всадникамъ, ни гражданамъ, ни простымъ свободнымъ людямъ не пришло въ голову вступить въ ряды служащихъ въ возникшихъ такимъ образомъ учрежденіяхъ, или, можетъ быть, сами императоры нашли неудобнымъ пользоваться здѣсь ихъ услугами. Но точно такъ же, какъ въ каждомъ большомъ домѣ какого-нибудь члена римской аристократіи находились особые секретари и писцы, набиравшіеся изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ господина, такъ и «императорскій домъ» нашелъ среди рабовъ и вольноотпущенниковъ Цезарей очень многочисленный контингентъ канцелярскихъ чиновниковъ, приказчиковъ, архиваріусовъ [1].

[1] Всѣ извѣстныя намъ лица, бывшія членами этого персонала, носятъ имена вольноотпущенниковъ. Таковы Полибій (*Senec.* Consol. ad Polyb.), Энтеллъ (*Dio*, LXVII, 15), Дорифоръ (*Id.* LXI, 5), Эпафродитъ (*Suet.* Ner. 4, 9). Извѣстно, что имена подобнаго рода никогда не давались въ Римѣ свободнорожденнымъ. См. еще въ одной надписи (*Corp. inscr. lat.* VI, 8614) нѣкоего Тита Флавія Гермера, который характеризуется въ одно и то же время какъ императорскій вольноотпущенникъ (*Augusti libertus*) и какъ чиновникъ императорской канцеляріи (*a libellis*).

Такъ устраивалось дѣлопроизводство по центральному управленію государствомъ въ первые сто лѣтъ Имперіи. Впослѣдствіи свободные граждане и даже всадники стали допускаться къ занятію высшихъ должностей въ императорскихъ канцеляріяхъ [1].

Всѣ эти канцеляріи, устроенныя при императорскомъ *palatium*'ѣ, носили общее названіе *officia* [2]. Ихъ было пять отдѣленій, которыя спеціально назывались—*a libellis*, *ab epistolis*, *a rationibus*, *a memoria*, *a cognitionibus* [3]. Во главѣ каждаго изъ нихъ стоялъ особый начальникъ или завѣдующій, который получалъ титулъ *princeps* или *magister officii*; у него былъ помощникъ—*adiutor*; затѣмъ канцелярія составлялась изъ перваго чиновника—*proximus* и группы младшихъ—простыхъ *scriniarii* или *tabularii*.

Канцелярія *a libellis* принимала всякія письма, направлявшіяся къ императору со всѣхъ концовъ Имперіи либо отъ должностныхъ, либо отъ частныхъ лицъ [4].

[1] *Spartian.* Hadr. 22: „Ab epistolis et a libellis primus equites romanos habuit."—Надписи, начиная съ этого времени, упоминаютъ нѣсколькихъ римскихъ всадниковъ, которые служили *a libellis*. Въ видѣ примѣра назовемъ: „C. Iulius Celsus... a libellis et censibus" (*Wilmanns*, 1257). Папиніанъ и Ульпіанъ были также сами чиновниками *a libellis* (см. *Dig.* XX, 5, 12; *Spartian.* Nig. 7). См. объ этой первоначальной имперской администраціи *O. Hirschfeld*, Untersuchungen auf dem Gebiete der röm. Verwaltungsgeschichte (Berlin, 1876), p. 201; также книгу *E. Cuq*, Le conseil des empereurs (P. 1884).

[2] *Suet.* Vesp. 21; Domit. 7.—*Vopisc.* Aurel. 13.—Светоній, который самъ служилъ въ отдѣленіи *ab epistolis*, написалъ по словамъ Присціана, трактатъ „De institutione officiorum".

[3] Можетъ быть, слѣдовало бы присоединить къ нимъ еще отдѣленіе *a studiis*.

[4] Сенека (*Consol. ad Polyb.* 26) отмѣчаетъ важное значеніе этого отдѣленія: „Audienda sunt tot hominum milia, tot disponendi libelli! Tantus rerum ex orbe toto congestus, ut possit per ordinem principis animo subici".

Эти письма предварительно разсматривались тамъ, а послѣ этого начальствующій даннымъ отдѣленіемъ императорскаго центральнаго управленія представлялъ ихъ самому императору съ своимъ собственнымъ докладомъ [1]. Далѣе отдѣленіе *ab epistolis* редактировало отвѣты государя [2].—У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о функціяхъ отдѣленія *a memoria*, и можно только высказать предположеніе, что оно было подобіемъ архива, въ которомъ сохранялись исполненныя дѣла на случай необходимости справокъ [3].—Отдѣленіе *a rationibus* принимало, разсматривало и провѣряло всѣ финансовые отчеты, доставлявшіеся какъ изъ города Рима, такъ и изъ провинцій [4]. Отдѣленіе *a cognitionibus* принимало къ разсмотрѣнію многочисленныя

[1] Завѣдующій этимъ отдѣленіемъ назывался первоначально просто *a libellis* (*Suet.* Ner. 49; *Henzen*, 6947; *Wilmanns*, 1257). Наименованіе *principes officiorum* встрѣчается у Юлія Капитолина (*Marc.* 8); титулъ *magister libellorum* не появляется, сколько мы знаемъ, раньше III-го в. См. *C. I. L.* VI, 1628; *Wilmanns*, 1223; ср. *Ibid.* 110.

[2] О чиновникахъ *ab epistolis* см. *C. I. L.* III, 5215; VI, 798; 1607, 1654, 8612; VIII, 1174.—Спартіанъ (*Hadr.* 11) говоритъ, что Светоній былъ *magister epistolarum* при Траянѣ.

[3] Нѣсколько лицъ, квалифицированныхъ, какъ чиновники *a memoria*, упоминаются въ надписяхъ. Мы видимъ, напримѣръ, одного „custos officii a memoria" (*C. I. L.* VI, 8813), другого „magister memoriae" (*Wilmanns*, 110; *Treb. Poll.* Claud. 7), третьяго просто „a memoria" (*C. I. L.* VI, 1596).—Діонъ Кассій (LXXVI, 14) и Геродіанъ (IV, 8) употребляютъ терминъ „προεστὼς τῆς μνήμης". Юрисконсультъ Павелъ служилъ нѣкоторое время „ad memoriam" (*Spartian.* Niger, 7).

[4] По вопросу о составѣ отдѣленія *a rationibus* можно найти данныя въ нѣсколькихъ надписяхъ. См. *C. I. L.* III, 348; VI, 1599, 1620, 5305, 8425—29, 8450; *Wilmanns*, 2841.

прошенія о правосудіи, обращавшіяся къ императору; оно же производило предварительное слѣдствіе по каждому изъ подобныхъ дѣлъ [1].

Учрежденіе всѣхъ этихъ отдѣленій, составившихъ императорскую канцелярію по центральному управленію государствомъ, было дѣйствительно совершенною новостью, подобія которой никогда еще до сихъ поръ не видѣли ни Римъ, ни Европа, и это нововведеніе могло сильно поразить людей. Особенно вызывало изумленіе то обстоятельство, что акты или отчеты провинціальнаго намѣстника, который пользовался сенаторскимъ званіемъ и принадлежалъ, по большей части, къ знатной семьѣ, разсматривались въ глубинѣ какой-нибудь канцеляріи смиреннымъ вольноотпущенникомъ. Отсюда происходитъ раздраженіе и презрительный тонъ Тацита, когда онъ говоритъ о чиновникахъ, служившихъ въ упомянутыхъ учрежденіяхъ [2]. Но Плиній Младшій уже отзывается о нихъ съ почтеніемъ [3], и поэтъ Стацій, который на самомъ дѣлѣ не былъ сенаторомъ, отдаетъ полную справедливость ихъ дѣятельности: онъ самъ знавалъ нѣсколькихъ начальниковъ различныхъ отдѣленій императорской канцеляріи, напримѣръ, Абасканта *ab epistolis*, Клавдія Этруска *a rationibus* и изображаетъ ихъ, какъ людей честныхъ и трудолюбивыхъ [4]. Въ

[1] Объ отдѣленіи *a cognitionibus* см. *Dio*, LXXVIII, 13; *C. I. L.* II, 1085; VI, 8634; VIII, 9360.

[2] *Tacit*. Hist. I, 76: „Nam et hi malis temporibus partem [se reipublicae faciunt" Cfr. *Idem*, Germ. 25.

[3] *Plin*. Paneg. Trai. 88: „Tu libertis tuis summum quidem honorem, sed tanquam libertis, habes, abundeque sufficere his credis si probi et frugi existimentur... digni quibus honor omnis praestetur a nobis..."

[4] *Stat*. Silvae, V, I; III, 3.

слѣдующія поколѣнія мы видимъ, что въ описанныхъ канцеляріяхъ засѣдаютъ и служатъ даже такіе люди, какъ Папиніанъ и Ульпіанъ [1].

Доклады и денежные отчеты различныхъ должностныхъ лицъ контролировались въ отдѣленіяхъ императорской канцеляріи почти изо дня въ день [2]. Всякое сколько-нибудь значительное дѣло непремѣнно разсматривалось тамъ. Областные намѣстники испрашивали высочайшаго мнѣнія императора во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ [3]. Города и провинціи сносились съ государемъ также черезъ посредство канцелярій. Когда, напримѣръ, жители какой-нибудь области чувствовали себя не въ мѣру обремененными податями [4], они писали императору, увѣренные если не прямо въ томъ, что получатъ скидку, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что желаніе ихъ будетъ обсуждено помимо ихъ ближайшаго правителя, другими лицами, чѣмъ онъ. Когда какой-нибудь частный человѣкъ считалъ себя обойденнымъ правосудіемъ, онъ также обращался къ Цезарю, зная, что въ отдѣленіяхъ его центральной

[1] *Dig*. XX, 5, 12: „Libellos agente Papiniano".—*Spartian*. Nig. 7: „Quum ad libellos paruisset".

[2] *Spartian*. Pius, 7: „Rationes omnium provinciarum adprime scivit et vectigalium".

[3] Можно убѣдиться изъ писемъ Плинія Мл., что этотъ намѣстникъ Виѳиніи обращался за мнѣніемъ императора по поводу всякаго рода вопросовъ; онъ спрашиваетъ его о постройкѣ общественныхъ бань или водопровода, объ учрежденіи ремесленныхъ коллегій и т. д. Надо представлять себѣ, что эта переписка Плинія съ Траяномъ вообще есть ничто иное, какъ рядъ донесеній провинціальнаго губернатора центральной императорской канцеляріи.

[4] *Tacit*. Ann. II, 42: „Provinciae... fessae oneribus, deminutionem tributi orabant"

канцеляріи работали въ тѣни неизвѣстности знатоки права, которые изучатъ его дѣло и, можетъ быть, покажутъ государю необходимость его пересмотра [1]. Такимъ образомъ, канцелярія императорскаго палація (*palatium*) сдѣлалась всемогущею, но провинціальные намѣстники оказались стѣсненными въ своемъ произволѣ.

Всѣ историческіе памятники согласно свидѣтельствуютъ, что установившаяся централизація была благопріятна для провинцій. «Тиберій слѣдилъ за тѣмъ, сообщаетъ Тацитъ, чтобы новые поборы не возлагались на населеніе, и чтобы тяжесть прежнихъ не увеличивалась алчностью и жестокостью должностныхъ лицъ» [2]. Историки воздаютъ ту же справедливость почти всѣмъ императорамъ. «Домиціанъ, говоритъ Светоній, особенно заботился о томъ, чтобы удерживать въ предѣлахъ ихъ обязанностей провинціальныхъ намѣстниковъ и принуждалъ ихъ быть безкорыстными и правосудными» [3].—«Адріанъ, разсказываетъ его біографъ, объѣхалъ самъ всю Имперію, и когда онъ встрѣчалъ намѣстниковъ, виновныхъ въ злоупотребленіяхъ, онъ каралъ ихъ суровыми наказаніями, даже присуждалъ къ смерти» [4]. Такая строгость по

[1] *Dig*. XXVIII, 5, 93; XLIX, 5, 5.

[2] *Tac*. Ann. IV, 6: „Ne provinciae novis oneribus turbarentur, utque vetera sine avaritia aut crudelitate magistratuum tolerarent, providebat".

[3] *Suet*. Dom. 8: „Provinciarum praesidibus coercendis tantum curae adhibuit, ut neque modestiores unquam neque iustiores exstiterint".

[4] *Spartian*. Hadr. 13: „Circumiens provincias, procuratores et praesides pro factis supplicio affecit".—*Spart*. Pius, 6: „Procuratores suos modeste suscipere tributa iussit; excedentes modum rationem factorum suorum reddere iussit".—См. еще *Vopisc*. Aurel. 39; *Dio*, LVI, 27; LVII, 22; LX, 25.

отношенію къ должностнымъ лицамъ осталась традиціоннымъ правиломъ административной политики Имперіи; выраженіе ея можно найти почти на каждой страницѣ императорскихъ кодексовъ. Конечно, эта строгость не искоренила беззаконій и несправедливостей; но она привела къ тому, что подобные акты сдѣлались исключеніями. Надписи по этому пункту подтверждаютъ показанія историковъ; онѣ показываютъ, что провинціи вообще были довольны тѣмъ, какъ ими управляли, и чувствовали по отношенію къ императорамъ благодарность [1]. Ихъ процвѣтаніе впродолженіе трехъ первыхъ вѣковъ Имперіи несомнѣнно, а послѣднее было бы несовмѣстимо съ худою администраціею.

Римская Имперія никогда не отказывалась отъ соблюденія нѣсколькихъ основныхъ началъ въ своей административной системѣ.—Первое заключалось въ томъ, чтобы никогда не допускать продажи

[1] *Orelli*, 182: „C. Laelio Pollioni, legato Augusti propraetore Germaniae superioris, praesidi integerrimo".—*Wilmanns*, 1269: „Tiberio Antistio Marciano... integerrimo abstinentissimoque procuratori tres provinciae Galliae ad aram Caesarum statuam ponendam censuerunt".—*Wilmanns*, 1233,a:„ Julio Festo Hymetio... quod caste in provincia integreque versatus est, quod neque aequitati in cognoscendo neque iustitiae defuerit..." — Признательность провинцій обыкновенно воплощалась въ постановкѣ статуй на ихъ собственный счетъ въ честь намѣстниковъ. Если бы такого рода памятники воздвигались этимъ чиновникамъ въ то время, когда они еще находились въ должности, онѣ, можетъ быть, являлись бы только проявленіемъ лести и раболѣпія; но Августъ формально запретилъ, чтобы подобныя почести воздавались магистратамъ во время отправленія ими службы и даже впродолженіе первыхъ шестидесяти дней, слѣдовавшихъ за сложеніемъ ими должности (*Dio*, LVI, 25). Изученіе надписей показываетъ, что этотъ законъ соблюдался всегда. См. *L. Renier*, Mélanges d'épigraphie p. 107.

должностей: обычай продавать или давать на откупъ государственныя должности и общественныя службы, слѣды котораго мы откроемъ, когда будемъ разсматривать другія эпохи исторіи, всегда встрѣчалъ противодѣйствіе въ политикѣ римскихъ императоровъ. Одинъ изъ нихъ совершенно правильно объявилъ: «Я никогда не потерплю, чтобы должности покупались, во-первыхъ, потому что тотъ, кто купитъ которую-нибудь изъ нихъ, будетъ стремиться перепродать ее, во-вторыхъ, потому что мнѣ уже нельзя будетъ наказывать чиновника, который заплатилъ за свою должность»[1]. Второе правило административной политики императоровъ требовало, чтобы всѣ должности были временными: каждому провинціальному намѣстнику было извѣстно, что онъ получалъ назначеніе лишь на небольшое число лѣтъ[2]; онъ не могъ разсчитывать, что на вѣки сохранитъ свое званіе и тѣмъ самымъ обратитъ свою область въ маленькое царство. Отсюда произошло, что императорское правительство всегда встрѣчало въ своихъ должностныхъ лицахъ повиновеніе, и что ему не при-

[1] *Lamprid.* Alex. 49.—Мы не хотимъ утверждать, что продажности должностей не существовало никогда на дѣлѣ; доказательство противнаго можно было бы найти, если бы это было нужно, въ самыхъ императорскихъ законахъ, которые ее запрещаютъ (см. *Cod. Th.* II, 29 1; VI, 22, 2; 3 etc.); но ея никогда не было, въ качествѣ легально установленнаго порядка, не практиковалась торговля должностями въ пользу правительства, какъ бывало нерѣдко въ другихъ государствахъ. Въ римской Имперіи продажность должностей была злоупотребленіемъ, болѣе или менѣе рѣдкимъ, но никогда не являлась она общимъ правиломъ.

[2] Продолжительность полномочій проконсула была годичная; срокъ службы легата колебался между тремя и пятью годами. Одно и то же лицо могло управлять послѣдовательно нѣсколькими провинціями.

ходилось поддерживать противъ нихъ того вида борьбы, на которой въ другія времена въ другихъ странахъ истощились силы нѣсколькихъ королевскихъ династій.—Третьимъ принципомъ имперской системы управленія было назначать провинціальнымъ намѣстникамъ опредѣленное жалованіе и содержаніе натурою, тоже установленное закономъ[1]. Имъ не было дозволено извлекать изъ должности личный до-

[1] На вознагражденія, предоставлявшіяся провинціальнымъ намѣстникамъ, намекаютъ Плиній (*Hist. nat.* XXXI, 41, 89) и Тацитъ (*Agric.* 42). Во времена Севера Діонъ Кассій указываетъ, что содержаніе проконсула Африки равнялось 250,000 драхмъ (LXXIII, 22). Лампридій (*Alex. Sev.* 42) и Полліонъ (*Claud.* 15) перечисляютъ натуральныя поставки, которыя разрѣшено было получать съ населенія намѣстникамъ, „exemplo veterum“. Намъ трудно точно опредѣлить цѣнность этихъ натуральныхъ и денежныхъ вознагражденій (*salaria*). Если принять во вниманіе, что намѣстникъ долженъ былъ содержать на свой счетъ цѣлую *cohors* служащихъ и писцовъ, роскошно обставлять въ видахъ представительства свой домъ и образъ жизни, давать празднества и пиры, то можно прійти къ заключенію, что доходы его не слишкомъ превышали расходы. Общественныя должности въ это время не были средствомъ обогащенія; можно напротивъ замѣтить, что онѣ поручались обыкновенно людямъ, уже богатымъ, принадлежащимъ къ крупнымъ семействамъ, какъ будто бы только они были способны выполнять связанныя съ ними обязанности. Мы бы очень ошиблись, если бы представили себѣ сановниковъ римской Имперіи, какъ классъ нуждающихся людей занимающійся утѣсненіемъ населенія въ видѣ ремесла для поддержанія жизни и всецѣло отдающійся наживѣ. Высшія должности (если исключить, по крайней мѣрѣ, мѣста прокураторовъ) были болѣе почетны, нежели выгодны; поэтому то онѣ занимались лишь представителями высшихъ классовъ общества. Это ясно обнаруживается изъ Тацита, Плинія, Діона Кассія, Амміана, Авзонія, Рутилія, Сидонія Аполлинарія; то же самое показываютъ надписи.

ходъ, и можно видѣть изъ кодексовъ, какія мелочныя предосторожности принимала верховная власть, чтобы гарантировать населеніе противъ хищности намѣстниковъ и особенно подчиненныхъ имъ низшихъ чиновниковъ [1]. Областной начальникъ не имѣлъ права ни вступать въ какое-нибудь коммерческое предпріятіе, ни покупать въ своей провинціи недвижимое имѣніе; ему было воспрещено принимать подарки. Онъ собиралъ подать, но не онъ устанавливалъ ея цифру, и всякая неправильно взысканная имъ сумма должна была возвращаться имъ вчетверо. Вымогательства низшихъ чиновниковъ наказывались самыми строгими карами. Намѣстникъ, по истеченіи срока своей службы, обязанъ былъ оставаться впродолженіе пятидесяти дней въ своей провинціи, чтобы отвѣчать на всѣ заявленія или требованія, которыя могли быть ему сдѣланы населеніемъ управлявшейся имъ области.

Трудно сказать, конечно, насколько соблюденіе трехъ разобранныхъ правилъ утверждало справедливость администраціи; но мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что примѣненіе ихъ прекратилось вмѣстѣ съ гибелью римской Имперіи; и тогда можно будетъ убѣдиться, въ какіе безпорядки повергло общество такое исчезновеніе правильнаго управленія. Можно будетъ исчислить, сколько тогда появилось несправедливости и угнетенія, и по степени зла, которое принесено было уничтоженіемъ описанной системы, можно будетъ составить себѣ понятіе о благѣ, которое она порождала.

То же самое надо повторить о централизаціи. Предположимъ, что памятники временъ Имперіи въ

[1] См. особенно 16-ю главу I-й книги кодекса Θеодосія.

самомъ дѣлѣ не доказываютъ съ полною очевидностью, что народы ее полюбили; за то памятники послѣднихъ вѣковъ докажутъ уже несомнѣнно, что они не переставали сожалѣть о ней послѣ ея утраты.

ГЛАВА IV.

О нѣкоторыхъ провинціальныхъ вольностяхъ во времена римской Имперіи; собранія и посольства.

Провинціи не были безусловно лишены средствъ защиты противъ злоупотребленія властью со стороны намѣстниковъ. Отъ начала до конца Имперіи просуществовала совокупность обычаевъ и учрежденій, которыя жили обезпеченіемъ интересовъ и правъ населенія. Не слѣдуетъ, конечно, ожидать, что тогда уже выработалось то, что люди нашихъ дней называютъ представительнымъ устройствомъ; древніе никогда не знали его, и императоры не прилагали опредѣленныхъ усилій для его утвержденія; однако же именно во времена Имперіи впервые появились въ Европѣ учрежденія, которыя были зародышемъ подобныхъ порядковъ.

Историки временъ Имперіи часто упоминаютъ о посольствахъ, которыя отправлялись въ Римъ городскими общинами и провинціями, и что замѣчательно,— эти посольства избирались не тайно, но совершенно открыто на глазахъ у власти. Въ многочисленныхъ

разсказахъ писателей, въ которыхъ идетъ рѣчь о нихъ, мы ни разу не встрѣчаемъ замѣчанія о томъ, что такія дѣйствія населенія были неправильны. Выборъ пословъ оказывается актомъ законнымъ и нормальнымъ [1].

Правда, провинціальные послы представляются въ Римѣ лишь въ качествѣ просителей; но все таки они имѣли право отстаивать интересы провинціи, ея желанія и нужды. Они принимались либо сенатомъ, либо императоромъ [2].

Посольства эти пользовались извѣстными правами по отношенію къ провинціальнымъ намѣстникамъ. Иногда они уполномочивались выразить похвалу управленію послѣднихъ, и такое право оказывалось для провинцій довольно полезною привилегіею. Въ силу этого одни изъ проконсуловъ заботились править такъ, чтобы заслужить подобную похвалу, другіе, по крайней мѣрѣ, искусно добивались того, чтобы ее получить [3]. — Но еще болѣе реальнаго значенія получило право, предо-

[1] О *legationes* вообще см. *Tacit.* Annal. IV, 13.—*Dio Cass.* LVII, 17: „Ταῖς πρεσβείαις ταῖς παρὰ τῶν πόλεων καὶ τῶν ἐθνῶν".—*Suet.* Vesp. 24: „Ut legationes audiret."—*Fronton.* Ad amicos, II, 6.—*Plin.* Epist. ad Trai. 52. Послѣдній авторъ показываетъ, что обычаемъ отправки *legationes* иногда населеніе даже злоупотребляло; расходы на нихъ производились на счетъ городовъ, и они были весьма значительны.

[2] Діонъ Кассій представляетъ императора Клавдія „Πρεσβείας ἀκροώμενον" (LX, 30); онъ говоритъ то же самое о Маркѣ Авреліи (LXXI, 19).—Просьбы, предъявлявшіяся провинціями, бывали разнородны, часто онѣ испрашивали уменьшенія налоговъ (*Tac.* Ann. IV, 13; I, 76;—*Dio*, LXXI, 19).—По вопросу о провинціальныхъ посольствахъ можно съ пользою обращаться къ сочиненію *P. Guiraud*, Les assemblées provinciales dans l'empire romain (P. 1888), livre II, ch. 7.

[3] См. что говоритъ объ этомъ Тацитъ, Annal. XV, 20; 21.

ставленное провинціаламъ, вчинать обвинительные процессы противъ намѣстника чрезъ свое посольство. У насъ есть многочисленные примѣры такихъ жалобъ или исковъ, поддерживавшихся тою или иною провинціею передъ сенатомъ или императоромъ [1]; авторы приводятъ также много случаевъ, когда намѣстники подвергались обвинительнымъ приговорамъ и наказаніямъ [2].

Итакъ справедливо будетъ сказать, что провинціи обладали представительствомъ, хотя бы и дѣйствовавшимъ съ перерывами; представительство это правда, не имѣло права творить законъ и устанавливать подати, но за то могло служить органомъ

[1] *Ibid.* IV, 15: „Procurator Asiae Lucilius Capito, accusante provincia, causam dixit".—*Ibid.* XIII, 33: „Idem annus plures reo, habuit, quorum P. Celerem, accusante provincia".—*Plin.* Epist. II 2: „Marius Priscus, accusantibus Afris, quibus pro consule praefuit, iudices petiit; ego et Cornelius Tacitus adesse provincialibus iussi".—*Ibid.* III, 9: „Marium Priscum una civitas publice, multique privati reum peregerunt; in Classicum tota provincia incubuit".

[2] *Tacit.* Ann. IV, 15: „Lucilius Capito... damnatur."—III, 70: „Auditi Trenenses et Caesius Cordus repetundarum damnatur."—XII, 22: „Damnatus Cadius Rufus accusantibus Bithynis."—XIII, 30: „Damnatus Vipsanius Laenas ob Sardiniam provinciam avare habitam".—XIV, 18: „Motus senatu Pedius Blaesus, accusantibus Cyrenensibus ob dilectum militarem pretio et ambitione corruptum." — *Plin.* Epist. III, 9: „Bona Classici placuit spoliatis relinqui."—VII, 33: „Dederat me senatus advocatum provinciae Baeticae contra Baebium Massam, damnatoque Massa censuerat, ut bona eius publice custodirentur."—*Capitol.* Pius, 6: „Contra procuratores suos conquerentes libenter audivit".—*Ibid.* 10: „Si quos repetundarum damnavit... ut illi provincialibus redderent." — *Spartian.* Sev. 8: „Accusatos a provincialibus iudices (*iudices*—было общимъ терминомъ для обозначенія намѣстниковъ и правительственныхъ чиновниковъ), probatis rebus, graviter punivit."

передачи желаній и неудовольствій населенія и добивалось на этомъ пути нерѣдко удовлетворенія.

Надписи сообщаютъ по этому предмету еще болѣе отчетливыя данныя, чѣмъ историки. Онѣ съ полною ясностью обнаруживаютъ передъ нашими глазами очень важную особенность общественной жизни той эпохи. Онѣ уже показали намъ, что съ первыхъ же лѣтъ Имперіи установилась особенная политическая религія, верховнымъ божествомъ которой былъ самъ императоръ. Онѣ покажутъ намъ еще, что эта же религія, которую съ перваго взгляда можно признать годною лишь для рабовъ, сдѣлалась напротивъ принципомъ свободы.

Мы уже знаемъ, что въ каждой провинціи былъ свой храмъ Августа. Существованіе такихъ храмовъ подтверждается въ Галатіи, Виѳиніи, Греціи, Африкѣ, Испаніи. Въ Нарбонской Галліи храмъ этотъ возвышался въ главномъ городѣ Нарбонѣ. Три большія провинціи, которыя именовались Аквитанскою, Лугдунскою Бельгійскою соединились вмѣстѣ для отправленія этого культа и воздвигли великолѣпный храмъ на небольшомъ кускѣ территоріи около Ліона, составлявшемъ ихъ общую собственность. Тамъ и совершались обряды культа императоровъ и священныя празднества «трехъ Галлій» [1].

Въ каждомъ изъ этихъ храмовъ, на востокѣ такъ же, какъ и на западѣ, служилъ особый верховный жрецъ. Греческія надписи называютъ его ἀρχιερεύς, надписи латинскія именуютъ его—*sacerdos* или *flamen*; оба

[1] *Dio, LIV*, 32.—*Orelli*, 184, 185, 4018, 6966. — *Wilmanns*, 885, 2220—23.—*Aug. Bernard*, Le temple d'Auguste et la nationalité gauloise.—Cp. *Allmer*, Le musée de Lyon (t. II).

термина обозначали на языкѣ того времени религіозную должность высокаго сана [1].

Если мы представимъ себѣ важность этого культа среди народныхъ вѣрованій эпохи, мы должны понять, что лицо, которое имъ руководило, само пользовалось высокимъ уваженіемъ. Дѣйствительно, званіе великаго жреца провинціальнаго храма Рима и Августа предоставлялось лишь наиболѣе заслуженнымъ людямъ провинціи; чтобы достигнуть его, надобно было раньше пройти черезъ самыя высокія должности, выполнить первыя муниципальныя магистратуры [1]. Вообразимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, обычаи и понятія той эпохи: представимъ себѣ этого великаго жреца, выступающимъ въ блестящемъ облаченіи, одѣтымъ въ мантію изъ пурпура, вышитую золотомъ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ [2], среди большого собранія, безмолвнаго и со-

[1] Титулъ *sacerdos* носили еще въ V и VI вѣкахъ христіанскіе епископы.

[2] „Sex. Attius, Viennensis, omnibus honoribus in patria sua functus, flamen provinciae Narbonensis" (*Herzog*, Galliae Narbonensis historia, append. n° 501).—„Q. Salonius, equo publico (т. е. награжденный званіемъ римскаго всадника), flamen provinciae Narbonensis" (*Ibid.* 106). Cp. *Corp. inscr. lat.* XII, 3184.—„Τρεβέλλιον Ροῦφον ἀρχιερέα ἐπαρχείας τῆς ἐκ Νάρβωνος καὶ πάσαις τιμαῖς ἐν τῇ πατρίδι Τολώσῃ τετιμημένον" (*Pittakis*, 'Εφημερίς, n. 59).—„Sex. Iulio Lucano, duumviro civitatis Segusiavorum, sacerdotali" (*A. Bernard*, p. 58).—„P. Vettio Perenni, Carnutino, ex provincia Lugdunensi, duumvirali, sacerdoti" (*Ibid.* p. 57).—Cp. *Orelli*, 184, 2273; *Henzen*, 6966.—Еще въ 395 г. послѣ Р. Хр. одинъ законъ, вошедшій въ составъ Ѳеодосіева Кодекса (XII, 1, 148), устанавливаетъ, что для пріобрѣтенія званія верховнаго провинціальнаго жреца надобно удовлетворять тремъ условіямъ: внутреннему достоинству, богатству и предварительному прохожденію высшихъ муниципальныхъ магистратуръ.

[2] „Purpura illa et aurum cervicis ornamentum eodem more

средоточеннаго; постараемся увидѣть его, совершающимъ торжественную жертву «о благополучіи императора и страны»;—нѣтъ сомнѣнія, что такое лицо должно было занимать очень высокое мѣсто въ почитаніи людей, и что въ такіе торжественные дни оно должно было стоять почти наравнѣ съ императорскимъ намѣстникомъ. Въ рукахъ послѣдняго—право карать мечемъ; первый же обладаетъ правомъ произнесенія молитвъ и привлеченія благосклонности божества. Намѣстникъ — представитель государя; жрецъ — духовная глава провинціи. Дѣйствительно, онъ не зависѣлъ отъ верховной власти и не назначался императоромъ; его избирала ежегодно сама Галлія черезъ посредство уполномоченныхъ отъ шестидесяти ея городскихъ общинъ. Онъ, стало быть, являлся избраннымъ вождемъ страны, который становился рядомъ съ имперскимъ сановникомъ, назначеннымъ центральною властью.

При отправленіи обязанностей своего жречества онъ былъ окруженъ представителями различныхъ городовъ, составлявшихъ провинцію, и дѣйствовалъ въ сослуженіи съ ними.—Такая группа особъ, облеченныхъ священнымъ саномъ и избранныхъ всѣми мѣстностями области, довольно походитъ на то, что было извѣстно въ древней Греціи подъ именемъ амфиктіоній, и что называлось въ древней Италіи *feriae latinae*. Провинція обращалась въ родъ союза рели-

apud Aegyptios et Babylonios insignia erant dignitatis, quo more nunc praetextae, vel trabeae, vel palmatae et coronae aureae sacerdotum provincialium“ (*Tertull.* De idolatria). Ср. *Dio Chrysost.* Oratio 34: „Ἐστεφανωμένους ἰδεῖν ἐστὶ καθ’ ἑκάστην πόλιν καὶ θύοντας ἐν κοινῷ καὶ προιόντας ἐν πορφύρᾳ“.—См. еще *Corp. inscr. lat.* XII p. 864.

гіознаго и политическаго въ одно и то же время. Она выражала одновременно и свое единство, и свое подчиненіе Имперіи учрежденіемъ культа. Необходимо было поэтому, чтобы въ церемоніяхъ этого культа были представлены всѣ члены федераціи; они вмѣстѣ совершали жертвоприношеніе и подѣляли между собою мясо жертвеннаго животнаго въ священномъ пирѣ.

Все это не представляло одну пустую обрядность: когда мы знаемъ, насколько жившія тогда поколѣнія людей были суевѣрны, и какъ сильна была тогда власть религіи надъ ихъ душами, мы не можемъ сомнѣваться, что ежегодное празднество храма Августа было дѣйствительно однимъ изъ самыхъ важныхъ событій въ жизни обитателей Имперіи въ тѣ времена. Въ немъ смѣшивались интересы религіи и политики. Для населенія это былъ главный годовой праздникъ, это былъ день самыхъ горячихъ молитвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ живыхъ развлеченій, день пиршествъ и зрѣлищъ. Для императорскаго намѣстника это былъ также самый торжественный день изъ всѣхъ, когда населеніе показывало свою преданность и тѣмъ самымъ какъ бы утверждало Имперію. Онъ долженъ былъ посылать въ Римъ отчетъ о томъ, какъ проходилъ этотъ день въ его провинціи. И для него было очень важно, если онъ могъ каждый годъ писать императору то, что Плиній, намѣстникъ Виѳиніи, писалъ Траяну: «Моя провинція питаетъ къ тебѣ чувства покорности и привязанности, мы исполнили ежегодныя молитвы о твоемъ благополучіи и о благоденствіи государства; обратившись сначала къ богамъ съ просьбою, чтобы они сохранили тебя для человѣческаго рода, которому ты обезпечиваешь покой, вся провинція въ благочести-

вомъ рвеніи возобновила клятву въ вѣрности Имперіи» [1].

Эта молитва и эта клятва, о которыхъ говоритъ Плиній, произносились, конечно, великимъ жрецомъ провинціальнаго храма Рима и Августа и депутатами общинъ, которые были избраны самими жителями. Предположимъ, что провинція была недовольна правительствомъ, и что въ ней царствовалъ оппозиціонный духъ; въ такомъ случаѣ у администраціи не было матерьяльныхъ средствъ заставить жителей избрать людей, которые добровольно пошли бы на исполненіе этихъ формальностей. Какъ ни бываетъ сильна власть, ей нелегко вырывать отъ враждебно настроеннаго населенія ежегодное одобреніе, притомъ впродолженіе трехъ вѣковъ. Значеніе описаннаго торжественнаго празднества было такъ велико, что, безъ сомнѣнія, если бы хоть одинъ городъ провинціи являлся здѣсь врагомъ правительства и обнаружилъ бы свою оппозицію отказомъ послать на торжество своего представителя,— это составило бы очень важное событіе, къ которому императорское правительство отнеслось бы съ большою

[1] „Diem celebravimus... precati deos, ut te generi humano incolumem praestarent; praeivimus et commilitonibus iusiurandum more solenni praestantibus et provincialibus, qui eadem certarunt pietate, iurantibus“ (*Plin.* Epist. X, 60; cfr. *Ibid.* X, 28; 44; 45).—См. еще *Plin.* Epist. X, 101: „Vota, domine, persolvimus, curante provincialium pietate, precati deos, ut te remque publicam florentem et incolumem servarent.“—Тотъ же авторъ (сл. *Panegyr.* 68) обнаруживаетъ важность, которую придавали сами императоры такимъ манифестаціямъ провинціаловъ, онъ показываетъ, съ какимъ безпокойствомъ они ожидали вѣстниковъ, которые должны были сообщить имъ о томъ, что празднество состоялось въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Ясно, что тутъ было нѣчто большее, чѣмъ пустая формальность.

чувствительностью. Только становясь какъ бы среди вѣрованій людей той эпохи, можно хорошо замѣтить, что у нихъ въ рукахъ были способы дѣйствія, довольно могущественные для ограниченія произвола ихъ правителей. Есть основанія думать, что взоры намѣстника цѣлый годъ мысленно направлялись на тотъ великій религіозный праздникъ, въ день котораго провинція должна была высказать, чувствуетъ ли она себя счастливой и довольной. Все его искусство должно было клониться къ тому, чтобы этотъ дружный хоръ признательности и преданности не былъ по его винѣ разстроенъ никакимъ диссонансомъ. Не онъ назначалъ жрецовъ, и ихъ выборы были въ его глазахъ неизбѣжно самымъ важнымъ дѣломъ каждаго года. Они имѣли то же значеніе, какое связано въ наши дни съ выборами депутатовъ въ различныхъ мѣстностяхъ и генеральныхъ совѣтниковъ въ департаментахъ [1]. Надо, впрочемъ, замѣтить, что эти ежегодно избираемые жрецы культа императоровъ не были только тѣмъ, чѣмъ являются у насъ служители алтаря, то-есть, людьми, посвящающими себя исключительно религіи и поставленными внѣ политической жизни. Надписи показываютъ напротивъ, что города избирали въ жрецы людей, которые раньше того отправляли муниципальныя магистратуры. Они являлись, стало быть, какъ говорятъ въ наши дни, общественными дѣятелями. Они долгое время управляли дѣлами родного

[1] Эти выборы совершались при большомъ оживленіи и вызывали борьбу. Одинъ юрисконсультъ III-го вѣка разсказываетъ о происходившей при этомъ агитаціи и даже о вооруженныхъ столкновеніяхъ, которыя ихъ сопровождали. См. *Paul.* Sent. V, 30: „Petiturus magistratum vel provinciae sacerdotium, si turbam suffragiorum causa conduxerit, servos advocaverit, aliamve quam multitudinem conduxerit“.

города; они хорошо знали интересы, нужды, желанія послѣдняго, предметы, вызывавшіе его недовольство; они были его настоящими представителями.

Устремимъ на минуту взглядъ на храмъ, воздвигнутый тремя провинціями Галліи близь Ліона. Празднество въ немъ совершалось ежегодно въ августовскія календы. Торжество начиналось съ жертвоприношенія; избранные жрецы закалывали посвященныхъ животныхъ, курили ѳиміамъ, произносили молитвы и гимны. Затѣмъ устраивался религіозный пиръ изъ подѣленнаго между участвующими жертвеннаго мяса. Наконецъ совершались игры и зрѣлища, которыя, по вѣрованіямъ той эпохи, не являлись простымъ развлеченіемъ, а составляли напротивъ одну изъ существенныхъ частей культа. Шестьдесятъ представителей шестидесяти общинъ трехъ Галлій присутствовали на этихъ играхъ, возсѣдая на почетныхъ мѣстахъ и одѣтые въ облаченіе религіозныхъ церемоній.

Когда оканчивались жертвы и зрѣлища, представители общинъ не разъѣзжались немедленно. Они оставались вмѣстѣ еще нѣсколько дней, образуя особое учрежденіе, которое самъ оффиціальный языкъ называлъ «собраніемъ галльскихъ провинцій»—*concilium Galliarum*. Это было дѣйствительно нѣчто въ родѣ національнаго собранія страны, которое происходило правильно каждый годъ [1].

[1] Глассонъ (см. его „*Hist. du droit fr.*“ I, 291) предполагаетъ, что *concilium Galliarum* было организовано Августомъ и Именно въ 27 г. до Р. Хр. Это невѣрно: авторъ смѣшалъ *concilium Galliarum* съ *conventus*, который Августъ дѣйствительно собралъ въ Нарбонѣ въ означенномъ году. Онъ прибавляетъ что съ этого самаго года представители шестидесяти галльскихъ городовъ стали собираться въ Нарбонѣ. Неточность этого утвержденія очевидна: Нарбона не находилась въ той же провинціи, къ которой принадлежали эти шестьдесятъ общинъ, и потому не могла служить для нихъ главнымъ городомъ. Отмѣтимъ спеціально, что *conventus* 27-го года не стоитъ ни въ какой связи съ учрежденіемъ провинціальныхъ собраній. Теорія Глассона сводится къ тому, что провинціальныя собранія были установлены до возникновенія культа Рима и Августа, то-есть, носили характеръ чисто политическаго учрежденія. Мы думаемъ, что эта теорія безусловно опровергается документами.

Надписи даютъ намъ свѣдѣнія о вопросахъ, которыми этому собранію приходилось заниматься. Первыя засѣданія посвящались, нужно думать, обсужденію расходовъ, произведенныхъ на устройство только что совершившагося празднества, и составленію отчетовъ о нихъ. Собраніе располагало для этой цѣли особою казною (*arca*), которая питалась взносами отдѣльныхъ городовъ. Оно выбирало ежегодно общаго сборщика (*allector arcae*) [1], затѣмъ судью, обязаннаго разбирать всякаго рода жалобы, связанныя съ этимъ дѣломъ (*iudex arcae Galliarum*) [2] и особаго распредѣлителя или контролера сборовъ для содержанія храма и праздника въ честь Августа (*inquisitor Galliarum*) [3].

[1] *Wilmanns*, 2219: „L. Besio Superiori, Viromanduo, omnibus honoribus apud suos functo, allectori arcae Galliarum, tres provinciae Galliae“.

[2] *Ibidem*, 2217: „Tib. Pompeio Prisco, Cadurco, iudici arcae, Galliarum, tres provinciae Galliae“.

[3] *Wilmanns*, 2218: „L. Cassio Meliori, Suessioni, omnibus honoribus apud suos functo, inquisitori Galliarum, tres provinciae Galliae.“—*Spon-Renier*, p. 147: „G. Iulio Severino, Sequano, inquisitori Galliarum.“—*Idem*, p. 138: „Paterno Urso, Turono... inquisitori Galliarum, tres provinciae Galliae...“—Новое объясненіе по этому пункту было высказано *P. Guiraud* („Assemblées provinciales“, livre II, ch. 3); по его мнѣнію, этотъ *inquisitor* былъ чиновникомъ имперскаго провинціальнаго управленія съ судейскою компетенціею; но мы сомнѣваемся въ правильности такого толкованія: мы не сумѣли бы понять необходимости въ Галліи такой должности, для которой не находимъ аналогіи нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ.

Такъ слагалось нѣчто въ родѣ особаго провинціальнаго самоуправленія, независимаго отъ центральнаго имперскаго правительства.

Аттрибуты собранія не ограничивались указанными. Оно разсматривало финансовое состояніе провинцій и провѣряло акты предшествовавшаго года; наконецъ оно обсуждало вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли воздать хвалу или выразить порицаніе намѣстникамъ и другимъ имперскимъ должностнымъ лицамъ.

Одна надпись, найденная въ Нормандіи, особенно поучительна для уясненія разбираемаго пункта. Начертанная въ 238-мъ году нашей эры, она заключаетъ въ себѣ письмо, посланное когда то однимъ намѣстникомъ Галліи къ одному изъ его преемниковъ. Это письмо стоитъ привести цѣликомъ: «Въ то время, когда я былъ императорскимъ легатомъ въ Лугдунской провинціи, я знакомъ былъ съ нѣсколькими видными мѣстными жителями, къ числу которыхъ принадлежалъ Сенній Солемній изъ городской общины Видукассовъ; [1] онъ былъ посломъ отъ своего города при храмѣ Рима и Августа. Я любилъ этого человѣка уже за его благочестивый характеръ, его серьезность, честность его нрава; но еще другое обстоятельство укрѣпило за нимъ мою дружбу. Когда провинціею управлялъ мой предшественникъ Клавдій Павлинъ, случилось, что въ собраніи Галлій нѣсколько членовъ, которые были имъ недовольны, подняли вопросъ объ обвиненіи его отъ имени провинціи. Тутъ то Солемній вооружился противъ такого предложенія и объявилъ, что его сограждане, избравъ его посломъ, не только не уполномочили его жаловаться на правителя, но напротивъ того поручили ему добиваться выраже-

[1] Это нынѣшнее мѣстечко *Vieux* около города *Caen*.

нія хвалы послѣднему. Благодаря этому, собраніе, разсмотрѣвъ дѣло, единогласно постановило, что Клавдій Павлинъ не будетъ обвиненъ» [1].

Мы видимъ изъ этого памятника, что собраніе представителей, избранныхъ Галліею, состоявшееся въ главномъ городѣ области, исполнивъ требовавшіеся обряды культа, обсуждало дѣйствія и управленіе императорскаго намѣстника. Оно могло прійти къ рѣшенію начать противъ него обвинительный процессъ; оно разбирало этотъ вопросъ съ полною свободой; если обвиненіе не было осуществлено, то это произошло только потому, что само собраніе въ концѣ концовъ высказалось противъ него.

Такія собранія не были индивидуальною особенностью общественной жизни Галліи; они являлись общеимперскимъ учрежденіемъ. Вокругъ храма Августа, возвышавшагося въ каждой провинціи, группировался областной или національный совѣтъ. О немъ часто упоминаютъ греческія надписи; онѣ показываютъ, что въ немъ избирался на годичный срокъ предсѣдатель, что онъ даже обнародывалъ особыя постановленія. Надписи Испаніи свидѣтельствуютъ о существованіи въ Бэтикѣ и въ Тарраконской провинціи подобныхъ же совѣтовъ, собиравшихся ежегодно въ опредѣленный срокъ въ главныхъ городахъ обѣихъ провинцій [2].

[1] Эта надпись начертана на одной изъ сторонъ пьедестала, которому присвоено названіе „*monument de Thorigny*“, и который нынѣ находится въ Saint-Lô.—Леонъ Ренье посвятилъ ему особое изслѣдованіе, напечатанное въ „Mémoires de la société des antiquaires de France“ (t. XXII). Текстъ его былъ также опубликованъ Моммзеномъ въ „Abhandlungen der Sächsischen Akademie“ (1852), потомъ О. Бернаромъ и въ послѣдній разъ Э. Дежардэномъ („Géographie de la Gaule,“ III, 200).

[2] См. напр. „Τὸ κοινὸν τῆς Ἀχαίας (*Böckh*, Corp. inscr. 1224).—

Однимъ словомъ вездѣ находимъ мы слѣды подобныхъ собраній [1].

Одна глава Тацита подтверждаетъ и разъясняетъ данныя, извлекаемыя изъ цитированныхъ памятниковъ. Въ царствованіе Нерона римскій сенатъ горько жаловался, что провинціи вмѣсто того, чтобы трепетать передъ своими правителями, напротивъ того, какъ бы предписывали имъ законъ. «Посмотрите на нашихъ проконсуловъ, говорилъ одинъ изъ сенаторовъ, они находятся какъ бы въ положеніи кандидатовъ на избирательную должность и принуждены домогаться голосовъ управляемаго имъ населенія; они боятся ихъ обвиненій, выманиваютъ ихъ похвалы» [2]. Поэтому

„Δόγμα τοῦ κοινοῦ πάσης τῆς Κρήτων ἐπαρχίας“ (*Ibid.* 2595, 2596, 2597).—„Τὸ κοινὸν τῶν ἐν Βειθυνίᾳ Ἑλλήνων“ (*G. Perrot*, Exploration archéologique de la Galatie).—Двѣ надписи, найденныя въ Македоніи, упоминаютъ „κοινὸν Μακεδόνων“ (см. *Delacoulonche*, въ „Revue des sociétés savantes“, 1858). Существованіе подобнаго совѣта констатируется даже въ провинціяхъ, расположенныхъ по берегамъ Чернаго моря (см. *G. Perrot* въ „Revue archéologique“, 1874).—Латинскія надписи называютъ „concilium Baeticae“ и „concilium Tarraconensis provinciae“. Можно воспользоваться здѣсь замѣчательнымъ трудомъ по данному вопросу, напечатаннымъ Марквардтомъ въ „Ephemeris epigraphica“ въ 1872 г. Ср. *Waddington*, Voyage archéologique, V, n⁰ 1175—78 и примѣчанія ученаго автора къ этимъ надписямъ.

[1] Въ то время какъ я пересматривалъ текстъ этого третьяго изданія моего труда, появилась ученая книга *P. Guiraud*, Les assemblées provinciales dans l'Empire romain (P. 1888). Авторъ показываетъ при помощи документовъ, преимущественно эпиграфическихъ, что подобныя собранія существовали въ Испаніи, Дакіи, Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи, Греціи, Азіи, Галатіи, Каппадокіи Сиріи, Африкѣ, Великобританіи.

[2] *Tacit.* Ann. XV, 21: „Colimus externos et adulamur, et quomodo ad nutum alicuius grates, ita promptius accusatio decernitur. Decernaturque et maneat provincialibus potentiam suam tali modo

поводу приводились горделивыя слова одного провинціальнаго жителя, который будто бы сказалъ, что «отъ него зависитъ, получитъ ли намѣстникъ или нѣтъ выраженіе признательности».—Сенатъ былъ сильно затронутъ въ своемъ честолюбіи; онъ искалъ средствъ снова возвысить свой авторитетъ. Онъ спросилъ себя, не отнять-ли у провинцій право обвинять ихъ правителей, однако не рѣшился пойти на это. Но онъ хотѣлъ во что бы то ни стало лишить ихъ, по крайней мѣрѣ, тѣсно связаннаго съ этимъ обратнаго права оффиціально высказывать намѣстникамъ похвалы или устраивать имъ публичныя чествованія. Тогда то состоялось въ сенатѣ постановленіе, что провинціальныя собранія сохранятъ на будущее время право отправлять въ Римъ посольства для обвиненія, но не для одобренія своихъ правителей [1].

Такимъ образомъ, уже начиная съ царствованія Нерона легальное существованіе провинціальныхъ собраній признавалось правительствомъ; въ Римѣ жаловались на ихъ чрезмѣрное вліяніе, но осмѣлились отмѣнить лишь одинъ изъ присвоенныхъ имъ аттрибутовъ, который къ тому же былъ скоро имъ вновь возвращенъ. Въ другую эпоху историкъ Амміанъ Марцеллинъ сообщаетъ о существованіи ежегоднаго собранія въ одной провинціи и изображаетъ его избирающимъ пословъ для принесенія императору просьбы о мѣстныхъ нуждахъ [2].

ostentandi. Sed laus falsa cohibeatur... Magistratuum nostrorum finis inclinat, dum in modum candidatorum suffragia conquirimus“.

[1] *Tacit.* Ibid. cc. 20—22.

[2] *Amm. Marc.* XXVIII, 6: „Adlapso legitimo die concilii, quod apud eos est annuum, creavere legatos, ut lacrymosas provinciae ruinas docerent“.

Несомнѣнность того факта, что описываемыя собранія должны быть признаны правильнымъ и легально установленнымъ учрежденіемъ, подтверждается еще тѣмъ, что въ Дигестахъ сохранено нѣсколько императорскихъ рескриптовъ, адресованныхъ Адріаномъ и Антониномъ собраніямъ Бэтики, Ѳракіи и Ѳессаліи [1]. До насъ дошли законы Веспасіана, Адріана, Александра Севера, которые относятся къ провинціальнымъ посольствамъ [2]. Мы увидимъ ниже, что и болѣе деспотическій порядокъ, установленный Діоклетіаномъ, не уничтожилъ провинціальныхъ собраній [3].

Члены этихъ посольствъ выбирались представителями различныхъ муниципальныхъ общинъ провинціи, соединенными въ общее собраніе. Установлено было правило, что собраніе прежде всего формулировало свои желанія и просьбы; затѣмъ оно избирало одного или нѣсколькихъ пословъ; имъ и передавалось письмо или наказъ, въ которомъ были изложены тѣ и другія. Депутаты должны были представить врученную имъ бумагу императору и поддерживать передъ нимъ словесно прошеніе страны; они не могли уклоняться отъ полномочія, даннаго имъ согражданами. Иногда все порученіе ограничивалось лишь передачею государю благодарности области. Но въ другихъ случаяхъ посламъ приходилось быть выразителями опредѣленныхъ жалобъ и ходатайствъ провинціаловъ. Кромѣ того нерѣдко послы обязаны были доложить императору о бѣдствіяхъ, которыя поражали провинцію, испросить уменьшенія налоговъ или вспомоществованія для устройства водопровода, школы или театра. Посолъ могъ быть избранъ даже и противъ его воли: онъ не имѣлъ права отклонять отъ себя полномочія. Путевые расходы депутатовъ въ Римъ оплачивались бюджетомъ провинціи [1].

[1] *Dig.* V, 1, 37: „Divus Hadrianus τῷ κοινῷ τῶν Θεσσαλῶν, id est, communi seu reipublicae Thessalorum rescripsit".—*Ibid.* XLVII, 14, 1: „Divus Hadrianus concilio Baeticae rescripsit". *Ibid.* XLIX, 1, 1: „De qua re extat rescriptum divi Pii πρὸς τὸ κοινὸν τῶν Θρᾳκῶν, id est, ad communitatem Thracum".

[2] Ихъ можно найти въ Дигестахъ въ 7-й главѣ L-й книги, озаглавленной—„*De legationibus*".—Ср. *Cod. Iust.* X, 63.

[3] См. объ этомъ томъ II, книга 1-я настоящаго сочиненія.

Мы бы составили себѣ, безъ сомнѣнія, ложное понятіе о провинціальныхъ собраніяхъ и посольствахъ въ римской Имперіи, если бы стали сближать эти учрежденія съ палатами представителей современныхъ европейскихъ націй. Утверждать, что парламентскій строй зародился въ римской Имперіи, было-бы настолько же невѣрно, какъ доказывать, что «онъ найденъ былъ въ лѣсахъ Германіи». Собранія въ Ліонѣ и Нарбонѣ никогда не издавали законовъ и не голосовали налоговъ. Имъ не предоставлено было даже права возражать

[1] См. обо всѣхъ этихъ пунктахъ кодексъ Ѳеодосія—XII, 1, 25; XII, 12, 12; 13; 15.—Ср. *Symmach.* Epist. I, 2; IV, 52 X, 53; *Dig.* L, 7. — Едва ли слѣдуетъ здѣсь спеціально указывать, что, конечно, намѣстнику удавалось нерѣдко добиться избранія, какъ посла, человѣка, ему угоднаго, и заставить этого послѣдняго сказать въ Римѣ только то, что онъ самъ хотѣлъ; само собою понятно, что подобный фактъ могъ повторяться не одинъ разъ въ продолженіе пяти вѣковъ; но можно тѣмъ не менѣе предполагать, что такіе случаи оставались исключеніями. Аммianъ Марцеллинъ (XXX, 5) сообщаетъ о любопытномъ въ этомъ смыслѣ происшествіи: онъ разсказываетъ о намѣстникѣ, которому удалось, неизвѣстно какъ, убѣдить или заставить провинціальное собраніе дать послу полномочіе высказать ему похвалу и благодарность; но императоръ, возымѣвшій подозрѣніе въ искренности полномочія, принудилъ посла сказать ему всю правду; узнавъ, что провинціалы подвергались притѣсненіямъ, онъ лишилъ намѣстника должности.

противъ законовъ, обнародываемыхъ другою властью, или пріостанавливать сборъ назначенныхъ ею налоговъ. Они никакимъ образомъ не принимали участія въ высшемъ управленіи; и они не сдѣлались также центрами оппозиціи. Совсѣмъ не замѣтно, чтобы они поднимались рядомъ съ верховною властью императоровъ, какъ сила противоположная ей; потому-то императорское правительство никогда не видѣло въ нихъ враговъ.

Римская Имперія, безъ всякаго сомнѣнія, не знала той формы представительнаго правленія, при которой народы сами управляютъ собою только подъ именемъ монархическаго устройства. Но ей извѣстенъ былъ, по крайней мѣрѣ, другой видъ политическаго порядка, при которомъ населеніе, никогда не управляя, обладаетъ однако правильными и законными способами высказывать свои желанія и жалобы.

Если мы разсмотримъ вблизи это учрежденіе, просуществовавшее пять вѣковъ, мы замѣтимъ, что оно ни разу не явилось поводомъ для безпорядковъ, что оно не породило ни одного столкновенія. Кажется наоборотъ, что оно служило опорою императорскаго правительства. Оно могло бы сдѣлаться могучимъ орудіемъ оппозиціи, если бы духъ послѣдней жилъ въ обществѣ. Но при господствовавшемъ въ ту эпоху общественномъ настроеніи провинціальныя собранія служили скорѣе лишнимъ средствомъ имперской администраціи. Черезъ нихъ населеніе находилось въ постоянномъ общеніи съ властью. Не будемъ же воображать себѣ общество римской Имперіи безмолвнымъ и придавленнымъ; источники рисуютъ намъ его въ совершенно иныхъ краскахъ. Иногда оно благодаритъ и даже не чуждается лести; но порою оно обвиняетъ и жалуется; оно всегда говоритъ и притомъ свободно; оно находится какъ бы въ постоянной бесѣдѣ съ своимъ правительствомъ, которое поэтому никогда не можетъ оставаться въ невѣдѣніи о его мнѣніяхъ и нуждахъ. Описанное учрежденіе не было несовмѣстимо съ прочнымъ повиновеніемъ населенія власти, съ безсознательною вѣрностью, даже съ извѣстными привычками къ раболѣпству. Но утѣсненіе, которое превосходило бы извѣстный предѣлъ, врядъ ли было возможно при его существованіи. Было бы противно человѣческой природѣ, чтобы народы, съ такимъ оружіемъ въ рукахъ, стали подчиняться и служить въ продолженіе пяти вѣковъ порядку, который былъ бы враждебенъ ихъ интересамъ. Лесть никогда не доведетъ людей до того, чтобы они допустили гибель своего благосостоянія.

ГЛАВА V.

Муниципальный строй въ Галліи во время римской Имперіи.

До римскаго завоеванія въ Галліи насчитывалось около 80 народцевъ; то же приблизительно число подраздѣленій страны сохранилось и послѣ подчиненія ея римскому владычеству [1]. Если мы сравнимъ карты Галліи во времена независимости и во времена господства Рима, то замѣтимъ между ними нѣкоторыя различія; но

[1] Эрн. Дежарденъ (*Géogr. de la Gaule*, t. III) перечисляетъ 89 общинъ, изъ нихъ 22 относитъ къ Нарбонской Галліи, 17 къ Аквитанской, 23 къ Лугдунской, 14 къ Бельгійской, 10 къ обѣимъ Германіямъ. Мы нѣсколько расходимся съ нимъ, особенно что касается послѣдней области.

послѣднія относятся, по преимуществу, къ южной части ея, то-есть, къ Набронской провинціи. Племя Аллоброговъ обратилось въ общину Вьенны. Племя Вольковъ Тектосаговъ образовало общины Тулузы, Нарбоны, Каркассоны и Безье. Племя Вольковъ Арекомиковъ стало Нимскою общиною. Большая часть этихъ общинъ носило званіе римскихъ колоній [1]. Однѣ изъ нихъ по-

[1] Насчитывается въ Нарбонской Галліи 22 общины, которыя у Плинія, Птолемея и въ надписяхъ обозначаются, какъ *coloniae*, и нужно думать, что общее число городовъ-общинъ этой провинціи не многимъ превышало эту цифру. Вотъ ихъ имена: *Vienna*, *Nemausus*, *Narbo*, *Tolosa*, *Carcasso*, *Baeterrae*, *Ruscino*, *Valentia*, *Avennio*, *Arausio*, *Cavellio*, *Arelate*, *Aquae Sextiae*, *Iulia Meminorum* (древнѣйшая *Carpentoracte*, имя которой сохраняется въ нынѣшнемъ *Carpentras*), *Dea Vocontiorum*, *Sextantio*, *Iulia Reiorum* (Riez), *Apta Iulia*, *Forum Iulii* (Fréjus), *Luteva* (Lodève), *Dinia*. — Можетъ быть, впрочемъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи придется увеличить этотъ списокъ (см. *Corp. Inscr. Lat.* XII, 6037, a). Надо прибавить къ названнымъ еще *Lugdunum*; нѣсколько позже были присоединены общины, отдѣленныя отъ страны Гельветовъ, именно—*colonia Equestris* (Nyon) и *colonia Aventicum* (Avenches).—Отмѣтимъ здѣсь настоящія, то-есть, оффиціальныя наименованія этихъ городовъ. Нарбона именуется *colonia Iulia Paterna Claudia Narbo Martius* (*Orelli*, 2489; *Wilmanns*, 104, 2194; *Henzen*, 5232); Эксъ—*colonia Iulia Augusta Aquae Sextiae* (*Wilmanns*, 2215; *Herzog*, 356); Ліонъ — *colonia Claudia Copia Augusta Lugdunum* (*Wilmanns*, 2210, 2228, 2232); Оранжъ—*colonia Firma Iulia Secundanorum Arausio* (*Wilmanns*, 2210); Арль — *colonia Iulia Paterna Arelate* (*Orelli*, 200, 202), Аптъ—*colonia Iulia Apta* (*Ibid.* 197, 200; *Henzen*, 5210); Ніонъ—*colonia Iulia Equestris* (*Orelli*, 307, 311); Аваншъ — *colonia Pia Flavia Constans Emerita* (*Ibid.* 363, 364). Ср. *Corp. Inscr. Lat.* XII, p. 939. -- Такимъ образомъ, судьба городовъ оказалась въ концѣ концовъ одинаковою съ судьбою людей. Какъ житель Галліи, становясь римскимъ гражданиномъ, принималъ имя того кто даровалъ ему права гражданства, такъ и городъ принималъ имя того, кто его основалъ, т. е., надѣлилъ правами колоніи

лучили небольшое число италійскихъ колонистовъ, которые очень быстро распустились въ массѣ туземцевъ; другія, въ которыя не было послано ни одного переселенца изъ римскихъ гражданъ, пріобрѣли наименованіе колоній въ качествѣ почетнаго титула или обозначенія тѣхъ муниципальныхъ правъ, какія были имъ предоставлены.

Въ то же самое время въ долинѣ Рейна было основано нѣсколько новыхъ городовъ: *Augusta Rauracorum* (Аугстъ около Базеля); *Breucomagus Tribocorum* (Бруматъ), *Nemetes* (Шпейеръ), *Mogontiacum* (Майнцъ), *Iuliacum* (Юлихъ), *Colonia Claudia Agrippina* (Кельнъ), *Colonia Ulpia Traiana* (Ксантенъ), *Confluentes* (Кобленцъ) и еще нѣсколько другихъ.

Но если мы оставимъ въ сторонѣ Нарбонскую Галлію и берега Рейна, если мы возьмемъ «Три провинціи Галліи», то-есть, Аквитанскую, Лугдунскую и Бельгійскую, которыя составляютъ четыре пятыхъ всей страны, мы не замѣтимъ въ нихъ никакой существенной перемѣны. Страбонъ насчитываетъ въ нихъ 60 народцевъ, а эта цифра соотвѣтствуетъ приблизительно той, которая относится ко времени до завоеванія [1]. Нѣсколько позже Тацитъ ставитъ число 64, по всей вѣроятности, потому, что онъ прибавляетъ къ страбоновской цифрѣ нѣсколько общинъ, вновь образован-

римскихъ гражданъ. Въ послѣднее время весь вопросъ о колоніяхъ Нарбонской Галліи пересмотрѣнъ и переработанъ Гиршфельдомъ (въ *Corp. Inscr. Lat.* t. XII).

[1] *Strabo*, IV, 3, 2. — Это выводится изъ сближенія словъ „ὑπὸ πάντων κοινῇ τῶν Γαλατῶν“ (не считая Нарбонской области) и „τῶν ἔθνων ἑξήκοντα τὸν ἀριθμόν“. Страбонъ опирается здѣсь на оффиціальную надпись, начертанную на ліонскомъ храмѣ.

ныхъ въ рейнскомъ краю [1]. Еще одинъ вѣкъ послѣ этого географъ Птолемей перечисляетъ въ Галліи также 64 народца [2].

Особенно достойно замѣчанія то обстоятельство, что это тѣ же племена, которыя намъ извѣстны изъ временъ независимости Галліи. Всѣ тѣ, которыя перечислялись Цезаремъ, какъ населяющія Бельгійскую Галлію,—Тревиры, Нервіи, Атребаты, Амбіаны, Тонгры, Веромандуи, Ремы, Белловаки, Медіоматрики, Лингоны, Секваны—находятся и въ римской провинціи того же имени [3]. Тѣ, которыхъ онъ называлъ въ

[1] *Tacit.* Ann. III, 44: „Quatuor et sexaginta civitates Galliarum".

[2] *Ptolem.* (ed. C. Müller, coll. Didot), II, 8; 9; 20 (p. 206—229).—Цифра 64 кажется мнѣ болѣе точною, чѣмъ та, которую даетъ Э. Дежарденъ. Трудность ея установленія зависитъ отъ того, что не всегда хорошо различаютъ въ текстѣ Птолемея когда онъ называетъ народецъ (общину), а когда просто городъ Между тѣмъ географъ выражается ясно: онъ даетъ прежде всего имя народца, потомъ прибавляетъ имена городовъ, которыхъ иногда оказывается два или три у каждаго народца. Обращая вниманіе на такой порядокъ изложенія автора, мы получаемъ 17 народцевъ въ Аквитаніи, 25 въ Лугдунской Галліи, 22 въ Бельгійской, всего 64.—Надо отмѣтить еще, что Птолемей не считаетъ обѣ Германіи отдѣльными провинціями. Въ самомъ дѣлѣ онъ начинаетъ съ указанія, что вся Галлія дѣлится на четыре провинціи—Аквитанскую, Лугдунскую, Бельгійскую и Нарбонскую; потомъ онъ причисляетъ нижнюю и верхнюю Германіи къ Бельгійской; онъ ихъ вставляетъ именно между территоріями Медіоматриковъ и Левковъ съ одной стороны, Лингоновъ и Секвановъ съ другой, а эти послѣднія племена, несомнѣнно, обитали въ Бельгійской Галліи, а не въ Германіи. См. *Plin.* H. n. IV, 17, 106.

[3] Вотъ полный списокъ общинъ Бельгики, по Птолемею: *Atrebatii, Bellovaci, Ambiani, Morini* (гл. городъ *Tervanna*), *Tungri* (гл. гор. *Atuatucum*), *Menapii, Subanecti, Viromandui, Vessones, Remi, Treveri, Mediomatrices, Leuci* (гл. гор. *Tullum*), *Lingones, Sequani, Helvetii, Batavi, Nemetes, Vangiones, Triboci, Raurici.*—Списокъ Плинія нѣсколько отличается отъ только что приведеннаго: *Texuandri, Menapii, Morini, Oromarsaci, Britani, Ambiani, Bellovaci, Bassi, Atrebates, Nervii, Veromandui, Suessiones, Ulmanetes, Tungri, Leuci, Treveri, Lingones, Remi, Mediomatrici, Sequani, Raurici, Helvetii... Nemetes, Triboci, Vangiones..., Batavi.*—Орѳографія нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ сомнительна, такъ какъ она дошла до насъ уже испорченною въ рукописяхъ. См. объ этомъ новѣйшій трудъ *Longnon*, Atlas historique de la France.

Кельтической — Эдуи, Сегузіавы, Сеноны, Паризіи, Карнуты, Туроны, Эбуровики, Калеты, Ценоманы, Намнеты, Венеты, Лексовіи, вновь встрѣчаются въ Лугдунской провинціи. Пиктоны, Сантоны, бордосскіе Битуриги, буржскіе Битуриги, Петрокоріи, Лемовики, Арверны, Кадурки, Габалы, Ауски, Рутены, которые то враждовали съ Цезаремъ, то вступали въ союзъ съ нимъ, существуютъ еще и въ римское время и образуютъ Аквитанію [2]. Мы открываемъ тѣ же имена въ спискахъ Плинія и Птолемея, а также въ надписяхъ.

Изъ сказаннаго ясно, что Римъ не разбилъ соціальные организмы, которые онъ нашелъ сложи-

[1] Вотъ полный списокъ Лугдунской провинціи, также по Птолемею: *Caletae* (гл. гор. *Iuliobona*, фр. Lillebonne), *Lexovii, Veneti, Viducassii* (гл. гор. *Rotomagus*, фр. Rouen), *Andecavi, Cenomani, Namnetae, Abrincatui, Eburovici, Redones, Senones, Carnuti, Parisii, Tricassii, Turoni, Segusiavi, Meldae, Vadicasii, Aedui.*

[2] Птолемей перечисляетъ въ Аквитаніи слѣдующія общины: *Pictones, Santones, Bituriges Vivisci, Tarbelli, Lemovici, Cadurci, Petrocori, Bituriges Cubi, Nitiobriges,* (гл. гор. *Aginnum*), *Vasatii* (фр. область le Bazadais), *Gabali* (le Gévaudan), *Datii, Auscii, Arverni, Velauni, Ruteni, Convenae.* — Ср. съ настоящими списками тѣ, которые были приведены въ 1-й главѣ 1-й книги. когда рѣчь шла о независимой Галліи.

вшимися въ Галліи. Онъ оставилъ каждому изъ нихъ его прежнее имя [1], сохранилъ за ними неприкосновенность территоріи и границъ. Онъ даже не нашелъ необходимымъ разрѣзать надвое наиболѣе сильныя изъ народцевъ-государствъ, тѣ, которыя, подобно Арвернамъ, долго держали его войска подъ опасностью.

Муниципальныя общины римской Галліи были, такимъ образомъ, ничто иное, какъ ея прежніе народы. То, что тогда называлось «общиною» *(civitas)*, было нѣчто гораздо болѣе значительное чѣмъ городъ и его округъ. Географически, это была територія, внутри которой находился главный городъ, нѣсколько волостей *(pagi)*, нѣсколько маленькихъ городовъ, извѣстное число деревень *(vici)* и неисчислимое количество сельскихъ помѣстій; политически это было организованное цѣлое, сохранявшее память о томъ, что оно прежде было самостоятельною государственною единицею. Уже изъ одного этого видно, что муниципальный порядокъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, очень отличался отъ того, что теперь обозначается этимъ именемъ.

Чтобы изучить этотъ муниципальный строй съ нѣкоторою точностью и обстоятельностью, надобно сперва установить одно различеніе. Надо соединить въ одну группу общины, именовавшіяся римскими колоніями, и тѣ, которыя назывались общинами латинскаго права, [2]

[1] Мы видѣли выше, что нѣсколько городовъ приняли новыя имена, но что имена народцевъ-государствъ или общинъ остались безъ измѣненія.

[2] *Plin.* H. n. III, 4, 31—36: „Ruscino Latinorum... Oppidum latinum Antipolis... Oppida latina, Aquae Sextiae, Avennio, Apta Iulia“. --*Strabo*, IV, 22: „Δεδώκασι Λάτιον οἱ Ῥωμαῖοι Ἀκουιτανῶν

и противопоставить имъ тѣ, которымъ не было присвоено такихъ обозначеній.

Отличительною особенностью общинъ-колоній, являлось не столько то обстоятельство, что онѣ получили нѣсколькихъ поселенцевъ латинской крови, сколько то, что онѣ принимали отъ Рима свое устройство. Надписи сохранили намъ муниципальныя грамоты нѣсколькихъ городовъ Италіи и Испаніи [1]. Эти хартіи были законами, изданными центральною властью для опредѣленія внутренней организаціи городовъ. Впрочемъ, общимъ признакомъ всѣхъ этихъ грамотъ было то, что онѣ устраивали городскія общины по образу старой римской Республики [2]. Населеніе общины, раздѣленное на трибы и куріи, собиралось въ комиціи и ежегодно выбирало своихъ магистратовъ [3]. Высшіе изъ послѣднихъ составляли, по большей части, коллегію изъ двухъ лицъ, какъ консулы въ Римѣ; ихъ называли д у у м в и р а м и. Какъ у древнихъ консуловъ, въ ихъ рукахъ находилась административная, судебная и военная власть [4]. Черезъ каждые пять лѣтъ

τισι, καθάπερ Αὐσκίοις.“ — *Id.* IV, 1, 12: „Νέμαυσος... ἔχουσα τὸ καλούμενον Λάτιον, ὥστε τοὺς ἀξιωθέντας ἀγορανομίας καὶ ταμιείας ἐν Νεμαύσῳ Ῥωμαίους ὑπάρχειν“.

[1] ***Lex Iulia municipalis*** 46-го или 45-го г. до Р. Хр. въ *Corp. Inscr. Lat.* t. 1, p. 120 (*Orelli*, 3676).—***Lex Salpensana*** и *lex Malacitana*, составленные въ царствованіе Домиціана, въ *Corp. inscr. lat.* II, 1963, 1964; ***Henzen***, 7421; ср. ***Giraud***, Antiqui iuris romani vestigia. — *Lex coloniae Iuliae Genetivae* въ *Corp. inscr. lat.* t II, p. 191.

[2] ***Aul. Gell.*** XVI, 13; „Iura institutaque omnia populi romani habent“.

[3] *Lex Malacitana*, LIII. — *Lex col. Genetivae*, § CI. Ср. для городовъ Африки *L. Renier*, Inscriptions d'Algérie n⁰ 91 (*Wilmanns*, 2360), 3287.

[4] *Lex Malacitana*, LXV.—*Lex col. Genetivae*. CXXXII.

эти же магистраты принимали титулъ *duumviri quinquennales* и исполняли обязанности римскихъ цензоровъ. Ниже ихъ стояли эдилы, которымъ поручалось наблюденіе за общественными дорогами и рынками, заботы о празднествахъ и о культѣ. Особые квесторы вѣдали финансовыя дѣла, какъ откупа, аренды, общественные торги.—Сенатъ, какъ въ старой Республикѣ, руководилъ всею общественной жизнью и подготовлялъ всѣ дѣла, которыя подлежали рѣшенію народа. Его обыкновенно называли куріей, а членовъ его декуріонами. Сенатъ этотъ, такъ же какъ въ Римѣ, составлялся изъ тѣхъ лицъ, которыя раньше отправляли магистратуры; онъ пополнялся еще тѣми, кого квинквенналы спеціально записывали въ *album* [1]. Любопытно, что императорское правительство дало городамъ устройство, которое далеко не соотвѣтствовало устройству Имперіи, а оставалось вполнѣ республиканскимъ.

Хотя до насъ не дошло ни одной изъ муниципальныхъ хартій галльскихъ городовъ, пользовавшихся званіемъ колоній, мы можемъ думать, что онѣ въ основѣ походили на тѣ, которыя сохранились въ Испаніи и Италіи. Такое предположеніе всецѣло подтверждается тѣмъ, что существенные элементы

[1] См. напр. *album Canusinum*, составленный въ 223 г., у *Orelli*, 3721 и *Wilmanns*, 1830. Во главѣ его стоятъ *duumviri quinquennales* текущаго года; за ними слѣдуютъ имена двадцать одного патрона города Канузія—*viri clarissimi* (то-есть, все это—люди, обладавшіе званіемъ римскаго сенатора); потомъ идутъ восемь патроновъ, которые были только *equites romani*; послѣ того перечислены семь гражданъ, бывшихъ квинквенналами, четыре *allecti inter quinquennalicios*, затѣмъ двадцать девять бывшихъ дуумвировъ, девятнадцать *aedilicii*, девять *quaestoricii*, тридцать два декуріона, не бывшихъ магистратами, наконецъ двадцать пять *praetextati*.

этихъ хартій отыскиваются въ надписяхъ, относящихся къ римскимъ колоніямъ въ Галліи. Въ Нарбонѣ, напримѣръ, мы видимъ, что народъ издаетъ законы [1]. Въ Ліонѣ находимъ сенатъ—*curia*, *ordo* [2]. Декуріоны появляются передъ нами въ цѣломъ рядѣ надписей, найденныхъ въ Нимѣ, Нарбонѣ, Арлѣ, Кельнѣ и многихъ другихъ городахъ [3]. Мы открываемъ кромѣ того дуумвировъ въ Нарбонѣ, Вьеннѣ, Ліонѣ, Кельнѣ, кватуорвировъ (*quattuorviri*) въ Нимѣ [4], эдиловъ въ Кельнѣ, Ліонѣ, Вьеннѣ, Нимѣ, Эксѣ [5], квесторовъ въ Нарбонѣ и Арлѣ [6]: мы цитируемъ здѣсь лишь въ видѣ примѣровъ самыя значительныя изъ колоній.

[1] *Wilmanns*, 104; *Lebègue*, p. 117 (*C. I. L.* XII, p. 530). То-же можно сказать о Воконціяхъ (*Wilmanns*, 2216; *C. I. L.* XII, 1585: „Ex consensu et postulatione populi") и о Ліонѣ (*Wilmanns*, 2224).

[2] *Wilmanns*, 2216 (*C. I. L.* XII, 1585): „Adlecto in curiam Lugudunensium... a splendidissimo ordine eorum". — *Ibid.* 2224: „Suffragio sanctissimi ordinis".—*Ibid.* 120: „Locus datus decreto decurionum".—*Henzen*, 7009: „Allecto in amplissimum ordinem".

[3] Декуріоны въ Нарбонѣ упоминаются въ надписяхъ у *Wilmanns*, 104 (*C. I. L.* XII, p. 530), въ Нимѣ — *Herzog*, 225; 3316, въ Ліонѣ—*Allmer*, 524; въ Арлѣ—*Wilmanns*, 314; 2741; въ Женевѣ—*Ibid.* 2724 и *C. I. L.* XII, 2610 (хотя существованіе декуріоновъ въ послѣднемъ городѣ не вполнѣ удостовѣрено); въ Кельнѣ—*Ibid.* 2253, 2284 (*C. I. L.* XII, p. 939).

[4] Дуумвиры въ Нарбонѣ см. *Wilmanns*, 2195 (*C. I. L.* XII 4406); въ Ліонѣ — *Wilmanns*, 2223; въ Вьеннѣ—*Ibid.* 2235, 2244 (*C. I. L.* XII, 1902); въ Ніонѣ — *Ibid.* 2246 a (*C. I. L.* XII, 2606, 2607); въ Кельнѣ—*Ibid.* 2283.—Въ Нимѣ упоминаются *quattuorviri*—*Ibid.* 2200, 2201, 2205 (*C. I. L.* XII, p. 382).

[5] *Wilmanns*, 2206; *Orelli*, 2213, 4023; *Henzen*, 5232; *Herzog*, 268; *Inscr. helv.* 120; *Brambach*, 549; *C. I. L.* XII, p. 940 и тутъ же предисловія къ надписямъ различныхъ городовъ.

[6] *Henzen*, 5232; *Herzog*, 268, 330; *Wilmanns*, 2207 (*C. I. L.* XII, p. 940).

Но не слѣдуетъ терять изъ вида, что городскія общины, которыя мы только что перечислили, занимали лишь незначительную часть поверхности Галліи. Всѣ остальныя образовались на мѣстѣ старыхъ галльскихъ племенъ. Между тѣмъ ни одно изъ этихъ племенъ, въ моментъ присоединенія къ Имперіи, не получило муниципальнаго устройства отъ императорскаго правительства.

Одни изъ нихъ были названы свободными и союзными, что означало, по меньшей мѣрѣ, что они не приняли отъ Рима никакого закона. Другія сдѣлались *dediticii*, и это означало, что законы ихъ не были оффиціально признаны Римомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ ясно, что центральному имперскому правительству не приходилось организовывать эти племена. Поэтому источника происхожденія муниципальнаго строя въ Галліи, по крайней мѣрѣ, въ значительнѣйшей части страны, надобно искать, всего вѣроятнѣе, въ обычаяхъ и соціальной традиціи древней Галліи, видоизмѣненныхъ, какъ кажется, примѣромъ римскихъ колоній.

Мы убѣдились, въ самомъ дѣлѣ, что въ Галліи до римскаго завоеванія господствовалъ политическій порядокъ, въ которомъ каждый народецъ являлся самостоятельнымъ государствомъ, обладавшимъ независимостью и отдѣльнымъ управленіемъ. Ничего изъ этого, не было разрушено завоеваніемъ. Римъ всегда остерегался отнимать у народовъ, которыхъ подчинилъ, ту организацію, какую они себѣ сами выработали. Онъ не лишалъ ихъ также вполнѣ свободы. Полтора вѣка послѣ завоеванія Галліи въ ней еще оставалось четыре народца, именовавшихся не подданными, а союзниками Рима: это были Ремы, Лингоны,

Эдуи и Карнуты [1]. Другіе, числомъ десять, были еще «свободными»: Нервіи, Суэссіоны, Ульманеты, Левки, Тревиры, Мельды, Сегузіавы, Сантоны, Битуриги и Туроны [2]. Надписи показываютъ, что эти общины дорожили своимъ званіемъ союзныхъ и свободныхъ [3]. Съ другой стороны до насъ дошло письмо, написанное римскимъ сенатомъ куріи Трира, въ III вѣкѣ, и оно начинается такъ: «Вы были прежде всегда и теперь остаетесь свободнымъ народомъ» [4].

Не слѣдуетъ ни преувеличивать, ни ослаблять значенія этихъ титуловъ. Конечно, они не могли опредѣлять независимости указанныхъ народцевъ отъ Рима и императора, но они обнаруживаютъ, что каждый изъ нихъ сохранялъ собственные законы, свою юрисдикцію и магистратуры. Имъ необходимо было, правда, пови-

[1] Ремы и Лингоны всегда отличались вѣрностью Риму; Эдуи сражались съ Цезаремъ въ его послѣднемъ походѣ; Карнуты постоянно боролись противъ него.

[2] *Plin.* H. n. VI, 17—19, 105—108: „In Gallia.. Nervii liberi, Suessiones liberi, Ulmanetes liberi (Silvanectes?...), Leuci liberi, Treveri liberi antea, Lingones foederati, Remi foederati..., Aedui foederati, Carnuti foederati, Meldi liberi, Secusiani (?) liberi..., Santones liberi..., Bituriges liberi, qui Cubi appellantur..., Arverni liberi". — Триръ получилъ позже титулъ колоніи. См. *Tac.* Hist. IV, 62. *Wilmanns*, 2281. То же надо повторить о Лангрѣ, объ общинѣ Секвановъ и т. д.

[3] Городъ Реймсъ обозначается какъ союзная община (*civitas foederata*) въ надписяхъ временъ Траяна (*Allmer*, 68; *Henzen*, 5212; *Wilmanns*, 2246 d, 2246 e; *C. I. L.* XII, 1855). Также точно Туръ именуется „civitas Turonum libera" (см. „Revue archéol. t. XIII, p. 66).—Находимъ еще „civitas Vellavorum libera" (*Henzen*, 5221).

[4] *Vopisc.* Florian. 18 (ed. Peter, II, 183): „Alia epistula: Senatus amplissimus curiae Treverorum. Ut estis liberi et semper fuistis, laetari vos credimus; creandi principis iudicium ad senatum redit..."

новаться приказаніямъ императора, представленнаго его легатомъ; они должны были платить налоги, поставлять военную силу, но разъ эти обязанности были выполнены, народецъ, который награжденъ былъ именемъ свободнаго или союзнаго, уже болѣе не чувствовалъ власти центральнаго правительства: акты его внутренней жизни оставались свободны [1].

До насъ сохранились нѣкоторые слѣды муниципальной жизни городскихъ общинъ Галліи въ первые два вѣка. Здѣсь можно констатировать прежде всего, слѣдующее: историки никогда не указываютъ, чтобы

[1] Надо хорошо помнить, что выраженія *liberi, socii, foederati* не имѣли въ языкѣ Римлянъ абсолютнаго смысла. Когда Римляне пытались дать этимъ терминамъ опредѣленіе, они должны были признавать, что каждый изъ нихъ могъ употребляться въ различныхъ значеніяхъ. См. напр., какъ Титъ Ливій пробуетъ опредѣлить понятіе *foedus* или *societas* (XXXIV, 57): „Tria genera foederum: unum, quum bello victis dicerentur leges; alterum, quum pares bello foedere aequo in pacem venirent; tertium, quum qui nunquam hostes fuerunt ad amicitiam sociali foedere iungendam coeant“. — Ясно, что Карнуты, которые были „bello victi“, не получили отъ Цезаря „foedus aequum“.—Существовалъ одинъ видъ *foedus*, который обусловливался извѣстными обязательствами по отношенію къ Риму и былъ совмѣстимъ съ подданствомъ. Это тоже удостовѣряется Титомъ Ливіемъ (XLI,6) „Ut in ditione populi romani civitates sociae sint“.—Для временъ Имперіи мы находимъ въ Дигестахъ поясненіе, что надо понимать подъ выраженіями *populi liberi* или *foederati* (*Dig.* XLIX,15,7): „Populus liber... aut foederatus est, sive aequo foedere in amicitiam venit, sive foedere comprehensum est, ut is populus alterius populi maiestatem comiter conservaret. Hoc adicitur, ut intelligatur alterum populum superiorem esse, non ut intelligatur alterum non esse liberum“. — Юрисконсультъ прибавляетъ, что жители этихъ союзныхъ общинъ подсудны римскимъ магистратамъ: „Fiunt apud nos rei ex civitatibus foederatis, et in eos damnatos animadvertimus“.

въ ихъ стѣнахъ расположены были римскіе гарнизоны. Тацитъ изображаетъ, какъ общинныя власти Эдуевъ сами производили наборъ войска, и сами же заботились о подавленіи мятежа сельскаго населенія [1]. Въ другомъ мѣстѣ онъ же разсказываетъ, какъ община Ремовъ разсылала пословъ по другимъ галльскимъ народцамъ и созывала въ свои стѣны съѣздъ представителей Галліи [2]. Историкъ не прибавляетъ, что такое важное дѣйствіе превышало права муниципальной общины. Факты подобнаго рода предполагаютъ сохраненіе въ нихъ довольно самостоятельной политической организаціи и нѣкоторую привычку къ практикѣ свободы.

Что касается остальныхъ народцевъ Галліи, которые не обладали ни привилегіею свободы, ни правами союзности, то никто изъ историковъ не даетъ намъ свѣдѣній объ условіяхъ ихъ соціальнаго быта. Однако невозможно не замѣтить двухъ чертъ. Во первыхъ, Тацитъ, говоря объ общинахъ Галліи, никогда не раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи; во вторыхъ, надписи, исходящія отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя не считались свободными, во всѣхъ отношеніяхъ походятъ на тѣ, которыя принадлежатъ городамъ, носившимъ этотъ титулъ; какъ и въ этихъ послѣднихъ въ нихъ обнаруживаются мѣстныя магистратуры и муниципальные декреты. Кромѣ того послы отъ шестидесяти общинъ Галліи фигурировали всѣ на совершенно равныхъ правахъ въ празднествѣ при храмѣ Августа и въ собраніяхъ, которыя за нимъ слѣдовали.

[1] *Tac.* Hist. II, 61: „Gravissima civitas... electa iuventute... fanaticam multitudinem disiecit“.

[2] *Ibid.* IV, 67—68: „Remi... per Gallias edixere, ut missis legatis in commune consultarent“.

Ничто, стало быть, не даетъ основанія думать, что племена, которымъ недоставало званія союзныхъ и свободныхъ, подверглись значительно болѣе суровой участи, чѣмъ тѣ, которымъ дарованы были эти званія.

Внутренній строй этихъ послѣднихъ галльскихъ городскихъ общинъ знакомъ намъ гораздо менѣе, чѣмъ организація основанныхъ тамъ римскихъ колоній, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Надписи здѣсь менѣе обильны, и показанія послѣднихъ менѣе опредѣленны. Такъ какъ мы не находимъ ни одного признака того, чтобы Римъ далъ имъ муниципальное устройство, мы можемъ допустить, что онѣ сначала сохранили ту форму управленія, какая у нихъ сложилась до завоеванія. Въ ней произошли лишь нѣкоторыя естественно необходимыя измѣненія. Въ виду того, что демократическія группы въ галльскихъ народцахъ всегда оказывались враждебны Римлянамъ, весьма вѣроятно, что демократическія учрежденія, по-сколько таковыя раньше существовали, должны были исчезнуть. Повсюду власть попала въ руки сенатовъ, то-есть, аристократическихъ корпорацій. Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ Галлы сами отдѣлились отъ друидизма и усвоили вѣру въ римскихъ боговъ, друиды исчезли изъ общинныхъ совѣтовъ и были замѣны понтифексами и фламинами новой религіи.

Еще другое измѣненіе раскрывается изъ надписей. Ни одна изъ нихъ не даетъ намъ полныхъ наименованій всѣхъ магистратуръ въ муниципальныхъ общинахъ такъ называемыхъ «трехъ Галлій». Но достаточное число ихъ заключаетъ въ себѣ формулу, что то или иное лицо, «выполнило всѣ должности въ своемъ городѣ» [1]. Стало быть, и въ этихъ общинахъ существо-

[1] „Omnibus honoribus apud suos functus", или „officiis et ho-

вала цѣлая іерархія магистратуръ, которыя надобно было проходить одну за другою. Такъ какъ та же формула употреблялась въ колоніяхъ южной Галліи [1] въ томъ очевидномъ смыслѣ, что лицо, къ которому она примѣнялась, постепенно достигало квестуры, эдилитета и дуумвирата, то мы склонны думать, что тѣ же или аналогичныя магистратуры утвердились въ муниципальныхъ общинахъ трехъ провинцій. Есть, значитъ, признаки, что число должностныхъ лицъ въ нихъ увеличилось сравнительно съ прежними временами, и что у Эдуевъ, напримѣръ, вмѣсто единственнаго вергобрета появилось двое годичныхъ дуумвировъ, какъ въ римскихъ колоніяхъ.

Мы можемъ, стало быть, ожидая, пока новые документы подтвердятъ или измѣнятъ наше мнѣніе, съ большею или меньшею вѣроятностью представлять себѣ устройство муниципальной общины въ римской Галліи слѣдующимъ образомъ.

Первая особенность этого устройства заключается въ томъ, что центральное правительство не содержало въ ней никакого собственнаго агента. Существовалъ *praeses* для всей области, то-есть, напримѣръ,

noribus omnibus functus". или еще „omnibus honoribus municipalibus in patria functus". Мы встрѣчаемъ эту формулу въ приложеніи къ одному Эдую (*Aug. Bernard,* Le temple d'Aug. p. 55), къ одному Суэссіону (*Wilmanns*, 2218), одному Веромандую (*Ibid.* 2219), одному Нервію (*Ibid.* 2222), одному Кадурку (*Aug. Bernard*, p. 68), одному Трикассу (*Idem*, p. 62), одному Карнуту (*Idem*. p. 55), двумъ Сенонамъ (*Julliot*, Monuments du musée de Sens, nn. 16, 43).

[1] *Wilmanns*, 2204 (Нарбона).—*Henzen,* 6468 (Ліонъ).—*Herzog,* 326 (Арль).—Ср. *Orelli-Henzen*, 2296, 2762, 3704, 7016, 2017; *C. I. L.* XII, 3236, 349, 4354, 4393, 3176, 3187, 3236, 3275, 3286, 3289, 3307.

для всего Лугдунскаго края, который занималъ третью часть Галліи; но не было никакого имперскаго чиновника въ общинѣ Эдуевъ или Арверновъ, которыя были однако-же обширнѣе чѣмъ современный французскій депертаментъ.

Каждый изъ этихъ народцевъ по прежнему составлялъ отдѣльный соціальный организмъ. Оффиціальный языкъ называлъ его *civitas* или *respublica* [1]. Между тѣмъ оба эти термина вызывали въ умѣ людей того времени нѣчто большее, чѣмъ представленіе о простыхъ территоріальныхъ дѣленіяхъ; они выражали понятіе о настоящемъ политическомъ тѣлѣ. И мы дѣйствительно будемъ читать такія выраженія въ декретахъ, изданныхъ этими маленькими государствами съ полною независимостью.

Территорія муниципальной общины, какъ уже было замѣчено выше, распадалась на нѣсколько округовъ, которые назывались *pagi*. Такія подраздѣленія, которыя уже существовали въ независимой Галліи [2],

[1] „Civitas Remorum“ (*Wilmanns*, 1082).—„Civitas Senonum“ (*Julliot*, Mon. du musée de Sens. n 1). — „Civitas Veliocassium“ (*Wilmanns*, 2240).—„Civitas Equestrium“ (*Inscr. helv.* 115).—„Civitas Sequanorum“ (*Aug. Bernard*, Le temple d'Aug. p. 80).—Civita. Biturigum Viviscorum“ (*Jullian*, Inscr. de Bord. n 1).—„Cies Remi“ (*Orelli*, 1977).—„Civis Lingonus“ (*Renier*, въ „Rev. arch. t. XI, ps 415).—„Civis Senonius“ (*Ibid.* p. 420).—„Civi Bellovaco“ (*Allmer* 334).—„ Respublica Nemausensis“ (*C. I. L.* XII, p. 935).—„Respublica Viennensium“ (*Allmer*, 197; *C. I. L.* XII, 1893).—„Respublica Narbonensium“ (*Henzen*, 6484).—„Curator reipublicae civitatis Venetum“ (*B. Renier*, Mélanges d'épigr. p. 43). — Въ Дигестахъ терминъ respublica продолжаетъ прилагаться къ муниципальнымъ общинамъ. См. напр. текстъ Папиніана (*Dig.* L, 1, 13) „Qui reipublicae negotia gessit“.

[2] *Caesar*, Bel. gall. I, 12; VI 11: „In Gallia... in omnibus pagis partibusque“. Авторъ также приводитъ (VII, 64) „pagi Arvernorum“.

были настолько общераспространены и оказались такъ живучи, что мы ихъ найдемъ цѣлыми во всѣхъ частяхъ Галліи и послѣ паденія римской Имперіи. Упоминанія о «пагахъ» появляются уже въ надписяхъ временъ этой Имперіи [1]. Надъ ними стояли особые начальники, которыхъ называли *magistri*; но мы хорошо не знаемъ, избирали ли ихъ сами жители паговъ, или они давались пагамъ общиною, на территоріи которой послѣдніе были расположены. Нельзя съ твердостью установить, каковы были отношенія между *pagus* и *civitas*. По праву первый зависѣлъ отъ послѣдней и являлся лишь ея частью [2]; но неизвѣстно, ни какимъ способомъ,

[1] Если говорить только о Галліи, у насъ есть, напримѣръ, надпись, относящаяся къ одному *pagus* Нарбоны (*Herzog*, 78), другая,—въ которой упоминается „*pagus Lucretius*“ на территоріи Арля (*Orelli* 202), третья съ именемъ „*pagus Vordensis*“ въ Провансѣ (*Orelli* 197; *C. I. L.* XII, 594, 1114, 5370; cfr. p. 939). Затѣмъ указываются еще аналогичные тексты: *vicus* около Аосты (*Allmer*, 221; *C. I. L.* XII, 2395); *vicus* около Aix-les-Baius (*Allmer*, 235; *C. I. L.* XII, 2461); *vicus* на территоріи Belginum (*Henzen*, 5238); „*pagus Condatium*“ (*Wilmanns*, 2225); наконецъ есть одна надпись, которая показываетъ, что „civitas Helvetiorum“ осталась раздѣленною на четыре *pagi* (*Mommsen*, Inscr. Helv. 192). По Страбону (IV, 1, 2) въ римской общинѣ насчитывалось 24 *pagi*. Тацитъ говоритъ (*Hist.* II, 61) о *pagi* Эдуевъ, не обозначая ихъ числа. Въ *civitas* Трирѣ мы знаемъ слѣдующіе *vici*: Ambiatinus (*Suet.* Calig. 8). Belginum (*Henzen*, 5238). Voclanni (*Ibid.* 5237). У насъ имѣется еще надпись, исходящая отъ „Vicani Marosallenses“, зависѣвшихъ отъ общины Медіоматриковъ (*Ibid.* 5214) и т. д. и т. д.

[2] См. опредѣленіе этого отношенія, которое даетъ Исидоръ Севильскій, писавшій въ VII в. по Р. X., но пользовавшійся древними источниками: „Vici et castella et pagi ii sunt, qui nulla dignitate civitatis ornantur, sed vulgari hominum conventu incoluntur et propter parvitatem sui maioribus civitatibus attribuuntur“. *Vicus* не пользуется никакими правами самоуправленія: „Qui ex

ни въ какой степени такое главенство осуществлялось практически. Новѣйшіе ученые развивали идею, что городъ господствовалъ надъ деревнею, утверждая, что въ такомъ подчиненіи послѣдней первому заключался основной принципъ римскаго муниципальнаго строя. Теорія эта не опирается ни на единомъ фактѣ. Она вытекаетъ изъ смѣшенія между понятіями «городъ» и «община»—*urbs* и *civitas*.—Община, безъ всякаго сомнѣнія, имѣла главной центръ—*urbs*; но въ понятіе ея входила вся территорія. *Pagi* не были подчинены *civitas*, но составляли ея часть. У жителей главнаго города не было больше правъ, не было иныхъ правъ, чѣмъ у владѣтелей сельскихъ помѣстій. Именно богатые землевладѣльцы территоріи общины обыкновенно исправляли муниципальныя магистратуры, и компетенція ихъ распространялась на предѣлы всей *civitas*, безъ различія. Существеннѣйшею чертою римскаго муниципальнаго строя было объединеніе города и села.

Документы, извѣстные намъ до сего дня, не обнаруживаютъ передъ нами народныхъ собраній въ галльскихъ общинахъ [1]. Можно допустить, что они су-

vico ortus est, eam patriam intelligitur habere cui reipublicae vicus ille respondet“ (*Ulp.* Dig. L, 1, 30).

[1] Мы все время исключаемъ изъ разсмотрѣнія „колоніи“ и „города латинскаго права“. Въ нихъ находятся слѣды народныхъ собраній, по крайней мѣрѣ, въ I вѣкѣ, такъ, напримѣръ, въ Арлѣ (*Herzog*, 325; *C. I. L.* XII, 697). Для городовъ латинскаго права вообще уставы Сальпензы и Малаки удостовѣряютъ существованіе комицій. Но нельзя того же сказать объ общинахъ „трехъ Галлій“. Выраженія, какъ „Sequani publice“ (*Aug. Bernard*, p. 54) или „cives Remi“ (*Orelli*, 1977) не подразумѣваютъ съ необходимостью народное собраніе. Это просто синономичныя реченія съ „civitas Sequanorum“, „civitas Remorum“, то-есть, община Секвановъ, Ремовъ.—Выраженіе „ex postulatione populi“, которое попадается

ществовали и тамъ, особенно въ первые два вѣка Имперіи; но трудно установить какое-нибудь сужденіе о ихъ составѣ. Представлять себѣ собраніе состоявшимъ изъ всѣхъ свободныхъ людей общины, которые подавали бы голоса всѣ на равныхъ правахъ, — было бы слишкомъ смѣло.

Гораздо яснѣе обнаруживается изъ источниковъ, что въ каждой общинѣ дѣйствительно находился совѣтъ, руководившій ея дѣлами, который назывался сенатомъ, сословіемъ декуріоновъ, куріею [1]. Надписи часто придаютъ этому совѣту эпитетъ—«великаго, священнѣйшаго

въ текстахъ, когда идетъ рѣчь объ избраніи магистратовъ, именно показываетъ, что хотя иногда и считались съ мнѣніемъ народа, но все таки не ему принадлежалъ самый выборъ.

[1] Мы находимъ „ordo civitatis Albensium“ (по всей вѣроятности, это *Alta Helvorum*) въ Нарбонской Галліи (*Wilmanns*, 2230; *Henzen*, 7007; *C. I. L.* XII, p. 336); „ordo Vintiensium“ (фр. Vence), см. *Henzen*, 12, 5228; „ordo Brigantium“ (*Orelli*, 1012; *C. I. L.* XII, 57); „ordo Viducassium“ (фр. Vieux; см. памятникъ, называемый „le marbre de Thorigny“); „ordo Redonum“, нын. фр. городъ Rennes („*Rev. hist. de dr.*“, 1879, p. 302; *Antiquaires de Fr.*“ 1848, p. 84). Нужно, впрочемъ, сказать, что *ordo decurionum* или *senatus* въ муниципальныхъ городахъ являлось общеимперскимъ учрежденіемъ. См. въ видѣ примѣровъ надписи, относящіяся къ различнымъ мѣстностямъ, у *Orelli*, 3721, 3726, 3728, 3734, 3742, 3782, 3286; *Henzen*, 5287a, 6499, 6994, 6995, 6997, 7020, 7066; *Wilmanns*, 1830, 1853, 1858, 2100, 2193, 2205, 2291; *C. I. L.* II, 1055, 2026, 4062, 4191, 4202, etc. *Brambach*, 1088, 1241, 1633, 2279.—*Ordo* и *senatus*, *decurio* и *senator* употребляются, какъ синонимы. Въ „*Lex Iulia municipalis*“, напримѣръ, читаемъ: „Senator decurio conscriptusve“. — Діонъ Кассій сообщаетъ (XLIX, 14), что Августъ обѣщалъ своимъ центуріонамъ сдѣлать ихъ сенаторами въ ихъ родныхъ городахъ—„ἐς τὰς βουλὰς τὰς ἐν ταῖς πατρίσι καταλέξων“.—Слово *curia* первоначально обозначало, собственно, мѣсто, гдѣ собирался *ordo* (*Wilmanns*, 2083, 2117, 2348), но скоро оно стало примѣняться и къ самому *ordo*.

сословія или учрежденія»: *splendidissimus*, *sanctissimus ordo* [1]. Списокъ декуріоновъ составлялся каждые пять лѣтъ квинквенналомъ, который долженъ былъ вносить въ него всѣхъ отбывшихъ должность магистратовъ общины, и члены куріи располагались въ этомъ спискѣ по порядку достоинства, которое сообщали имъ отправлявшіяся ими должности [2]. Этотъ то совѣтъ вѣдалъ всѣ дѣла, касающіяся интересовъ маленькаго государства [3]. Онъ разсматривалъ финансовые отчеты. Часто онъ обращался въ судилище, чтобы принимать жалобы на рѣшенія магистратовъ [4]. Онъ издавалъ указы, которые имѣли силу законовъ для всѣхъ членовъ общины. До насъ дошло много надписей съ обозначеніемъ—«ex decreto decurionum» [1].

[1] *Wilmanns*, 119: „Sanctissimus ordo Lugudunensis", 2216: „A splendidissimo ordine", и т. д. Cfr. *Apul.* Florid. „Sanctissima curia" (примѣнительно къ Карѳагену).

[2] *Ulp.* (*Dig.* L. 3, 1): „Decuriones in albo ita scriptos esse oportet... eo ordine, quo quisque eorum maximo honore in municipio functus est..." Въ засѣданіяхъ члены курій подавали голоса въ томъ же порядкѣ (*Ulp.* Ibid.). Тотъ же порядокъ подтверждается изученіемъ *album Canusinum*, который до насъ дошелъ, и на которой выше уже было указано (см. *Orelli*, 3721; *Wilmanns*, 1830), а также другимъ *album*, найденнымъ около *Thamugas* (см. „Ephem. epigr". III, p. 77). Этотъ послѣдній (*album Thamugadense*) представляетъ ту особенность, что въ немъ жрецы помѣщены во главѣ списка. Мы не останавливаемся на разсмотрѣніи способовъ созыва куріи и организаціи ея дѣятельности, такъ какъ у насъ нѣтъ для этого необходимыхъ текстовъ, относящихся спеціально къ Галліи. Одинъ законъ 416 г. въ Кодексѣ Ѳеодосія (XII, 12, 15) гласитъ: „Universos curiales praecipimus in locum curiae convenire". Другой (285 г.) изъ Кодекса Юстиніана (X, 32, 2) читается: „Decurionibus sollemniter in curiam convocatis". Ульпіанъ (*Dig.* L, 9, 3) говоритъ: „Lege municipali cavetur, ut ordo non aliter habeatur, quam duabus partibus adhibitis". Ср. еще *Lex. col. Genetiv.* XCVII: „De maioris partis decurionum per tabellam sententia, quum non minus quinquaginta aderunt".

[3] *Ibid.* XIII: „Ad decuriones referto, consulito, decretum facito.

[4] *Lex. Col. Genet.* CXXV.—*Lex Malacit.* LXVI.

Въ муниципальной общинѣ существовали, мы уже знаемъ, магистратуры, которыя языкъ эпохи называлъ *honores*. Эти «почетныя должности» составляли цѣльную іерархію, отдѣльныя ступени которой служащіе городу должны были проходить въ установленной послѣдовательности. Достигнувъ высшаго предѣла этой карьеры, какое-нибудь лицо могло сказать про себя, что оно выполнило въ своей общинѣ всѣ муниципальныя должности—*omnibus honoribus functus* [2]. Начиналась служба съ квестуры, затѣмъ слѣдовалъ эдилитетъ, потомъ человѣкъ получалъ дуумвиратъ и наконецъ дѣлался муниципальнымъ жрецомъ.

Въ рукахъ у дуумвировъ было то, что современная терминологія называетъ исполнительною властью; они являлись какъ бы административными главами

[1] „Locus datus decreto decurionum" (*Allmer*, 126). — „Locu emptus ex decreto decurionum" (*Ibid.* 127). — „Ex decreto decurionum de publica pecunia" (*Lebègue*, 78). Ср. *Wilmanns*, 2224 2246, 2205; *C.I.L.* XII, p. 940.—Право издавать декреты нѣсколько разъ констатируется за мѣстными куріями въ Дигестахъ См. *Dig.* L. 9, 2: „Decreta, quae non legitimo decurionum numero facta sunt, non valent."—*Ibid.* L., 9, 6: „Quod semel ordo decrevit non oportere rescindi divus Hadrianus rescripsit."—Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы такіе декреты подлежали предварительному утвержденію провинціальнаго намѣстника.—Ясно, впрочемъ, само собою, что они не могли касаться вопросовъ общей политики и нарушать имперское законодательство или идти противъ установившагося государственнаго порядка.

[2] *Orelli*, 2028: „Tib. Cl. Professus Niger omnibus honoribus apud Aeduos et Lingones functus."—Подобныя же надписи остались отъ Нервіевъ, Суэссіоновъ, Веромандуевъ и Кадурковъ. См. *Wilmanns*, 2217—2222.

мѣстной республики [1]. Они созывали курію и предсѣдательствовали на ея засѣданіяхъ. Они предлагали проекты декретовъ, подвергали ихъ голосованію, а затѣмъ приводили въ исполненіе. Они обладали также юрисдикціею съ принудительною властью надъ всѣми членами общины [2]. Они также завѣдывали финансами, отдавали въ аренду общинныя земли, разрѣшали подряды на постройку общественныхъ зданій. Контракты и дарственныя записи, усыновленія и освобожденія производились въ ихъ присутствіи и отъ нихъ получали силу твердыхъ и правильныхъ сдѣлокъ [3]. Одинъ разъ въ пять лѣтъ эти дуумвиры, такъ же какъ, мы видѣли, въ колоніяхъ, прибавляли къ своему обычному титулу эпитетъ квинквенналовъ и выполняли тогда важныя функціи, которыя принадлежали нѣкогда въ Римѣ цензорамъ: они производили перепись, оцѣнивали имущества, распредѣляли подати, обозначали каждому гражданину его мѣсто въ общинѣ и составляли списки декуріоновъ или сенаторовъ [4]. Ниже дуумвировъ и въ простыхъ муниципаль-

[1] Дуумвировъ находимъ у Секвановъ (*Orelli*, 4018), у Петрокоріевъ (*Ibid.* 4019), у Мориновъ (*Henzen*, 5211), въ Марсели (*Orelli*, 4024). Ср. *C. I. L.* XII, p. 55. Нѣмъ незачѣмъ напоминать, что они были также въ колоніяхъ — Ліонѣ, Нарбонѣ, Віеннѣ, Акваxъ Сектійскихъ, Кельнѣ и т. д.

[2] *Lex Malacit.* LXL;—LXVI;—*Lex Col. Genet.* CII.—Дуумвиры часто называются въ надписяхъ—*duumviri iure dicundo*. Такая судебная компетенція ихъ хорошо обозначена въ слѣдующихъ словахъ Сикула Флакка (*Gromatici veteres*, ed. Lachmann, p. 135): „Municipiorum magistratibus ius dicendi coercendique est libera potestas."—Можно судить о широтѣ и предѣлахъ этой юрисдикціи по словамъ Павла—*Dig.* L. 1, 28. Ср. *Dig.* II, 1, 12; XLVII, 10, 13, 39.

[3] *Lex Salpensana*, XXVIII.—*Cod. Iust.* 1, 36, 2.

[4] По отношенію къ городамъ Галліи, впрочемъ, насколько я знаю, нельзя привести надписей, въ которыхъ упоминались бы *quinquennales*. Извѣстенъ только *censor* въ общинѣ Ремовъ (*Wilmanns*, 2246 d, 2246 e; *Herzog*, 510, 511; Ср. *C. I. L.* XII, 1869, 1855); нѣкоторые ученые видятъ въ этомъ цензорѣ должность, аналогичную квинквенналу, который постоянно появляется въ эпиграфическихъ текстахъ Испаніи и Италіи. У меня остаются нѣкоторыя сомнѣнія по этому пункту. См. *L. Rénier*, Mélanges d'épigr. p. 47—ss.

ныхъ общинахъ стояли два эдила, въ рукахъ которыхъ находилась полиція рынковъ и улицъ, и одинъ квесторъ, исполнявшій въ общинѣ казначейскія обязанности [1]. За ними шли должности низшаго разряда—*curatores annonae, curatores viarum, scribae*[2], наконецъ, многочисленный служебный персоналъ общинныхъ

[1] И здѣсь еще мы должны оговориться, что надписи часто упоминаютъ объ эдилахъ въ колоніяхъ, напримѣръ, Нарбонѣ, Віеннѣ, Ліонѣ, Кельнѣ (см. *Wilmmanns*, 2194, 2224, 2243, 2283; *C. I. L.* XII, 1783; *Ibid.* p. 940, 941); но относительно городовъ „трехъ Галлій" такихъ точныхъ упоминаній не имѣется. Правда, что эпиграфическіе документы, находимые на ихъ территоріи, не такъ многочисленны. Впрочемъ, они позволяютъ предполагать съ большою вѣроятностью существованіе должностныхъ лицъ этого рода въ большей части общинъ трехъ Галлій и признавать полную аналогію муниципальнаго устройства въ городахъ обѣихъ категорій. Мы не оспариваемъ здѣсь общепринятаго мнѣнія объ эдилахъ и квесторахъ галльскихъ общинъ, но считаемъ нужнымъ отмѣтить, что такое мнѣніе, какъ бы оно ни было вѣроятно, не опирается на опредѣленные документы.

[2] Эти различныя муниципальныя должности перечисляются въ Дигестахъ (см. L, 1, 1, 3, 18: „Legatio ad censum accipiendum, annonae cura, cura praediorum publicorum, cura frumenti comparandi, cura ludorum, divisio annonae."). — Другой юрисконсультъ упоминаетъ еще иринарха „qui disciplinae publicae et corrigendis moribus praeficitur"; затѣмъ, онъ же называетъ нѣкоего *episcopus*, которому поручены были даровыя раздачи; наконецъ существовали еще *curator* („qui ad colligendos civitatium publicos reditus eligi solet") и *tabularii*.

вольноотпущенниковъ и рабовъ—*liberti, servi publici.* Обратимъ, впрочемъ, хорошенько вниманіе на то, что порядокъ и названія должностей не были одинаковы во всѣхъ общинахъ: въ муниципальномъ строѣ римской Имперіи никогда не царствовало повсемѣстнаго единообразія.

Какъ бы ни были велики сомнѣнія, какія можно высказывать по вопросу о природѣ и аттрибутахъ перечисленныхъ магистратуръ, такъ же какъ о точныхъ способахъ назначенія лицъ въ эти должности, одно, по крайней мѣрѣ, кажется несомнѣннымъ: въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ по Р. Хр. муниципальная община Галліи,—большая община, какъ Арвернская, какъ община Эдуевъ или Секвановъ,—обладала корпораціею магистратовъ или начальниковъ, которые не присылались ей центральнымъ правительствомъ, а избирались ею самою [1]. Ей одной также они отдавали отчетъ въ

[1] Это правило какъ будто нарушалось учрежденіемъ должности городскихъ *praefecti*, назначавшихся императоромъ. Но надо разсмотрѣть вблизи, какъ функціонировали эти послѣдніе, чтобы понять истинный смыслъ ихъ назначенія и маловажность ихъ вліянія. Мы читаемъ въ *lex Salpensana* (XXIV): „Если декуріоны или сенаторы изберутъ отъ имени общины въ дуумвиры императора, и если императоръ приметъ эту должность, обязанности дуумвира будутъ отправляться префектомъ въ качествѣ его замѣстителя“. — Стало быть, случалось, что нѣкоторыя муниципальныя общины, либо желая польстить императору, либо по какой-нибудь другой причинѣ, предлагали ему высшую должность въ своемъ самоуправленіи. Если онъ соглашался, то становился дуумвиромъ данной общины, и назначенный имъ префектъ правилъ отъ его имени. Императоръ Адріанъ чаще всѣхъ принималъ званіе дуумвира на западѣ или архонта въ Греціи. См *Spartian.* Hadr. 19: „Per latina oppida dictator et aedilis et duumvir fuit, apud Neapolim demarchus, et Athenis archon“. Но ошибочно было бы принимать подобные факты за признакъ стѣсненія муниципальныхъ вольностей. Дѣло касалось выбора, совершеннаго самою общиною, которая разсчитывала наоборотъ поднять значеніе высшей своей муниципальной магистратуры, облекая ею государя, то-есть, дѣлая его, хоть номинально, муниципальнымъ магистратомъ; притомъ онъ оставался въ должности, какъ и другіе, только годъ, по истеченіи котораго община снова свободно избирала на слѣдующій, кого хотѣла.

своихъ дѣйствіяхъ по истеченіи срока ихъ службы. Передъ нею, а не передъ центральною властью, отвѣчали они за свои акты.

Эта община не только не должна была принимать къ себѣ римскій гарнизонъ, но обладала даже собственною милиціею, маленькою арміею для охраны мѣстнаго порядка [1], и муниципальные города были защищены собственными укрѣпленіями [2].

Каждая община была собственницею особыхъ имуществъ, состоявшихъ изъ зданій, земель [3], движимо-

[1] Мы находимъ въ Нимѣ *praefecti vigilum et armorum* (*Wilmanns*, 2198, 2200, 2201, 2202; *Herzog*, 121—123; *C. I. L.* XII, p. 382). Точно также въ Ніонѣ встрѣчается *praefectus arcendis latrociniis*, который, повидимому, стоялъ во главѣ вооруженнаго отряда (*Wilmanns*, 2248; ср. *C. I. L.* XII, 1368); съ тѣмъ же, повидимому, связано учрежденіе *tribuni militum a populo*, упоминающихся въ надписяхъ (*Wilmanns*, 1604, 1605, 1894, 1907, 1909, 1910, 1920). Въ *lex col. Iul. Gen.* (§ CIII) читаемъ, что декуріоны имѣютъ право приказать населенію вооружиться, и что въ такихъ случаяхъ дуумвиры отправляютъ обязанности военныхъ начальниковъ.

[2] Это выводится изъ слѣдующей фразы Светонія (*Galb.* 12): „Galba... urbes Galliarum, quae sibi cunctantius accessissent, quasdam etiam murorum destructione punivit.“

[3] Такая муниципальная собственность подала поводъ къ учрежденію, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ общинахъ должности: *triumviri locorum publicorum persequendorum* (*Allmer*, 157; 159; *Mommsen*, Inscr. helv. 83; *C. I. L.* XII, p. 938).

стей, правъ на доходы. Она могла получать дары и наслѣдства [1]. Она сама управляла своимъ состояніемъ [2]. Она отдавала въ аренду свои земли и пускала въ ростъ свои денежные капиталы [3]. Она могла назначать въ свою пользу сборы, какъ напримѣръ, пошлины, рыночные, мостовые и дорожные налоги [4].

Общинѣ приходилились также производить на свой счетъ особые расходы. Ей приходилось содержать свои укрѣпленія, улицы, форумъ, базилики, храмы, термы, театры, дороги и мосты [5]. Она устраивала школы и оплачивала ихъ учителей [6], такъ же какъ держала своихъ врачей [7].

Муниципальная община назначала также своихъ

[1] *Dig*. L. 8, 6

[2] Такъ было, по крайней мѣрѣ, до учрежденія должности *curatores*, о которыхъ мы будемъ говорить дальше.

[3] Объ арендованіи общинныхъ земель по контрактамъ см. *Dig*. VI, 3; ср. XX, 1, 31. Вообще объ имуществахъ муниципіевъ см. *Dig*. L, 8.

[4] *Henzen*, 7110.—*Dig*. L, 5, 18.

[5] *Lex col. Iul. Gen.* слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ право общины производить сборы и налагать работы для этихъ цѣлей: „Quamcumque munitionem decuriones decreveint, eam munitionem fieri licito, dum ne amplius in annos singulos inque homines singulos puberes operas quinas et in iumenta plaustraria iuga singula operas ternas decernant; eique munitioni aediles, qui tum erunt ex decurionum decreto praesunto".

[6] *Cod. Theod.* XIII, 3, 5: „Quisquis docere vult, iudicio ordinis probatus decretum curialium mereatur, optimorum conspirante consensu".

[7] *Dig*. L, 9, 1: „Medicorum intra praefinitum nnmerum constituendorum arbitrium non praesidi provinciae commissum est, sed ordini et possessoribus cuiusque civitatis, ut certi de probitate morum et peritia artis eligant ipsi, quibus se liberosque suos in aegritudine commitant".

жрецовъ—фламиновъ и понтифексовъ [1]. У нея даже были ея собственные боги. Мы уже видѣли, что обоготворенная монархическая власть являлась предметомъ поклоненія провинцій; существовали и муниципальные культы. Каждая община имѣла генія-покровителя, которому служили ея жители [2]. Въ городѣ воздвигались алтари, на нихъ совершались спеціальные обряды, кругомъ нихъ устраивались празднества. Въ жизни каждой муниципальной общины важное

[1] „Flamen sacrorum publicorum municipalium" (*Orelli*, 2158).—Flamen in civitate Sequanorum" (*Idem*. 4018). — „Sacerdos civitatis Vocontiorum" (*Idem*, 2332). — Vocontiorum pontifici" (*Idem*, 459). — „Sacerdos civitatis Lygdunensis" (*Henzen*, 6031, 6032). — „Pontifex municipii" (*Henzen*, 7048).—„Pontifex civitatis Albensis" (*Orelli*, 2332).—„Pontifex publicorum sacrificiorum Nemausi" (*Herzog*, 120).—Flamen in colonia Equestri" (*Orelli*, 252).—Списокъ муниципальныхъ жречествъ можно найти въ *Copr. Inscr. Lat.* XII, p. 228.—Ср. *Lex col. Iul. Gen.* X; CI.—О томъ же интересные разсказы сообщаютъ Діонъ Кассій (LXIX, 3) и Филостратъ („De vit. sophist.").

[2] „Augusto sacrum et Genio civitatis Biturigum Viviscorum" (*Jullian*, Inscr. de Bord. 1).—„Genio Arvernorum" (*Orelli*, 193).—„Mercurio Arverno" (*Idem*, 1414). — „Deae Eponae et Genio Leucorum (*Henzen*, 5239). — „Genio coloniae Helvetorum', (*Orelli* 367).—„Genio Trevirorum" (*Idem*, 1805). — „Deae Aventiae et Genio incolarum" (*Idem*, 368, 369, 370). — „Deae Aventiae sacerdos" (*Idem*, 400).—„Deae Nariae regionis Arvrensis" (*Henzen*, 5903).—Въ Нимѣ былъ свой богъ — „deus Nemausus" (*Orelli* 2032; *C. I. L.* XII, 3093 s.). Извѣстны еще и другіе муниципальные боги: „Mars Vincius" (*Orelli*, 2066; cfr. *Ibid*. 3), „Vasio" (*Henzen*, 5919; *Ibid*. 1336—1338). — У Сегузіавовъ была богиня—„dea Segusiavorum" (*Orelli*, 2044). — „Iovi Optimo Maximo et Genio municipii nostri" (*Henzen*, 5274).—О геніяхъ городскихъ общинъ внѣ Галліи см. *Orelli-Henzen*, 1683, 1688, 1694, 1943, 7159.—Въ одной надписи читаемъ „in theatr oposuit statuas duas, genium patriae nostrae (*Henzen*, 5320).

мѣсто занимали зрѣлища; это происходило отъ того, что послѣднія считались дѣломъ священнымъ; съ ними связывалась еще, какъ и въ древности, религіозная идея. На нихъ присутствовало все населеніе, каждый занималъ мѣсто по своему достоинству, магистраты и декуріоны на почетныхъ сѣдалищахъ [1], и община смотрѣла, въ одно время сосредоточенная и радостная, на эти игры, предлагавшіяся ея богамъ [2].

Въ общемъ выводѣ, муниципальная община въ римской Имперіи на ея обширной территоріи была устроена какъ настоящее государство. Мы не хотимъ сказать этими словами, что она была независима. Представлять себѣ ее въ видѣ свободной республики подъ простымъ верховнымъ сюзеренитетомъ Имперіи было бы неточностью и преувеличеніемъ. Она должна были повиноваться всѣмъ приказаніямъ императорскаго правительства. Она открывала свои ворота проконсулу, всякій разъ, какъ тотъ выражалъ желаніе ее посѣтить [3], и мы увидимъ ниже, что фактичееки почти всѣ ея акты скоро оказались подчиненными утвержденію провинціальнаго намѣстника. Но мы должны отмѣтить здѣсь, во-первыхъ, то, что у центральнаго правительства не было своего представителя, постоянно пребывающаго въ общинѣ; во-вторыхъ, что она

[1] *Fronton.* Ad amicos, II, 6: „Decurio... spectaculis sedit".

[2] Нѣсколько надписей обнаруживаютъ характеръ этихъ игръ. См. *C. I. L.* II, 1663: „Flamen perpetuus .. editis scaenicis ludis per quatriduum et circensibus et epulo diviso". — *Wilmanns,* 2404: „Flamini... agonothetae perpetuo certaminis quinquennalis". — Юрисконсульты причисляютъ къ *munia,* которыя лежали на обязанности магистратовъ, „ludorum circensium spectacula" (*Dig.* L, 4, 1, § 2).

[3] *Ulpian.* Dig. I, 16, 7.

обладала законченнымъ соціальнымъ организмомъ и самостоятельною жизнью. У нея былъ свой руководящій сенатъ, своя корпорація магистратовъ,своя юрисдикція, полиція, казна, свои имущества, движимыя и недвижимыя, то-есть, свои общественыя средства, затѣмъ также школы, культъ и высшее жречество. Ни одинъ изъ перечисленныхъ элементовъ общественной организаціи она не получала извнѣ; она находила внутри себя магистратовъ, учителей, жрецовъ. Она, конечно, не была свободнымъ государствомъ, но государствомъ ее все таки можно назвать.

ГЛАВА VI.

Нѣкоторыя отличительныя особенности этого муниципальнаго строя.

Благодаря развитію описаннаго въ предшествующей главѣ муниципальнаго устройства, города Галліи выросли и украсились, а населеніе ихъ благоденствовало въ продолженіе трехъ вѣковъ. Полезно изучить, каковы же были правила и принципы, которые обезпечивали твердое и нормальное функціонированіе этихъ учрежденій на такомъ долгомъ пространствѣ времени.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что организація римской муниципальной общины была демократическою. Имперія не уничтожила нигдѣ, если не считать самого Рима, народныхъ собраній. Надписи Испаніи такъ же какъ Италіи, Греціи и Африки показываютъ намъ, что эти собранія непрерывно и довольно долго продолжали свое существованіе; онѣ позволяютъ намъ представить себѣ жителей какой-нибудь общины, собравшимися вмѣстѣ для подачи голосовъ при

избраніи своихъ дуумвировъ или квесторовъ; иногда онѣ даже обнаруживаютъ передъ нашими глазами происходившую на такихъ собраніяхъ агитацію кандидатовъ и волненія избирателей. [1]

Однако слѣдуетъ остерегаться, какъ бы не преувеличить значеніе этихъ комицій; особенно не слѣдуетъ разсматривать ихъ, какъ собранія въ полномъ смыслѣ народныя. Немногія свѣдѣнія о нихъ, которыя до насъ дошли, показываютъ, что члены ихъ были распредѣлены по извѣстнымъ группамъ, которыя называются куріями или трибами [2]; что голоса считались при этомъ не поголовно, а именно по этимъ группамъ, и что такимъ образомъ маленькіе люди тутъ такъ же, какъ въ древнемъ Римѣ, оказывались стѣсненными лишь въ небольшомъ числѣ такихъ отдѣловъ, такъ что они никогда не могли составить большинства. Есть даже данныя, которыя заставляютъ думать, что пролетаріи совсѣмъ не заносились тамъ въ списки гражданъ. Во вся-

[1] См. „lex Rubria de Gallia Cisalpina" въ *Corp. Inscr. Lat.* t. I, p. 115; затѣмъ—„lex Iulia municipalis" (*Ibid.* t. II, p. 119); „lex municipalis Salpensana", „lex municipalis Malacitana" (*Ibid.* t. II, p. 251); такъ называемыя „Оссунскія бронзовыя таблицы" въ „*Journal des savants*" (1874, mai). Cf. *Corp. Inscr. Graec.* (passim) и *Orelli-Henzen*, 3700 ss; 7227, 7276.—*Mommsen*, Die Stadtrechte der lateinischen Gemeinden Salpensa und Malaga (1855); *Ed. Laboulaye et Ch. Giraud*, Les tables de Malaga et de Salpensa (1856); *Giraud*, Les bronzes d'Ossuna (1875); *Herzog*, Galliae Narbonensis historia (p. 174—235); *Zumpt*, Studia romana; *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung (I-er Band, 2 Aufl. Leipzig, 1881); *Houdoy*, Le droit municipal (P. 1876); *V. Duruy*, Histoire des Romains, t. V (P. 1883); *P. Willems*, Les élections municipales à Pompéi (P. 1886) и др. пособія.

[2] *Lex Malacitana*: „Qui comitia habebit is municipes curiatim ad suffragium ferendum vocato, ita ut... curiae singulae in singulis suffragium per tabellam ferent".

комъ случаѣ, что касается обитателей большихъ муниципіевъ, какъ общины Эдуевъ или Лингоновъ въ Галліи, которыя занимали обширную территорію и обладали весьма многочисленнымъ населеніемъ, нѣтъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ въ источникахъ о томъ, чтобы такія крупныя массы народа сходились когда-нибудь на собранія.

Двѣ другія особенности муниципальнаго устройства городовъ-общинъ римской Имперіи лучше извѣстны, и онѣ, конечно, имѣли больше вліянія на жизнь, чѣмъ упомянутыя комиціи съ ихъ демократическою внѣшностью. Это, во-первыхъ,—составъ муниципальныхъ сенатовъ и, во-вторыхъ,—отвѣтственность магистратовъ. При помощи внимательнаго анализа этихъ двухъ пунктовъ можно составить себѣ точное представленіе о муниципальномъ строѣ римской Имперіи.

Сенатъ муниципальной общины—*ordo decurionum* или *senatus*, конечно, не назначался имперскимъ правительствомъ; было бы совершенно противно пріемамъ императорской политики производить подобнаго рода назначенія. Но члены его не избирались также толпою; римскій геній никогда не допускалъ, даже во времена расцвѣта республики, чтобы руководящій правительственный совѣтъ, первыми качествами членовъ котораго должны быть опытность и независимость, могъ сдѣлаться выразителемъ измѣнчивыхъ желаній массы. Такъ и муниципальный сенатъ, по образцу древне-римскаго, пополнялся изъ списка, составленнаго магистратомъ—*duumvir quinquennalis*, который такимъ образомъ отправлялъ обязанности древняго цензора [1].

Легко понять, что этотъ магистратъ такъ же, какъ

[1] См. объ этомъ въ *lex Iulia municipalis* и въ *lex col. Iuliae Genetivae*. Ср. *Plin.* Epist. X, 85; 113; 114.

и римскій цензоръ, не могъ составлять этого списка по произволу. Онъ долженъ былъ вносить въ него имена лишь тѣхъ людей, которые принадлежали къ категоріямъ, предназначеннымъ для того либо формальными законами, либо обычаями, почитавшимися какъ законъ. Первымъ условіемъ, требовавшимся для внесенія въ такой списокъ, было обладаніе собственностью, которая достигала бы опредѣленныхъ размѣровъ. Тотъ, кто не владѣлъ имуществомъ по крайней мѣрѣ, въ 100,000 сестерціевъ, записанныхъ въ цензъ, не могъ сдѣлаться декуріономъ [1]. За исправленіе обязанностей декуріона не только не полагалось никакого денежнаго вознагражденія, но кромѣ того былъ довольно широко распространенъ обычай, чтобы всякій новый членъ, входившій въ корпорацію, самъ уплачивалъ сумму въ 1000 или 2000 серебрянныхъ монетъ [2]. Надобно было, слѣ-

[1] Это правило выводится изъ одного мѣста Плинія Мл. (Epist. I, 19): „Esse tibi centum milium censum satis indicat, quod decurio es", и изъ словъ Петронія (Satir. c. 44): „Iam scio unde acceperit denarios mille aureos". Эти 1000 динаріевъ составляли ровно 100,000 сестерціевъ. Ср. *lex Malacitana*, LX. Не слѣдуетъ однако думать, что эта цифра—100,000 сестерціевъ—была однообразно установлена во всей Имперіи.

[2] Это также вытекаетъ изъ одного письма Плинія Мл. къ Траяну и изъ отвѣта императора, которые вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ, что правило не было повсемѣстнымъ (см. *Plin.* Epist. X, 113, 114). Авторъ пишетъ, что lex Pompeia, которымъ учреждена была провинція Виѳинія, не предписываетъ, чтобы тѣ, кто входитъ въ мѣстные сенаты, вносили деньги, но что тамъ устанавливается и мало по малу обобщается такой обычай. Траянъ отвѣчаетъ съ обычною разсудительностью: „Honorarium decurionatus omnes, qui in quaque civitate Bithyniae decuriones fiunt, inferre debeant nunc, in universum a me non potest statui."—Немного позже одно письмо Фронтона (*ad amicos*, II, 6), какъ кажется, подтверждаетъ, что обычай становился правиломъ.—Сумма эта называлась *honorarium, summa honoraria, pecunia ob decurionatum*. Нѣсколько надписей отмѣчаютъ, какъ исключеніе, что декуріонъ былъ назначенъ *gratuito* (см. *Wilmanns* 1562, 1725, 1894, 2038, 2210).

довательно, владѣть нѣкоторымъ состояніемъ, чтобы быть декуріономъ [1]. Совокупность всѣхъ извѣстныхъ фактовъ позволяетъ думать, что, разъ человѣкъ былъ богатъ, онъ естественно вступалъ въ курію родного города. Наконецъ, хотя списокъ ея членовъ возобновлялся каждые пять лѣтъ, видно, что званіе декуріона разсматривалось какъ пожизненное. Мы не должны поэтому представлять себѣ муниципальный сенатъ какъ выбранный совѣтъ; въ немъ скорѣе группировались всѣ самые богатые люди, самые крупные собственники края [1].

Позднѣйшій римскій законодатель отчетливо объясняетъ принципъ, который былъ душою описываемой организаціи съ самаго начала: «устроители нашего государства, говоритъ онъ, нашли необходимымъ объединить въ одно цѣлое въ каждой муниципальной общинѣ всѣхъ видныхъ людей и образовать изъ нихъ сенатъ или курію, которая бы твердо управляла общественными дѣлами» [3].

Это и значило организовать муниципальную аристократію. Сословіе декуріоновъ стояло дѣйствительно въ городѣ гораздо выше массы населенія, которая именова-

[1] Объ этомъ правилѣ уплачивать сумму денегъ при вступленіи въ декуріонатъ у насъ есть любопытное свидѣтельство Фронтона (II, 6): „Pecuniam ob decurionatum intulit".

[2] Не слѣдуетъ терять изъ вида, что административная единица, именуемая муниципальною общиною, захватывала и городъ, и деревню, и большая часть крупныхъ состояній были земельными.

[3] *Iustinian.* Nov. IV, 17: „Qui rempublicam olim nobis disposuerunt, existimaverunt oportere adunare in unaquaque civitate nobiles viros et unicuique senatus dare curiam per quam debuissent agi quae publica sunt atque omnia fieri secundum ordinem".

лась плебеями [1]. Членамъ его предназначались почетныя мѣста во время священныхъ пиршествъ и игръ [2].—Но тамъ нѣтъ настоящей аристократіи, гдѣ обязанности не пропорціональны привилегіямъ. Въ римскомъ муниципальномъ строѣ проявляется стремленіе осуществить такой именно порядокъ. Если декуріоны дѣйствительно обладали преимуществомъ управлять общинами, они и обратно несли на себѣ всѣ тяжести этой администраціи. Они руководили общественными финансами на свой рискъ и подъ своею отвѣтственностью. Они должны были поддерживать порядокъ въ народѣ, нести полицейскую службу, отдавать много времени отправленію судебныхъ обязанностей. На нихъ лежала забота о доставленіи неимущимъ классамъ хлѣба по дешевымъ цѣнамъ, имъ вмѣнялась обязанность содержать для бѣдныхъ даровыя общественныя бани, устраивать праздники и развлеченія [3]. Ко всѣмъ этимъ обязательствамъ позже еще былъ

[1] *Paul.* (Dig. L, 2, 7): „Decurionum honoribus plebei prohibentur."—*Ulpian.* (Dig. L, 2, 2). — „Оссунскія бронзовыя таблицы", CXXV—CXXVII.

[2] *Fronton.* Ad amicos, II, 6: „Usus est per quinque et quadraginta annos omnibus decurionum praemiis commodisque..., cenavit, in spectaculis sedit".

[3] *Dig.* L, 4, 1: „Civilia sunt munera, defensio civitatis, id est, ut syndicus fiat, legatio ad census accipiendum, annonae cura, praediorum publicorum, frumenti comparandi, aquaeductus, equorum circensium spectacula, publicae viae munitiones, calefactiones thermarum".—Нужно, впрочемъ, оговориться, что декуріоны могли сложить часть этихъ своихъ тягостей на простой народъ при помощи обложенія его цѣлой системою обязательныхъ общественныхъ работъ, о которыхъ дѣйствительно говоритъ Сикулъ Флаккъ (*Gromatici veteres,* ed. Lachmann, p. 146) и упоминаютъ „Оссунскія бронзовыя таблицы" (XCVIII). — Обязанность декуріоновъ творить судъ засвидѣтельствована слѣдующими словами Ульпіана (*Dig.* L, 5, 13): „Qui non habet excusationem etiam invitus iudicare cogitur".

присоединенъ сборъ податей подъ личною и круговою отвѣтственностью за тѣхъ, которые ихъ не уплачивали [1].

Что касается муниципальныхъ магистратуръ, то ихъ безвозмездность являлась безусловнымъ правиломъ; онѣ даже требовали большихъ расходовъ со стороны отправляющаго ихъ лица. Человѣкъ, избранный въ должность, обязанъ былъ прежде всего внести *honorarium* въ пользу общины. Если эта повинность и не была установлена, какъ абсолютное обязательство, тѣмъ не менѣе она являлась достаточно часто повторяющимся обычаемъ, и потому упоминанія о ней мы находимъ въ надписяхъ [2]. Далѣе онъ долженъ былъ, во время года своей службы, не только пожертвовать для общины своимъ временемъ и трудомъ, но еще отдать ей часть своего состоянія. Принято было, чтобы онъ оказывалъ благодѣянія народу, устраивалъ игры и цѣлый рядъ религіозныхъ церемоній и священныхъ пировъ, въ значительной долѣ на свой счетъ [3]. Онъ часто вовлекался

[1] Обязанность *exactio tributorum* уже упоминаетъ Ульпіанъ (*Dig.* L, 4, 3, § 11).

[2] Прежде всего надо было, почти всегда, платить *honorarium.* См. *Wilmanns,* 681: „M. Caelius Saturninus ob honorem quinquennalitatis inlata reipublicae summa honoraria, ex sestertium quinque milibus"...—2370: „L. Vibius Saturninus quattuorvir... amplius ad honorariam summam, quum sestertium tria milia promisisset, ex sestertium sex milibus pecunia sua posuit". Cfr. *Ibid.* 725; 2337.

[3] Надписи полны данныхъ и разъясненій по этому предмету. См. въ видѣ примѣровъ слѣдующіе тексты.—„Sennius Solemnis, cuius cura omne genus spectaculorum atque Taurinicia Diana data" (изъ Ториньискаго памятника). — „L. Postumio, duumviro, ob magnificentiam gladiatorii muneris, quod civibus suis triduo edidit" (*L. Renier,* Mélanges d'épigraphie, p. 220). — „Ludos circenses dedit" (*Orelli,* 4020).—„L. Fabio Cordo, quattuorviro, ob viginti pa-

обстоятельствами въ строительную дѣятельность—возводилъ новыя общественныя зданія или принужденъ былъ исправлять на свои средства старыя—театры, храмы, рынки [1]. Потомъ, по истеченіи годичнаго срока своей службы, онъ обязанъ былъ дать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Муниципальный магистратъ былъ отвѣтственъ за то, какъ онъ охранялъ общинные интересы. Онъ могъ подвергнуться преслѣдованію не только за недобросовѣстность, но и за неосторожность и небрежность своего управленія [2]. Онъ совершалъ всѣ акты на свой рискъ и страхъ: если онъ утвердилъ подрядъ

ria gladiatorum data" (*Wilmanns,* 663).—„Ob praecipuam eius in edendis spectaculis liberalitatem" (*Idem,* 2216; *C.I.L.* XII, 1585).—„Ludos scaenicos sua pecunia fecit" (*Idem,* 1728).—„Honore sibi quinquennalitatis oblato, viginti paria gladiatorum sua pecunia edidit" (*Ibid.* 1810).—„C. Iunius Priscus duumvir iure dicundo, quinquennalis candidatus Arelatensium, spectacula quae municipibus Arelatensibus pollicitus erat sestertium..." (?) (*Herzog,* 325; *C.I.L.* XII, 697).—Расходы, необходимые на отправленіе извѣстной магистратуры, подвергались предварительному вычисленію: „Aestimationem honoris in pecunia pro administratione offerentes" (*Paul.* Dig. L, 4, 6)—Кодексъ Θеодосія (XII, 1, 29) также указываетъ на то, что муниципальныя магистратуры являлись источникомъ расходовъ: „Magistratus desertores, quascumque pro his expensas civitas praerogavit, refundere cogantur".—*Cod. Iust.* XI, 40, 1: „Primates viri populi studiis ac voluptatibus grati esse cupiant".

[1] *Wilmanns,* 1798: „Cn. Voesio Apro, quaestori, aedili, duumviro, flamini..., quod tempore honorum curarumque suarum plenissimo munificentiae studio voluptatibus et utilitatibus populi plurima contulerit, ludum etiam gladiatorum solo empto pecunia sua exstructum publice optulerit".—*Ibid.* 1813: „Aedem Fortunae sua pecunia refecit".—*Lebègue,* Epigraphie de Narbonne, 71: „Duumvir... macellum de sua pecunia fecit"; *C.I.L.* XII, 4429, 4430,—Другіе примѣры см. въ сборникѣ *Wilmanns,* 1724, 1724a, 1780, 1786, 1791, 1852, 1864, 1873, 1877, 1907, 2009, 2062.

[2] *Ulpian.* Dig. L, 8, 8 (6).

на сооруженіе какого-нибудь зданія, онъ отвѣчалъ за достоинство выполненія работы [1]. Если онъ сдалъ въ аренду общинныя имѣнія, онъ отвѣчалъ за своевременное и полное внесеніе съемщиками установленной платы [2]. Если онъ помѣстилъ въ какое-нибудь дѣло общинные капиталы, онъ отвѣчалъ въ случаѣ несостоятельности тѣхъ, которые получили отъ города ссуды [3]. Поэтому то всегда требовалось, чтобы магистратъ, вступая въ должность, представлялъ поручителей и давалъ въ обезпеченіе подъ залогъ свое имущество [4]. Личное его состояніе служило гарантіею удовлетворительнаго управленія имъ муниципальныхъ финансовъ.

Можно понять изъ всего указаннаго, что бѣдный человѣкъ никогда не хотѣлъ и не могъ добиваться магистратуры. Да и община сама съ своей стороны не могла желать избирать въ должностныя лица людей безъ состоянія [5]. Первымъ условіемъ для того, чтобы сдѣлаться квесторомъ, эдиломъ, дуумвиромъ, было, повторяю, обладаніе земельною собственностью, которая могла бы служить залогомъ. Одни богатые способны

[1] См. главу „De operibus publicis" въ книгѣ VIII-й кодекса Юстиніана.

[2] *Papinian.* Dig. L, 8, 5 (3); 12.

[3] *Dig.* L, 1, 36.

[4] *Lex Malacit.* LX: „Qui duumviratum quaesturamve petent..., quisque eorum, quo die comitia habebuntur, praedes in commune municipum dato, pecuniam communem eorum, quam in honore suo tractaverit, salvam fore... Praedia subsignato..." Cfr. *Dig.* lib. L. tituli 1; 4; 8.—Требовалось даже, чтобы магистратъ, вышедшій изъ должности, являлся поручителемъ за своего преемника.—Замѣтимъ хорошенько, что эти лица отвѣчали передъ общиной, а не передъ государствомъ.

[5] *Callistrat.* (Dig, L, 4, 14, § 3): „In honoribus gerendis considerandum est ... an facultates snfficere iniuncto muneri possint".

были, стало быть, занимать магистратуры, и они иногда, отправляя ихъ, разстраивали свое богатство. Существуетъ законъ, устанавливающій пенсію на прокормленіе тѣмъ, которые разорялись на службѣ муниципальной общинѣ [1].

Среди такихъ правилъ или обычаевъ, что должно было произойти съ народными собраніями? Ихъ избирательныя права были фактически очень стѣснены; ихъ свобода, какъ бы она ни являлась широка по буквѣ закона, на самомъ дѣлѣ оказывалась ничтожною. Если мы даже предположимъ, что они пытались выставлять иногда тѣ или иныя демократическія требованія, то должны замѣтить, что сословіе декуріоновъ было хорошо вооружено противъ нихъ: курія провѣряла списки избранныхъ и, въ случаѣ избранія недостойныхъ, могла кассировать выборъ; если же собраніе отказывалось выбирать кандидатовъ по желанію декуріоновъ, послѣдніе собственною властью назначали префектовъ вмѣсто дуумвировъ [2]. Впрочемъ, при господствѣ только что описанныхъ муниципальныхъ нравовъ, какой интересъ былъ простому народу направлять своихъ представителей къ магистратурамъ или вообще вмѣшиваться въ управленіе общинными дѣлами [3].

Мы не находимъ въ исторіи римской Имперіи никакого закона, которымъ бы устранялись народныя собранія въ муниципіяхъ. Нужно думать, что они ис-

[1] *Dig.* L, 2, 8: „Decurionibus facultatibus lapsis alimenta decerni, si ob munificentiam in patriam patrimonium exhauserint“.

[2] См. *Orelli*, 3679 (и примѣчаніе къ этому тексту), — Cfr. *Lex Salpensana*, XXIV.

[3] Три важныя функціи, какъ кажется, всегда оставались чужды комиціямъ и предоставлены были декуріонамъ: 1) назначеніе жрецовъ (см. *Herzog*, 504, *C. I. L.* 518; XII, 1872, 1904); 2) юрисдикція или, по крайней мѣрѣ, апелляція на приговоры,

чезли сами собою. Они перестали собираться или сходились только для вида, чтобы утверждать результаты выборовъ, для нихъ безразличные, или декреты, въ составленіи которыхъ они не участвовали.

Съ конца III-го вѣка низшіе классы, повидимому, совершенно вытѣснены изъ муниципальнаго управленія. Сословіе декуріоновъ несетъ его одно на своихъ плечахъ. Терминъ «куріалы», который, въ предшествующую эпоху, примѣнялся ко всѣмъ вообще гражданамъ муниципіевъ, съ тѣхъ поръ обозначаетъ лишь декуріоновъ, то-есть, членовъ мѣстныхъ сенатовъ [1].

Съ той же эпохи званіе куріала или декуріона становится безусловно наслѣдственнымъ и неразрывно связывается съ владѣніемъ землею [2]. Человѣкъ дѣлается куріаломъ потому, что является земельнымъ собственникомъ. Съ тѣхъ же поръ наконецъ всѣ не только богатые, но просто обезпеченные люди обязаны отправлять магистратуры. Не остается даже признака комицій. Устанавливается порядокъ, что каждый дѣйствующій магистратъ самъ называетъ своего преемника,

произносимые магистратами; въ памятникахъ, дошедшихъ до насъ, мы не находимъ слѣдовъ народнаго суда; слова — *iudicia plebis*, которыя мы встрѣчаемъ въ одной только надписи (*Orelli*, 2489), не относятся къ учрежденію подобнаго характера (таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе *Herzog*, Gall. Narb. p. 206—208); 3) контроль надъ финансовыми отчетами (*Lex Malacit.* LXIII, LXIV, LXVII, LXVIII). Эти аттрибуты укрѣпляли за муниципальными сенатами сильное преобладаніе въ общинномъ управленіи.

[1] *Cod. Theod.* XII, 1, 27: „Rarum Carthaginis senatum et exiguos residere curiales“.—*Cassiod.* Var. VI, 13: „Curiales, qui legibus appellati sunt minor senatus“.

[2] *Cod. Th.* XII, 1, 5: „Qui originis gratia vel ex possidendi conditione vocatur in curiam“. См. вообще первую главу двѣнадцатой книги кодекса Θеодосія.

и такое представленіе только утверждается вслѣдъ затѣмъ куріею [1].

Когда мы читаемъ римскіе законодательные сборники, мы прежде всего изумляемся, что званіе декуріона или магистрата въ муниципіяхъ рисуется въ нихъ скорѣе, какъ тягость, чѣмъ какъ выгодная служба [2]. Законы заставляютъ землевладѣльца дѣлаться декуріономъ противъ его воли; они какъ бы приговариваютъ людей къ эдилитету или дуумвирату. Если назначенный пробуетъ бѣжать изъ куріи, законъ возвращаетъ его туда насильно, приковываетъ его къ ней [3]. Не надо думать, что такіе законы являются плодомъ упадка государства или дѣломъ слѣпой тираніи: они обнародывались такими императорами, какъ Антонины [4]. Именно эти императоры были истинными организаторами муниципальнаго строя, отличительныя особенности котораго мы только что описали. Учреждая такую мѣстную знать, они обозначили ея обязанности въ то же время, какъ и права; и они такъ тѣсно связали

[1] *Papinian.* (Dig. L. 1, 15, § 1; 17; 18). Такое представленіе называлось *nominatio*.

[2] *Cod. Th.* XII, 1, 12; 16: „Onera decurionatus"; „Onera duumviratus".

[3] *Ulpian.* (Dig. L, 2, 1): „Decuriones, quos sedibus civitatis relictis in alia loca transmigrasse probabitur, praeses provinciae in patrium solum revocare et muneribus congruentibus fungi curet".— Было запрещено откупаться отъ магистратуры деньгами (*Paul.* Dig. L, 4, 16).

[4] *Dig.* L, 1, 38: „Imperatores Antoninus et Verus rescripserunt eos, qui compulsi magistratu funguntur, non minus cavere debere quam qui sponte officium agnoverunt".—Уже въ *lex Malacitana* (LI) мы видимъ, что можно было назначать магистратовъ противъ ихъ воли. То же самое обнаруживается и относительно декуріоната со времени Ульпіана (*Ulp.* Dig. L, 2, 2, § 8: „ad decurionatus honorem inviti vocari") и даже Траяна (*Plin.* Epist. X, 114).

вмѣстѣ первыя съ послѣдними, что въ наши дни ученые, изслѣдывавшіе вопросъ, стали спрашивать себя, не была ли судьба этого декуріона или магистрата болѣе достойна сожалѣнія, чѣмъ зависти, и не оказывалась ли эта муниципальная свобода скорѣе особою формою утѣсненія.

Правда, что порядки и взгляды того времени кажутся странными человѣку нашего вѣка; но это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что наши понятія объ управленіи совсѣмъ не тѣ, какія господствовали въ ту эпоху. Въ глазахъ современныхъ поколѣній, всякія привилегіи составляютъ почесть, между тѣмъ какъ почти во всѣ вѣка исторіи человѣчества онѣ являлись обязательствами. Мы склонны думать, что привилегированныя группы общества захватили свои преимущества силою или хитростью, между тѣмъ какъ чаще всего имъ приходилось наоборотъ принимать ихъ сверху и даже съ трудомъ переносить ихъ. Мы легко предполагаемъ, что эти привилегированные граждане муниципіевъ должны были цѣпко держаться за осуществленіе своихъ правъ и сохраненіе преимуществъ, между тѣмъ какъ почти всегда оказывалось необходимымъ принуждать ихъ не отказываться отъ привилегій, и коль скоро имъ предоставлялась свобода, куріалы спѣшили отъ нихъ отдѣлаться.

Нашъ вѣкъ весьма отличается отъ эпохи, которую мы изучаемъ, еще тѣмъ, какъ онъ понимаетъ свободу. Онъ видитъ самый существенный признакъ ея въ участіи, хотя бы косвенномъ и кажущемся, въ управленіи страною или въ администраціи городовъ; между тѣмъ въ другіе вѣка люди находили свободу, гдѣ угодно, но не въ отправленіи политическихъ обязанностей. Когда римскіе законодатели устанавливали

муниципальный порядокъ, они, очевидно, не думали работать въ освободительномъ направленіи, и населеніе, какъ кажется, не требовало этого отъ нихъ. Общимъ желаніемъ и власти, и населенія тогда было видѣть муниципальное управленіе въ удовлетворительномъ состояніи и чувствовать свои интересы обезпеченными. Устроители администраціи для достиженія такой цѣли не нашли лучшаго способа, какъ сгруппировать въ одно цѣлое землевладѣльцевъ, то-есть, лицъ, обладавшихъ наиболѣе крупными и существенными матеріальными интересами мѣстности и поручить имъ вести подъ своею отвѣтственностью всѣ земскія дѣла [1].—Но можно ли было при этомъ предоставить каждому изъ членовъ этой группы свободу принимать возлагаемую на нихъ функцію или отказываться отъ ея исполненія? Надо было слишкомъ ужъ плохо знать человѣческую природу, чтобы полагать, что много людей будетъ добровольно и охотно добиваться такой опасной чести. Предвидя уклоненія, законодатель нашелъ необходимымъ установить, что богатство явится источникомъ не только права, но еще и обязанности. Зем-

[1] Надписи открываютъ намъ настоящія мысли людей того времени. Пусть изучатъ со вниманіемъ всѣ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ муниципальному строю, и тогда обнаружится, что общины восхваляютъ и благодарятъ каждое лицо, которое добросовѣстно проходило всю муниципальную карьеру—„omnibus honoribus functus".—Не магистратъ благодаритъ общину за честь избранія, наоборотъ она приноситъ ему благодарность: настолько справедливо, что магистратура является не менѣе тягостью, чѣмъ почетомъ. Нѣкоторыя надписи говорятъ—„omnibus oneribus et honoribus functus" (*Wilmanns*, 1832, 2011). Одна изъ нихъ превозноситъ до небесъ нѣкоего человѣка за то, что онъ, хоть имѣлъ возможность отказаться отъ муниципальныхъ обязанностей („quum honoribus et muneribus potuisset excusari"), все таки взялъ на себя магистратуру (*Wilmanns*, 2009).

левладѣльцы объявлены были членами муниципальныхъ курій волею-неволею. Имъ запрещено было выселяться, продавать землю, вступать въ военную службу или въ ряды духовенства; передъ ними оказались закрыты всѣ выходы, черезъ которые они могли бы избѣжать возложенныхъ на нихъ обязательствъ [1]. Куріи вскорѣ опустѣли бы, если бы законы не охраняли ихъ отъ неизбѣжнаго ухода членовъ.

Списокъ куріи (*album curiae*), мы видимъ, составляется каждыя пять лѣтъ не имперскимъ чиновникомъ, который былъ бы чуждъ общинѣ, но самими куріалами или избраннымъ ими магистратомъ. Они были естественно заинтересованы въ томъ, чтобы не пропускать при этомъ ни одного имени; кажется даже, что они стремились заносить въ эти списки больше именъ, чѣмъ было необходимо, съ тою цѣлью, чтобы пріобрѣсти большое число людей, которые бы раздѣляли ихъ общественныя повинности [2]. Отсюда возникали двѣ серіи противоположныхъ ходатайствъ, которыми непрестанно осаждались императоры въ продолженіе трехъ вѣковъ. Съ одной стороны, очень много людей жаловалось на то, что они неправильно были внесены въ списокъ де-

[1] *Cod. Th.* XII, 1, 33: „Sancimus, ut qui ultra viginti quinque iugera privato dominio possidet, curiali consortio vindicetur".—*Ibid.* XII, 1, 17: „Revocetur ad curiam, substantiam muneribus aptam possidens".—*Papin.* Dig. L, 1, 15: „In fraudem civilium munerum per tacitam fidem praedia translata fisco vindicentur".—*Cod. Th.* XII, 1, 11: „Quoniam relictis curiis, nonnulli ad militiae praesidia confugiunt, reverti ad curiam praecipimus".—*Cod. Iust.* X, 31, 17 (законъ 326 г.): „Qui derelicta curia militaverit, revocetur ad curiam".

[2] Эта мысль выражена въ одной надписи.—Одна община пышно восхваляетъ нѣкоего магистрата за то, что онъ увеличилъ число декуріоновъ—„ut sint cum quibus munera decurionatus iam ut paucis onerosa honeste compartiamur" (*Henzen*, 7168).—Къ сожалѣнію, нельзя установить хронологію этого документа

куріоновъ: они ссылались обыкновенно на свой возрастъ или свою бѣдность. Съ другой стороны, куріи протестовали, заявляя, что многимъ изъ гражданъ ихъ общинъ удавалось ускользнуть отъ ихъ требованій, и что бремя муниципальной службы становилось слишкомъ тяжелымъ для тѣхъ, кто оставался. На эти двоякаго рода жалобы правительство отвѣчало двумя серіями постановленій, которыя очень ясно прослѣживаются при внимательномъ чтеніи Дигестъ и Кодексовъ. Съ одной стороны, оно запрещало вносить въ *album* тѣхъ, кому было менѣе 18 лѣтъ отъ рода, и кто владѣлъ менѣе, чѣмъ 25 югерами земли; съ другой, оно возвращало въ куріи тѣхъ, кто пытался уклониться отъ муниципальныхъ повинностей. Первый рядъ мѣропріятій имѣетъ въ виду интересы отдѣльныхъ личностей, второй интересы курій. Можно легко объяснить себѣ эти различныя узаконенія, издававшіяся властью, если представляешь хорошо въ своей мысли различныя просьбы и требованія, исходившія отъ населенія [1].

Не можетъ быть сомнѣнія, что эдилитетъ, квестура и дуумвиратъ были очень высокія должности. Человѣкъ, являвшійся въ продолженіе цѣлаго года вождемъ одной изъ этихъ большихъ общинъ, территорія которыхъ пространствомъ равнялась нынѣшнему французскому департаменту, долженъ былъ быть чрезвычайно важною особою. Надписи наглядно свидѣтельствуютъ о почтеніи, которыми окружены были муниципальные магистраты; нерѣдко случалось, что для вознагражденія ихъ за искусное управленіе или за понесенныя матеріальныя жертвы община воздвигала на основаніи особаго декрета статуи въ ихъ честь. Но

[1] См., напримѣръ, *Cod. Theod.* XII, 1, 96. Это законъ, изданный по настоянію курій.

тѣмъ не менѣе очень немногія лица, нужно думать, домогались такого блестящаго величія. Если мы сочтемъ, сколько оно должно было стоить, намъ трудно будетъ даже предполагать, что каждый годъ являлось къ избранію на должности достаточное количество кандидатовъ для пополненія ихъ всѣхъ. Поэтому приходилось выбирать или назначать такихъ людей, которые сами ничего не добивались, даже ничего не желали или даже горячо желали не быть избранными. Противъ подобнаго рода избраній очень нерѣдко подымались протесты; послѣдніе исходили именно отъ избранныхъ, а не отъ тѣхъ кандидатовъ, которые оказались отстраненными [1]. Такъ приходилось быть магистратомъ по неволѣ. Напрасно люди стремились уйти отъ такой принудительной службы [2]; напрасно скрывались они; законъ гласилъ: «Если человѣкъ, назначенный къ исполненію муниципальной магистратуры, бѣжитъ, его надобно разыскивать; если онъ не будетъ найденъ, пусть у него отнимется имущество и будетъ отдано тѣмъ, кто сдѣланъ будетъ дуумвиромъ вмѣсто него; если же онъ будетъ разысканъ, его наказаніе будетъ заключаться въ томъ, что онъ будетъ обязанъ цѣлыхъ два года нести тягости дуумвирата» [3].

[1] *Ulpian.* Dig. XLIX, 4, 1; XLIX, 1, 21. — *Cod. Iust.* X, 31, 2. — Начиная съ III-го вѣка уже почти не было больше выборовъ: каждый обязательно становился магистратомъ, когда приходила его очередь. См. *Ulpian,* Dig. L, 4, 3. § 15: „Praeses provinciae provideat munera et honores in civitatibus aequaliter per vices secundum aetates et dignitates iniungi, ne, frequenter iisdem oppressis, simul viris et viribus respublicae destituantur“. — Другіе законы напоминаютъ, что надо препятствовать богатымъ („locupletiores“) уклоняться отъ повинностей.

[2] „Magistratus desertores“ (*Cod. Th.* XII, 1, 29).

[3] Законъ 326 г. въ кодексѣ Юстиніана (X, 31, 18).

Подобные законы казались необъяснимыми людямъ нашего времени; между тѣмъ они соотвѣтствуютъ природѣ вещей. Управленіе какого-нибудь общества или города есть совокупность повинностей; чтобы аристократическій классъ несъ на себѣ такое бремя, нужно или побудить его къ этому большими вознагражденіями, или принудить къ тому силою. Римская Имперія доставила муниципальной аристократіи вознагражденія, лишь недостаточныя; поэтому, чтобы заставить ее дѣйствительно руководить земскимъ управленіемъ, необходимо было примѣнить по отношенію къ ней всю строгость законовъ.

ГЛАВА VII.

О надзорѣ центральнаго правительства за муниципіями.

Рядомъ съ фактами, которые изображаютъ намъ муниципальныя общины, какъ довольно самостоятельныя единицы, существуютъ другіе, которые сейчасъ обнаружатъ намъ вмѣшательство въ ихъ дѣла императорской власти. Нужно только сказать, что слишкомъ недостаточное количество памятниковъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи относительно Галліи, принуждаетъ насъ искать соотвѣтствующихъ данныхъ въ документахъ другихъ провинцій.

Плиній Мл. разсказываетъ въ своихъ письмахъ, что одинъ изъ его друзей получилъ отъ императора Траяна правительственное порученіе въ Ахаіи, и что это порученіе заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ «привести въ порядокъ внутреннее устройство город-

скихъ общинъ» [1]. Самъ Плиній, въ качествѣ намѣстника Виѳиніи, повидимому получилъ отъ императора однородныя инструкціи, такъ какъ Траянъ въ одномъ письмѣ напоминаетъ ему, что «первою его заботою должно быть разсмотрѣніе общинныхъ финансовыхъ отчетовъ» [2]. Дѣйствительно, какъ только Плиній вступилъ въ провинцію, онъ приказалъ представить ему отчеты Прузіи; онъ разсмотрѣлъ «расходы, доходы и ссуды» этой общины [3] и убѣдился, что «такая провѣрка непремѣнно должна быть сдѣлана». Такъ же точно поступалъ онъ въ Апамеѣ, Никомедіи, Никсѣ, вездѣ [4].

Послѣ него одна надпись показываетъ намъ въ той же провинціи чиновника, который былъ посланъ императоромъ Адріаномъ для разсмотрѣнія тѣхъ же отчетовъ [5]. Другому предписано было тѣмъ же императоромъ «провѣрить счеты муниципальныхъ общинъ» въ Сиріи [6]. И біографъ Адріана сообщаетъ, что этотъ

[1] *Plin.* Epist. VIII, 24: „Te (Maximum) missum in provinciam Achaiam... missum ad ordinandum statum liberarum civitatum".

[2] *Ibid.* X, 29: „Rationes in primis tibi rerum publicarum excutiendae sunt".

[3] *Ibid.* X, 28: „Nunc reipublicae Prusensium impendia, reditus, debitores excutio, quod ex ipso tractatu magis ac magis necessarium intellego".

[4] *Ibid.* X, 47; 48; 56.

[5] *Corp. inscr. graec.* 4033—4034: „Πεμφθεὶς εἰς Βιθυνίαν διορθωτὴς καὶ λογιστὴς ὑπὸ θεοῦ Ἁδριανοῦ". Мы видимъ еще другое лицо, нѣкоего Л. Бурбулея, который былъ „Λογιστὴς Syriae" во время Адріана (*Wilmanns*, 1181).

[6] *Wilmanns*, 1180; *Henzen*, 6483; *L. Renier*, Inscr. de l'Algérie, 1812: „P. Pactumeio Clementi... legato divi Hadriani ad rationes civitatium Syriae putandas".

правитель съ большою бдительностью наблюдалъ за финансами провинціальныхъ городовъ [1].

Дѣло было въ томъ, что эти финансы находились въ печальномъ состояніи. Траянъ прямо говоритъ это въ одномъ изъ писемъ къ Плинію и прибавляетъ, что требовалось многое еще исправить въ общинной администраціи [2]. Съ одной стороны, обширныя строительныя работы, предпринимавшіяся въ продолженіе цѣлаго вѣка для приданія городамъ благоустройства, часто подрывали муниципальную казну. Съ другой стороны, недостатокъ высшаго надзора, нерѣдко приводилъ къ злоупотребленіямъ и даже хищенію общинныхъ средствъ. Плиній сообщаетъ, напримѣръ, что города часто подвергались обманамъ со стороны подрядчиковъ различныхъ работъ; потому то онъ прежде всего и обрушился на послѣднихъ, заставляя ихъ возвращать городамъ большія суммы [3]. Ежегодно смѣнявшіеся магистраты также иногда своеобразно заботились объ интересахъ города. Такъ, напримѣръ, одни начинали сооруженіе водопровода; преемники ихъ приказывали строить другой, и оба, бывало, оставались неоконченными послѣ того, какъ истрачено было на нихъ нѣсколько милліоновъ сестерцієвъ [4]. Въ другомъ мѣстѣ, при постройкѣ театра настолько плохо закладывали фун-

[1] *Spartian.* Hadrian. 11: „Reditus provinciales sollerter explorans".

[2] *Plin.* Epist. X, 28 (Traianus Plinio): „Rationes tibi rerum publicarum excutiendae sunt, nam et eas esse vexatas satis constat".—*Ibid.* X, 41: „Multa emendanda apparuerunt".

[3] *Plin.* Epist. X, 28: „Videntur non mediocres pecuniae posse revocari a curatoribus operum, si mensurae fideliter aguntur".

[4] Дѣло происходило въ Никомедіи (см. *Plin.* Epist. X, 46). Траянъ отвѣтилъ на сообщеніе объ этомъ, что слѣдуетъ разыскать „quorum vitio Nicomedenses tantam pecuniam perdiderint".

даментъ, что потомъ и не знали, возможно ли закончить зданіе; Плиній высказываетъ опасеніе, «хорошо ли муниципальныя общины помѣщаютъ свои средства» [1]. Эти маленькія правительства чувствовали себя слишкомъ слабыми по отношенію къ собственнымъ должникамъ и не могли добиться отъ нихъ возвращенія ссудъ и уплаты должнаго [2]. Слабые также передъ вліяніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ сильныхъ людей, они давали вовлекать себя въ неблагоразумныя издержки, а иногда даже дѣлали необъяснимые дары [3].

Факты, которые мы здѣсь приводимъ, относятся, правда, только къ Виѳиніи, провинціи очень отдаленной отъ Галліи. Къ сожалѣнію, изъ громадной оффиціальной переписки, которую намѣстники вели съ императорами или ихъ канцеляріею, до насъ дошли только письма одного правителя Виѳиніи къ Траяну. Но мы должны представлять себѣ, что галльскіе муниципіи въ ту же эпоху производили также большія общественныя работы. Въ этомъ вѣкѣ они соорудили дороги, мосты, водопроводы, особенно же воздвигли много храмовъ, школъ, термъ, базиликъ. Надо было устраивать все; все и было сдѣлано очень быстро съ большою поспѣшностью и при полной неопытности. Мы легко можемъ допустить, что и здѣсь такъ же какъ въ

[1] *Plin.* Epist. X, 48 (здѣсь говорится о Никеѣ).

[2] *Ibidem*, X, 28: „Multae pecuniae variis ex causis a privatis detinentur".—Плиній позаботился о томъ, чтобы эти деньги были возвращены.

[3] *Ibidem*: „Quaedam sumptibus minime legitimis erogantur".—Въ 111-мъ письмѣ авторъ разсказываетъ, что одна община назначила подарокъ въ 40000 динаріевъ нѣкоему Юлію Пизону. Ульпіанъ указываетъ, что такія злоупотребленія происходили весьма часто (*Dig.* L, 9, 4): „Si decreverint, ut solent, de publico alieni vel praedia vel aedes vel certam quantitatem praestari".

Виѳиніи проявлялось много безпорядка и ошибокъ съ одной стороны, много обмана и расточительности съ другой. Поэтому не будетъ слишкомъ смѣло думать, что картина, которую Плиній рисуетъ для Виѳиніи, точно подходила бы къ описанію положенія муниципальныхъ общинъ Галліи. Въ другія времена, подобнаго рода финансовыя затрудненія «ликвидировались-бы» займами, уплата которыхъ была бы возложена на слѣдующія поколѣнія. Но тогда не существовало еще подобнаго обычая. Финансы многихъ общинъ оставались разстроенными, и это обстоятельство угрожало безопасности всего муниципальнаго строя.

Имперія пришла на помощь городскимъ общинамъ. Ея могущественные чиновники, которыхъ не пугали никакія мѣстныя вліянія, провѣряли вѣдомости мѣстныхъ отчетовъ, заставляли общинныхъ должниковъ расплачиваться по обязательствамъ, отбирали и возвращали общинной казнѣ средства, растраченныя на незаконные подарки, подвергали ревизіи производившіяся работы. Были ли общины недовольны такимъ вмѣшательствомъ центральной власти? Мы этого не знаемъ. Плиній упоминаетъ только объ одномъ случаѣ возраженія на это, и то очень слабаго: одна община заявила ему, что она вправѣ не представлять провинціальному намѣстнику своихъ средствъ, но что она единогласно желаетъ, чтобы онъ ихъ разсмотрѣлъ [1].

Такъ совершенно естественнымъ образомъ началось вмѣшательство центральной власти во внутреннія дѣла мѣстныхъ общинъ. Оно установилось, какъ нѣчто нормальное, во времена Траяна, Адріана, Антониновъ, то-есть, при государяхъ, которые вовсе не были деспо-

[1] *Plin.* Epist. X, 56: „Quum vellem Apameae cognoscere et reditum et impendia, responsum est mihi cupere quidem universos,

тами. Трудно сказать, придуманы ли были ими такія мѣропріятія для усиленія власти, или они были вызваны прямою необходимостью и представлялись императорамъ, какъ обязанность.

Съ этихъ поръ мы видимъ постепенное установленіе нѣкоторыхъ новыхъ правилъ: намѣстнику провинціи вмѣняется въ обязанность контролировать предпринимавшіяся городомъ общественныя работы; онъ заботится о принужденіи должниковъ общины къ расплатѣ [1]; онъ разыскиваетъ муниципальныя имущества, незаконно захваченныя частными людьми, и заставляетъ возвращать ихъ городу [2]; вскорѣ муниципальнымъ властямъ уже нельзя будетъ начинать постройки зданій, театровъ, общественныхъ бань, не испросивъ предварительно разрѣшенія правителя провинціи или даже самого императора [3]: это формулируется юрисконсультами, какъ обязательное правило [4]. Обратно также, самъ намѣстникъ,

ut a me rationes coloniae legerentur, nunquam tamen esse lectas ab ullo proconsulum; habuisse privilegium arbitrio suo rempublicam administrare".—Траянъ (или завѣдующій канцеляріей, который за него отвѣчалъ на вопросы чиновниковъ) искусно разъяснилъ, что Плиній долженъ провѣрить финансовыя книги города, но заявить властямъ послѣдняго, что это не нарушитъ ихъ привилегіи.

[1] *Ibidem*, X, 34: „Pecuniam revocare a privatis et exigere coepi".

[2] *Ulpian.* Dig. L, 10, 5: „Fines publicos a privatis detineri non oportet; curabit igitur praeses, si qui publici sunt (*publicus* обозначаетъ здѣсь понятіе отношенія къ *civitas, respublica*), a privatis separare et publicos potius reditus augere; si qua loca publica vel aedificia in usum privatorum invenerit, aestimare... et id quod utilius reipublicae intellexerit sequi".

[3] *Plin.* Epist. (passim). Такъ, напримѣръ, у Плинія испрашиваются разрѣшенія на постройку бань въ Прузіи (X, 34), водопровода въ Никомедіи (X, 46), подземнаго канала въ Амастридѣ (X, 109), водопрода въ Синопѣ (X, 91) и т. д.

[4] *Dig.* L, 10, 3: „Publico sumptu opus novum sine principis auctoritate fieri non licere constitutionibus declaratur".

получитъ право требовать исправленія или перестройки общественныхъ зданій, если онъ, посѣщая городъ, замѣтитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ плохомъ состояніи [1].

Та же самая необходимость надзора за муниципальными финансами, которою было вызвано вмѣшательство государства и его органовъ въ мѣстное самоуправленіе, породила особую магистратуру спеціальнаго характера. Лицо, которому она вручалась, носило титулъ «куратора общины» или «куратора республики» [2]. Она появляется въ первый разъ при Домиціанѣ [3], но укрѣпляется преимущественно въ царствованія Траяна, Адріана и Марка Аврелія. Историки только вскользь упоминаютъ объ этой новой должности, но она достаточно выясняется намъ изъ нѣсколькихъ отрывковъ Д и г е с т ъ и изъ многочисленныхъ н а д п и с е й. Мы сначала представимъ факты, выдѣляющіеся изъ эпиграфическихъ текстовъ съ наибольшею опредѣленностью.

¹ *Ulpian.* Dig., I, 16, 7.

² *Wilmanns*, 637: „Curatori civitatis Arausensium". — 1181: „Burbuleio..., curatori reipublicae Narbonensium".—1209: „Cn. Petronio..., curatori reipublicae Ardeatinorum". — 1750: „C. Dissenio, curatori reipublicae Bovillensium". — 2052: „Sex Minio..., curatori civitatis Atinatium".—*Ulpian*, Dig. L, 8, 2: „Curator reipublicae"; *Dig.* L, 8, 9: „Curator civitatis", — Ульпіанъ написалъ особый трактатъ — „De officio curatoris reipublicae", изъ котораго нѣсколько отрывковъ помѣщено въ Дигестахъ (см. L, 9, 3; L, 12, 1).—Очень важно не смѣшивать этого *curator reipublicae* съ нѣсколькими другими должностными лицами, носившими подобное названіе, какъ *curator operum, curator calendarii, curator annonae, curator aquarum.*

C. I. L. III, 291; одно лицо, которое извѣстно въ качествѣ современника Домиціана, обозначается, какъ „curator coloniarum et municipiorum", то-есть, ему принадлежала „cura" нѣсколькихъ городскихъ общинъ.

Прежде всего надобно отмѣтить, что кураторъ, за весьма рѣдкими исключеніями, никогда не принадлежалъ къ числу гражданъ общины, интересы которой должны были находиться подъ его наблюденіемъ [1]. Этимъ самымъ онъ уже отличался отъ настоящихъ муниципальныхъ магистратовъ. Кажется даже, что его постоянное мѣстопребываніе не находилось въ томъ городѣ, гдѣ онъ отправлялъ должность, такъ какъ случалось, что одно лицо исполняло обязанность куратора одновременно въ нѣсколькихъ городахъ, достаточно отдаленныхъ другъ отъ друга [2]. Слѣдуетъ еще отмѣтить на основаніи всѣхъ или почти всѣхъ этихъ надписей, что кураторы не подчинялись тому, что можно назвать карьерою муниципальныхъ магистратуръ; должность ихъ принадлежала къ карьерѣ имперской службы. Большая часть изъ нихъ начинала дѣятельность съ мѣста куратора и заканчивала проконсулатомъ, притомъ въ самыхъ лучшихъ провинціяхъ [3]. Нѣкоторые изъ нихъ были рим-

¹ Въ качествѣ исключеній мы можемъ указать, между прочими, одно лицо, бывшее одновременно кураторомъ въ родномъ городѣ и въ двухъ другихъ (*Wilmanns*, 2091); другое, которое было послѣдовательно квесторомъ, эдиломъ, дуумвиромъ и кураторомъ въ одномъ и томъ же городѣ. (*Ibidem*, 2102).—Большая часть остальныхъ надписей (ихъ больше сотни) показываетъ намъ, что кураторами были обыкновенно люди, чужіе общинѣ.

² *C. I. L.* VI, 1406: „A. Egnatio..., curatori reipublicae Concordiensium, curatori reipublicae Albensium, curatori reipublicae Bovillensium".—*Ibid.* 1419: „Curatori splendidissimarum coloniarum..." Другіе примѣры см. у *Wilmanns*, 1201, 1276, 1750, 2091, 2123.

³ Бурбулей, напримѣръ, былъ кураторомъ Нарбоны и Анконы и потомъ сдѣлался проконсуломъ Сициліи, префектомъ эраріа, легатомъ Каппадокіи, легатомъ Сиріи и наконецъ консуломъ. См. *Inscr. regni Neapol.* 4060; *Henzen,* 6484; *Wilmanns*, 1181. Другіе подобные примѣры см. у *Wilmanns*, 1202, 1203 1211, 1213, 1215, 1217, 1219a, 1223, 1225a, 2118 и т. д.

скими сенаторами; другіе — членами всадническаго сословія. Почти всѣ кураторы, имена которыхъ извѣстны намъ изъ надписей, проходили службу въ качествѣ имперскихъ сановниковъ.

Если мы спросимъ себя, каковы были аттрибуты кураторовъ, то отвѣтъ на это найдемъ въ нѣсколькихъ надписяхъ, подобныхъ слѣдующей: «Л. Габинію..., патрону колоніи Тридентинцевъ, куратору муниципія Привернатовъ и Интерамнатовъ, послѣдніе воздвигаютъ эту статую за то, что онъ положилъ всю заботу на сохраненіе и умноженіе зданій общины, и особенно за то, что онъ возстановилъ водопроводъ, давно заброшенный вслѣдствіе недостатка средствъ у города»[1]. Такимъ образомъ, кураторъ былъ лицомъ, которому поручалось наблюденіе за сохранностью общественныхъ зданій и, если была надобность, за возведеніемъ новыхъ. Однако общественныя сооруженія были только частью муниципальнаго имущества, кураторъ же, очевидно, наблюдалъ за всею ихъ совокупностью. Поэтому онъ слѣдилъ за возвращеніемъ общинѣ узурпированныхъ земель[2]. Финансовый характеръ полномочій куратора обнаруживается изъ того, что по гречески его называли Λογιστής[3]: онъ былъ, слѣдоватально, контролеромъ финансовыхъ отчетовъ муниципальной общины.

Надписи показываютъ еще, что кураторъ назначался императоромъ. Многія утверждаютъ это даже совершенно прямо. Мы читаемъ, напримѣръ, что П. Клодій Сура былъ «кураторомъ, даннымъ общинѣ Бергамо императоромъ Траяномъ и общинѣ Комо императоромъ Адріаномъ»[1]. Другое лицо обозначается кураторомъ Эзерніи, «даннымъ (городу) императоромъ Антониномъ Благочестивымъ»[2]. Затѣмъ еще можемъ упомянуть нѣсколько лицъ: одного куратора Треи, «даннаго императоромъ Антониномъ»; другого, куратора Плестина, «даннаго императорами Маркомъ Авреліемъ и Коммодомъ», третьяго, куратора въ Тифернѣ, «даннаго императоромъ Септиміемъ Северомъ»[3]. Наконецъ есть еще одинъ, бывшій «кураторомъ республики Венетовъ, назначенный императорами Септиміемъ Северомъ и Каракаллой»[4]. Правда, что приведенныя надписи—болѣе или менѣе единственныя изъ сотни слишкомъ, относящихся къ кураторамъ, въ которыхъ заключается эта точная формула; но такъ какъ почти всѣ кураторы ясно обозначаются, какъ чинов-

[1] *Henzen*, 6517; *Wilmanns*, 1276: „L. Gabinio..., curatori rerum publicarum Privernatium et Interamnatium..., quod operibus publicis non solum servandis verum et augendis omnem sollicitudinem intenderit, formamque aquaeductus diutina incuria conlapsam afflictis reipublicae rebus restituerit, Interamnates patrono et curatori reipublicae suae".—Cfr. *Wilmanns*, 1690.

[2] *Dig.* L, 8, 11 (9): „Agros reipublicae retrahere curator civitatis debet".

[3] Можно замѣтить въ нѣсколькихъ надписяхъ, что одни и тѣ же лица являются логистами въ азіатскихъ городахъ и кураторами въ европейскихъ. Такъ Бурбулей, о которомъ мы уже говорили, былъ логистомъ въ Сиріи и кураторомъ въ Нарбонѣ и Анконѣ. Другой—Тиб. Клавдій Кандидъ былъ логистомъ въ Никомедіи и Никеѣ и кураторомъ въ Теанѣ (*Wilmanns*), 1201).

[1] *Wilmanns*, 2167; *Orelli*, 3898: „P. Clodio P. f. Surae, curatori reipublicae Bergomatium, dato ab imperatore Traiano, curatori reipublicae Comensium, dato ab imperatore Hadriano, collegia fabrorum et centonariorum".

[2] *Orelli*, 2603; *Wilmanns*, 2479: „Curatore reipublicae Aesernimorum, dato ab imperatore optimo Antonino Augusto Pio".

[3] *Wilmanns*, 2110, 2104; *Orelli*, 2172, 3902.

[4] „C. Decimus Sabinianus, omnibus honoribus apud suos functus, curator reipublicae Venetum ab imperatoribus Severo et Antonino ordinatus" (*Julliot*, Monuments du musée de Sens, 43).

ники императорской службы, то можно думать, что императоръ вообще назначалъ ихъ на должности кураторовъ, какъ и на другія мѣста проходившейся ими карьеры. Это подтверждается словами біографа Марка Аврелія, который говоритъ, что этотъ императоръ «часто давалъ городамъ кураторовъ, назначавшихся изъ людей сенаторскаго достоинства» [1].

Обратимъ все таки вниманіе на то, что кураторъ не долженъ причисляться къ настоящимъ государственнымъ чиновникамъ. Онъ стоитъ не ниже и не выше провинціальнаго намѣстника. У него нѣтъ опредѣленнаго мѣста въ такъ точно выработанной іерархіи должностей. Въ немъ отсутствуютъ всѣ признаки чиновника. Важно было бы знать одно: отдавалъ ли онъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ императору; но тексты не разъясняютъ этого пункта рѣшительно никакимъ указаніемъ. Мы не знаемъ также, во всѣхъ ли общинахъ назначались кураторы. Намъ неизвѣстно еще, была ли должность куратора годичною, постоянною или временною. Наконецъ среди всѣхъ этихъ неясностей приходитъ на умъ вопросъ, не являлась ли вообще должность кураторовъ скорѣе часто повторяющимся фактомъ, чѣмъ правильнымъ и общимъ учрежденіемъ.

Лучше всего можно подмѣтить, что кураторъ обладалъ большою властью надъ финансовыми отчетами муниципальной общины, но не имѣлъ никакой надъ общиной самой по себѣ. Онъ даже, какъ было упомянуто, не жилъ внутри ея. Учреждая кураторовъ, императорское правительство, слѣдовательно, не стремилось посадить собственнаго агента въ каждой общинѣ. Куратору не вмѣнялось въ обязанность, какъ всякому

[1] *Capitolin.* Marc. 11: „Curatores multis civitatibus a senatu dedit".

императорскому чиновнику, приводить въ исполненіе приказанія государя и утверждать населеніе въ повиновеніи имъ. Императорская власть осуществлялась черезъ проконсуловъ и легатовъ, а не чрезъ кураторовъ.

Мы не знаемъ точнымъ образомъ, каковы были отношенія куратора къ верховной власти; но намъ извѣстны его отношенія къ муниципію. Онъ провѣрялъ счеты приходовъ и расходовъ послѣдняго, онъ разрѣшалъ или даже предписывалъ общественныя работы, наблюдалъ за общинными имуществами, воспрещалъ общиннымъ властямъ производить отчужденія и заботился о возстановленіи общинѣ неправильно захваченной у нея собственности. Нельзя удержаться отъ указанія на сходство между этимъ блюстителемъ (*curator*) муниципальныхъ правъ и блюстителемъ частныхъ. Послѣдній былъ въ нѣкоторомъ родѣ опекуномъ, который назначался неспособнымъ, больнымъ, отсутствующимъ съ обязательствомъ защищать не ихъ личность, но ихъ имущество [1]. Таковъ совершенно опредѣленно характеръ дѣятельности такъ называемаго *curator civitatis* [2].

Слѣдуетъ также сблизить это учрежденіе съ патронатомъ. Извѣстно, что было почти всеобще-распространеннымъ обычаемъ, чтобы городская община пріобрѣтала себѣ патрона, одного, а иногда даже нѣсколькихъ, либо чтобы оказывать ей поддержку въ ея ходатайствахъ въ Римѣ, либо чтобы охранять ея интересы и наблюдать за всею ея внутреннею жизнью. [3]

[1] *Ulpian.* Dig. L. 4, 1: „Custodiendis bonis curator datus".

[2] Тутъ, можетъ быть, надо искать объясненія оригинальнаго выраженія—*curator datus,* которое постоянно повторяется въ надписяхъ. Въ частномъ правѣ также говорилось—*tutor datus, curator datus.*

[3] О *patronatus* въ муниципіяхъ см. „tabulae patronatus" у *Wilmanns,* 2853 ss.

Этого патрона избирала сама община, но внѣ своего гражданства и почти всегда изъ среды римскихъ имперскихъ магнатовъ. Намъ даетъ право на такое сближеніе кураторовъ муниципіевъ съ ихъ патронами то обстоятельство, что такое сближеніе дѣлается въ многочисленныхъ надписяхъ. Многія лица именуются одновременно и кураторами, и патронами какой-нибудь муниципальной общины [1]. Кураторомъ являлся въ общемъ правилѣ иностранецъ, такъ же какъ и патронъ; насколько было возможно, въ этой роли являлся крупный человѣкъ—сенаторъ или всадникъ, какъ въ прежнія времена. Истинное различіе между нимъ и древнимъ патрономъ заключалась въ томъ, что онъ (то-есть, кураторъ) назначался, учреждался, «давался» самимъ императоромъ.

Въ общинахъ Галліи существовали кураторы такъ же, какъ въ Италіи и въ другихъ провинціяхъ. Мы находимъ ихъ въ Нарбонѣ, Ліонѣ, Оранжѣ, Авиньонѣ [2]; затѣмъ еще у Суэссіоновъ, Карнутовъ, Венетовъ, Битуриговъ бордосскихъ и наконецъ въ Кельнѣ [3]. Но

[1] *Wilmanns*, 1203c: „L. Mario Maximo..., patrono et curatori coloniae".—672a: „Proculo, patrono et curatore Abellanorum".—684: „C. Dissenio, curatori et patrono".—1186: „C. Popilio..., patrono municipii, curatori".—1598: „C. Arrio..., patrono municipii, curatori reipublicae".—1276: „L. Gabinio..., Interamnates patrono et curatori reipublicae suae".—2077: „L. Alfio..., curatori reipublicae Casinatium et patrono".—2110: „M Oppio..., patrono municipii, curatori dato".—Въ одной надписи (*Wilmanns*, 1690) одно и то же лицо обозначается сначала *curator*, потомъ *partonus* (см. также *Ibid.* 1213).

[2] „L. Burbuleius Optatus Ligarianus, curator reipublicae Narbonensium" (*Wilmanns*, 1181).—„Curator reipublicae Aveniensium" (*Herzog*, 363; *Allmer*, t. I, p. 306; *C. I. L.* XII, 366).—„Curator civitatis Arausensium" (*Wilmanns*, 637).

[3] *Julliot*, Monuments du musée de Sens, n⁰ 43.—*L. Renier*, Rev. archéol. t. XI, p. 420.—*Spon-Renier*, p. 367.—„Bulletin de la Société des antiquaires", 1881, p. 120.

здѣсь необходимо отмѣтить одну особенность. Если мы исключимъ Нарбону, Ліонъ и Кельнъ, которыя были римскими колоніями, мы замѣтимъ, что въ галльскихъ общинахъ кураторами были также Галлы по происхожденію. Въ Бордо кураторомъ является уроженецъ Пуату [1], въ Суассонѣ въ этой должности оказывается одинъ разъ житель области Веромандуевъ, въ Ваннѣ—Сенонецъ, другой Сенонецъ въ Орлеанѣ [2]. Эти Галлы раньше чѣмъ стали кураторами соотвѣтствующей общины, прошли въ своей собственной всю муниципальную службу. Въ Галліи при назначеніи кураторовъ, какъ кажется, просто повиновались принципу выбирать для этой цѣли наиболѣе опытнаго и достойнаго довѣрія человѣка изъ сосѣдней общины.

Я не могу раздѣлить мнѣнія нѣсколькихъ новѣйшихъ историковъ, которые разсматриваютъ институтъ кураторовъ, какъ родъ оружія борьбы, которую Имперія будто бы предприняла для подавленія муниципальнаго порядка. По объясненію этихъ ученыхъ, Имперія возымѣла желаніе подчинить себѣ все, на все наложить свою руку, устранить всякую иную иниціативу, всякое иное самосостоятельное дѣйствіе кромѣ своего собственнаго. Такая политика не усматривается

[1] „L. Lentulio Censorino Pictavo, omnibus honoribus apud suos functo, curatori Biturigum Viviscorum, inquisitori, tres provinciae Galliae" (*Spon-Renier,* p. 367).

[2] „Numini Augusto Deo Volcano civitatis Viromanduorum C. Siccius Latinus, sacerdos Romae et Augusti..., curator civitatis Suessionum, inquisitor Galliarum" (*Héron de Villefosse,* въ „Bulletin de la Soc. des ant". 1881).—„C. Decimius Sabinianus, omnibus honoribus apud suos functus, curator reipublicae Venetum ab imperatore Severo ordinatus" (*Julliot,* Mon. du musée de Sens, n⁰ 43).—„L. Cornelius Magnus, Atepomari filius, civis senonicus, curaror genabensium" (*L. Renier,* въ „Rev. archéol", nouv. série, t. XI, p. 420).

мною въ извѣстныхъ намъ фактахъ. Очень важно устранить изъ науки тѣ гипотезы, которыя легко вводятся въ исторію субъективнымъ методомъ. Не будемъ же говорить, что учрежденіе кураторовъ было «орудіемъ чрезмѣрнаго усиленія централизаціи» [1], ни что «имъ наносился первый ударъ муниципальной независимости» [2]. Правда, здѣсь ограничивается тѣмъ, что муниципальныя общины, чтобы обезпечить ихъ отъ слишкомъ очевидныхъ злоупотребленій, получили опекуновъ, уполномоченныхъ провѣрять ихъ финансы и охранять ихъ имущества. Это былъ скорѣе органъ бдительнаго контроля, чѣмъ орудіе деспотизма. Кураторы не были учреждены съ цѣлью захватить города въ руки верховной власти, но съ весьма естественною мыслью оказать покровительство ихъ благосостоянію. Въ нашихъ надписяхъ мы видимъ, что общины воздаютъ благодарность своимъ кураторамъ и охотно называютъ ихъ именемъ своихъ патроновъ [3]. Населеніе не подозрѣвало, чтобы тутъ ставился вопросъ о свободѣ или авторитетѣ: они видѣли здѣсь лишь вопросъ о своихъ матеріальныхъ интересахъ.

Историческіе памятники изучаемыхъ трехъ вѣковъ не заключаютъ въ себѣ никакихъ признаковъ серьезнаго столкновенія между муниципальнымъ строемъ и центральною властью. Мы бы впали въ большое заблужденіе, если бы стали представлять себѣ въ тѣ времена, съ одной стороны, населеніе, съ завистью оберегающее свои вольности и страстно стоящее за

[1] См. „Revue historique de droit", 1879, p. 380.
[2] *Glasson,* Hist. du droit et des institutions, I, 327.
[3] „Curatori reipublicae... digno patrono" (*Wilmanns* 1690).—„Optime de republica merito" (*Ibid.* 1186).—„Ob merita eius" (*Ibid.* 2110).—„Ob merita eius" (*Ibid.* 2077).—„Patrono optimo" (*Ibid.* 1213).

ихъ сохраненіе, съ другой стороны правительство, враждебное этимъ вольностямъ и упорно стремящееся ихъ уничтожить. Если бы мы предположили, что въ данную эпоху происходилъ долгій антагонизмъ между мѣстнымъ самоуправленіемъ и императорскимъ абсолютизмомъ, мы приписали бы этимъ поколѣніямъ мысли и настроенія, которыя были имъ совершенно чужды.

Надо прибавить еще, что кураторы, которые въ первое время «давались» городамъ центральною властью, довольно скоро стали избираться самыми городами. Неизвѣстно, какъ совершилось это измѣненіе; но безъ сомнѣнія не происходило ничего подобнаго общему возстанію ихъ для завоеванія этого права. Власть сама мало по малу предоставила имъ его. Въ IV вѣкѣ кураторъ повсюду обратился въ муниципальнаго мигистрата, избираемаго общиною. [1].

ГЛАВА VIII.

Повинности населенія: налоги.

Исторія налоговъ, которые жители Галліи обязаны были платить римскому государству, должна быть раз-

[1] Здѣсь приводятся главные тексты о кураторѣ, сдѣлавшемся выборнымъ муниципальнымъ магистратомъ: *Papin.* Dig. L, 8, 5: „Praedium publicum in quinque annos curator reipublicae locavit..., successor qui locavit tenebitur". Этотъ отрывокъ показываетъ, что должность куратора была годичная, и еще что онъ отвѣчалъ передъ общиною за свои дѣйствія; также и слѣдующія слова того же отрывка: „Filium pro patre curatore reipublicae creato cavere cogi non oportet".—См. надписи у *Wilmanns*, 769, 770, 786, 1088, 2339.—*Papinian.* Dig. I, 22, 6: „In consilium curatoris reipublicae vir eiusdem civitatis assidere non prohibetur".—Ср. *C. Jullian,* Les transformations politiques de l'Italie (P. 1884): авторъ развилъ въ этомъ трудѣ положеніе, подобное только что выставленному, по вопросу о „curatores civitatis".

дѣлена на три періода: первый, когда они платили налогъ въ качествѣ подданныхъ; второй, когда они вносили его какъ члены Имперіи; третій, когда фискальная система преобразована была по новому императорами IV-го вѣка [1].

Галлія, завоеванная и обращенная въ «провинцію», выплачивала Риму сначала подать или дань подданства, которая именовалась *stipendium* [2]. Мы не знаемъ, какъ былъ распредѣленъ этотъ древнѣйшій налогъ, установленный Цезаремъ; нѣкоторые изъ народцевъ Галліи были отъ него освобождены, но только тѣ, которые показали себя его союзниками и «вѣрно служили ему во время войны» [3]. Двадцать четыре года послѣ того Галлія была реорганизована Августомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнено было и податное устройство ея. На этотъ разъ не видно, чтобы которая-нибудь изъ общинъ была избавлена отъ налога. Одно слово Тацита обнаруживаетъ, что даже Эдуи платили его [4]. Другое мѣсто

[1] Въ нашъ предметъ но входитъ полное изображеніе податной системы римской Имперіи. По этому вопросу можно съ пользою обращаться къ примѣчаніямъ *Godefroi* на XI-ю книгу кодекса Θеодосія и къ сочиненіямъ—*Dureau de le Malle*, Economie politique des Romains (2 v. P. 1840); *Baudi di Vesme*, Etude sus les impôts en Gaule à la fin de l'empire Romain (см. Rev. hist. t. VII); *Marquardt,* Römische Staatsverwaltung, 2-er Band (2 Aufl. besorgt v. *Domaschewsky,* Leipzig, 1887); *R. Cagnat*, Etude sur les impôts indirects lhez lesz Romains (P. 1882).

[2] *Suet*. Caes. 25: „Galliam in provinciae formam redegit et ei quadringenties stipendii nomine imposuit".

[3] *Ibidem*: „Praeter socias et bene meritas civitates".—Эти термины Светонія исключаютъ Арверновъ, Карнутовъ и почти всѣ племена Бельгійской Галліи кромѣ Лингоновъ и Ремовъ. Стало быть, списокъ племенъ, освобожденныхъ отъ подати Цезаремъ, у Светонія не совпадаетъ съ спискомъ *foederati* и *liberi*, который даетъ Плиній.

[4] *Tac*. Ann. III, 40: „Iulius Sacrovir... disserebat de continuatione tributorum".

изъ того же писателя ясно показываетъ, что Тревиры и Лингоны были также подчинены ему [1]. Различіе между народцами, подлежавшими *stipendium* и освобожденными отъ него, которое пытаются установить нѣкоторые новые ученые, есть только гипотеза, не подтверждаемая фактами [2].

Налогъ этотъ ложился на землю. Чтобы распредѣлить его съ возможною правильностью, Августъ произвелъ перепись земель въ Галліи, какъ и во всей Имперіи [3]. Та же работа была вновь предпринята и передѣлана при Тиберіи [4]. Мы можемъ, стало быть, допустить, что всякая земля подчинялась подати, пропорціонально ея величинѣ и достоинству. Италія была освобождена отъ подати и по ея образцу нѣсколько провинціальныхъ общинъ, награжденныхъ «италійскимъ правомъ».—Такимъ образомъ, земельный налогъ вносился лишь провинціями [5].

[1] *Idem*, Hist. IV, 73—74.—Церіалисъ, обращаясь къ Тревирамъ и Лингонамъ, говоритъ имъ о налогахъ, которые они платятъ, и объясняетъ ихъ законность.

[2] Я вновь нахожу это предположеніе, выставленное какъ фактъ, у *Glasson*, Hist. du droit et des inst. de la France, I, 362.

[3] *Liv*. Epit. 134: „Quum ille (Augustus) conventum Narbone ageret, census a tribus Galliis actus".

[4] *Tacit*. Ann. I, 31: „Germanicus agendo Galliarum censui tum intentus".—*Id*. II, 6: „Missis ad census Galliarum P. Vitellio et C. Antio".

[5] Большая часть новыхъ историковъ и особенно тѣ, которые съ особеннымъ предпочтеніемъ пользуются римскими юрисконсультами, склонны смотрѣть на этотъ сборъ скорѣе какъ на земельную ренту, чѣмъ какъ на земельный налогъ. Собственность на провинціальную почву принадлежала, по ихъ мнѣнію, народу римскому или императору; частные люди обладали лишь правомъ временнаго пользованія ею подъ условіемъ извѣстнаго взноса. Я хорошо знаю, что толкованіе это опирается на одинъ опредѣленный текстъ Гая; но я вижу вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно

Намъ невозможно опредѣлить, сколько нибудь правильно тяжесть этого налога. Если вѣрить Светонію, общая сумма его не поднималась во времена Цезаря выше 40 милліоновъ сестерціевъ, то-есть, менѣе 10 милліоновъ франковъ [1]. Впрочемъ, высота ея, какъ кажется, скоро увеличилась. Веллей даетъ замѣтить, что Галлія платила нѣсколько больше, чѣмъ Египетъ [2]; а вообще полагаютъ, что послѣдняя страна уплачивала 12,500 талантовъ [3]. Поэтому можно исчислить сумму подати, возложенной на Галлію, въ 75 милліоновъ французскихъ франковъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что во всемъ этомъ много гадательнаго.

Мы не можемъ сказать, чувствовало ли себя населеніе чрезмѣрно обремененнымъ: Тацитъ говоритъ только, что два человѣка, толкавшіе Галлію къ возмущенію, напирали на «постоянный ростъ налоговъ» [4].—

опровергается всѣми фактами исторіи. Поэтому я склоненъ думать, что это была лишь школьная теорія. Юрисконсульты, видя, что провинціи были обложены земельною податью, а италійская почва избавлена отъ нея, искали объясненія такого различія и сблизили положеніе провинцій въ данномъ отношеніи съ старою идеею *deditio* (т. е. сдачи на милость римскаго народа). Долю истины нельзя отрицать въ такомъ объясненіи; но они изображали факты временъ Имперіи слишкомъ исключительно понятіями, сложившимися въ болѣе древнія эпохи.

[1] *Suet.* Caes. 25: „Ei quadringenties in annos singulos stipendii nomine imposuit“.—Но дѣло извѣстное, что надо лишь съ осторожностью довѣрять цифрамъ, находимымъ въ старыхъ рукописяхъ. Впрочемъ, данная цифра отсутствуетъ въ рукописяхъ нашего автора и дается только Евтропіемъ, котораго считаютъ самого переписчикомъ светоніева текста.

[2] *Vell. Paterc.* II, 39.

[3] Это вытекаетъ изъ Страбона (XVII, 1, 13), который приводитъ данную цифру для обозначенія доходовъ послѣднихъ царей птолемеевскаго Египта.

[4] *Tac.* Ann. III. 40.

Съ другой стороны, мы видимъ, что одинъ военачальникъ Веспасіана, обращаясь къ Галламъ, говорилъ имъ, что они платятъ лишь столько налоговъ, сколько необходимо для содержанія рейнскихъ армій, которыя ихъ же оберегаютъ отъ варварскаго вторженія: такимъ образомъ, эти налоги являлись только цѣною мира и безопасности страны [1].

Собранныя суммы подати въ Нарбонской области, которая была сенатскою провинціею, вносились въ государственную казну (*aerarium*); въ «Трехъ же Галліяхъ» онѣ пополняли императорскую (*fiscus*); въ первой онѣ собирались провинціальнымъ квесторомъ, въ послѣднихъ цезаревыми прокураторами.

Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ Галлы обращались въ римскихъ гражданъ, они обязывались нести налоги, которымъ подчинялись Римляне.

На первомъ мѣстѣ здѣсь долженъ быть названъ налогъ на наслѣдство—*vicesima hereditatium*. Онъ былъ установленъ Августомъ съ согласія сената правильнымъ закономъ [2]. Имъ облагались наслѣдства римскихъ гражданъ, какъ въ Италіи, такъ и въ остальныхъ частяхъ Имперіи. Онъ составлялъ 5% стоимости наслѣдствъ или завѣщанныхъ имуществъ [3]; но наслѣдники по прямой линіи избавлялись отъ него [4]. Траянъ распространилъ

[1] *Idem,* Hist. IV, 74: „Id solum vobis addidimus, quo pacem tueremur; nam neque quies gentium sine armis, neque arma sine stipendiis, neque stipendia sine tributis haberi queunt“.

[2] *Dio*, LV, 25... Этотъ налогъ предназначался спеціально для удовлетворенія военнымъ издержкамъ. *Suet.* Aug. 49: „Ut perpetuo sumptus ad tuendos milites suppeteret, aerarium militare cum vectigalibus novis instituit“.

[3] *Ibidem*: „Τὴν εἰκοστὴν τῶν κλήρων καὶ τῶν δωρεῶν, ἃς ἂν οἱ τελευτῶντες καταλείπωσι...“ Этотъ налогъ упоминается также въ извѣстномъ *testamentum Dasumii* (см. § 12. *C.I.L.* VI).

[4] *Dio*, LV, 25... „Πλὴν τῶν πάνυ συγγενῶν“.—Цѣлый отрывокъ

послѣднюю льготу на братьевъ и сестеръ [1]. То же освобожденіе примѣнялось къ мелкимъ наслѣдствамъ: налогъ взыскивался лишь съ передаваемыхъ имуществъ извѣстной цѣнности [2]. Каждый богатый Галлъ, разъ онъ дѣлался римскимъ гражданиномъ, долженъ былъ платить эту подать [3].

То же самое надо сказать о налогѣ на освобожденія (также учрежденномъ Августомъ), которому подчинены были римскіе граждане. Господинъ долженъ уплачивать государству за всякаго освобождаемаго имъ раба $5^0/_0$ цѣнности этого раба [4]. Надписи свидѣ-

изъ плиніевскаго „панегирика Траяну" хорошо объясняетъ это (см. гл. 37): „Vicesima, tributum tolerabile heredibus extraneis, domesticis grave; itaque illis irrogatum est, his remissum".—Далѣе авторъ толкуетъ, въ силу какихъ идей сынъ долженъ былъ получать полностью имущество отца, не уменьшенное налогомъ.

[1] *Plin.* Panegyr. 39.

[2] *Dio*, Ibidem: „Πλὴν τῶν πενήτων".—*Plin.* Panegyr. 40.—Траянъ, повидимому, возвысилъ предѣльную цифру стоимости наслѣдствъ, которыя не должны были облагаться сборомъ.

[3] Плиній сообщаетъ здѣсь одну особенность, которую стоитъ отмѣтить. Съ одной стороны, налогъ не долженъ былъ ложиться на сына, наслѣдующаго отъ отца; съ другой, перегринъ, который дѣлался римскимъ гражданиномъ, терялъ старыя семейныя связи. Поэтому сынъ-Римлянинъ долженъ былъ платить налогъ за наслѣдство отъ отца-перегрина.—Это правило, вполнѣ соотвѣтствовавшее понятіямъ древнихъ о правахъ гражданства, показалось несправедливымъ Траяну, и онъ отмѣнилъ его *(Plin.* Paneg. 37—39).—Надписи упоминаютъ о *vicesima hereditatium* въ Галліи. См. *Henzen,* 5480: „Procurator Augusti vicesimae hereditatium provinciarum Narbonensis et Aquitanicae"; *Orelli,* 798: „Vicesimae hereditatium per Gallias Lugdunensem et Belgicam et utramque Germaniam" (Cfr. *C.I.L.* XII, p. 920).—*Vicesima hereditatium* открывается еще въ нѣсколькихъ надписяхъ' подобныхъ слѣдующей: „Statuam... heredes sine ulla deductione vicesimae posuerunt" *(C.I.L.* II, 1474).

[4] *Dio,* LXXVII, 9: „Εἰκοστα ὑπὲρ τῶν ἀπελευθερουμένων". — Налогъ былъ поднятъ до десятой доли Каракаллой, но вскорѣ снова упалъ до прежней высоты *(Idem,* LXXVII, 12). См. также *testamentum Dasumii.*

тельствуютъ, что жители Галліи вносили эту *vicesima libertatis* [1].

Къ указанной же группѣ налоговъ, введенныхъ Августомъ, присоединялось еще право государства взыскивать однопроцентный сборъ съ продажъ, который потомъ выросъ до $2\frac{1}{2}{}^0/_0$ [2]. Калигула отмѣнилъ его [3], но потомъ онъ былъ возстановленъ, такъ какъ мы находимъ слѣды его въ Дигестахъ [4]. Продажа рабовъ подлежала спеціальному четырехпроцентному налогу [5].

Таможенные сборы, то-есть, провозныя пошлины по мостамъ, дорогамъ и рѣкамъ, существовали уже въ независимой Галліи [6]. Мы ихъ снова находимъ въ римской Галліи, какъ и вообще во всей Имперіи [7]. Изъ надписей узнаемъ, что существовала таможенная линія между Галліей и Италіей [8]; она шла вдоль Альповъ, затѣмъ на-

[1] *Herzog*, 567 *(C.I.L.* XII, 2396): „C. Atisius... publicanus vicesimae libertatis provinciae Galliae Narbonensis"; *Henzen*, 6647: „Vicesimae libertatis vilicus"; *Brambach*, 957.

[2] *Tac.* Ann. I, 78: „Centesimam rerum venalium post bella civilia institutam".—Римскій народъ требовалъ его отмѣны, но Тиберій на это не согласился.

[3] *Dio*, LIX, 9.

[4] *Ulpian.* Dig. L, 16, 17 („vectigal venalium rerum").

[5] *Tacit.* XIII, 31: „Vectigal quintae et vicesimae venalium mancipiorum".—Этотъ налогъ упоминается въ одной надписи. См. *Orelli*, 3336.

[6] *Caesar*, De bell. Gall. I, V 18: „Dumnorix portoria Aeduorum parvo pretio redempta habebat".—Объ этомъ уже говорилось выше.

[7] *Labeo*, Dig. XIX, 2, 60, § 8: „Vehiculum quum pontem transiret, redemptor pontis portorium ab eo exigebat".

[8] Главныя станціи, расположенныя вдоль ея, находились около нынѣшнихъ пунктовъ Педо и Піаско и еще въ мѣстностяхъ, именовавшихся Fines Cottii, Ad publicanos, наконецъ около нынѣшняго города Сенъ-Мориса. Это выводится изъ ряда надписей, цитированныхъ у *Cagnat*, Les impôts indirects, p. 47—49.

правлялась къ Цюриху и оттуда къ Метцу, такъ что провинція, называвшаяся Германіей, находилась позади ея [1]. Другія еще таможенныя станціи установлены были въ Ліонѣ, центрѣ, куда сходились галльскія дороги, а также въ Нимѣ и Арлѣ.—Подобные же таможенные посты существовали при выходѣ изъ Пиренейскихъ проходовъ [2] и еще другіе по берегамъ Ла-Манша [3]. При переѣздѣ черезъ эти таможенныя границы товары, отправлявшіеся въ Галлію изъ Италіи, Германіи, Испаніи и Британіи и возвращавшіеся изъ нея въ эти же страны, платили сборъ высотою («ad valorem») въ $2^{1}/_{2}$ % [4].

Тяжесть названныхъ налоговъ увеличивалась оттого, что они не взымались прямо государствомъ. Они сдавались на откупъ обществамъ публикановъ. Надписи обнаруживаютъ передъ нами откупщиковъ налоговъ за наслѣдства [5], за освобожденіе [6] и «таможенныхъ пош-

[1] Надписи обозначаютъ таможенную станцію Turicum (Цюрихъ), а затѣмъ не упоминаютъ ни одной до Divodurum (Метцъ): „Praepositus stationis Turicensis quadragesimae Galliarum, Aurelii Materni praefecti stationis quadragesimae Galliarum civitatis Mediomatricorum“ (*Cagnat*, p. 60). Ср. *C.I.L.* XII, 648, 717, 2252, 2348, 5362.

[2] Въ Lugdunum Convenarum и въ Иллиберисѣ.

[3] *Strabo,* IV, 5, 3: „...τέλη βαρέα τῶν εἰσαγομένων εἰς τὴν Κελτικὴν ἐκεῖθεν (т. е. изъ Британіи) καὶ τῶν ἐξαγομένων ἐνθένδε“.

[4] Поэтому таможенныя пошлины обыкновенно назывались *quadragesima.* Но не слѣдуетъ изъ этого заключать, что высота процента не могла быть повышаема для нѣкоторыхъ видовъ товара.

[5] *Orelli-Henzen,* 6645: „Vilico vicesimae hereditatium“. Ср. *C.I.L.* XII, 1916.

[6] *Orelli-Henzen,* 3336: „Publici vicesimae libertatis et XXV venalium“.—3334: „Vilicus vicesimae libertatis“.—3339: „Socii vicesimae libertatis“.—6647: „Publicus vicesimae libertatis vilicus“.—*Allmer,* 74 (*C.I.L.* XII, 2396): „Publicanus vicesimae libertatis provinciae Narbonensis“.

линъ» [1]. Каждое изъ такихъ обществъ откупщиковъ [2], дѣйствовало при помощи многочисленнаго персонала приказчиковъ, агентовъ, рабовъ [3].—Впрочемъ, въ качествѣ завѣдующаго сборомъ каждой изъ упомянутыхъ крупныхъ податей всегда стоялъ правительственный чиновникъ, именуемый прокураторомъ [4].

Къ перечисленнымъ налогамъ надо присоединить рядъ натуральныхъ сборовъ. Когда императоръ находился въ путешествіи, или когда ѣхалъ куда-нибудь чиновникъ по его приказанію, населеніе должно было доставлять имъ жилище и пропитаніе [5]. Надо было также давать постой, провіантъ и фуражъ вооружен-

[1] *Suet.* Vesp. 1: „Publicum quadragesimae in Asia egit“.—*Henzen,* 6655: „Conductor portorii Illyrici“.—6656: „Conductor portorii Pannonici“.—*Cagnat,* p. 52: „Conductori quadragesimae Galliarum“.—*C.I.L.* XII, 717.

[2] Члены—*socii* этихъ компаній были *mancipes* по отношенію къ государству. *Orelli,* 3347: „Controversiae inter mercatores et mancipes ortae“.

[3] *Henzen,* 6645: „Arcarius vicesimae hereditatium“.—*Ibidem,* 6644: „In officio arcae vicesimae hereditatium“.—*Orelli,* 3343: „Praepositus stationis quadragesimae Galliarum“.—*Ibidem,* 3344: „Tabularius quadragesimae“.—*Henzen,* 6646: „Adiutor tabularii vicesimae hereditatium“.—*C.I.L.* XII, p. 920.

[4] *Wilmanns,* 1242: „Procurator quadragesimae Galliarum“.—1270: „Procurator vicesimae hereditatium“.—1190: „Procuratori Augusti vicesimae hereditatium provinciarum Narbonensis et Aquitaniae“.—1290: „Procuratori vicesimae libertatis Bithyniae“.

[5] *Plin.* Panegyr. 20.—Авторъ хвалитъ Траяна за то, что „nullus in exigendis vehiculis tumultus, nullum circa hospitia fastidium; annona quae ceteris“.—Онъ вспоминаетъ, что путешествія Домиціана сопровождались настоящимъ грабежомъ (populatio).—Тацитъ (Ann. XIV, 39) изображаетъ вольноотпущенника Поликлета, путешествующаго по Галліи съ правительственнымъ порученіемъ и причиняющаго большой убытокъ населенію, которое должно было кормить его и его свиту („Galliae ingenti agmine gravis“).—См. еще *Ulpian.* Dig. I, 16, 4: „Observare proconsulem oportet, ne in hospitiis praebendis oneret provinciales“.

ному отряду, который ихъ сопровождалъ [1]. Тѣ же повинности выполнялись населеніемъ по отношенію къ императорской почтѣ (*cursus publicus*), для которой оно должно было поставлять лошадей (*veredi*) [2].—Существовала еще цѣлая система обязательныхъ работъ по содержанію дорогъ и подводныхъ повинностей, которыми также были обложены жители различныхъ мѣстностей въ пользу государства (*angariae*) [3].

Всѣ эти налоги взымались въ пользу государственной казны; у муниципальныхъ общинъ было свое особое, такъ сказать, земское обложеніе.

Вся описанная система косвенныхъ налоговъ не устранила земельнаго, прямого. Послѣ того какъ Галлы уже платили его въ качествѣ подданныхъ римскаго

[1] *Sicul. Flacc.* (Gromat. vet. p. 165): „Quoties militi praetereunti aliive cui comitatui annona praestanda est, si ligna aut stramenta deportanda".—*Ulpian.* Dig. L, 4, 3, § 13: „Eos milites, quibus supervenientibus hospitia praeberi in civitate oportet... Munus hospitis in domo recipiendi".—См. еще у *Treb. Poll.* (Trig. tyr. 18) слѣдующую похвалу одному чиновнику: „Videsne, ut ille provinciales non gravet, ut illic equos contineat, ubi sunt pabula, illic annonas militum mandet, ubi sunt frumenta, non provincialem possessorem cogat illic frumenta, ubi non habet dare".—Ср. *Dig.* I, 18, 6, § 5; L, 5, 10.—*Cod. Iust.* XII, 41.

[2] Почтовая повинность впервые была установлена Августомъ (*Suet.* Aug. 49).—Діонъ Кассій упоминаетъ о ней (LXIII, 11), говоря о времени Нерона. Адріанъ привелъ ее въ порядокъ (*Spartian.* Hadrian. 7); Антонинъ облегчилъ ея тяжесть: „Vehicularium cursum summa diligentia sublevavit" (*Capitol.* Pius, 12).—Одна надпись обнаруживаетъ передъ нами—„praefectus vehiculorum" для Аквитаніи и Лугдунской Галліи (*Orelli*, 3178). Септимій Северъ перевелъ расходы по содержанію почты на счетъ своей казны (*Spartian.* Sever. 13: „Vehicularium munus a privatis ad fiscum traduxit"); но они скоро вновь возложены были на населеніе, которое должно было поставлять для этого лошадей (*Cod. Th.* VIII, 5—De cursu publico).

[3] *Dig.* L, 5, 11: „Viae sternendae angariorumve exhibitio".

народа, они продолжали нести его и какъ римскіе граждане. Во второмъ вѣкѣ уже перестали смотрѣть на поземельную подать, какъ на признакъ подчиненія: сама италійская почва была обложена ею; она стала разсматриваться, какъ часть имущества, которую каждый собственникъ обязанъ былъ отдавать въ пользу государства на организацію необходимыхъ для всѣхъ учрежденій или работъ.

Императорское правительство положило много спеціальной заботы и труда на то, чтобы достигнуть справедливаго распредѣленія земельной подати. Кадастръ недвижимостей, начатый при Августѣ, пополнялся текущими переписями, возобновляясь, такъ сказать, при каждомъ новомъ поколѣніи. Одинъ изъ юрисконсультовъ оставилъ намъ образецъ того способа, какимъ записывались и группировались данныя кадастра. «Вотъ какъ, говоритъ Ульпіанъ, должны быть заносимы помѣстья въ вѣдомости ценза. Записывается сначала названіе всякаго имѣнія съ обозначеніемъ того, въ какой общинѣ и въ какомъ округѣ оно находится; потомъ сообщаются подробности о немъ: указывается—1) пахотная земля и количество югеровъ ея, какое засѣвалось въ послѣдніе десять лѣтъ; 2) виноградникъ и количество корней лозъ, которыя въ немъ находятся; 3) число югеровъ, отданныхъ подъ оливковую платанцію и число самыхъ деревьевъ въ послѣдней; 4) пространство луга въ югерахъ съ указаніемъ средняго количества сѣна, собиравшагося съ него въ послѣдніе десять лѣтъ; 5) величина пастбищной пустоши съ обозначеніемъ того, сколько вырубается дровъ изъ лѣсной ея части».—Въ приведенномъ любопытномъ текстѣ замѣчается стремленіе правительства распредѣлять налогъ не только на основаніи площади земли, занятой помѣстьемъ, и

[1] *Dig.* L, 5, De censibus, 4.

ея приблизительной стоимости, но по истинной его цѣнности, опредѣляемой болѣе или менѣе точно доходностью его. Свѣдѣнія для оцѣнки давались самимъ владѣльцемъ. Впрочемъ, оцѣнщикъ (censitor) имѣлъ полную возможность контролировать сообщаемыя данныя.

Подобнаго рода кадастры составлялись во всѣхъ частяхъ Имперіи. Тѣ, которые производились въ Галліи, продолжали вестись даже дольше, чѣмъ удержалось римское господство. Мы ихъ снова найдемъ въ монархіи Меровинговъ [1].

Такъ какъ земельный налогъ долженъ былъ являться лишь частью реальнаго продукта (валового дохода), получавшагося съ имѣнья, то существовало правило, что плательщикъ могъ пользоваться скидкою положенной подати въ случаѣ, если, напримѣръ, его виноградникъ или плодовыя деревья погибали [2].

Какова была цифра этого налога, въ какой пропорціи находилась она къ доходу земли,—объ этомъ никакой памятникъ не даетъ намъ разъясненія. Мы не находимъ данныхъ, которыя позволяли бы намъ сказать, что налогъ былъ чрезмѣрно высокъ, но также и утверждать, что онъ былъ легокъ. Мы должны поэтому воздержаться отъ всякой оцѣнки его съ этой стороны.

Одно несомнѣнно, что Галлія хорошо переносила всѣ эти налоги и даже, по крайней мѣрѣ въ первые три вѣка, благоденствовала и богатѣла,—что, конечно, было бы невозможно, еслибы требовательность государства въ этихъ областяхъ была чрезмѣрна.

Ниже въ надлежающемъ мѣстѣ мы укажемъ, что можетъ быть извлечено изъ источниковъ по вопросу о податяхъ въ два послѣдніе вѣка Имперіи [1].

[1] См. соотвѣтствующую главу III-го тома этого сочиненія („Франкская монархія“).

[2] *Dig.* 6, 15, 4.

ГЛАВА IX.

Повинности населенія: воинская служба.

Древнія общества не представляли себѣ армій, отдѣльныхъ отъ гражданскаго населенія. Каждый свободный человѣкъ и гражданинъ былъ въ то же время воиномъ. Онъ былъ воиномъ до тѣхъ поръ, пока тѣло его было сильно, и такъ часто, какъ требовало государство для своей защиты или для нападенія на враговъ. Римлянинъ отъ семнадцати до сорокалѣтняго возраста призывался каждый годъ къ магистрату, который могъ въ случаѣ нужды завербовать его въ легіоны. Такъ же стояло дѣло въ Аѳинахъ и во всѣхъ вообще античныхъ республикахъ. Воинская служба была всеобщею обязанностью равнымъ образомъ и у древнихъ Галловъ [2].

Въ римской Имперіи порядки измѣнились. Нѣкоторые полагали, что Августъ отдѣлилъ войско отъ гражданства, чтобы утѣснять послѣднее съ помощью перваго. Ничто не доказываетъ, что у него былъ такой разсчетъ: никто изъ современныхъ императору римскихъ историковъ не приписываетъ ему такого намѣренія, а подробности его жизни показываютъ наоборотъ, что онъ больше довѣрялъ именно гражданской, чѣмъ военной части населенія. Отдѣленіе военнаго устройства отъ гражданскаго было произведено въ силу совершенно иныхъ побужденій. Когда мы изучаемъ эту эпоху рим-

[1] Въ томѣ II-мъ („Германское вторженіе“).

[2] Цезарь указываетъ на это, когда говоритъ, что друиды пользовались привилегіею освобожденія отъ воинской службы: „Militiae vacationem habent“ (VI, 14).

ской исторіи, углубляясь преимущественно въ наблюденіе чувствованій, которыя тогда господствовали въ душѣ людей, мы замѣчаемъ, что воинственность почти исчезла въ обществѣ. Доведенный до крайней степени напряженія въ предшествовавшіе два вѣка, военный духъ какъ бы истощился. Особенно высшіе классы, но также и средніе удалялись, на сколько это было возможно, отъ воинской службы. Въ Италіи люди охотно дѣлались зависимыми съемщиками чужой земли, даже отдавали себя въ рабство, лишь бы избавиться отъ нея. По естественной какъ бы противоположности для равновѣшенія положенія въ то время, какъ всѣ богатые элементы общества бѣжали отъ арміи, подонки населенія, которые прежде не допускались въ нее закономъ, теперь стремились ее наполнить. Быть солдатомъ — становилось любимымъ ремесломъ для тѣхъ, у кого ничего не было, и кто жаждалъ добычи или земли.

Императоръ Августъ далъ удовлетвореніе такой двоякой потребности, выдвинутой временемъ въ различныхъ слояхъ общества. Высшіе и средніе классы не хотѣли больше обязательной военной службы: онъ устранилъ ее на сколько оказалось возможнымъ [1]. Неимущіе классы желали доступа къ воинской профессіи, которая была бы выгодна: онъ создалъ ее. Такъ ис-

[1] Нельзя сказать, чтобы обязанность служить въ войскѣ была уничтожена закономъ. См. *Suet.* Aug. 24. Достаточно прочесть главу—*De re militari* въ Дигестахъ (XLIX, 16), чтобы въ этомъ убѣдиться; и этимъ объясняются наборы, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.—Надо еще отмѣтить, что въ первые три вѣка императоры требовали отъ юношей сенаторскихъ фамилій, которые искали выгодной государственной карьеры, чтобы они удовлетворяли воинскимъ обязанностямъ. Они служили въ качествѣ трибуновъ въ легіонахъ и для нихъ признавалось иногда достаточнымъ пребываніе въ лагеряхъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

чезло древнее учрежденіе вооруженной гражданской общины; съ тѣхъ поръ появилось войско, отдѣльное отъ гражданскаго населенія. Извѣстная часть его вступала въ ряды арміи и оставалась подъ оружіемъ 16, 20 или 25 лѣтъ, и цѣною такой ея службы большинство могло всю жизнь предаваться мирному труду.

Такая мысль императорскаго правительства нашла свое выраженіе у историковъ того времени. «Освободить большинство людей отъ воинской службы, вербовать въ нее по общему правилу лишь тѣхъ, которые нуждались въ ней, какъ въ средствѣ жизни, выбирая между ними самыхъ здоровыхъ»,—таковъ былъ, по мнѣнію Діона Кассія, принципъ, которому слѣдовала Имперія [1]. Геродіанъ точно также утверждаетъ, что со времени царствованія Августа Италійцы больше не знали оружія и войны: «Августъ, говоритъ онъ, избавилъ ихъ отъ службы и, сдѣлавъ для нихъ излишнимъ умѣніе владѣть оружіемъ, онъ употреблялъ на военное дѣло лишь оплачиваемыхъ солдатъ» [2]. Эта была си-

[1] *Dio*, LII, 27.—Эти идеи выражены въ рѣчи, которую авторъ приписываетъ Меценату. Рѣчь эта, которая, конечно, не вполнѣ сочинена авторомъ, заключаетъ въ себѣ сущность политической доктрины Цезарей. Ср. *Dio*, LII, 14: „Στρατεύωνται καὶ μισθοφορῶσιν οἱ ἰσχυρότατοι καὶ πενέστατοι“.

[2] *Herodian.* II, 11 (38): „Οἱ κατὰ τὴν Ἰταλίαν ἄνθρωποι ὅπλων καὶ πολέμων ἀπηλλαγμένοι γεωργίᾳ καὶ εἰρήνῃ προσεῖχον. Ὁ Σεβαστὸς Ἰταλιώτας πόνων ἀνέπαυσε καὶ τῶν ὅπλων ἐγύμνωσε, μισθοφόρους στρατιώτας καταστησάμενος“. — Тѣ, которые утверждали на основаніи этого текста, что Италійцы были формально освобождены отъ военной службы, выводили изъ него преувеличенное заключеніе: многіе факты доказываютъ, что этого не было. См. *Vell.* II, 111; *Tac.* Ann. I, 31; Hist. III, 58; *Suet.* Aug. 24; Tib. 9; *Dio*, LVI, 23.—Амміанъ Марцеллинъ (XV, 12) разсказываетъ о жителяхъ Италіи которые отрѣзали себѣ большой палецъ, чтобы избавиться отъ службы; объ этомъ, впрочемъ, сообщаетъ уже Светоній. Одна надпись указываетъ человѣка, который былъ

стема постоянныхъ вознаграждаемыхъ армій, поставленная на мѣсто системы вооруженной націи. Примѣненіе ея обезпечило для ста двадцати милліоновъ душъ, населявшихъ Имперію, покой и трудъ, которыхъ никогда до того не знали древніе народы.

Арміи римской Имперіи состояли приблизительно изъ тридцати легіоновъ [1], заключавшихъ въ себѣ каждый отъ 5000 до 6000 солдатъ. Если присоединить къ нимъ вспомогательныя войска и еще преторіанскія и городскія когорты, то можно считать, что общая численность военной силы Имперіи доходила приблизительно до 400000 человѣкъ. Такое войско оказывалось достаточнымъ для государства, въ десять разъ болѣе обширнаго, чѣмъ современная Франція: приходилось по одному вооруженному человѣку на триста мирныхъ жителей.

„missus ad iuventutem per Italiam legendam" *(C.I.L.* III, 1457). Геродіанъ не хочетъ сказать, что законъ навсегда освободилъ Италійцевъ; онъ только говоритъ, что они фактически перестали служить, за исключеніемъ только чрезвычайныхъ случаевъ.— Иногда слова „ἐγύμνωσε ὅπλων" понимались въ томъ смыслѣ, какъ будто бы авторъ хотѣлъ сказать, что Августъ запретилъ Италійцамъ держать оружіе для ихъ сильнѣйшаго порабощенія своей власти, но текстъ Геродіана не выражаетъ этой мысли. Впрочемъ, пользованіе оружіемъ никогда не запрещалось Италійцамъ; они даже обыкновенно наполняли отборнѣйшіе отряды войска (см. *Tacit.* Ann. IV, 5). Надписи показываютъ, что изъ нихъ составлялось не мало когортъ. Обязательная служба была съ нихъ сложена, кромѣ особо важныхъ случаевъ, но добровольная разрѣшалась имъ всегда.

[1] При Тиберіи было лишь 25 легіоновъ (*Tac.* Ann. IV, 5). Число это мало-по-малу увеличилось; иногда оно доходило до 33.—*Auxilia* составляли, по мнѣнію Тацита, число, приблизительно равное численности легіоновъ. Всѣ эти части, впрочемъ, рѣдко были въ полномъ составѣ.—Преторіанская гвардія заключала 9 когортъ по 1000 человѣкъ.

Эти арміи пополнялись, большею частью, добровольцами. Одно письмо Траяна къ Плинію упоминаетъ о категоріи солдатъ, которые сами предлагаютъ себя въ военную службу. [1] Надписи также свидѣтельствуютъ о распространенности такого обычая [2]. Тацитъ обращаетъ вниманіе, что волонтерство служило средствомъ жизни для бѣдняковъ и бездомовныхъ людей [3]. Одинъ юрисконсультъ II-го вѣка прямо говоритъ, что большая часть служащихъ въ арміи—добровольцы [4].

[1] *Plin.* Epist. X, 30 (39): „Voluntarii se obtulerint".

[2] *Orelli-Henzen,* 90, 244, 3402, 3586, 5156, 6756.

[3] *Tac.* Ann. IV, 4: „Quia plerumque inopes ac vagi sponte militiam sumant".

[4] *Arrius Menander*, Dig. XLIX, 16, 4, § 10: „Plerumque voluntario milite numeri supplentur".—Cfr. *Dosith.* Sent. Hadr. § 2: „Αἰτῶντος τινὸς ἵνα στρατεύηται, Ἀδριανὸς εἶπε ποῦ. θέλεις στρατεύεσθαι... εἰς τὴν πολιτικὴν στρατεύου" *(Böcking,* Corp. iuris anteiust. p. 202).

[5] Въ общемъ правилѣ, собственно, одни граждане допускались въ легіоны; но намъ кажется несомнѣннымъ, что очень рано былъ придуманъ обходъ, чтобы вводить въ ихъ составъ и перегриновъ, предоставляя имъ гражданскія права немедленно по вступленіи ихъ въ ряды арміи. Это ясно засвидѣтельствовано Аристидомъ, который писалъ во времена Антониновъ. Въ своей „похвалѣ Риму" онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Съ одной стороны, ваши граждане, сдѣлавшіеся господами міра, не хотятъ терпѣть трудностей службы; съ другой стороны, вы не довѣряете иностранцамъ. Но вамъ надо однако воиновъ! Что же вы дѣлаете тогда? Вы составляете себѣ гражданское войско, избавляя старыхъ гражданъ отъ утомленія. Какъ такъ? Вы посылаете въ провинціи разыскивать людей, годныхъ къ военной службѣ; вы тогда отдѣляете этихъ послѣднихъ отъ ихъ истинной родины и даете имъ въ отечество самый Римъ; они одновременно дѣлаются воинами и гражданами; вступая на службу, они становятся вашими соотечественниками (...ἅμα τῇ στρατείᾳ, τῆς ὑμετέρας πόλεως πολίτας, ἀπὸ ταύτης τῆς ἡμέρας")

Приманка, въ самомъ дѣлѣ, была велика; солдатъ получалъ кромѣ продовольствія ежегодное жалованіе въ 225 динаріевъ, увеличенное Домиціаномъ до 300; по окончаніи же службы онъ награждался еще либо извѣстною суммою денегъ, либо участкомъ земли съ усадьбою и нѣсколькими рабами для его воздѣлыванія. Особенно же цѣнно было то, что если онъ не былъ еще римскимъ гражданинимъ, отпускное свидѣтельство надѣляло его этимъ завиднымъ титуломъ; къ нему присоединяли даже *connubium*, то-есть, право законнаго брака, слѣдствіемъ котораго было то, что дѣти его являлись римскими гражданами, какъ и онъ [1]. Итакъ, родившійся въ положеніи дедитиція и въ бѣдности, становился, благодаря военной службѣ, гражданиномъ, собственникомъ, главою семьи. Императоры прибавили ко всему этому еще особую почетную привилегію:

Такъ Цезарь, составивъ изъ Галловъ легіонъ „жаворонокъ", немедленно далъ служащимъ въ немъ права гражданства (*Suet.* Caes. 24). Позже, когда обращено было въ провинцію царство Понтійское, римское правительство приняло на службу старую гвардію царя: изъ нея образована была особая когорта, и всѣмъ вошедшимъ въ нее воинамъ даны были права гражданства (*Tac.* Hist. III, 47). Изъ всего этого намъ дѣлаются понятны слова Тацита (*Ibid.* III, 40: „Nihil validum in exercitibus, nisi quod externum"; ясно становится также, почему въ дипломахъ объ отставкѣ (*missiones*) легіонеровъ, никогда уже не приходилось даровать имъ гражданство: эти легіонеры, если не были гражданами по рожденію, уже пріобрѣтали эти права при вступленіи въ войско.

[1] См. *L. Renier*, „Recueil des diplômes militaires romains" (P. 1876) и *C. I. L.* t. III. — Вотъ обычная формула „честной отставки" *(honesta missio)*, примѣнявшаяся къ служившимъ въ вспомогательныхъ когортахъ: „Imperator... veteranis... honestam missionem et civitatem dedit, ipsis liberisque eorum et connubium cum uxoribus, quas tunc habuissent, quum est civitas iis data, aut, si qui caelibes essent, cum iis, quas postea duxissent, dumtaxat singuli singulas".

они постановили, что ветераны и ихъ сыновья будутъ равны по достоинству декуріонамъ [1]. Воинская служба обращалась, такимъ образомъ, въ средство возвышенія даже для простого солдата.

Хотя императоры могли сильно разсчитывать на пополненіе войска добровольцами, они не рѣшились совсѣмъ отказаться отъ принудительныхъ призывовъ. Иногда приходилось немедленно противостоять угрожающей и неожиданной опасности; другой разъ волонтеры не представлялись въ необходимомъ количествѣ или не отличались удовлетворительными качествами [2]. Надобно было пополнять недостающее посредствомъ набора [3].

У насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ въ документахъ о способѣ, какимъ производились такіе наборы. Очень можетъ быть, что по этому пункту вообще не было выработано постоянныхъ правилъ, никакой законъ не устанавливалъ возраста призыва, ни числа человѣкъ, которое должна была выставлять каждая область. Наборъ не назначался правильно каждый годъ; иная провинція могла нѣсколько лѣтъ подъ рядъ оставаться свободною отъ него. Когда правительство нуждалось въ солдатахъ, оно объявляло очередь въ той или иной провинціи и посылало туда комиссаровъ, которые именовались *delectatores* [4]. При этомъ жребія никто не тянулъ:

[1] *Marcian.* Dig. XLIX, 18, 3: „Veteranis et liberis eorum idem honor habetur, qui et decurionibus". Cfr. *Paul.* Ibid. XLIX, 18, 4.

[2] На это послѣднее жалуется Тиберій у Тацита (Ann. IV, 4): „Si voluntarius miles suppeditet, non eadem virtute ac modestia agere, quia plerumque inopes ac vagi sponte militiam sumant".

[3] *Tac.* Ibid, IV, 4: „Dilectibus supplendos exercitus". — *Ibid.* XVI, 13: „Eodem anno dilectus per Galliam Narbonensem Africamque et Asiam habiti sunt supplendis Illyricis legionibus".

[4] См. *L. Renier,* Mélanges d'épigraphie, p. 73—96.

населеніе все собиралось передъ ними, и они по произволу брали людей, казавшихся имъ наиболѣе подходящими. Отсюда проистекали большія злоупотребленія [1]. Однимъ изъ коренныхъ пороковъ администраціи римской Имперіи и вмѣстѣ однимъ изъ самыхъ большихъ ея несчастій было именно то, что она не сумѣла установить для военнаго набора правильной и постоянной системы.

Оттого то населеніе ненавидѣло наборы, какъ оно вообще ненавидитъ все исключительное и произвольное. Историкъ Веллей говоритъ, что они всегда являлись причинами большихъ безпорядковъ [2]. Августъ долженъ былъ нѣсколько разъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости по отношенію къ гражданамъ, отказывавшимся отъ службы [3]. Отцы, какъ разсказываютъ авторы, отрѣзали пальцы у сыновей, чтобы доставить имъ возможность избѣжать воинской повинности [4], и Светоній приводитъ случай добровольнаго закабаленія въ рабство людей изъ страха, что ихъ заберутъ въ солдаты [5]. Нельзя думать, что это происходило вслѣдствіе чрезмѣрнаго количества призываемыхъ подъ стяги молодыхъ людей. Легко вычислить, что для пополненія арміи изъ 400000 человѣкъ, оставившихся на службѣ среднимъ числомъ двадцать лѣтъ, достаточно было

[1] Можно составить себѣ понятіе о такихъ злоупотребленіяхъ по изображенію Тацита. См. напр. *Ann.* XIV, 18: „Dilectum militarem pretio et ambitione corruptum“; *Hist.* IV, 14: „Rem suapte natura gravem avaritia onerabant“.

[2] *Vell. Pat.* II, 130: „Rem perpetui praecipuique timoris supplementum“.

[3] *Dio*, LVI, 23.

[4] *Suet.* Aug. 24.—*Amm. Marc.* XV, 12.— *Cod. Tkeod.* VII, 13, 4.

[5] *Suet.* Tib. 8: „Quos sacramenti metus ad huiusmodi latebras (ergastula) compulisset“.

вербовать ежегодно около 30000 рекрутъ во всей Имперіи. Между тѣмъ добровольныя поступленія давали уже, по меньшей мѣрѣ, половину этой цифры. Но обязанность служить въ войскѣ двадцать лѣтъ была предметомъ ужаса для тѣхъ немногихъ, которыхъ постигала такая судьба [1].

Изъ этого легко понять противодѣйствіе, которое встрѣчало правительство въ данной области, и огромную трудность для него заставлять людей служить противъ воли. Благодаря этому, оно неминуемо было приведено къ необходимости разрѣшать замѣстительство. Дѣйствительно изъ одного письма Плинія къ Траяну явствуетъ, что человѣкъ, призванный къ воинской повинности, имѣлъ право поставить вмѣсто себя другого [2].

Трудность принуждать гражданъ силою къ военной службѣ заставила императорское правительство искать другого способа пополненія арміи. Передъ нимъ стоялъ древній законъ, освященный и нравами, который запрещалъ ему давать оружіе въ руки рабамъ и вольноотпущенникамъ. Но уже Республика подала ему примѣръ пользоваться и послѣдними категоріями

[1] Бѣда была въ томъ, что наборы не производились ежегодно. Тацитъ, Діонъ, Геродіанъ много разъ показываютъ, что во время мира предоставлялось легіонамъ растеривать людей до такой степени, что оставались одни „inania legionum nomina“; разражалась война, и тогда приходилось „agere acerbissime dilectum“, то-есть, сразу призывать столько рекрутовъ, сколько можно было бы потихоньку собрать въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ подрядъ.

[2] См. *Plin.* Epist. X, 30 (39). Дѣло идетъ о нѣсколькихъ рабахъ, которыхъ Плиній открылъ въ арміи. Траянъ отвѣчаетъ ему: „Refert voluntarii se obtulerint, an lecti sint, vel etiam vicarii dati... Si vicarii dati, penes eos culpa est, qui dederunt“.

людей, какъ воинами, въ моменты неминуемо грозящей опасности [1]. Августъ поступилъ также въ двухъ случаяхъ, когда ему необходимо было произвести наборъ, болѣе крупный чѣмъ обыкновенно. Онъ обратился къ богатымъ землевладѣльцамъ, у которыхъ было много рабовъ и вольноотпущенниковъ, и потребовалъ отъ каждаго изъ нихъ извѣстное число людей, пропорціонональное ихъ состоянію [2]. Нѣсколько позже мы видимъ разъ, что Неронъ, серьезно нуждаясь въ военной силѣ, приказалъ прежде всего вызвать желающихъ въ трибахъ, то-есть, среди свободнаго и гражданскаго населенія; но когда никто добровольно не отвѣтилъ на такой свободный призывъ, онъ рѣшилъ замѣнить его принудительнымъ наборомъ рабовъ: онъ предписалъ каждому владѣльцу выставить опредѣленное количество ихъ и выбралъ изъ нихъ самыхъ сильныхъ [3]. Такъ же поступилъ Вителлій [4]. Еще позже Маркъ Аврелій былъ вынужденъ вербовать рабовъ въ войско [5]. Совершенно понятно, что эти рабы, вступая

[1] *Liv.* X, 21; XXII, 11; XL, 18; Epit. 74.

[2] *Vell.* II, 111: „Viri feminaeque ex censu coactae libertinum dare militem". „*Dio*, LV, 31: „Στρατιώτας οὐκ εὐγενεῖς μόνον ἀλλὰ καὶ ἐξελευθέρους, οὓς παρά τε τῶν ἀνδρῶν καὶ παρὰ γυναικῶν δούλους ἠλευθερώσε".— *Suet.* Aug. 25: „Eosque servos viris feminisque pecuniosioribus indictos ac sine mora manumissos". — Надо прибавить, что эти освобожденные рабы были распредѣлены для службы въ отряды, отдѣленные отъ гражданъ.

[3] *Suet.* Ner. 44: „Tribus urbanas (universas?) ad sacramentum citavit; nullo idoneo respondente, certum dominis numerum indixit, nec nisi ex tota cuiusque familia probatissimos".

[4] *Tacit.* Hist. III, 58: „Vocari tribus iubet, dantes nomina sacramento adigit... servorum numerum senatoribus indicit."

[5] *Capitol.* Marc. 21: „Servos, quemadmodum bello punico factum fuerat, ad militiam paravit..., armavit etiam gladiatores... latrones etiam milites fecit."

въ армію, получали освобожденіе, такъ что это обстоятельство могло казаться имъ выгоднымъ [1].

Есть основаніе думать, что такой пріемъ сталъ примѣняться все чаще и чаще. Если мы пересмотримъ тѣ главы (tituli) въ кодексахъ, которыя относятся къ воинскому устройству, мы будемъ поражены, когда убѣдимся, что больше мѣста занято въ нихъ перечисленіемъ поводовъ исключенія, чѣмъ освобожденія отъ службы. Дѣло въ томъ, что особенно важно было воспрепятствовать гражданамъ поставку въ замѣстители людей, негодныхъ для исполненія воинскихъ обязанностей. Весьма серьезное значеніе для должностныхъ лицъ, производившихъ наборъ, имѣла такъ называемая *probatio*, которая заключалась въ осмотрѣ каждаго рекрута для допущенія только людей, способныхъ служить. Необходимо было бороться противъ стремленія собственниковъ, которые, по выраженію Вегеція, «отдавали въ солдаты тѣхъ, которыхъ не желали держать, какъ рабовъ» [2].

Правда, законъ, запрещавшій рабу вступать въ армію, не былъ отмѣненъ; напротивъ, его постоянно возобновляли [3]. Но никакой законъ больше не запрещалъ освобождать раба и въ тотъ же день дѣлать изъ него рекрута. Правительство само много разъ подавало частнымъ собственникамъ такой примѣръ [4]. Впро-

[1] К. Жюлліанъ замѣтилъ, что многіе легіонеры временъ Марка Аврелія носятъ его имя. Это были рабы, освобожденные императоромъ при принятіи ихъ въ службу. См. *C. Jullian*, Les transformations de l'Italie, p. 55.

[2] *Veget.* I, 7: „Tirones per gratiam aut dissimulationem probantur, talesque sociantur armis, quales domini habere fastidiunt."

[3] *Dig.* XLIX, 16, 11: „Servi ab omni militia prohibentur, alioquin capite puniuntur."

[4] *Suet.* Aug. 25; *Nero*, 44; *Dio*, LV, 31.

чемъ, въ римской Имперіи существовало еще нѣсколько категорій слугъ, которые не считались рабами, но тѣмъ не менѣе зависѣли отъ господина: это были вольноотпущенники, колоны, кліенты *(libertini, inquilini, coloni, clientes)* [1]. По мѣрѣ того какъ мы подвигаемся впередъ изъ вѣка въ вѣкъ, изучая исторію Имперіи, мы видимъ, что рекрутскіе наборы падаютъ все больше и больше именно на людей изъ такихъ классовъ. Въ IV-мъ вѣкѣ, если мы всмотримся въ Кодексъ Θеодосія, воинская служба ужъ не является передъ нами обязательною повинностью гражданина. Она обращается въ нѣкоторый родъ подати, лежащей на земельной собственности, и подать эта выплачивается зависимыми людьми. Каждый землевладѣлецъ обязанъ не самъ нести военную службу, но выставлять рекрутовъ изъ людей, которые ему подчинены, въ количествѣ пропорціональномъ величинѣ и достоинству его земель [2].

Одинъ крупный собственникъ долженъ былъ выставлять нѣсколькихъ солдатъ; нѣсколько мелкихъ соединялись вмѣстѣ, чтобы выставить одного [3]. Не онъ самъ обязывался, стало быть, служить; это даже было ему запрещено, особенно если онъ обладалъ званіемъ декуріона, но на его плечахъ лежало пополненіе арміи своими слугами. Для удовлетворенія требованія онъ иногда покупалъ людей внѣ предѣловъ Имперіи, чтобы

[1] См. томъ II-й настоящаго сочиненія, книгу 1-ю.

[2] *Cod. Theod.* VII, 13, 7: „Tironum praebitio in patrimoniorum viribus potius quam in personarum muneribus collocetur.“ — *Veget.* I, 7: „Possessoribus indicti tironnes“.

[3] *Cod. Th.* VII, 13, 7, § 2: „Sive senator, honoratus, principalis, decurio, vel plebeius tironem suo ac sociorum nomine oblaturus est, ita se a coniunctis accepturum solidos noverit ut integri pretii modus in triginta et sex solidis colligatur, ut, deducta portione quae parti ipsius competit reliquum consequatur, sex tironi vesis gratia praebiturus.“

отдать ихъ правительству въ качествѣ солдатъ [1]. Иногда онъ бралъ въ своемъ домѣ или на своихъ земляхъ нѣсколько вольноотпущенниковъ, колоновъ, даже рабовъ, которыхъ, впрочемъ, онъ тутъ же освобождалъ и обращалъ ихъ въ рекрутовъ [2].

Слуга, котораго господинъ отдавалъ такимъ образомъ въ войско, тѣмъ самымъ переставалъ отъ него зависѣть. Онъ освобождался безусловно отъ всякой связи и всякаго подчиненія по отношенію къ старому хозяину, и въ тотъ день, когда покидалъ армію, не возвращался въ прежнюю кабалу. Воинская служба отнимала у него двадцать лѣтъ жизни, но за то дѣлала его свободнымъ и гражданиномъ. Что касается господина, то онъ терялъ одного изъ своихъ слугъ, но за то самъ оставался свободнымъ отъ обязанности носить оружіе.

Установившійся способъ пополненія войска естественно привелъ императорское правительство къ сознанію возможности и удобства замѣнить военный налогъ людьми въ денежный сборъ. Дѣйствительно на мѣстѣ поставки рекрутъ (*tironum praebitio*) мало по малу утвердилась «рекрутская деньга» (*aurum tironicum*). Когда государство больше нуждалось въ людяхъ, чѣмъ въ деньгахъ, оно сохраняло за собою право требовать отъ земледѣльцевъ небольшое количество солдатъ: это называлось—«exhibere tironum corpora». Когда

[1] Это то, что Кодексъ Θеодосія называетъ „advenarum coemptio iuniorum“ (VII, 13, 7).

[2] *Cod. Th.* VII, 13, 7: „Tironem et agro ac domo propria oblaturus“. — Правительство могло забрать слугу даже противъ воли господина. Въ томъ же кодексѣ мы находимъ любопытное постановленіе: если рекрутъ отрѣзалъ себѣ палецъ, чтобы избѣжать службы, наказаніе должно пасть на его господина (*Cod. Th.* VII, 13, 5).

оно больше нуждалось въ деньгахъ, чѣмъ въ людяхъ, оно позволяло и даже иногда предписывало, чтобы они уплачивали опредѣленную правительствомъ сумму денегъ вмѣсто каждаго человѣка. Устанавливавшаяся въ такомъ случаѣ цѣна обыкновенно равнялась 25 золотымъ монетамъ (*solidi*) за человѣка, не считая расходовъ на экипировку и на продовольствіе [1].

Чтобы доставлять себѣ хоть немногихъ хорошихъ воиновъ въ такую эпоху, когда люди неохотно шли на войну, Имперія создала нѣчто въ родѣ наслѣдственной арміи. Ветеранамъ давались земли съ условіемъ, чтобъ сыновья ихъ посвящали себя, какъ они, военному дѣлу. Послѣдніе сохраняли за собою землю лишь въ томъ случаѣ, если они соглашались продолжать нести бремя воинской службы [2].

Особенно же часто Имперія обращалась за солдатами къ внѣшнему міру. На службу рекрутировались чужеземцы, варвары, преимущественно Германцы. Уже Августъ допускалъ такихъ воиновъ въ свои арміи [3].

[1] *Cod. Th.* VII, 13, 13: „Annuimus, ut pro tironibus pretia inferantur, damus optionem, ut pro singulis viginti quinque solidos numerent, post initam rationem vestium et pastus“.—*Ibid.* XI, 18: „Tirones, quorum pretia exhausti aerarii necessitas flagitavit.“

[2] *Lamprid.* Alex. Sev. 58: „Sola quae de hostibus capta sunt, limitaneis ducibus et militibus donavit, ita ut eorum ita essent si heredes illorum militarent, nec unquam ad privatos pertinerent.“ — *Vopisc.* Prob. 16: „Veteranis loca privata donavit, addens ut eorum filii ad militiam mitterentur.“ Cfr. *Cod. Th.* VII, 1—„De re militari“; VII, 20—„De veteranis“; VII, 23—„De filiis veteranorum“. См. также *Sulpic. Sev.* Vita S. Martini, 2. — Мы, впрочемъ, думаемъ, и намъ придется говорить объ этомъ спеціально (въ 1-й главѣ V-го тома настоящаго сочиненія), что между такими земельными раздачами и средневѣковыми бенефиціями нѣтъ никакой связи.

[3] *Tac.* Ann. I, 24; 56; II, 16; IV, 73; XIII, 18; XV, 58; Hist. I, 61; 93.

Всѣ позднѣйшіе императоры держали также варваровъ въ качествѣ наемниковъ; число ихъ значительно возросло при Маркѣ Авреліи и его преемникахъ [1]; мало по малу они составили большую половину всего римскаго войска.

По всѣмъ приведеннымъ фактамъ можно убѣдиться, что воинская повинность гражданскаго населенія была сильно облегчена во времена Имперіи. Армія изъ приблизительно 400,000 человѣкъ, составленная въ значительной части изъ добровольцевъ, сыновей ветерановъ или изъ чужеземцевъ, при почти полномъ превращеніи рекрутскихъ наборовъ въ денежный налогъ, освобождала огромное большинство гражданъ отъ военной службы, которая въ древности отнимала у нихъ лучшее время и лучшія силы, и которая въ средніе вѣка должна была вновь захватить ихъ существованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что подданные императоровъ ощущали такое облегченіе, какъ великое благодѣяніе. Постоянныя арміи меньше всякихъ другихъ стоятъ народу крови, времени и средствъ. Однако съ ними связывается двоякая опасность: во первыхъ эти арміи часто становятся очень требовательными и при недовольствѣ могутъ даже подняться противъ правительства, которое ихъ кормитъ; во вторыхъ, гражданское населеніе, слишкомъ исключительно предающееся мирному труду, чувствуетъ себя безпомощнымъ и беззащитнымъ противъ вооруженныхъ враговъ, которые угрожаютъ всякому мирному обществу [2].

[1] *Capitolin.* Marc. 21: „Emit germanorum auxilia“. — Эта практика наемничества будетъ подробно разсмотрѣна въ 7-й главѣ II-го тома даннаго труда.

[2] Было бы интересно опредѣлить мѣсто, которое занимали жители Галліи въ римскихъ арміяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, многіе изъ нихъ во всѣ эпохи существованія Имперіи ста-

ГЛАВА X.

Римское законодательство.

Намъ нѣтъ надобности объяснять и оцѣнивать римское законодательство; но мы должны спросить себя, какъ но было встрѣчено и принято жителями Галліи, и подъ какимъ видомъ оно предстало передъ ихъ глазами, когда они сравнивали его съ законами, которые управляли ими раньше.

новились воинами ея, либо добровольно вступая въ ряды арміи, либо подчиняясь принудительному набору. Тѣ изъ такихъ Галловъ, которые съ самаго начала уже пользовались правами римскихъ гражданъ, вступали въ легіоны; тѣ, которые еще оставались перегринами, служили въ вспомогательныхъ отрядахъ и становились гражданами по окончаніи службы. Но мнѣ кажется невозможнымъ опредѣлить ни ихъ число, ни пропорцію сравнительно съ контингентами, доставлявшимися другими провинціями. Въ надписяхъ часто упоминаются Галлы, служившіе въ войскѣ; тамъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, двухъ человѣкъ, родившихся въ Бэзье, которые умерли солдатами въ Майнцѣ (*Steiner*, 284, 531). Мы находимъ уроженцевъ Нарбонской Галліи, бывшихъ солдатами 4-го, 7-го и 15-го легіоновъ (*Lebègue*, 61, 62, 63; cfr. *C.I.L.* XII, p. 921). — Составляли-ли эти Галлы самостоятельныя части арміи? *Legio Alaudae* упоминается въ одной надписи, и можно допустить съ нѣкоторою вѣроятностью, что этотъ легіонъ продолжалъ пополняться изъ Галловъ (*Henzen*, 6945). Надписи упоминаютъ еще пять другихъ легіоновъ, носившихъ названіе *Gallica* (*Ibidem*, 6749, 5488, 6452, 5480, 6674, 6795); обыкновенно предполагаютъ, что они составлены были въ Галліи, и продолжали поддерживаться наборами изъ той же страны; но мнѣ кажется, что это не доказано текстами.—Что касается вспомогательныхъ войскъ, то надписи и военные дипломы сообщаютъ намъ о какихъ то *cohortes Gallorum*, состоявшихъ изъ Аквитанцевъ, Битуриговъ, Эдуевъ, Лингоновъ, Секвановъ, Нервіевъ, Вангіоновъ, Белговъ, Мориновъ (*L. Renier*, Diplômes militaires, 23, 25, 26, 32, 44 etc.). Эпиграфическія находки съ

Первобытнымъ обществамъ извѣстны были лишь двоякаго рода законы: тѣ, которые происходили отъ «обычаевъ предковъ», и тѣ, которые проистекали отъ религіи. Имъ даже не приходило на мысль, что законъ можетъ быть результатомъ добровольнаго соглашенія; они не представляли себѣ, чтобы онъ долженъ былъ вдохновляться принципомъ разума и основываться на интересахъ людей. Законъ уважался первобытнымъ человѣкомъ только потому, что онъ шелъ отъ предковъ или отъ боговъ [1].

Историческая наука не создаетъ себѣ больше иллюзій о древнемъ правѣ предковъ. Она не вѣритъ больше въ исконное равенство всѣхъ людей, въ полюбовный раздѣлъ земель, въ независимость и во всѣ вообще добродѣтели, которыя когда-то приписывались естественному состоянію. Право предковъ въ древнихъ обществахъ—ничто иное, какъ патріархальное право, то-есть, такой строй, въ которомъ большинство членовъ общественнаго союза подчинены домашней власти,

каждымъ днемъ открываютъ все новые отряды подобнаго рода. Есть основаніе думать, что Галловъ цѣнили, какъ солдатъ: Аммiанъ Марцеллинъ, который былъ самъ человѣкъ военный, воздаетъ имъ блестящую хвалу и изображаетъ ихъ храбро сражающимися за Имперію на восточной ея границѣ. См. статистическія данныя, сообщаемыя Моммзеномъ („*Ephem. epigraphica*", t. v), и его спеціальное изслѣдованіе о военныхъ наборахъ Имперіи (см. „Hermes", 1886 и рецензію *Allmer* въ „Rev. épigr." t. II).

[1] Мы должны обратить вниманіе, что нѣтъ ничего общаго между тѣмъ, что называлось въ средніе вѣка „кутюмой", и что древніе именовали—*mos maiorum*. Первая была совокупностью обычаевъ и особенно договоровъ, образовавшихъ какъ бы сводъ, хотя и колеблющійся; *mos maiorum* античныхъ обществъ являлся очень выработаннымъ и строгимъ законодательствомъ, исходившимъ изъ священныхъ обычаевъ и вѣрованій и связаннымъ тѣсно съ религіей.

всегда присутствующей и сто разъ болѣе абсолютной, чѣмъ можетъ быть власть какого бы то ни было государства, потому что она давитъ на всѣ интересы, на мельчайшіе акты жизни. Это право, приводящее къ тому, что жена и дѣти находятся въ безусловной зависимости отъ вождя-господина, и что младшіе повинуются старшему. По этому праву земельная собственность навѣки связана съ семьею; слѣдовательно пріобрѣтеніе ея почти невозможно, и источникъ богатства остается недостижимымъ для бѣднаго. Въ этомъ правѣ, наконецъ, долги по необходимости влекутъ за собою рабство; число рабовъ все ростетъ, и они абсолютно находятся во власти господина, такъ какъ не кому имъ оказывать покровительство и защиту.

Что касается права, исходящаго отъ боговъ, оно оказывается еще болѣе суровымъ. Здѣсь человѣкъ порабощенъ тому, кто управляетъ его совѣстью, или кто представляетъ, по его мнѣнію, божество; частная жизнь находится подъ наблюденіемъ такого божественнаго закона всецѣло и получаетъ отъ него правила во всѣхъ своихъ проявленіяхъ; гражданскій законъ диктуется религіозною потребностью; уголовный формулируется такъ, чтобы наказывать не только тѣ акты, которые поражаютъ общество, но и тѣ, которые наносятъ ущербъ культу; отступленія отъ религіи караются какъ преступленія.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія о древнемъ галльскомъ правѣ не очень многочисленны [1]. Но изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, выводится то заключеніе, что Галлы не обладали законодательствомъ, которое было бы произведеніемъ государства и истекало бы отъ общественной власти. Единственными элементами права были — патріархальный обычай, происходившій отъ стараго кланового быта, и религіозныя предписанія, бывшія дѣломъ мысли друидовъ [1].

[1] Мы не рѣшаемся, въ самомъ дѣлѣ, пользоваться данными, которыя нѣкоторые ученые считали возможнымъ извлекать изъ средневѣковыхъ сводовъ обычаевъ Уэльса и Ирландіи. Эти своды, изданные нѣсколько вѣковъ послѣ христіанской эры, не могутъ служить вѣрнымъ отраженіемъ того, чѣмъ было галльское право во времена друидовъ.

Естественно поэтому, что у нихъ не было писанныхъ законовъ. Ихъ правовыя формулы поддерживались памятью, и надо хорошо понимать, что органомъ такой памяти являлись уста вождей и жрецовъ, такъ какъ у Галловъ не было другихъ судей кромѣ людей этихъ двухъ категорій. Семья была строго подчинена своему главѣ, который обладалъ правомъ жизни и смерти надъ женою, дѣтьми и слугами [2]. Рабъ являлся до такой степени собственностью господина, что его убивали на могилѣ послѣдняго. Займы вгоняли человѣка въ рабство. Уголовное право отличалось неслыханною строгостью: кража и малѣйшіе проступки наказывались отнятіемъ жизни [3]. Смертные приговоры считались дѣломъ, любезнымъ богамъ; они произносились друидами, а эти послѣдніе вѣрили, говоритъ намъ одинъ древній писатель, что большое число смертныхъ приговоровъ предвѣщало обильный урожай въ странѣ [4].

[1] Шарль Жиро (*Giraud*) въ своей „Histoire du droit français au moyen âge“ хорошо отмѣтилъ теократическій характеръ древняго галльскаго права, назвавъ его „droit pontifical, mystérieux et caché“ (см. Ch. 2, art. 2).

[2] *Caes.* VI, 19: „Viri in uxores, sicut in liberos, vitae necisque habent potestatem.“

[3] *Caes.* VI, 16: „Supplicia eorum, qui in furto aut aliqua noxa sunt comprehensi.“

[4] *Strabo*, IV. 4: „Τὰς φονικὰς δίκας μάλιστα ἐπετέτραπτο δικάζειν, ὅταντε φορὰ τούτων ᾖ, φορὰν καὶ τῆς χώρας νομίζουσιν ὑπάρχειν.“ Надо прочесть этотъ текстъ въ изданіи *C. Müller*

Общественные союзы древней Греціи и Италіи также имѣли нѣкогда такое право, но это было въ чрезвычайно отдаленныя времена. За нѣсколько вѣковъ до встрѣчи Римлянъ съ Галлами, у нихъ выработалась система законодательства совершенно иного рода. Государство въ формѣ гражданской общины утверждалось у нихъ уже тогда съ замѣчательною силою. Поэтому то и произошло, что право патріархальное и религіозное, право рода (*gens*) и патриціата, незамѣтно уступило мѣсто праву гражданскому, которое было продуктомъ работы самой общины и уже одушевлялось естественною справедливостью и общимъ интересомъ. Таковъ путь, на который вступило развитіе римскаго права со временъ децемвировъ, и по которому оно подвигалось впередъ, не останавливаясь, медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. Основнымъ принципомъ этого права было положеніе, что общественная власть, представляющая общину людей, вступившихъ въ государственный союзъ, есть единственная сила, творящая законъ, и что ея воля, выраженная съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ и формальностей, должна быть единственнымъ ея источникомъ [1].

Господство этого-то принципа римское владычество утвердило въ Галліи. Съ тѣхъ поръ право стало тамъ пониматься, какъ произведеніе общественной власти, дѣйствующей въ интересѣ всѣхъ. Право перестало быть религіей или обычаемъ, оно сдѣлалось свѣтскимъ и получило способность къ движенію и развитію.

Надобно выдвинуть еще одну особенность.—Римское право, которое получила Галлія, не было тѣмъ гражданскимъ правомъ (*ius civile*), которое являлось настоящимъ закономъ римскаго государства. Это было—*ius honorarium*, право, постепенно вырабатывавшееся послѣдовательными эдиктами магистратовъ, дѣйствовавшихъ въ качествѣ представителей общественной власти [1]. Въ теченіе перваго вѣка, слѣдовавшаго за завоеваніемъ, провинціальный намѣстникъ въ силу своего *imperium* обнародовывалъ свой эдиктъ, то-есть, рядъ правилъ, по которымъ онъ намѣревался чинить судъ и расправу. Именно въ этой формѣ Галлы столкнулись впервые съ римскимъ правомъ. Позже всѣ эти отдѣльные, временные, индивидуальные эдикты были замѣнены однимъ общимъ и постояннымъ, который назывался *Edictum perpetuum*: составленный Сальвіемъ Юліаномъ, онъ былъ утвержденъ и опубликованъ въ царствованіе Адріана. Такъ образовалось нѣчто подобное своду, надъ постепеннымъ составленіемъ котораго работало десять поколѣній магистратовъ и юрисконсультовъ.

Это право постоянно развивалось, переживая измѣненія, принимая дополненія. Съ одной стороны, римское государство продолжало законодательствовать, причемъ органомъ его являлось уже не народное собраніе, а сенатъ. Послѣднее учрежденіе въ продолженіе пяти вѣковъ императорской эпохи не переставало работать для законодательнаго дѣла. Сенатусконсульты имѣли всѣ силу закона въ теченіе всей эпохи Имперіи, какъ бы замѣняя прежніе народные *leges* [2].

(Didot) съ присоединенымъ къ нему примѣчаніемъ (t. II, p. 964). Ср. *Caes.* VI, 16 и *Diodor.* V, 32.

[1] „Ut quodcunque populus iussisset, id ius ratumque esset."— Таковъ принципъ, высказанный уже Ливіемъ (VII, 17). Его раздѣляютъ еще раньше Цицеронъ, позже Гай, Помпоній и др.

[1] *Pompon.* Dig. I, 2, § 10: „Magistratus, ut scirent cives, quod ius in quaque re quisque dicturus esset, edicta proponebant; quae edicta ius honorarium constituerunt."

[2] *Gai.* I, 4: „Senatusconsultum est, quod senatus iubet atque constituit, idque legis vicem obtinet."—*Dig.* V, 3, 20 „ Q. Iulius

Съ другой стороны, императоръ, какъ и всѣ магистраты старой республики [1], обладалъ правомъ издавать эдикты. Эдиктъ консула или претора былъ дѣйствителенъ лишь до тѣхъ поръ, пока оставался въ должности обнародовавшій его магистратъ; такъ же точно эдиктъ принцепса примѣнялся, сохраняя силу до конца его царствованія. Законъ, исходившій отъ сената, сохранялъ силу для всего будущаго; эдиктъ, исходившій отъ императора, терялъ ее въ теоріи со смертью его автора. Но на практикѣ обыкновенно происходило такъ, что послѣ смерти каждаго императора собирался сенатъ, оцѣнивая достоинство царствованія, которое только что окончилось, и обсуждалъ вопросъ, слѣдуетъ ли уничтожить навсегда совершенные умершимъ государемъ акты, или наоборотъ утвердить и укрѣпить ихъ и на будущія времена [2]. Такая «ратификація»,

Balbus et P. Iuventius Celsus consules verba fecerunt (in senatu) de his, quae imperator Caesar Hadrianus Augustus proposuit, quid fieri placet, de ea re ita censuerunt.“ — Авторы приводятъ нѣсколько примѣровъ законовъ, предложенныхъ въ сенатѣ императоромъ или магистратомъ и обсуждавшихся имъ. См. *Tac.* Ann. XI, 24; XVI, 7; ср. *Ulpian.* Dig. XI, 4, 3; XVII, 2, 52.—Законодательная власть сената удержалась до конца, по крайней мѣрѣ, въ теоріи: извѣстно, что кодексы Θеодосія и Юстиніана были представлены въ сенатъ и отъ него получили законную санкцію.

[1] *Cic.* In Verr. II, 1, 42—45; *Liv.* II, 24; VI, 28; XXIII, 32; XXIV, 2.—*Aul. Gell.* XV, 11. *Gai.* I, 6.

[2] Біографъ Адріана разсказываетъ, что только едва-едва не осуществилась отмѣна всѣхъ актовъ этого императора сенатомъ (*Spartian.* Hadr. 27: „Acta eius irrita fieri senatus volebat, nec appellatus esset divus“).—Онъ не утвердилъ актовъ Тиберія, Калигулы, Нерона, Домиціана (*Dio*, LX, 4). То же самое повторилось съ Коммодомъ (*Lamprid.* Comm. 17); надо къ этому прибавить списокъ государей, которые, такъ сказать, только появлялись на престолѣ, какъ Гальба, Оттонъ, Вителлій; позже Гета, Каракалла, Макринъ.

дѣло чрезвычайно важное и серьезное, которая осуществлялась въ формѣ «апоθеозы» императора, только что окончившаго жизнь, обращала всѣ эдикты умершаго въ столько же законовъ, освященныхъ разъ навсегда. Такъ какъ въ такой «consecratio memoriae» отказано было лишь очень немногимъ императорамъ, то произошло, что ихъ эдикты, декреты, рескрипты мало по малу приравнялись къ законамъ, и можно безъ преувеличенія сказать, что императоры пріобрѣли законодательную власть.

Юрисконсульты получили возможность проповѣдывать аксіому: «что постановилъ государь, то имѣетъ силу, равную закону». Они указали также мотивъ и дали объясненіе формулированной доктрины: «потому что, говорятъ они, гражданство передало ему и воплотило въ его личности все свое самодержавіе и всѣ свои права» [1].

Когда мы представимъ себѣ весь длинный рядъ императоровъ, среди которыхъ можно насчитать лишь немного такихъ, которые по таланту или характеру стояли выше средняго уровня человѣчества, а нѣкоторые были даже гораздо ниже его, мы прежде всего склонны думать, что они способны были творить лишь плохіе законы. Но на дѣлѣ оказывается нѣчто противоположное. Законодательство ихъ сохранилось, и оно по заслугамъ прошло черезъ столько вѣковъ. Надо даже особенно замѣтить, что всеобщее удивленіе, которое высказывали новыя государства по отношенію къ римскому праву, вызвано было спеціально законодательными трудами императоровъ и ихъ юрисконсультовъ.

[1] „Quod principi placuit, legis habet vigorem, utpote quum lege regia populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat“ (*Ulpian.* Dig. I, 4, 1; *Gai.* I, 5; *Iustin.* Instit. I, 2, 6).

Когда говорили, что римское право есть писаный разумъ, имѣли въ виду спеціально право императорской эпохи [1].

Причину, почему законодательство римскихъ императоровъ достигло такой высоты, надо искать въ томъ, что они удержали развитіе права на томъ же пути, на какой его поставили предшествующіе вѣка. Право оставалось по прежнему выраженіемъ воли государства или общественной власти. Хотя теперь законъ издавался однимъ лицомъ, а раньше народнымъ собраніемъ, но существенныя свойства его оставались тѣми же. Онъ являлся выраженіемъ общаго интереса, сочетавшагося съ принципами естественной справедливости. Чтобы понять и вѣрно оцѣнить это римское право, надобно сравнить его съ тѣмъ, что существовало въ мірѣ до и послѣ него: до него господствовало право религіозное, послѣ него—феодальное.

По мѣрѣ того какъ Галлы принимали римское законодательство, они не могли не ставить его рядомъ со своими старыми національными законами, которые остались у нихъ какъ наслѣдіе клановыхъ традицій

[1] Надо дѣйствительно понимать и помнить, что эти тысячи императорскихъ эдиктовъ или рескриптовъ, которые мы находимъ въ Дигестахъ и Кодексахъ подъ именемъ того или другого императора, вырабатывались и приготавливались предварительно тѣми знатоками права, которые составляли императорскій совѣтъ. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что императоры были окружены юрисконсультами, съ которыми они работали почти постоянно. См. напр. *Capitolin.* Antonin. 12: „Multa de iure sanxit Antoninus ususque est iuris peritis Salvio, Valente, Maeciano, Iavoleno.“—*Dig.* XXXVII, 14, 17; „Cum Macciano et aliis amicis nostris iuris peritis adhibitis plenius tractaremus.“—*Lamprid.* Alex. Sev. 17: „Nullam constitutionem sacravit sine viginti iuris peritis et doctissimis ac sapientibus viris non minus quam quinquaginta... ita ut iretur per sententias singulorum ac scriberetur, quid quisque dixisset.“

или могущества друидовъ. Они убѣдились изъ такого сопоставленія, что новый законъ укрѣплялъ индивидуальную собственность, уравнивалъ между собою права всѣхъ дѣтей однихъ родителей, объявлялъ жену свободною отъ супружескаго права жизни и смерти, которое надъ нею тяготѣло; что сынъ получалъ извѣстныя права даже по отношенію къ отцу; что разрѣшалась свобода завѣщанія... Они усмотрѣли еще въ римскомъ законѣ, что онъ открывалъ просторъ для независимыхъ дѣловыхъ контрактовъ, что имъ уничтожалась кабала за долги, смягчалось самое рабство. Одна вещь должна была особенно поразить вниманіе: оказывалось, что общественная власть по римскому праву должна была давать защиту и покровительство людямъ всѣхъ классовъ, что всякій могъ найти въ верховной власти государства опору, что слабые встрѣчали въ ней охрану противъ сильныхъ, и что поэтому они не были больше принуждены, какъ во времена національной независимости, прибѣгать къ частному патронату магнатовъ и вступать къ нимъ въ подчиненіе.

Правда, что уголовное право оставалась суровымъ: всякое преступленіе, посягавшее на безопасность общества или нарушавшее покорность правительству, которое какъ бы представляло въ себѣ первое, подвергалось безпощадной карѣ; смертная казнь въ самыхъ страшныхъ ея формахъ, конфискація имущества и тюрьма поражали виновнаго за сравнительно легкіе проступки. Если гражданское право, несомнѣнно, было проникнуто уваженіемъ къ интересамъ и достоинству человѣческой личности, уголовное подчинялось главнымъ образомъ идеѣ государственной пользы, и, можетъ быть, даже преувиличивало дань, должную общему интересу. Однако современники какъ будто не замѣчали

этой суровости именно потому, что судили при помощи сравненія: они скорѣе думали, что новое право менѣе строго, чѣмъ то, которому они до тѣхъ поръ повиновались. Наказанія, которыя назначалъ римскій законъ, конечно, не были болѣе жестоки, чѣмъ казни, налагавшіяся нѣкогда друидами.

Особенно цѣнилось то преимущество, которое получалось отъ исчезновенія въ уголовномъ законѣ категоріи преступленій чисто нравственнаго или религіознаго характера. Это дѣйствительно заслуга законодальства, вырабатывшагося отъ Августа до Константина, которую необходимо отмѣтить. Мы видимъ, что въ немъ уничтожаются тѣ мелочныя и тираническія предписанія и запрещенія, которыми первобытные законы и обычаи всѣхъ вообще народовъ опутываютъ частную жизнь и совѣсть людей. Древнее право Галліи, совершенно такъ же, какъ первобытный законъ Индіи, Греціи, да и самаго Рима въ первоначальную эпоху, представляло собою нераздѣлимую связку гражданскихъ, религіозныхъ и нравственныхъ формулъ. Оно порабощало одинаково тѣло и душу, не оставляя въ человѣческомъ существѣ ничего свободнаго [1]. Великимъ благодѣяніемъ, оказаннымъ Римомъ, было отдѣленіе права отъ религіи: вотъ чѣмъ вліяніе его было освободительно. Его законодательство занималось нормировкою и защитою лишь индивидуальныхъ и соціальныхъ интересовъ; оно преслѣдовало только дѣянія, которыми затрогивалось общественное благо. Совѣсть, нравы, частная жизнь оказались освобожденными.

Надписи, въ которыхъ раскрываются формы и явленія повседневной жизни, показываютъ намъ, что Галлы усвоили римское право. Мы видимъ, что у нихъ

[1] См. мою книгу—„Гражданская община античнаго міра".

стало практиковаться наслѣдованіе имуществъ по тѣмъ же началамъ, какъ и въ Римѣ, то-есть, по принципу равнаго раздѣла между всѣми дѣтьми. Въ этихъ памятникахъ обнаруживается освобожденіе рабовъ, совершаемое римскимъ способомъ и приводящее къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и въ Римѣ [1]. Наконецъ постоянно встрѣчаемъ примѣненіе римской системы передачи наслѣдствъ по завѣщаніямъ [2]. На одной изъ такихъ надписей начертано завѣщаніе одного уроженца Лангрскаго края: въ немъ сейчасъ узнается и духъ, и форма римскаго завѣщанія [3]. Вполнѣ вѣроятно, что параллельно съ этимъ не прекращали существованія и нѣкоторые галльскіе обычаи; но ни надписи, ни авторы не указываютъ ни на одинъ изъ нихъ.

Пятнадцать поколѣній жителей Галліи повиновались римскому праву, и во множествѣ оставшихся документовъ всякаго рода, которые открываютъ намъ ихъ мысли и чувства, нѣтъ ни одного признака жалобъ или недовольства ихъ этимъ законодательствомъ. Позже, поколѣнія, которыя присутствовали при паденіи Имперіи, дѣлали единодушныя усилія, чтобы сохранить эти законы. Еще позже тѣ, которыя застали уже римское

[1] Мы находимъ вольноотпущенниковъ по всей Галліи—въ Тирѣ, Ксантенѣ (*Brambach*, 203, 366, 767 etc.), Аваншѣ, Женевѣ (*Inscr. Helv.* 99, 201; *C.I.L.* XII, 3702, 4299, 4422, 4632, etc; p. 963; 966).

[2] Многіе надгробные памятники носятъ формулу „heres ex testamento posuit". См. *Inscr. helv.* 102, 192, 251, 254, *Herzog*, 422; *Allmer*, 165, 166, 184.—Ср. еще „testamentarii heredes"—*Herzog*, 167; *Julliot*, Monum. du musée de Sens, 41; *C.I.L.* XII, 1115, 3538, 599, 2365, 2928, 3399, 3564, 4580, 5273.

[3] Можно найти его текстъ въ „Bulletin èpigraphique de la Gaule", t. I, p. 22.—Ср. завѣщаніе одного жителя Нима въ *C.I.L.* XII, 3861.

право отмѣненнымъ, непрестанно сожалѣли объ этомъ и работали изъ вѣка въ вѣкъ для его возрожденія.

ГЛАВА XI.

Устройство суда.

1.

Кому принадлежало право судить?

Галльскій народъ въ періодъ независимости подчинялся преимущественно суду друидовъ. Жрецы тогда обладали кромѣ права отлученія еще правомъ произносить смертные приговоры. Какъ представителямъ общества имъ принадлежала функція преслѣдованія и наказанія преступленій; они же разбирали споры, возникавшіе даже между частными лицами, такъ, напримѣръ, ими разрѣшались тяжбы, относившіяся къ «межамъ полей и къ наслѣдованіямъ имущества» [1]. Галльскія племена считали, что лучшею юридикціею являлась та, которая исходила отъ боговъ и выполнялась ихъ служителями. [2].

Римляне смотрѣли на дѣло иначе. Они придерживались воззрѣнія, что право судить и наказывать не можетъ принадлежать никому другому кромѣ государства. Только общественной власти, думали они, присуще налагать наказаніе отдѣльнымъ личностямъ и

[1] *Caes.* Bell. gall. VI, 13: „Fere de omnibus controversiis publicis privatisque constituunt, si quod admissum facinus, si caedes facta, si de hereditate, si de finibus controversia est, decernunt.“ Объ этомъ уже говорилось въ первой части настоящаго тома.

[2] Намъ не для чего повторять то, что мы говорили выше, то-есть, что во времена Цезаря у Галловъ уже зарождался государственный судъ. Но этотъ же авторъ утверждаетъ, что главнымъ образомъ юстиція все таки оставалась въ рукахъ друидовъ.

даже разрѣшать споры между частными людьми. У нихъ юстиція вмѣсто того, чтобы входить въ религію, являлась элементомъ государственнаго правленія. Римское владычество распространило въ Галліи господство именно этого принципа.

Въ Римѣ всякое лицо, которому вручено было *imperium*, то-есть, въ которомъ воплощалась часть верховной власти государства (гражданской общины), могъ и долженъ былъ судить. Консулы, преторы, даже трибуны обладали судебною компетенціею [1]. Всякій магистратъ пользовался принудительною властью надъ личностью гражданъ *(ius coercendi)* [2]; всякій магистратъ являлся органомъ права *(dicebat ius)*. Проконсуламъ и императорскимъ легатамъ въ провинціяхъ принадлежали тѣ же самые аттрибуты [3].

[1] *Cic.* De legib. III, 3: „Omnes magistratus iustitiam habento“.— *Aul. Gell.* XIII, 12; 13.—*Pompon.* Dig. I, 2, 2, § 10: „Eo tempore magistratus iura reddebant, et ut scirent cives, quod ius de quaque re quisque dicturus esset, edicta proponebant“.

[2] *Ulpian.* Dig. II, 4, 2: „Magistratus... imperium habent et coercere aliquem possunt et iubere in carcerem duci“.

[3] Мы занимаемся Галліею, а не Римомъ; поэтому намъ незачѣмъ останавливаться на юрисдикціи сената: онъ въ этомъ смыслѣ былъ наслѣдникомъ комицій; мы не будемъ также говорить о судилищѣ центумвировъ, которое также связывается съ древними римскими традиціями, ни еще о quaestiones, которыя не были распространены на провинціи.—Нужно однако указать, что жители провинцій, бывшіе римскими гражданами, могли быть призваны къ участію въ судахъ присяжныхъ и занесены въ длинные списки 5000, такъ называемыхъ „iudices ex quinque decuriis“. См. *Plin.* H. n. XXIX, 8, 18: „Qui de nummo iudicet a Gadibus arcessitur“.—*Ibid.* XXXIII, 7, 3: „Quatuor decuriae fuere primo, vixque singula milia in decuriis inventa sunt, nondum provinciis ad hoc munus admissis“.—Это была большая честь, и достигшій ея не упускалъ обычая распорядиться объ означеніи этого факта на его эпитафіи. См. *Henzen*, 6467: „Allecto in quinque decurias Romae iudicantium“. *Ibid.* 6956 etc.—*C.I.L.* XII, 1114, 1358, 3183, 3184.

То, что въ новыя времена стало называться раздѣленіемъ властей, было несовмѣстимо съ политическими понятіями Римлянъ. Намѣстники императора и провинціальные проконсулы соединяли въ своихъ рукахъ, какъ и самъ императоръ, всѣ элементы власти. Они были въ одно время администраторами, военачальниками и судьями [1].

Провинціальный правитель, говорятъ юрисконтульты, обладаетъ *imperium*'омъ надъ всѣмъ населеніемъ своей области. Между тѣмъ, *imperium* «включаетъ въ себѣ право меча, то-есть, полномочіе наказывать преступниковъ, а также гражданскую юрисдикцію, которая выражается въ способности утверждать въ правахъ владѣнія имуществами» [2].

Стало быть, съ одной стороны, онъ облеченъ былъ уголовною юрисдикціею: «Онъ обязанъ очищать провинціи отъ лихихъ людей, разыскивать виновныхъ въ кощунствѣ, разбойниковъ, похитителей людей, вообще всѣхъ воровъ и наказывать каждаго, смотря по его преступленію» [3]. Онъ могъ примѣнять всю лѣстницу наказаній: смерть, каторжныя работы въ рудникахъ,

[1] Поэтому ихъ называли безъ различія попеременно *praesides, rectores, iudices*. Послѣдній терминъ получилъ даже преобладаніе въ языкѣ IV вѣка.

[2] *Paul.* Dig. I, 18, 3: „Praeses provinciae in suae provinciae homines imperium habet.“—*Ulpian.* Dig. I, 18, 6, § 8: „Qui provincias regunt, ius gladii habent“.—*Ibidem*, II, 4, 3: „Imperium aut merum aut mixtum est: merum est imperium habere gladii potestatem ad animadvertendum in facinorosos homines; mixtum est imperium, cui etiam iurisdictio inest quod in danda bonorum possessione consistit“.

[3] *Paul.* Dig. I, 18, 3: „In mandatis principum est, ut curet malis hominibus provinciam purgare“.—*Ulpian.* Ibid. I, 18, 3: „Sacrilegos, latrones, plagiarios, fures conquirere debet, et prout quisque deliquerit, in eum animadvertere“.

заключеніе, штрафы [1]. Онъ долженъ былъ подавлять всякое насиліе, всякое нарушеніе собственности, уничтожать всѣ незаконныя сдѣлки [2].

Съ другой стороны, онъ стоялъ во главѣ, какъ мы говоримъ, гражданскаго судопроизводства, которое Римляне спеціально обозначали терминомъ *iurisdictio*. Всякія тяжбы о собственности, наслѣдованіи, завѣщаніи, о правахъ личностей, то-есть, о свободѣ, вольноотпущенничествѣ или рабствѣ, предъявлялись ему. Онъ же утверждалъ такіе акты, какъ усыновленія, отпуски на волю, эманципаціи отъ отеческой власти; онъ же назначалъ опекуновъ [3].

Такимъ образомъ, намѣстникъ являлся единственнымъ судьею въ провинціи, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ. Онъ наказывалъ преступленія, онъ же устанавливалъ право въ кругу опредѣленія гражданскихъ интересовъ. Всѣ судебныя функціи, которыя въ Римѣ раздѣлялись между нѣсколькими магистратами, соединялись въ провинціяхъ въ рукахъ намѣстника [4].

Избранные вожди городскихъ общинъ являлись

[1] *Ulpian.* Dig. I, 18. 6, § 8: „Ius gladii habent, et in metallum dandi potestas eis permissa est.“—*Ibidem*, II, 4, 2: „Iubere in carcerem duci.“—I, 18, 6: „Si mulctam irrogavit.“

[2] Объ этомъ уже говорилось выше.

[3] *Marcian.* Dig. I, 16, 2: „Iurisdictionem voluntariam, ut ecce manumitti apud eos possunt tam liberi quam servi et adoptiones fieri.“—*Ulpian.* Ibid. I, 18, 2: „Praeses apud se adoptare potest, et emancipare filium, et manumittere servum.“ — *Ibiaem*, II, 1, 1: „Pupillis non habentibus tutores constituere.“

[4] *Ibidem*, I, 6, 7, § 2: „Qum plenissimam iurisdictionem proconsul habeat, omnium partes, qui Romae vel quasi magistratus vel extra ordinem ius dicunt, ad ipsum pertinent.“ — *Ibid.* I, 18, 11: „Omnia provincialia desideria, quae Romae varios iudices habent, ad officium praesidum pertinent.“—I, 18, 2: „Qui provinciae praeest, omnium Romae magistratuum vice et officio fungi debet.“

также магистратами; они должны были поэтому обладать юрисдикціею. Дѣйствительно ихъ оффиціальный титулъ былъ—*duumviri iuri dicundo*. Но въ ихъ компетенціи этотъ основной принципъ проведенъ былъ менѣе отчетливо и рѣшительно, чѣмъ въ кругу дѣятельности, предоставленномъ правителямъ провинцій. Если мы пересмотримъ тексты юрисконсультовъ въ Дигестахъ, мы не найдемъ въ нихъ ясной формулировки судебныхъ правъ муниципальныхъ магистратовъ. Напротивъ мы встрѣчаемъ въ нихъ указанія, что они не могли произносить приговоры даже надъ рабомъ, изъ чего вытекаетъ, что они, тѣмъ болѣе, были лишены уголовной юрисдикціи надъ людьми свободными [1]. Далѣе мы находимъ утвержденія, что дуумвиры не могли налагать наказаній [2]. Еще позже законъ воспретилъ муниципальнымъ начальникамъ присуждать къ штрафамъ и, въ уголовной области, возложилъ на нихъ лишь обязанность арестовывать виновныхъ и доставлять ихъ въ судъ [3]. Даже въ гражданской области, узнаемъ мы изъ одного отрывка Ульпіана, жалобы представлялись провинціальному намѣстнику, который только поручалъ предварительное слѣдствіе муниципальнымъ магистратамъ [4]. Итакъ по многимъ

[1] *Ulpian.* Dig. II, 1, 12: „Magistratibus municipalibus supplicium a servo sumere non licet; modica autem castigatio eis non deneganda."

[2] *Ibidem,* II, 3, 1: „Omnibus magistratibus, non tamen duumviris, concessum est iurisdictionem suam defendere poenali iudicio."

[3] *Cod. Iust.* I, 55, 5: „Defensores (civitatum) nullas infligant mulctas, severiores non exerceant quaestiones".—*Ibidem*, 7: „Defensores civitatum oblatos sibi reos in ipso latrocinio aut perpetrato homicidio vel stupro ... expresso crimine cum his, a quibus fuerint accusati, ad iudicium dirigant."

[4] *Ulpian.* Dig. XXXIX, 2, 4: „Dies cautioni praestitutus si finietur, praesidis officium erit vel reum notare vel protelare eum, et,

признакамъ кажется, что послѣдніе принимали лишь очень мало самостоятельнаго участія въ судопроизводствѣ [1].

Если мы обратимся къ другимъ писателямъ, не юридическимъ, то власть муниципальныхъ магистратовъ въ области суда нарисуется болѣе значительною. Светоній изображаетъ намъ одного муниципальнаго эдила, творящимъ судъ съ высоты трибунала [2]. Сикулъ Флаккъ обозначаетъ, какъ общее правило, что «муниципальные магистраты обладаютъ властью брать и судить [3]».

Бѣдность документовъ, можно даже сказать, ихъ полное отсутствіе по данному вопросу, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается Галліи, оставляетъ вопросъ о муниципальной юрисдикціи въ большой темнотѣ.—Вотъ что мы считаемъ здѣсь вѣроятнымъ: 1) Отношеніе между муниципальною юстиціею и судебными правами провинціальнаго намѣстника никогда не было опредѣлено точнымъ образомъ, откуда произошло, что послѣдній могъ дѣлать въ этой области все, что хотѣлъ.—2) По праву,

si hoc localem exigit inquisitionem, ad magistratus municipales hoc remittere. Si intra diem non caveatur, in possessionem eius rei mittendus est... Duas ergo res magistratibus municipalibus praeses iniunxit, cautionem et possessionem, cetera suae iurisdictioni reservavit."

[1] *Lex Rubria*, изданный для муниципіевъ римскаго права въ Цизальпійской Галліи, упоминаетъ формально о юрисдикціи дуумвировъ по гражданскимъ дѣламъ (de damno infecto, de familia erciscunda, de pecunia certa credita), но только до цифры довольно низкой, въ 15000 сест. (см. XIX—XXIII). Дѣйствіе этого закона не распространялось, впрочемъ, на Заальпійскую Галлію.

[2] *Suet.* De clar. orat. 6: „Albutius Silus, Novariensis, quum aedilitate in patria fungeretur, quum forte ius diceret... a tribunali detractus est".

[3] *Siculus Flaccus* („Gromatici veteres", ed. Lachmann, p. 135): „Municipiorum magistratibus ius dicendi coercendique est libera potestas".

муниципальная юстиція (за исключеніемъ римскихъ колоній) формально не признавалась; такъ какъ магистраты городовъ не обладали *imperium*'омъ, юрисконсультъ не могъ видѣть въ нихъ настоящихъ судей.— 3) На практикѣ, многія дѣла ими разрѣшались окончательно; другія разсматривались ими, но съ обязанностью подвергать рѣшенія утвержденію провинціальнаго намѣстника.—4) Въ уголовной области часто происходило, что муниципальные магистраты производили преслѣдованія, руководили слѣдствіемъ, судили, но въ случаѣ обвиненія представляли свои приговоры къ утвержденію намѣстника, который одинъ могъ произносить смертные приговоры [1]. Въ общемъ выводѣ муниципальные суды существовали фактически, но обладали лишь узкою, низшею и какъ бы временною компетенціею. Безъ сомнѣнія, судебная власть въ настоящемъ смыслѣ слова, полная и сильная, принадлежала лишь представителю центральнаго правительства. «Нѣтъ ни одного судебнаго дѣла въ провинціи, говоритъ Ульпіанъ, котораго бы онъ не разрѣшалъ» [2].

Провинціальный намѣстникъ судилъ часто чрезъ уполномоченныхъ имъ лицъ. Онъ не въ силахъ былъ,

[1] Такъ можно объяснить роль Пилата въ евангельскомъ повѣствованіи о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ. Арестъ и судъ были произнесены мѣстными (муниципальными) начальниками; но приговоръ могъ получить силу только отъ него.—Точно также Евреи принуждены были подвергнуть утвержденію провинціальнаго намѣстника осужденіе апостола Павла (см. Дѣянія Апостоловъ, гл. 24 и 25).—Нужно, впрочемъ, говоря о римской Имперіи, всегда имѣть въ виду, что правила и обычаи въ различныхъ провинціяхъ были неодинаковы.

[2] *Ulpian.* Dig. I, 16. 9: „Nec quisquam est in provincia, quod non per ipsum expediatur".—Ульпіанъ дѣлаетъ исключеніе для causae fiscales, которыя рѣшались самимъ императоромъ или его финансовыми чиновниками—прокураторами.

конечно, лично рѣшать всѣ дѣла, возникавшія на такихъ обширныхъ территоріяхъ, какъ Нарбонская или Бельгійская Галліи; поэтому онъ передавалъ, если хотѣлъ, свои права лицамъ, которыя судили отъ его имени. У него были, прежде всего, всегда одинъ или два помощника (*legati proconsulis*), которые судили, какъ его замѣстители въ гражданскомъ и уголовномъ порядкѣ, представляя его и его полномочія [1]. Затѣмъ онъ могъ по желанію назначать судей низшей категоріи (*iudices pedanei*). Ихъ аттрибуты намъ мало извѣстны, но ясно одно, что они назначались именно правителемъ провинціи [2], такъ что они не были, собственно, государственными чиновниками, но агентами

[1] *Legatus proconsulis* былъ чиновникомъ, дѣйствовавшимъ лишь по порученіямъ провинціальнаго намѣстника, которыя давались ему лично особымъ распоряженіемъ: „Mandare iurisdictionem vel non mandare est in arbitrio proconsulis; adimere mandatam iurisdictionem licet proconsuli; non autem debet inconsulto principe hoc facere" (*Ulpian.* Dig. I, 16, 6). Полномочіе такого рода во всякомъ случаѣ прекращалось со смертію проконсула (*Dig.* II, 1, 5—6). Легатъ подчиненъ былъ не императору, а намѣстнику; потому то юрисконсультъ устанавливаетъ правило, что онъ долженъ обращаться за совѣтами къ послѣднему, а не къ первому, и что послѣдній долженъ отвѣчать самъ на запросы легатовъ (*Ulpian.* Dig. I, 16, 6, § 2). Легаты проконсуловъ, говоритъ Помпоній (*Dig.* I, 16, 13) не обладаютъ самостоятельною компетенціею, они судятъ тѣ дѣла, которыя имъ поручаетъ проконсулъ. Они не могли произносить смертные приговоры: „Si quid erit, quod maiorem animadversionem exigat, reicere legatus apud proconsulem debet, neque enim animadvertendi, coercendi vel atrociter verberandi ius habet" (*Dig.* I, 16, 11).

[2] *Cod. Iust.* III, 3, 2; „Praesides provinciarum... pedaneos iudices dant".—*Ibidem*, III, 3, 5: „Pedaneos iudices constituendi damus praesidibus potestatem". —Два приведенныхъ постановленія принадлежатъ Діоклетіану и Юліану; но учрежденіе iudices pedanei болѣе древнее; о нихъ уже говоритъ Ульпіанъ: „Si quis ad pedaneum iudicem vocatus" (*Dig.* II, 7, 3).

или уполномоченными намѣстника. Очень вѣроятно, что они не являлись судьями, назначенными въ опредѣленные округи, чтобы вѣдать въ нихъ всякія судебныя дѣла, но что имъ поручалось веденіе какой-нибудь специальной категоріи дѣлъ [1]. Законъ воспрещалъ имъ разсматривать дѣла большой важности, напримѣръ, процессы о свободномъ происхожденіи (*ingenuitas*) [2]. Наконецъ, провинціальный губернаторъ имѣлъ право давать судью сторонамъ въ каждомъ отдѣльномъ процессѣ [3]. Такой пріемъ, очень часто употреблявшійся, даже сдѣлавшійся обычнымъ въ древнемъ Римѣ, распространился и въ провинціальномъ мірѣ. Стороны являлись къ правителю, представляли предметъ тяжбы; онъ поручалъ судьѣ, назначенному имъ самимъ, приступить къ разслѣдованію данныхъ и сообщалъ послѣднему напередъ формулу, которая какъ бы заранѣе диктовала ему, смотря потому, какіе факты обнаружатся, рѣшеніе, которое онъ долженъ произнести. Иногда сравнивали эту процедуру съ новѣйшимъ судомъ присяжныхъ; но она ни въ чемъ на него непохожа. Этотъ *iudex* исполнялъ только специальное порученіе своего начальника. Послѣдній могъ всегда, если хотѣлъ, судить самолично, онъ «давалъ особаго судью» сторо-

[1] Это, мнѣ кажется, вытекаетъ изъ терминовъ въ постановленіи Юліана „Pedaneos iudices, hoc est qui negotia humiliora disceptent", а также въ діоклетіановскомъ: „De his causis, in quibus pedaneos iudices dabant".

[2] „De ingenuitate praesides ipsi iudicent" (*Cod. Iust.* III, 3, 2— законъ Діоклетіана.

[3] *Dig.* L, 18, 8: „Non imponi necessitatem proconsuli, vel legato eius, vel praesidi suscipiendae cognitionis, sed eum aestimare debere, utrum ipse cognoscere, an iudicem dare debeat".—II, 1, 1: „Iudices litigantibus dare".—*Cod. Iust.* III, 3, 2: „Praesidibus... dandi iudices licentia credatur".

намъ по такому то отдѣльному дѣлу лишь тогда, когда желалъ уменьшить себѣ работу [1].

Въ результатѣ, право суда не принадлежало въ римской Галліи ни особому сословію судей, которые назначались бы пожизненно, какъ въ современныхъ обществахъ, ни коллегіямъ присяжныхъ, ни народнымъ собраніямъ; оно всецѣло и исключительно вхо-

[1] Въ этомъ заключается различіе между *ius* и *iudicium*, которое такъ хорошо опредѣлилось въ понятіяхъ римскихъ юрисконсультовъ и ихъ привычкахъ. *Ius*—это право въ собственномъ смыслѣ, и намѣстникъ одинъ „говорилъ" его, давая заранѣе рѣшеніе, выраженное въ писаной формулѣ.—*Iudicium*—это было сужденіе о фактахъ даннаго процесса, которое вызывало рѣшеніе или приводило къ нему.—Въ повседневномъ языкѣ говорили *in ius ire*: отправиться въ трибуналъ магистрата; *in iudicio esse*: отвѣчать передъ *iudex*. Но нужно хорошо помнить, что во всѣ эпохи этотъ *iudex* дѣйствовалъ лишь по порученію магистрата, объявляя рѣшеніе, заранѣе уже данное послѣднимъ, въ зависимости отъ фактическихъ результатовъ разбора дѣла.—Разсмотрѣніе процесса уполномоченнымъ судьею (*iudex*) называлось въ римскомъ судопроизводствѣ *ordo iudiciorum, iudicia ordinaria*, иногда *ius ordinarium*.—Второй же видъ процедуры носилъ наименованіе *cognitio*; когда магистратъ судилъ лично, говорили „praeses cognoscit".—См. *Suet.* Claud., 15: „Negabat eam rem cognitionis esse, sed ordinarii iuris."—*Cod. Iust.* III, 3, 2: „Cognoscere... iudices dare".—Новѣйшіе историки права (особенно Ф. Келлеръ) создали теорію противоположности этихъ двухъ формъ судопроизводства, утверждая, будто первая одна практиковалась во время республики, вторая же замѣнила ее со временъ Діоклетіана. Мнѣ кажется, что эта теорія должна быть тщательнѣйшимъ образомъ провѣрена, и что тогда она представится сильно преувеличенною.—Обѣ процедуры одинаково примѣнялись во время Имперіи и всегда по выбору магистрата: „Praeses aestimare debet, utrum ipse cognoscere an iudicem dare debeat" (*Iulian.* Dig. I, 18, 8).—Говорятъ, что *cognitio* одержала къ концу Имперіи верхъ надъ *ius ordinarium*; это вѣрно, но фактъ объясняется очень неточно. Глассонъ сообщаетъ (*Hist. du droit*, I, 515), что одно постановленіе Діоклетіана отъ 294 г. отмѣнило *iudicium*, уничтожило

дило въ компетенцію человѣка, который легально одинъ былъ въ провинціи магистратомъ, то-есть, обладателю *imperium'a*, областному начальнику, проконсулу или императорскому легату.

2.

Consilium.

Этотъ всемогущій магистратъ, который одинъ былъ облеченъ судебною властью, фактически не могъ никогда оставаться одинокимъ при отправленіи своей функціи. Мы сейчасъ увидимъ здѣсь, что Римляне, очень абсолютные въ теоріи, не всегда оставались такими же на практикѣ. Въ судебномъ устройствѣ, какъ и во всемъ другомъ, они придумывали ограниченія и обходы, которые, не ослабляя власти, смягчали ея проявленіе.

Самъ императоръ, когда творилъ судъ, былъ окруженъ Сов омъ [1]. Конечно, никто не обязывалъ его дѣйствовать овмѣстно съ этимъ Совѣтомъ: онъ самъ понятіе *ius dare*, явку *in iudicio*. Между тѣмъ это (*Cod. Iust.* III, 3, 2) наоборотъ гласитъ: „Si praesides propter causarum multitudinem non potuerint iudicare, iudices dandi habeant potestatem“.—Шестьдесятъ восемь лѣтъ спустя, другое императорское постановленіе подтвердило то же правило (*Ibid.* III, 2, 5). Что касается объясненія, которое даютъ по этому поводу ученые, то-есть, что прямое разсмотрѣніе дѣлъ магистратомъ (*cognitio*) „болѣе соотвѣтствовало императорскому порядку, который стремится дать все въ руки чиновниковъ“, то оно безусловно ложно: заблужденіе это могло вырости изъ невѣрнаго взгляда на то, что такое былъ *iudex*. Въ этомъ вопросѣ совершенно не замѣшаны ни свобода, ни деспотизмъ.

[1] *Plin.* Epist. IV, 22: „Interfui principis cognitioni, in consilium assumptus“.—*Spartian.* Hadr. 8: „Erat tunc mos, ut, quum princeps causas cognosceret, senatores et equites romanos in consilium vocaret“.—*Ibid.* 12: „Quum iudicaret, in consilio habuit...“

кромѣ того назначалъ его членовъ, но онъ не могъ выбирать ихъ иначе, какъ среди классовъ, наиболѣе высоко поставленныхъ и наиболѣе образованныхъ. Въ роли такихъ членовъ являлись сенаторы и всадники съ одной стороны, юрисконсульты съ другой [1]. Къ нимъ присоединялись еще высшіе чины различныхъ отдѣленій императорской (дворцовой) канцеляріи [2]. Эти люди, соединенные около государя и засѣдающіе въ одномъ съ нимъ трибуналѣ, не оставались безъ вліянія на ходъ дѣлопроизводства въ императорскомъ судѣ. Они слушали свидѣтельскія показанія и пренія; затѣмъ, по окончаніи разбора дѣла, прежде чѣмъ произносить приговоръ, императоръ спрашивалъ ихъ мнѣнія [3]. Иногда онъ предлагалъ имъ высказываться при помощи тайнаго голосованія [4]; другой разъ опрашивалъ ихъ устно, одного за другимъ, и они обязаны были громко заявлять свое сужденіе [5]. Императоръ былъ свободенъ оставлять ихъ совѣты безъ вниманія; по праву онъ рѣшалъ одинъ; фактически же

[1] *Ibidem*, 8: „Senatores et equites romanos“.—*Ibidem*, 18: „Quum iudicaret, in consilio habuit non amicos suos solum, sed iurisconsultos, praecipue Iulium Celsum, Salvium Iulianum, Neratium Priscum aliosque“.

[2] См. примѣръ у Діона Кассія (LX, 33).

[3] Это выводится изъ одного письма Плинія (*Epist.* IV, 22): „Quum sententiae perrogarentur, dixit Iunius Mauricus...“—*Idem*, VI, 22: „Recepta cognitio est, fui in consilio... Caesar perrogavit“.

[4] Это вытекаетъ изъ одного мѣста Светонія (*Aug.* 33): „Dixit ius summa lenitate... Quum de falso testimonio ageretur, non tantum duas tabellas, damnatoriam et absolutoriam, simul cognoscentibus dedit, sed tertiam quoque, qua ignosceretur iis, quos fraude et errore inductos constitisset“.—Эти *simul cognoscentes*—члены Совѣта; *tabellae*—это то, что мы бы назвали шарами для голосованія, и онѣ въ Римѣ всегда обозначаютъ тайную подачу.

[5] См. напримѣръ, дѣло, о которомъ разсказываетъ Плиній (*Epist.* IV, 22).

онъ невольно долженъ былъ подчиняться большинству голосовъ [1]. Иногда Совѣтъ судилъ даже въ отсутствіи императора, отъ его имени, какъ будто онъ самъ произносилъ приговоръ [2].

Провинціальный намѣстникъ, когда отправлялъ правосудіе, также былъ окруженъ совѣтомъ. Члены, его составлявшіе, именовались *consiliarii* или *assessores* [3]. Намѣстникъ выбиралъ ихъ самъ: они не назначались помимо его центральною властью и не посылались населеніемъ его области. Пополнялся такой Совѣтъ обыкновенно изъ трехъ элементовъ. Во-первыхъ, въ него входило нѣсколько такъ называемыхъ друзей или товарищей правителя (*amici, comites*), прибывшихъ въ страну вмѣстѣ съ нимъ изъ Рима; къ нимъ присоединялось также, во-вторыхъ, нѣсколько знатоковъ права [4]; наконецъ онъ звалъ въ свой Совѣтъ видныхъ представителей мѣстнаго общества. Всѣ

[1] *Spartian.* Hadr. 8: „Erat mos, ut... sententiam ex omnium deliberatione proferret".

[2] Это не явствуетъ изъ источниковъ; но такъ какъ количество дѣлъ, направлявшихся въ Совѣтъ, было безчисленно, такъ какъ они шли изъ всей Имперіи, то ясно, что Императоръ никакъ не могъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ.—Таково же мнѣніе *E. Cuq,* Le conseil des empereurs, p. 357. — Намъ не извѣстно, кому передавалось предсѣдательство въ Совѣтѣ въ случаѣ отсутствія Императора. Моммзенъ (*Staatsrecht,* II, 1006) приписываетъ это право префекту преторія.

[3] Одинаковость значенія обоихъ терминовъ обнаруживается изъ нѣсколькихъ текстовъ. *Suet.* Tib. 33: „Magistratibus pro tribunali cognoscentibus se offerebat consiliarium, assidebatque iuxtim".—*Idem,* Claud., 12: „Cognitionibus magistratuum, ut unus e consiliariis interfuit".—*Paul.* Dig. I, 22, 2: „Consiliarius eo tempore, quo assidet".—См. всю главу въ Дигестахъ — *De assessoribus.*

[4] *Paul.* Dig. I, 22, 1: „Officium assessoris, quo iuris studiosi funguntur".—Упоминаніе одного „iuris studiosus" въ нимскихъ надписяхъ см. въ *C. I. L.* XII, 3339, 5900.

они присутствовали при судоговореніи; по нѣкоторымъ признакамъ можно даже предполагать, что они могли принимать въ немъ болѣе активное участіе, ставить свои вопросы. Магистратъ, прежде чѣмъ произнести приговоръ, спрашивалъ ихъ мнѣнія. Всякому рѣшенію предшествовало краткое совѣщаніе между нимъ и его Совѣтомъ. Весьма вѣроятно, что онъ считалъ голоса, но опять же законъ не принуждалъ его сообразоваться съ воззрѣніемъ большинства. Онъ могъ всегда рѣшить дѣло вопреки мнѣнію Совѣта, но было необходимо, чтобы послѣдній былъ опрошенъ и выслушанъ [1].

Когда магистратъ «давалъ судью», то-есть, отказывался самъ отъ разслѣдованія обстоятельствъ дѣла, то этотъ новый судья могъ также призвать къ себѣ ассессоровъ [2].

[1] Начиная съ III вѣка, мы находимъ „ассессоровъ", получающихъ жалованіе. Таковъ, кажется, смыслъ отрывка Павла (Dig. L, 13, 4): „Divus Antoninus Pius rescripsit iuris studiosos, qui salaria petebant, haec exigere posse".—*Lamprid.* Alex., 46: „Adsessoribus salaria instituit".—Съ тѣхъ поръ при каждомъ провинціальномъ *praeses* полагалось нѣсколько штатныхъ *assessores.*—Лактанцій указываетъ какъ на уклоненіе отъ установленныхъ правилъ его времени, на тотъ фактъ, что Галерій посылалъ въ провинціи магистратовъ, не снабжая ихъ ассессорами (*Lactant.* De mort. persecut. 22).—Они стали настоящими государственными чиновниками, назначаемыми для сопровожденія намѣстниковъ, чтобы помогать имъ въ судѣ. Одинъ отрывокъ Павла (I, 22, 4) отожествляетъ такого *assessor* съ *comes* легата. Вытѣснила ли эта новая категорія штатныхъ ассессоровъ обычныхъ совѣтниковъ провинціальнаго правителя, то-есть, свѣдущихъ людей, которыхъ онъ приглашалъ въ свой трибуналъ для разсмотрѣнія всякаго дѣла? Указаній на это у насъ нѣтъ, но врядъ ли это вѣроятно. Совѣтъ могъ составляться одновременно изъ обоихъ элементовъ, ассессоровъ, посылавшихся изъ Рима, и мѣстныхъ именитыхъ людей. Очевидно, къ первой категоріи относится запрещеніе „adsidere in sua provincia" (*Dig.* I, 22, 3).

[2] Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, обычай въ Римѣ. См. *Cic.* Topic. 9; *Aul. Gell.* XIV, 2, 3.

Надобно хорошо помнить, что Совѣтъ, сопутствовавшій магистрату при отправленіи имъ судебныхъ функцій, не походилъ ни въ чемъ на современныхъ присяжныхъ. У него не было никакой самостоятельной власти. Онъ существовалъ только чрезъ магистрата или при немъ и имѣлъ только совѣщательное значеніе. Онъ не раздѣлялъ судебныхъ правъ магистрата: послѣдній сосредоточивалъ ихъ во всей полнотѣ въ своей личности.

Существуетъ однако одно законодательное постановленіе, обнаруживающее важность Совѣта. Въ немъ сказано, что «если совершенъ будетъ неправильный судъ по невѣжеству или небрежности совѣтника, то онъ, а не магистратъ будетъ подлежать за это отвѣтственности [1].

3.

Conventus.

Проконсулъ или императорскій легатъ, уполномоченный отправлять правосудіе на пространствѣ одной изъ четырехъ провинцій, на которыя раздѣлена была Галлія, не ожидалъ нуждающихся въ его юстиціи въ Ліонѣ, Трирѣ или Нарбонѣ. Онъ долженъ былъ объѣзжать свою область, посѣщать ея города. Вмѣстѣ съ нимъ мѣняло мѣсто и правосудіе; онъ являлся такимъ образомъ какимъ то странствующимъ носителемъ права: это не значитъ, что онъ могъ судить, такъ сказать, проѣздомъ, на дорогѣ; но онъ передвигалъ свой трибуналъ изъ одного центра въ другой, заранѣе обозначенный. Въ каждомъ установленномъ

[1] *Paul.* Dig. II, 2, 2: „Si assessoris imprudentia ius aliter dictum sit, quam oportuit, non debet hoc magistratui officere, sed ipsi assessori“.

пунктѣ, онъ открывалъ какъ бы временную сессію суда (*forum agebat*), которая на языкѣ того времени называлась *conventus* [1].

Conventus—это было, собственно, собраніе населенія. Оно сходилось по приказанію провинціальнаго намѣстника, въ назначенный имъ день, въ его присутствіи и, конечно, подъ его руководствомъ. Не будемъ думать, что дѣло идетъ тутъ обо всемъ населеніи. Очевидно, не совершалось всеобщаго передвиженія.

Губернаторъ можетъ завести рѣчь на подобномъ сходѣ о вопросахъ политики или администраціи; но ни въ какомъ случаѣ само собраніе не обсуждаетъ ихъ и, если оно высказываетъ какія-нибудь просьбы, то не выставляетъ никакихъ требованій; оно и собирается не въ качествѣ самостоятельной власти рядомъ съ властью намѣстника; оно подчинено ему и должно быть покорно; намѣстникъ обращается къ нему съ высоты трибунала; онъ передаетъ ему свои приказанія; такимъ способомъ можетъ онъ, напримѣръ, оповѣстить населеніе о суммѣ подати, которую оно должно будетъ внести, объявить ему цифру рекрутъ, которыхъ оно обязано будетъ выставить; онъ можетъ здѣсь еще

[1] *Liv.* XXXI, 29; XXXIV, 48; 50.—*Cic.* Brut. 62; pro Sextio, 56; in Verr. V, 11; IV, 48; Ad fam. XV, 4, 2; Ad Att. V, 14, 2; V, 21, 9; VI, 2, 4.—*Plin.* Epist. X, 66.—*Fest.* (ed. Müller, p. 84): „Is qui provinciae praeest, forum agere dicitur, quum civitates vocat et controversias earum cognoscit“.—Характеръ римскаго *conventus* хорошо изображенъ Титомъ Ливіемъ (XXXVI, 29). Здѣсь одинъ посолъ противополагаетъ *conventus*, собиравшіеся подъ предсѣдательствомъ римскаго магистрата, и *concilia* народовъ греческаго міра: „Excelso in suggestu, superba iura reddentem, stipatum lictoribus...“—Распространяя значеніе слова, подъ *conventus* стали также разумѣть „судебный округъ“. См. *Plin.* Hist. nat. III, 3, 4.

сообщить народу какой-нибудь спеціальный приказъ императора; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что *edicta ad provinciales*, *edicta ad Gallos* читались именно на сходкахъ такого рода.

Въ области судебной именно на *conventus* разбираются тяжбы и наказываются преступленія. Раньше чѣмъ приступать къ различнаго рода судебнымъ процессамъ, правитель собираетъ около себя мѣстныхъ жителей, которые должны будутъ ему помогать судить, назначаетъ тѣхъ, которые будутъ его ассессорами или фактически поведутъ слѣдствіе въ каждомъ дѣлѣ. Для провинціаловъ это большая честь—быть призванными къ такой роли; но подобная функція является вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ обязанностью, которую необходимо выполнять. Послѣ того какъ окончена эта первая организаціонная работа, начинаются судебныя разбирательства. Могутъ случиться несогласія между муниципальными общинами: намѣстникъ разрѣшаетъ ихъ самолично. Оказываются совершенными преступленія, которыя надо покарать: каждая община приводитъ къ суду правителя схваченныхъ виновниковъ, указываетъ ихъ дѣянія, сообщаетъ результаты произведенныхъ предварительныхъ слѣдствій и передаетъ ему произнесеніе окончательнаго приговора. Происходятъ тяжбы между частными лицами: стороны являются передъ магистратомъ, объясняютъ дѣло въ краткихъ словахъ; послѣдній препоручаетъ разсмотрѣніе его спеціальному *iudex*, если же оно представляетъ особую важность, рѣшаетъ его самъ.

Все это совершается публично при многочисленномъ стеченіи народа; но совершенно ясно, что, хотя здѣсь наблюдается большое соединеніе людей, совершенно нѣтъ народнаго собранія, идетъ ли дѣло о политикѣ,

администраціи или судѣ,—толпа остается пассивною у ногъ магистрата, который приказываетъ и рѣшаетъ всегда одинъ [1].

Тѣмъ не менѣе, если настоящая судебная власть принадлежитъ дѣйствительно одному человѣку и притомъ на пространствѣ цѣлой провинціи,—все таки очень много людей принимали участіе въ отправленіи правосудія. Можно допустить, что многочисленные Галлы приглашались въ качествѣ совѣтниковъ, исполняли обязанности назначенныхъ намѣстникомъ судей для даннаго процесса или «iudices pedanei»; что другіе присутствовали при работахъ «conventus» и по полномочію судили преступленія и процессы. Въ теоріи и по праву жители Галліи подлежали юрисдикціи присланнаго изъ Рима представителя центральной власти; фактически они часто сами судили другъ друга.

4.

Аппеляція.

Къ изучаемому времени въ организаціи юстиціи произошло счастливое нововведеніе: это было установленіе права аппеляціи. Оно было почти совсѣмъ неизвѣстно

[1] *Caes.* Bell. gall. I, 54; V, 1; VI, 44; VIII, 46.—*Suet.* Caes. 7; 56.—*Gai.* I, 20 vs.—*Spartian.* Hadr. I, 12.—О *conventus*, который держалъ самъ Августъ въ Нарбонской провинціи въ 27 г. до Р. Х., извѣстно только то, что говорится въ *Epitome*, 134 Тита Ливія: „Quum conventum Narbone ageret, census a tribus Galliis actus.—„Ср. *Dio*, LIII, 22.—Онъ, вѣроятно, собралъ представителей Галліи не для того, чтобы пригласить ихъ къ обсужденію правительственныхъ мѣръ; онъ хотѣлъ, должно быть, отчасти узнать отъ нихъ ихъ нужды и желанія, но особенно передать имъ свои приказы. Тутъ то онъ назначилъ имъ сумму подати, опредѣленной по кадастру; тутъ же онъ передалъ имъ свои инструкціи на будущія времена, здѣсь, наконецъ, онъ обнародовалъ *lex provinciae*.

въ древности. Нѣтъ также никакихъ признаковъ, чтобы Галлы въ эпоху независимости могли апелировать на рѣшенія друидовъ, произнесенныя отъ имени боговъ. Въ Аѳинахъ не существовало никакой защиты отъ приговоровъ, часто совершенно слѣпо провозглашавшихся народными судами присяжныхъ. Римской республикѣ, собственно говоря, также было неизвѣстно право обжалованія рѣшенія низшаго суда передъ высшимъ. *Provocatio ad populum, appellatio* отъ одного магистрата къ его товарищу или къ трибуну—все это не было апелляціей въ настоящемъ смыслѣ слова.

Послѣдняя правильно установилась только во времена римской Имперіи и при томъ совершенно естественнымъ путемъ. Такъ какъ судебная власть осуществлялась лишь помощью цѣлой цѣпи делегацій, показалось справедливымъ и сдѣлалось необходимымъ допустить апелляцію отъ судьи, произнесшаго приговоръ, къ тому, кто далъ ему судебное полномочіе.

Такимъ же образомъ установились апелляціи отъ низшаго судьи (*iudex pedaneus*) къ провинціальному намѣстнику *(praeses)*; отъ *iudex datus* къ тому, кто назначилъ его [1]; отъ *legatus proconsulis* къ самому проконсулу [2]; отъ муниципальныхъ магистратовъ, юрисдикція которыхъ лишь терпѣлась, къ *praeses*, который обладалъ настоящею судебною властью.

Благодаря установившейся административной централизаціи, провинціальный губернаторъ былъ отвѣтственъ самъ за свои приговоры. Могущественные сановники, которые управляли Лугдунскою, Бельгійскою, Аквитанскою провинціями, являлись все таки только послами Цезарей, то-есть, уполномоченными лицами.

[1] *Dig*. XLIX, 3; XLIX, 1, 21.
[2] *Ibidem*, XLIX, 3, 2.

Императоръ, истинный всеобщій проконсулъ, поручалъ имъ управлять и судить въ извѣстной области отъ своего имени, такъ что въ сомнительныхъ случаяхъ они должны были сами обращаться за справками къ императору, который присылалъ имъ изъ Рима свои рѣшенія. Естественно, что и отъ этихъ уполномоченныхъ должна была установиться апеляція къ верховной власти, дававшей полномочіе. Правило это распространилось, въ силу подражанія, на провинціи сенатскія. Въ этихъ провинціяхъ апеляція направлялась къ сенату; въ провинціяхъ императорскихъ стали апелировать къ императору. Впрочемъ, такое раздѣленіе было скорѣе теоретическимъ, чѣмъ реальнымъ. Въ Дигестахъ сохранилось нѣсколько императорскихъ рескриптовъ, которые устанавливаютъ, что проконсулы и частные люди въ сенатскихъ провинціяхъ также должны обращаться къ императору съ вопросами и просьбами. Позже, въ Кодексахъ различеніе исчезло совершенно, и все уже прямо стало направляться къ государю. Трибуналъ императора въ концѣ концовъ сдѣлался верховнымъ судилищемъ для всего государства [1].

[1] *Dio*, LII, 33.—*Suet*. Aug. 33.—*Dig*. XLIX, 2, 1; 3, 2.—*Suet*. Ner. 17.—*Tac*. Ann. XIV, 28.—Намъ нѣтъ основанія говорить здѣсь о двухъ видахъ апеляціи, существовавшихъ во время республики (*provocatio ad populum* и *appellatio ad tribunum*). Они сохранились и во время Имперіи, но только для римскихъ гражданъ. *Appellatio ad tribunum* обращалась къ Императору, который обладалъ *tribunicia potestas*; *provocatio* также направлялась къ нему, вѣроятно, какъ къ представителю народа римскаго (*Ulpian*. Dig. XLVIII, 6, 7—8; XLIX, 2: Ср. Дѣянія Апост. 25).—Жители сенатскихъ провинцій обращали свои апеляціи къ сенату, жители императорскихъ—къ Императору, такъ какъ ихъ намѣстники были его делегатами. См. *Plin*. Epist. VI. 22; 31; VII, 6; *Suet*. Ner. 17; *Tac*. Ann. XIV, 28; *Capitol*. Marc. 10), Послѣдній путь апеляціи со временемъ пріобрѣлъ особенную

Историки часто изображаютъ намъ императоровъ самолично отправляющими правосудіе. Возсѣдая на возвышенномъ судейскомъ сѣдалищѣ, публично, они выслушиваютъ защитниковъ, обвинителей и истцовъ; они наказываютъ преступленія и разрѣшаютъ тяжбы. Когда они не руководятъ войнами, большая часть ихъ дней отдается именно этой судейской работѣ. Изъ всѣхъ судей Имперіи, больше всѣхъ занятъ, безъ сомнѣнія, самъ императоръ [1].

Право апелляціи явилось такимъ образомъ послѣдствіемъ централизаціи. Не можетъ быть сомнѣнія, что это новое право было встрѣчено съ большою радостью населеніемъ. Историки, законы, надписи, всѣ источники свидѣтельствуютъ, что императоры получали огромное количество жалобъ изо всѣхъ провинцій. Тогда то произошло нѣчто аналогичное тому, что должно было замѣчаться во Франціи XIV-го вѣка, когда всѣ прониклись желаніемъ судиться непремѣнно у короля. Люди тѣмъ болѣе питаютъ довѣрія къ судьѣ, чѣмъ болѣе онъ отъ нихъ далекъ, и чѣмъ сильнѣе его могущество, и исторія не показываетъ, чтобы вообще монархическая юстиція вызывала ненависть въ народахъ.

важность, первые же постепенно потеряли значеніе. Аппелляція къ Императору была регулирована уже императорами послѣдней эпохи. См. *Cod. Th.* XI, 30; *Cod. Iust.* VII, 62.

[1] *Suet.* Aug. 33: „Ius dixit assidue, et in noctem nonnunquam“.—*Tac.* Ann. IV, 13; 22; 31.—*Plin.* Epist. IV, 22; VI, 22.—*Spartian.* Hadr. 8; 18.—*Dio*, LXIX, 7; LXXI, 6: „Маркъ Аврелій творилъ судъ; онъ разслѣдывалъ и допрашивалъ подолго, оставаясь иногда даже часть ночи на своемъ трибуналѣ“.—Тотъ же историкъ сообщаетъ подобное же о Септиміи Северѣ и даже о Каракаллѣ (*Dio*, LXXVI, 17; LXXVII, 8). Ср. *Capitolin.* Marc. 24.—Аммiанъ Марцеллинъ изображаетъ императора Юліана лично отправляющимъ судъ среди толпы (XVIII, 1).

Описанная судебная организація римской Имперіи вызываетъ сначала въ умѣ идею деспотизма.—Человѣкъ XIX-го вѣка естественно склоненъ думать, что она придумана была только въ интересахъ государей. Но весьма вѣроятно, что современники иначе оцѣнивали ее. Они сравнивали римскую юстицію съ различными формами судоустройства, которыя извѣстны были ихъ предкамъ, и все заставляетъ насъ думать, что они предпочитали ее послѣднимъ.

Нельзя сказать, чтобы населенію никогда не приходилось страдать отъ установленнаго императоромъ суда. Чиновники, представители общественной власти, подвержены были, конечно, всякаго рода человѣческимъ страстямъ и порокамъ: они могли быть корыстолюбивы, и тогда происходило то, что Аммiанъ Марцеллинъ разсказываетъ про одного судью IV-го вѣка: «Въ его провинціи каждый подсудимый, которому нечего было дать, терпѣлъ неминуемо обвинительный приговоръ, всякій-же богатый оправдывался за деньги» [1]. Подобные факты, хотя они и являлись исключеніями, все же случались, повидимому, не безусловно рѣдко, и надзоръ центральной власти надъ областными начальниками не всегда парализовалъ возможность повторенія такихъ злоупотребленій. Могло еще происходить что самъ намѣстникъ былъ человѣкъ честный, но подчиненные его недобросовѣстны; писцы, секретари, канцелярскіе чиновники обладали тысячью способовъ избавить отъ наказанія виновнаго и засудить невиннаго Противъ такихъ то людей выражался такъ строго самъ римскій законодатель: «Пусть удержатъ свои хищныя руки слуги и чиновники магистратовъ, или мечъ закона поразитъ ихъ; мы не потерпимъ, чтобы они про-

[1] *Ammian. Marc.* XV, 13.

давали за деньги доступъ къ юстиціи, входъ въ трибуналъ, ухо судьи, они ничего не должны получать отъ прибѣгающихъ къ правосудію» [1].

Самымъ важнымъ и серьезнымъ недостаткомъ этой юстиціи, которая на всѣхъ ея ступеняхъ была въ рукахъ государственныхъ чиновниковъ, являлось то, что въ очень многихъ дѣлахъ государство оказывалось одновременно судьею и одною изъ сторонъ. Шелъ ли, напримѣръ, споръ о собственности на какую-нибудь землю между государствомъ и частнымъ человѣкомъ, первое рѣшало вопросъ [2]. Разбирался ли случай такъ называемаго оскорбленія величества, то-есть, преступленія, совершеннаго противъ безопасности государства или особы государя, его судили также представители государства и агенты государя. Обвиняемый могъ апелировать только отъ одного чиновника къ другому; противъ рѣшенія императора уже нельзя было обращаться ни къ какому другому суду. Противъ дѣйствій общественныхъ властей не существовало никакой гарантіи; жизнь и состояніе людей зависѣли отъ нихъ безусловно. Надо еще прибавить, что часто практиковавшіяся въ видѣ наказанія конфискаціи приводили къ тому, что государству всегда были выгодны обвинительные приговоры [3].

Тѣмъ не менѣе, рядомъ съ такими крупными пороками населеніе находило въ юстиціи, утвердившейся въ римской Имперіи, одно неоцѣнимое достоинство, которое примиряло ихъ съ нею. Это не былъ судъ, совершаемый жреческою кастою надъ низшею массою

[1] *Cod. Th.* I, 16, 7.

[2] Такіе случаи повторялись часто (см. *Cod. Th.* X, 10, 3).

[3] См. *Naudet,* Les changements survenus dans l'administration de l'empire Romain", t. I, p. 195—197.

народа, ни знатью надъ порабощенными классами, ни патрономъ надъ кліентами, ни сеньоромъ надъ вассалами: это былъ все таки государственный судъ. Онъ не былъ устроенъ такъ, чтобы имъ могла завладѣть какая-нибудь каста или присвоить его какой-нибудь классъ; онъ былъ равенъ для всѣхъ. Можно было вѣрить, что, если не считать охраны интересовъ государства, этотъ судъ не имѣлъ другихъ заботъ кромѣ защиты правъ каждаго. Если онъ нисколько не обезпечивалъ личность отъ притязаній государства, взамѣнъ этого онъ открывалъ ей вѣрное покровительство противъ всякой другой силы за исключеніемъ государства [1]. Положимъ, что онъ держалъ людей въ подчиненіи монархіи, но когда послѣдняя исчезла, люди, потерявъ покровительство ея органовъ, оказались скоро подчиненными феодализму.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ [2].

Въ настоящей книгѣ изучено состояніе Галліи въ эпоху завоеванія ея Римлянами, разсмотрѣно, какъ она была подчинена ими, и какія измѣненія пришлось ей пережить во время управленія ея императорами. Затѣмъ сдѣлана попытка опредѣлить характеръ римскаго императорскаго государственнаго устройства и администраціи, природу власти императора и его уполномоченныхъ; авторъ стремился разыскать принципы

[1] Чиновникамъ и судьямъ спеціально предписывалось особенно заботиться объ интересахъ слабыхъ: „Ne potentiores viri humiliores iniuriis officiant, ad religionem praesidis pertinet" (*Dig.* I, 18, 6; cfr. *Cod. Iust.* I, 40, 11).

[2] Составлено на основаніи замѣтокъ Фюстель де Куланжа его учениками, пересмотрѣвшими передъ выходомъ въ свѣтъ текстъ третьяго изданія настоящаго перваго тома.

(Прим. ред. р. перевода).

провинціальной и муниципальной организаціи Имперіи, настойчиво отмѣчая ту долю самоуправленія, какая предоставлена была Галламъ въ ихъ странѣ и ея городахъ. Послѣднія страницы посвящены были выясненію финансовыхъ и военныхъ повинностей населенія; наконецъ изслѣдованіе заканчивается разсмотрѣніемъ утвердившагося въ римской Галліи судоустройства, такъ какъ юстиція являлась у Римлянъ сущностью верховной власти.—Теперь остается еще спросить себя, каково было соціальное состояніе Галліи во время римской Имперіи, какой порядокъ собственности господствовалъ въ ней, каковы были права личности и характеръ общества. Такова будетъ задача первой части слѣдующаго тома предпринятаго обширнаго труда. За исходную точку будетъ взята эпоха распаденія Имперіи.

Произведенное изслѣдованіе позволяетъ намъ утверждать, что въ Галліи, подъ вліяніемъ римскаго закона, выработалась политическая организація, коренными образомъ противоположная той, въ которой она жила въ эпоху независимости.

Отличительною особенностью государственной культуры Галліи въ то время, какъ Цезарь предпринялъ ея завоеваніе, была слабость общественной власти. Внутри каждаго изъ народцевъ, которые населяли обширную территорію Галліи, авторитетъ правительства, какъ кажется, былъ чрезвычайно непроченъ, и могущество частныхъ лицъ весьма сильно. Рядомъ съ государственными учрежденіями, вырабатывавшимися весьма медленно, успѣшно развивались кліентела и патронатъ; рядомъ съ сенатами и магистратами появлялись частные союзы, которые постоянно угрожали правамъ вождей народца-государства. Самыя слабыя личности

становились подъ опеку самыхъ богатыхъ и могущественныхъ. Знать, владѣвшая землею, окруженная тысячами слугъ и воиновъ, была сильнѣе законовъ и носителей власти.

Съ другой стороны, между Рейномъ и Пиренеями не было ни политическаго, ни національнаго, ни, безъ сомнѣнія, религіознаго единства. Галлія не связана была въ одно цѣлое какими-нибудь общими для всей страны учрежденіями. Трудно даже предполагать, чтобы въ сознаніи этихъ многочисленныхъ народовъ существовало сколько-нибудь ясное понятіе общаго отечества. Война Галловъ противъ Цезаря не можетъ разсматриваться единственно какъ національная борьба. Очень важныя племена были союзниками римскаго военачальника, среди многихъ другихъ онъ также почти всегда находилъ себѣ сторонниковъ. Человѣкъ, который стоялъ во главѣ національной обороны,—Верцингеториксъ, самъ сначала былъ въ дружбѣ съ Цезаремъ, и ему не удалось, даже на короткое время, достигнуть единенія всѣхъ Галльскихъ племенъ, возбудивъ въ сердцахъ ихъ любовь къ независимости общей родины.

На мѣстѣ такого общественнаго порядка, основаннаго на рѣшительномъ преобладаніи знати, на мѣстѣ такого чрезвычайнаго раздробленія политическихъ и нравственныхъ силъ населенія страны, римское завоеваніе поставило монархическій строй со всею его строгостью, съ самою глубокою централизаціею, какую видѣлъ до тѣхъ поръ міръ. Власть государства сдѣлалась столько же неоспоримою, сколько подавляющимъ являлось раньше могущество знати, между тѣмъ населеніе Галліи пользовалось подъ опекою этого порядка высшею степенью свободы и справедливости, которая

вообще была возможна въ древнихъ обществахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Римъ ознакомилъ побѣжденныхъ съ новымъ правомъ, языкомъ, религіею, образомъ жизни, не навязывая ихъ однако силою, не распространяя ихъ искусственно ускореннымъ смѣшеніемъ крови; въ страну Галловъ мало было введено латинскаго населенія, не устраивалось принудительныхъ смѣшанныхъ браковъ, вообще не производилось насилія надъ чувствомъ и волею; тѣмъ не менѣе въ странѣ родилась совершенно новая культура.

Перерожденіе оказалось особенно полнымъ въ области государственнаго быта.

1) Римъ далъ Галліи прежде всего политическое и религіозное единство; изъ ея отдѣльныхъ племенъ, изъ ея враждовавшихъ другъ съ другомъ мелкихъ государственныхъ союзовъ образовалось подъ его вліяніемъ единое сплоченное національное тѣло. У Галловъ, сгруппировавшихся около Ліонскаго и Нарбонскаго храмовъ, было, несомнѣнно, гораздо больше если не патріотизма, то единодушія и сознанія національности, чѣмъ у тѣхъ, которые окружали Верцингеторикса. Имперія создала около храмовъ Рима и Августа общія собранія, которыхъ не знала независимая Галлія. Эти собранія выработали мало по малу единство молитвъ, желаній и мыслей, которое оказалось, можетъ быть, самымъ лучшимъ средствомъ спасенія галльскаго единства, во время смутъ варварскаго нашествія.

2) Выше этихъ собраній расположилась власть императора. Правленіе Цазарей было монархіею, самою абсолютною изъ всѣхъ, которыя когда-нибудь до того появлялись въ Галліи. Императоръ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ элементы самодержавія, какъ высшій уполномоченный народа-самодержца. Онъ—вождь

арміи и господинъ гражданъ; онъ собираетъ налоги и судитъ людей, творитъ законъ и управляетъ провинціями. Онъ не только политическій глава государства: это личность божественная, неприкосновенная и святая; ему повинуются и поклоняются. Сущность его власти такова, что, какъ бы ни былъ плохъ государь, императорское могущество остается божественнымъ. Подданные могли ненавидѣть отдѣльнаго господина, но у нихъ всегда оставалась непоколебимою религія власти. Монархическая идея слагалась, какъ самое прочное наслѣдіе, завѣщанное Римомъ будущимъ поколѣніямъ.

3) Императорская власть примѣнялась въ Галліи должностными лицами, которыя являлись тамъ уполномоченными Цезарей. Эти чиновники, какъ и самъ государь, который ихъ назначалъ, обладали всѣми элементами административнаго могущества. Они являлись носителями управленія, суда, военнаго командованія. Но они зависѣли отъ монарха, который ихъ посылалъ. Противъ ихъ дѣйствій Галлы могутъ испрашивать покровительство императора, аппелировать къ нему противъ ихъ приговоровъ. Если люди и чувствуютъ близко отъ себя представителя власти, то они вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ всегда обращаться вдаль къ тому, кто назначилъ послѣдняго. Все въ концѣ концовъ дѣлается отъ имени одного: административная централизація была основнымъ началомъ римской монархіи. Прибавимъ, что это правило безусловно противоположно всѣмъ старымъ обычаямъ Галліи, и оно съ особеннымъ трудомъ сохранится среди той разнообразной борьбы и столкновеній, въ которыя погрузится страна въ эпоху упадка Имперіи.

4) Тѣмъ не менѣе имперскій порядокъ оказался

болѣе благопріятнымъ развитію равенства и извѣстныхъ вольностей въ Галліи, чѣмъ національная независимость. Появились общіе совѣты, которые контролируютъ дѣятельность проконсуловъ и легатовъ. Если мѣстныя общины и должны подчиняться провинціальному намѣстнику, то внутреннее управленіе ихъ въ довольно широкихъ рамкахъ предоставлено имъ самимъ: у нихъ есть сенаты, они выбираютъ магистратовъ, они владѣютъ и распоряжаются самостоятельными имуществами и доходами. Они живутъ правильною жизнью: частные союзы уже не стѣсняютъ въ этихъ муниципальныхъ мірахъ авторитета общественныхъ властей, и представители центральной власти вмѣшиваются въ дѣла общинъ только чтобы оказывать имъ покровительство.—Съ другой стороны, тогда же установилось больше справедливости въ распредѣленіи повинностей, отправленіи правосудія, характерѣ законодательства. Косвенные налоги и земельная подать ложились болѣе или менѣе равномѣрно на всѣхъ людей и на всѣ недвижимости. Въ принципѣ военная служба была обязательна для всѣхъ; но на дѣлѣ чаще всего она предоставлялась доброй волѣ охотниковъ, и призывъ чужеземныхъ наемниковъ уничтожилъ послѣдніе остатки того, что могло быть тяжело для населенія въ воинской службѣ. Никто не избѣгалъ юрисдикціи императора. Государственная власть возвышалась надъ всѣми классами общества. Слабымъ больше не зачѣмъ было отдаваться въ кліентелу къ сильнымъ, и государство, которое всѣмъ повелѣвало, вмѣстѣ съ тѣмъ охраняло всѣхъ.

Итакъ нельзя найти большей противоположности между двумя государственными порядками, какъ та, которая существовала между порядкомъ, господствовавшимъ въ Галліи до завоеванія, и тѣмъ, который утвердился въ ней подъ вліяніемъ Рима. Значитъ-ли это, что общественный строй былъ преобразованъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что въ странѣ не осталось ничего отъ древнихъ обычаевъ? Мы этого не думаемъ. Аристократія была сокращена и стѣснена Имперіею и подчинена государству; но она не исчезла. Когда мы будемъ изучать, въ слѣдующемъ томѣ, соціальное положеніе Галліи, мы убѣдимся, что знать сохранила преобладаніе въ обществѣ; мы увидимъ даже, что ея могущество будетъ возростать въ послѣдніе годы Имперіи параллельно съ постепеннымъ ослабленіемъ силы государства.

